

МАРИЯ ПОКУСАЕВА

ЗЕРКАЛА

ТЕМНАЯ
СТОРОНА

16+

Annotation

Спасаясь от чудовища, я прошла через зеркало и оказалась в мире, полном магии и... других чудовищ. Меня зовут посланницей Богини и обещают безмятежную жизнь, веселые приключения, а потом – щедрую награду и возвращение домой. Но красивая сказка стала зловещей, прекрасные принцы оказались коварными интриганами, а единственный, кому я могу доверять – темным чародеем, у которого свои планы на девушку из другого мира. Но уж лучше он, чем Хозяин Зимы и пугающие создания Изнанки. А может, не надеяться на покровителя и сыграть в собственную игру? Игру зеркал, древней магии и страшных тайн...

Второй том "Зеркал"

- [Зеркала. Темная сторона](#)
 - [Найденыш](#)
 - [Опасные чары](#)
 - [De Profundis](#)
 - [Все страньше и страньше](#)
 - [Пустые гнезда](#)
 - [Кровь на снегу](#)
 - [Нигредо](#)
 - [Эпилог: Играть с чудовищами](#)
-

Зеркала. Темная сторона
Мария Покусаева

Найденыш

По паркету растекалась мутная вода.

Ее было много, этой воды, холодной, с мелким ледяным крошевом. Она расплзлась тонкой пленкой, пятном, похожим на зеркало с испорченной амальгамой, способное лишь на слабые, неверные отражения.

Леди Лидделл лежала на полу и не дышала. Все еще не дышала и даже не собиралась дышать. Вода была у нее во рту, волосы промокли, а рубашка превратилась в грязно-серую тряпку, неприятно холодную и тяжелую.

Кондор прижал ладонь к ее груди, направил поток силы так, чтобы дыхание вернулось как рефлекс, как память тела – и только тогда девушка, наконец, перевернулась набок и зашлась в приступе кашля, выхаркивая остатки воды из себя. Мерзкой, холодной, потусторонней воды.

Это было... хорошо. Очень хорошо.

Леди Лидделл совершила, пожалуй, самое опасное и невероятное путешествие в своей недолгой жизни и вернулась из него живой. И целой. По крайней мере – физически.

Оставалось надеяться, что та река, в которой она побывала, была просто рекой, текущей на два мира, и, нахлебавшись её вод, Мари не потеряет память, рассудок или саму себя. Не отрастит крылья. Не начнёт испытывать голод того рода, который человеку испытывать не полагается. Не сойдёт с ума, убиваясь в тоске, причин которой сама не знает.

Мари открыла глаза – на несколько секунд. Взгляд ее не был осмысленным, но и неправильным, чужим он не был – просто взгляд человека, который еще не пришел в себя. Не кого-то, кто притворяется человеком.

С той стороны редко отпускают просто так, если сами не хотят отпустить, и что бы ни сделала глупая леди Лидделл, это было немислимо. Почти невозможно для кого-то вроде нее. Очень сложно, если знать, кто и как охранял входы и выходы, все особые двери в замке.

Последнее вызывало ряд вопросов – и не только к леди Лидделл.

Но прежде, чем приводить леди в сознание и задавать все эти вопросы, стоило бы ее согреть. Способов сделать это имелось не то чтобы много, и вода – не ледяная, а теплая – была самым простым.

Тяжело вздохнув, Кондор подхватил девушку на руки. С подола ее рубашки, с кончиков волос капала вода, руки безвольно повисли, голова откинулась назад. В волосах застрял мелкий мусор, какие-то веточки и мертвые листья – странный подарок оттуда, где она побывала.

Ванна наполнялась медленно. Ни на что уже не годную рубашку с леди Лидделл пришлось снять, не думая о том, что Сильвии, пожалуй, сейчас не до того, чтобы нести через половину замка смену белья для госпожи. Об этом можно будет подумать потом. Когда кожа замерзшей девушки перестанет напоминать по оттенку грязное полотно.

Фэйри вывалился из воздуха слева, почти над плечом Кондора. Он сделал это настолько неуклюже, что едва успел раскрыть прозрачные крылья, чтобы не брякнуться о пол. Кондор усмехнулся и протянул ладонь в сторону – прозрачный кристалл лёг в его руку. Обжигающе холодный.

– Где нашёл?

– Лежал у кровати, – ответил пикси, всматриваясь в сторону ванны. Впрочем, одного нахмуренного взгляда мага хватило, чтобы фэйри сосредоточился на важном, а не на голых женских коленях и... всем остальном. – Она сняла его сама, точно вам говорю, милорд.

Ну и дура.

Фэйри, почуяв, что ему дали свободу болтать, затараторил:

– Ваша страшная женщина в панике, милорд. Просто в бешенстве. Я боюсь попадаться ей на глаза...

– Неудивительно. – Мельком глянув на амулет и удостоверившись, что с кристаллом и заложенными в него заклятиями все в порядке, Кондор убрал его в карман. – Она не должна была впускать никого... Но не могла не выпустить свою госпожу, раз та этого захотела. Что с той стороны, Ахо?

– Изнанка молчит. – Стрекот крыльев фэйри раздался над правым ухом – Ахо, как любой другой пикси, долго на одном месте находиться не мог. По крайней мере, в истинном облике. – Молчит так, словно по ней прошёлся кто-то очень сильный... Перед кем все твари замерли в

страхе и трепете. Кажется, ваша злая женщина тоже боится этого, милорд. И оттого сильнее злится.

Кондор промолчал в ответ, стараясь не выдать свой страх – и все остальные чувства. Показывать их фэйри, даже мельком, нельзя: дай почуять слабину, как эти твари вмиг заморочат тебе голову, пользуясь моментом. Ахо, конечно, был связан гейсами по рукам, ногам и крыльям, но кто сказал, что он не будет искать лазейку – просто так, из любопытства, из искусства делать мелкие пакости?

– Передай Сильвии, что все... хорошо, – сказал Кондор, едва удержавшись, чтобы не добавить: «Насколько вообще уместно говорить про «хорошо» в этой ситуации». – Я все контролирую.

Пикси замер.

– Она меня точно не сожрёт?

На крошечном лице фэйри отразился другой вопрос.

«А ты вообще уверен, что хоть что-то контролируешь, дурак?»

– Меня же не сожрала, – сказал Кондор. – До сих пор.

Ахо что-то проворчал и исчез в пространстве. Он, кажется, наслаждался вновь обретенной возможностью перемещаться с помощью магических потоков, ныряя в пустоту и моментально оказываясь совсем в другом месте – был бы маяк. Кондор проследил взглядом за легким колебанием воздуха, отметившим разрыв, и сел на пол, привычно скрестив ноги.

Вода – отличный проводник для магии.

Нужно было только дотронуться пальцами до поверхности, позволив силе спокойно стекать, и видеть, как мертвенно-бледная кожа Мари чуть заметно розовеет.

Мне снилась темнота.

Что закрывай глаза, что не закрывай – ничего не менялось. Сплошная густая тьма. Беспросветная. Пустая. Я шла по чему-то гладкому, ровному, вытянув руки вперед, в надежде и ужасе ожидая, что рано или поздно столкнусь с чем-то в этой тьме, но пустота длилась и длилась. Длилась и длилась.

Длилась и длилась.

А потом я проснулась.

Я лежала, тяжело дыша, и смотрела куда-то в потолок. Тело странно ломило, как после скачка адреналина, в висках стучала кровь – страшный сон брал свою плату.

Когда сердце перестало бешено колотиться, я поняла, что нахожусь не там, где заснула.

В воздухе остро пахло дымом от фитиля погасшей свечи – одной из трех в подсвечнике, стоящем на комод у кровати, в которой я проснулась. Призрачная серая нить почти растаяла в воздухе.

И комод, и кровать, и комната были не мои. Чужие. Но знакомые. Я уже была здесь и однажды даже просыпалась. Правда, в тот раз на мне было куда больше одежды.

Я почувствовала, как от стыда вспыхнули щеки, и натянула одеяло едва ли не на нос. На мне была чужая рубашка – шире, чем нужно, в плечах, рукава слишком длинные, поэтому их заботливо подвернули. Нервно вздохнув, я подтянула колени к груди и обхватила их руками, ткнувшись в одеяло носом.

Память молчала.

Все, что произошло после того, как я заснула в своей комнате, выпив последний глоток волшебного зелья, оставалось для меня тайной. А сейчас я невероятным образом проснулась в постели Кондора, в его, черт возьми, рубашке и хорошо, что в своих трусах. И, наверное, хорошо, что одна.

Я потеряла глаза, понимая, что в моей голове все это не укладывается.

Пальцы судорожно сомкнулись на вороте рубашки.

Где-то на периферии сознания я заметила, что зеркало на стене занавешено плотной темной тканью.

Погасла вторая свеча, и тут же кровать сбоку прогнулась, словно на нее кто-то сел. Я обернулась и чуть не подскочила от испуга. На кровати сидел кот, кажется, тот самый, которого я видела в таверне. Кот смотрел на меня, прищурившись и приподняв одну лапу, как будто хотел сделать шаг в мою сторону, но не решался. А я смотрела на кота, боясь пошевелиться, потому что в его напряженной позе мне чудилась готовность к хищному прыжку.

Раньше тут никаких котов не было.

Я вообще не видела в замке никаких животных. Даже крыс и пауков.

Кот разглядывал меня некоторое время, потом осторожно шагнул и шевельнул усами, принюхался. Кажется, любопытство перевесило подозрительность: кот оказался рядом и вытянулся, поставив мне лапы на колени и едва ли не ткнувшись мордой в лицо. Я отшатнулась, он чихнул и облизался, отвернувшись, а потом спрыгнул с кровати – только роскошный черный хвост метнулся, исчезая в тенях где-то рядом с платяным шкафом.

Это стало тем, что вывело меня из ступора.

Я спрыгнула с кровати, смахнула с нее плед, которым меня укрыли поверх одеяла, обернулась им так, чтобы хоть как-то колени прикрывал, и, чувствуя легкий сквознячок по босым ногам, подхватила с комода подсвечник. Если не ради освещения, потому что ума хватило щелкнуть пальцами и зажечь кристаллы, то хотя бы как подобие защиты от того, что могло мне встретиться. Последняя свеча зашипела, когда я шагнула к закрытой двери. Воск выплеснулся, пара капель обожгла кожу, но свеча не погасла.

Я подергала ручку и толкнула дверь – заперто.

Черт.

Черт, черт, черт!

«А если разбить дверь подсвечником, – подумала я, упрямо и зло пытаюсь повернуть ручку, – это потянет на полгода в шкуре жабы или меня на месте придушат?»

Дверь распахнулась сама. Я не удержалась и неуклюже пролетела вперед – слишком уж неожиданно это было – и чуть не врезалась носом в Кондора, растрепанного, очень сонного на вид, но достаточно быстрого, чтобы подхватить меня. И подсвечник.

Подсвечник он у меня забрал прежде, чем я успела что-то предпринять. Держа его одной рукой, а другой придерживая меня за талию, Кондор впихнул меня обратно в спальню и закрыл дверь.

Я очень быстро отошла в сторону.

Мы застыли друг напротив друга и стояли так молча. Я не знала, что сказать. Все, чего мне хотелось, это обрушить потолок на голову одного волшебника, который постоянно появляется после того, как я теряю кусок памяти. Или рядом с которым моя память постоянно сбоят.

Края пледа я сжала настолько сильно, что пальцы начали ныть.

Кондор тоже молчал с каким-то обреченным спокойствием и пристально рассматривал меня, закусив нижнюю губу. Он был без жилета, в рубашке с подвернутыми почти до локтей рукавами и очень напоминал человека, которого только что разбудили.

Наконец, волшебник провел рукой по волосам, убирая их со лба, и тяжело вздохнул.

Неловкое молчание было разрушено.

– Если честно, с канделябром в руках ты выглядишь более чем грозно, – с легкой усмешкой сказал Кондор. – Тс-с, милая, даже не думай, – добавил он, заметив, что я потянулась к одной из книг, лежащих на комод. – Я не сделал ничего, чем заслужил бы твой гнев.

– Да-а? – протянула я, поплотнее запахивая несчастный плед.

– Да, – ответил он и, стремительно преодолев расстояние до комода, вернул подсвечник на место. – Более того, я готов принести самые искренние извинения, если леди считает себя оскорбленной действием. Это не сарказм, если что.

Он наблюдал, как я с опаской сажусь на край кровати.

Я сложила руки на коленях и посмотрела на Кондора, поджав губы. Ну, давай, рассказывай, господин волшебник, что еще произошло.

– Я не хочу тебя пугать, но моя комната сейчас самое безопасное место в замке, – сказал господин волшебник и скрестил руки на груди. Кажется, ему тоже было неудобно. – По всей видимости, ты считала так же, поэтому пришла сюда.

– Да? – Я вопросительно подняла бровь. – Никогда не страдала лунатизмом.

– Это не лунатизм, – резко ответил Кондор и зло сощурился. – Или ты думаешь, что я выкрал тебя из твоих покоев? Seriously?

Я развела руками.

Кондор медленно выдохнул.

– Мне, знаешь ли, есть чем заняться, вместо того чтобы издеваться над беззащитными девицами, Мари, – сказал он с тем спокойствием, которое обычно дается усилием воли. – Ты ничего не помнишь?

Его голос вдруг смягчился, словно до волшебника дошло, в чем дело.

– Именно что, Кондор, – холодно ответила я. – Я опять ничего не помню.

Сквозняк, гуляющий по полу, коснулся моих ног, и я вздрогнула, вспомнив, что где-то под шкафом или кроватью может прятаться черный кот. Не слишком дружелюбный. Я поежилась.

– В этот раз к провалам в твоей памяти я не причастен. – Кондор тряхнул головой. – Но я знаю пару безболезненных способов подстегнуть воспоминания, и если ты не против...

– А просто сказать мне, что случилось, ты не можешь?

Он посмотрел на меня удивленно, словно я только что сказала невероятнейшую чушь или наоборот – предложила простое, лежащее на поверхности решение, о котором кое-кто очень умный и сообразительный даже не подумал.

– Ты... как бы это сказать... – Кондор снова провел рукой по волосам. В этот раз жест выглядел нервным. – Ты побывала на Изнанке мира и вернулась. Вышла из зеркала в моем кабинете.

...я упала вниз, спиной в воду. В черную холодную полынью...

Пальцы крепко сжали плед.

– То есть... сложно назвать это «вышла», – продолжил волшебник. Он почему-то отвел взгляд в сторону. – Я вытащил тебя оттуда. Из холодной воды.

...в черную холодную полынью. Течение реки подхватило меня и затянуло под лед. Я цеплялась пальцами за его острые края, лед ломался, меня тянуло все дальше и дальше, туда, где лед становился прочнее, и сколько я ни была по нему – не поддавался...

– Мари?

...а потом я вспомнила, что в этом мире много дверей, а вода так похожа на зеркало, а значит, есть выход...

Я не смогла ответить – у меня во рту была вода. Много воды. Холодной, с маленькими осколками льда, от которых сводило зубы и немел язык. Я попыталась проглотить ее, но закашлялась, вода пролилась мне на колени, прямо на плед и сквозь него, а кашель сложил меня пополам. Было не больно – неприятно.

И почему-то стыдно.

Кондор оказался рядом очень быстро. Он опустился на колени напротив меня и положил ладонь мне на затылок.

– Сейчас пройдет, – тихо сказал волшебник. – Потерпи немного.

Он сунул мне в руку непонятно откуда взявшийся платок, который я приложила ко рту. Ладонь на затылке была неподвижной, я чувствовала только легкое тепло и щекотку, бегущую вдоль позвоночника.

Все исчезло так же внезапно, как началось.

Не прекратилось – исчезло, словно ничего и не было. Я держала у рта совершенно сухой платок, плед на коленях тоже был сухим, а колени упирались Кондору в грудь, и это, кажется, смутило нас обоих.

– Это иллюзия, – сказал волшебник. Он отстранился – убрал руку с моего затылка и сел, скрестив ноги, передо мной. – Изнанка не любит отпускать сразу, а с твоего возвращения прошло от силы пара часов. Но если давать таким иллюзиям власть над собой, они обретают плоть и становятся опасны.

Я кивнула в ответ, словно что-то поняла, и судорожно сжала платок.

– Голова не кружится? Нет ощущения, что ладони горят? – в голосе Кондора была тревога, более чем явная.

Я помотала головой.

– Мне это не снилось, – сказала я.

Это был не вопрос – утверждение, сказанное себе самой.

– Нет, милая, – устало ответил Кондор. – Что бы ты там ни видела, это был не сон. Если почувствуешь себя... странно, говори мне тут же. Боюсь, это еще не конец.

Он встал с пола и куда-то пошел, я не смотрела, куда. Мой сон, который не был сном, проносился перед глазами от самого начала и до конца, до того момента, как я оказалась на камне у реки – и упала в реку. Реалистичный до одури, полный мелких подробностей, холодный и страшный – не сон, а что-то другое. Что-то, что с трудом укладывалось в голове.

Кондор подошел к зеркалу и снял ткань, которая его закрывала.

– Ты всех нас напугала, – сказал он, перекидывая черное полотно через плечо. – Особенно Сильвию. Она, бедняга, не могла не выпустить хозяйку, даже если хозяйке вздумалось отправиться среди ночи на опасную прогулку. – Кондор повернул голову в мою сторону. – Я не знаю, как тебе удалось обойти ее гейс, Мари, но нам лучше найти эту лазейку. Чтобы тебя снова не увели у нас из-под носа. А, вот и наш страж.

Со своего места я не могла видеть, что было в зеркале, но в какой-то момент мне показалось, что силуэт Кондора в отражении исчез. Зеркало стало серым, словно его затянул туман, а потом из него вышла тень.

Смутная и бесформенная, эта тень быстро обрела знакомые мне черты, превратилась сначала в силуэт высокой худой женщины, а потом в самую Сильвию в неизменном строгом платье, но с непривычно распущенными по плечам волосами.

В бледную, какую-то странную Сильвию, похожую на себя, но другую.

Она повернулась ко мне и улыбнулась, легко кивнув, и шагнула ближе, словно хотела удостовериться, все ли со мной в порядке. А я так и замерла с широко раскрытыми глазами.

Черты лица Сильвии стали другими – острее, тоньше, они казались хищными и злыми. Нечеловеческими. Из распущенных волос торчали кончики ушей, острые, но не как у Лин, не аккуратно заостренные и издалека похожие на человеческие, а другие. Они были длинные, похожие на свернувшиеся от жары листья. Само платье Сильвии показалось мне сотканным из теней: когда она двигалась, ткань тянулась за ней туманом и шлейфом из сухих листьев.

Я вспомнила, как госпожа Фонс-Флорал интересовалась, где я взяла то платье. И поняла, что добыть такую ткань госпоже Фонс-Флорал будет сложновато.

– Сильвия... – вежливо окликнул Кондор.

Сильвия замерла, вытянувшись и расправив плечи. Ее лицо немного расплывалось, словно бы я не смотрела на него, а пыталась вспомнить, вытянуть из памяти черты, которые почти забыла. Вот она улыбнулась – и за улыбкой мне почудились острые мелкие зубки, почти такие же, как...

– Милорд?

Почти такие же, как были у того существа, у Хозяина Зимы.

Вот Сильвия провела рукой по юбке – пальцы у нее были узловатые, похожие на тонкие веточки – и платье стало почти обыкновенным.

Только на полу осталась пара сухих листьев, рассыпавшихся в пыль.

– Я думаю, леди Лидделл стоит знать, с кем она имеет дело. – Кондор с какой-то странной для меня беспечностью бросил ткань на спинку кресла, стоящего рядом с зашторенным окном, и предложил Сильвии в это кресло сесть. – Иначе леди Лидделл подумает, что совсем потеряла связь с реальностью.

Кажется, в распущенных волосах Сильвии виднелись аккуратные рожки, как у олененка. Когда пряди вдруг сами по себе стали собираться в прическу, которую я привыкла видеть, рожки исчезли, то ли оплетенные волосами, то ли скрытые мороком. Я вздрогнула.

– Лесная дева, – сказал Кондор менторским тоном. Сильвия оскалилась на него недоброй улыбкой, демонстрируя уже совершенно человеческие зубы. – Дух здешних лесов и могущественная фэйри. Очень давно кто-то заключил с ней сделку, дав имя и сущность...

...Имена ограничивают нас. Привязывают к той части нашей сути, которую способны отразить...

Я моргнула, прогоняя голос Хозяина Зимы из головы. Во рту снова почудился привкус ледяной воды.

– ...Взамен Сильвия служит посланницам Богини и приглядывает за этим замком, – продолжил Кондор. Он стоял, заложив руки за спину, между мной и Сильвией. Так, чтобы закрывать зеркало. – И я, признаюсь, не решусь судить, у кого здесь власти больше, у меня или у нее.

– И чья преданность сильнее, милорд. – Сильвия стала собой – привычной мне женщиной, человеком на вид. – Моя преданность леди безгранична, в отличие от вашей, и, как вы видите, это стало орудием, направленным против меня.

– Ох, не стоит винить себя. – Кондор, кажется, ей сочувствовал. – Я тоже показал себя полным дураком.

– Рада, что вы это признаете, – ответила Сильвия.

Кондор наклонил голову набок. Шпильку в свой адрес он решил пропустить.

– Раз уж ты здесь, – сказал он Сильвии. – То мы вместе послушаем рассказ леди Лидделл о том, что с ней произошло. Она как раз все вспомнила и собиралась поведать мне об этом.

Я попыталась возмутиться:

– Я не...

– А вам не ясно, милорд? – Сильвия посмотрела на Кондора, щурясь, как кошка. Мне показалось, что ее лицо снова приобрело те странные, нечеловеческие черты. – Кто гуляет в эту ночь, осматривая свои владения, милорд? Кому подвластны ледники на горных вершинах, и тьма озер, скованных льдом, и снег, укутавший равнины, и зимние созвездия? Вы сами знаете, что случилось, милорд, и если сомневаетесь в правильности своих догадок, то это лишь страх перед истиной, потому что истина...

– ...потому что рядом с этой истиной милорд лишь человек на вершине горы, жалкий и беспомощный перед величием этого мира и его истинных хозяев, – раздалось из-под шкафа.

Обернувшись в ту сторону, я заметила лишь отблеск кошачьих глаз.

Я рассеянно моргнула и забралась на кровать с ногами.

– Что такое, милая? – спросил Кондор.

– Здесь раньше не было кота.

Из-под шкафа хихикнуло. Сильвия улыбнулась лишь уголками губ.

– Потому что это не кот, – ответил Кондор и тоже улыбнулся. Неожиданно мягко. – Ахо, покажись леди Лидделл, пожалуйста.

Кот вылез на свет, грациозно зевнул, продемонстрировав внушительные клыки, и замер посреди комнаты пушистым изваянием. На его морде было выражение, похожее на ехидную улыбку.

– Ваше любопытство удовлетворено, миледи? – спросил Кондор. – Или мне попросить Ахо принять истинный облик?

– Пожалуй, воздержусь от этого удовольствия, – ответила я.

Мало ли чем он окажется. И не захочу ли я после этого забиться под кровать, дрожа от страха.

Кот презрительно посмотрел на меня.

– И правильно сделаешь. – Кондор усмехнулся. – Потрясения от столкновения с другой стороной этого мира бывают настолько сильными, что по нашей договоренности Сильвия держит свою сущность в тайне от таких, как ты. Но...

– Но раз я все и так знаю, то мне можно открыться?

– На твоём месте я бы не стал самонадеянно говорить про все, – сказал Кондор. – Но ты права. А теперь мы все ждем рассказ, – Кондор нахмурился и скрестил руки на груди.

Я почувствовала себя странно. Чародей и фэйри – два фэйри, если быть точнее – смотрели на меня, ожидая, что я расскажу им свой сон, который не был сном, а я сидела на чужой кровати, в чужой рубашке, прикрывая голые колени чужим пледом, и пыталась понять, что вообще произошло. Что они все хотят услышать и зачем им это надо.

Но я смогла. Сделав глубокий вдох и поудобнее устроившись, я начала свой рассказ. С самого начала, то есть с того момента, когда я стояла на улице рядом с таверной и смотрела, как мимо проходят люди. Про музыку, про песни, про человека в рогатой маске, про то, как увидела это во сне, а потом еще раз – в новом сне, который сном быть перестал. Про заснеженный лес, про того, чьим именем была зима, и про места, в которых мы побывали. И, самое важное, про то, кому служило снежное чудовище, которое я встретила на границе миров.

Нужно отдать Кондору должное, он слушал меня, не перебивая, только изредка хмурился и задумчиво дотрагивался рукой до подбородка. Даже когда я, чуть не сбившись от смущения, рассказала про поцелуй над бездной, ожидая ехидного комментария, волшебник промолчал. Если у него и возникали вопросы, кажется, он решил задать их, когда я закончу.

С каждым словом, которое приближало рассказ к финалу, мне становилось все холоднее.

– Я упала в реку, – сказала я и поплотнее закуталась в плед. – Меня тянуло под лед.

И замолчала, пытаюсь собраться с мыслями.

Что там было дальше? Точнее, как мне пришло в голову это решение: вода – это почти зеркало? Меня тянуло под лед, я пыталась схватиться за него, лед ломался, пальцы хватали пустоту, а потом просто уперлись в прочную холодную корку, полупрозрачную и гладкую. Похожую на стекло.

– Итак? – Кондор впервые за весь мой рассказ высказал нетерпение и чуть склонил голову набок.

– Он сказал, что в мире много дверей. – Я пожала плечами. – А еще, что наша жажда жизни иногда творит чудеса. Видимо, это была подсказка, я не знаю, но я подумала о зеркале в твоём кабинете, и...

Я правда не знала. Моя память на этом моменте становилась зыбкой, полной неясных образов, словно кто-то испортил кусок

пленки, на которую был записан фильм.

Кондор, кажется, удивился, но совсем не тому, что я догадалась, как выбраться с Изнанки.

– Он с тобой говорил? – спросил он, подавшись в мою сторону. – Сам Хозяин Зимы?

– Ну да, – ответила я, уставившись на волшебника. На его лице было странное выражение: даже не недоверие, а, скорее, очень сильное, злое удивление. – Кондор, я не знаю, кто это, я не знаю, что он может, а что нет!

– Я тебе полностью верю, милая, – спокойно ответил Кондор. – Просто...

– Просто это все равно, если бы ваш король вдруг заговорил со встреченной на улице маленькой девочкой, которая расхныкалась из-за потерянного платка, – сказала Сильвия. – И устроил премилую прогулку по собственным владениям. При всем моем уважении, миледи.

– Вот. – Кондор указал рукой в ее сторону. – Именно так все и выглядит.

Я всхлипнула.

Сильвия сочувственно улыбнулась.

– Я думаю, леди Лидделл стоит выпить чаю, – сказала она и встала с кресла. – Иначе, боюсь, она замерзнет, милорд.

Все неприятное и резкое, что было в Кондоре, куда-то испарилось. Он устало вздохнул и кивнул:

– Спасибо, Сильвия.

– На благо, милорд, – ответила она уже почти у двери.

Кот терся у ее подола.

Почему она не воспользовалась зеркалом?

– И если тебе не сложно, – снова сказал Кондор. – Прикажи принести Мари ее одежду, а то, боюсь, в моей рубашке леди крайне некомфортно будет мной командовать. Она ничего не ответила, я услышала только шелест платья, отдаляющийся в сторону. Скрипа двери, щелчка поворачиваемой ручки не было.

Мы остались одни.

– Если тебя это утешит, то ты очень сообразительная, – сказал Кондор. – И везучая. Не знаю, что было бы, если бы к тому моменту я уже ушел спать, а не сидел над отчетом для Дара.

Он говорил это, пока завешивал зеркало черной тканью. Видимо, чтобы ничто не вошло с той стороны – и никто не вышел отсюда.

– Ты смогла найти если не способ выбраться, то способ позвать меня на помощь, – продолжил Кондор и обернулся ко мне. – Надо сказать, я польщен подобным доверием. – Он слегка наклонил голову. – Постараюсь его полностью оправдать.

– И что мне теперь...

– Делать? – закончил он и горько усмехнулся. – Что нам теперь делать, милая, вот правильный вопрос. То, что случилось, заметно осложняет, эм... наверное, все, но я предпочту подумать об этом днем, на свежую голову. – Кондор подошел к окну и чуть отодвинул в сторону край шторы. – Если не боишься, подойди сюда.

– Зачем? – я вскинула голову.

– Хочу тебе кое-что показать.

Пришлось прошлепать босыми ступнями до окна и встать рядом с Кондором. Он щелкнул пальцами, заставляя светильники погаснуть, и обхватил меня за плечи, поставив перед собой.

– Смотри. Ничего не бойся. Сюда ничего не проникнет.

Сначала ночь за стеклом показалась мне всего лишь ночью, ни капли не отличающейся от той, в которую я смотрела, затягиваясь сигаретой и понимая, что действительно оказалась в совершенно другом мире. Темное небо, мелкие рваные облака, две луны, мелькающие в их просветах, серебристый снег и темный-темный лес, и горы вокруг, и освещенная кое-где тусклыми огнями крепостная стена, отгораживающая замок от леса.

– Знаешь, почему у нас две луны? – раздался над ухом тихий голос. Я помотала головой. – Одна – отражение настоящей, призрачный двойник с Изнанки, напоминающий о том, что за гранями этого мира существует еще один, скрытый от нас, как мы от него. Смотри внимательнее.

Ночь изменялась, раскрываясь перед моим взором, и если в первый раз мелькнувшая перед окном тень показалась мне лишь обманом зрения или плодом моей фантазии, то потом я осознала ее реальность. Во тьме ночи начали проступать отдельные силуэты, расплывчатые и движущиеся в хаотическом порядке. Облака на небе, рваные, как истлевший полог, сейчас казались несущимся вперед призрачным воинством, закрывающим небеса. Тени вокруг Замка

словно заметили, что я смотрю на них, и обернулись, показывая себя. Тьма сгустилась, прилипла к окну, в ней проступила иллюзия лиц, смотрящих на меня так же, как я на них, с любопытством и удивлением.

– Ты видишь их, – сказал Кондор, крепче прижимая меня к себе. – А они видят тебя. Иногда ты притягиваешь их, потому что пахнешь, как накрытый к ужину стол. – Он запахнул на моей груди начавший сползать плед. – Или становишься свечой в их темноте.

Кондор приложил ладонь к стеклу – за окном что-то вспыхнуло, как разряд молнии, и тени метнулись в сторону, исчезая вдалеке. Небо на глазах становилось чистым, бархатно-черным, усыпанным звездами. Мне показалось, что одна из лун потускнела и расплылась, а другая наоборот – засияла с удвоенной силой.

Я облизала пересохшие губы, выходя из странного транса.

– Есть... есть смысл спрашивать, что это было?

– Угу. – Кондор отпустил меня. – Свита твоего кавалера. – Он усмехнулся. – Я уже говорил, что не люблю все эти глупые праздники?

– Говорил, – кивнула я, покосившись в сторону окна.

За ним была просто ночь. Обыкновенная, пусть и самая долгая в году.

– Тогда можешь считать, что я повторился. – Кондор снова щелкнул пальцами – комната озарилась теплым желтоватым светом, и стало сразу как-то уютнее. – Как видишь, Король Зимы нашел себе невесту, и ей это не очень понравилось.

– Он сказал, что называть его Снежным Королем – некорректно, – зачем-то брякнула я, очень смущенная последней фразой.

Кондор рассмеялся – громко и совершенно искренне, и я смутилась еще больше.

– Думаю, ему мало дела до того, как мы его называем. – Волшебник осторожно взял меня за плечо и потянул за собой. – Пойдем, леди Лидделл.

– Куда?

– Пить чай, грустить и думать. – Кондор улыбнулся, хотя в его глазах все еще была тревога. – Сильвия права. Если тебя сейчас не согреть, ты совсем замерзнешь. Прогулки по Изнанке, знаешь ли, практика не безопасная. Это я тебе по своему опыту говорю.

– Я... умоюсь и приду, – сказала я и смущенно поправила плед.

Кондор кивнул довольно рассеянно, моргнул пару раз и прежде, чем я успела шагнуть в сторону ванной, положил руку мне на плечо:

– Если ты не заметила, – сказал он, заглядывая мне в глаза, – мне тоже очень страшно. Поэтому постарайся не задерживаться, иначе я испугаюсь еще сильнее и приду проверить, не исчезла ли ты опять.

Не знаю, правда ли он боялся или сказал это для того, чтобы подбодрить меня, но когда я вошла в гостиную, Кондор был предельно спокоен. Он расслабленно сидел в одном из кресел, пил чай и смотрел в пространство. При моем появлении волшебник чуть повернул голову и кивнул на стопку одежды, лежащую на краю дивана.

Я вцепилась в джинсы, как в самую главную драгоценность на свете, мысленно благодаря Сильвию за то, что она догадалась принести привычные мне вещи, а не местные тряпки. Самой фэйри нигде не было. Кота, который не кот, тоже.

Пришлось снова сбежать в спальню – переодеться.

– Я оставила твою рубашку на кровати, – сказала я, когда вернулась, и покраснела.

Кондор этого не заметил – или решил не замечать. Он подождал, пока я устроюсь на диване, и подвинул ко мне чашку чая.

И тарелку.

На тарелке лежали нарезанный тонкими ломтиками сыр, вяленое мясо, хлеб и горстка орехов.

Стоило мне это увидеть, как я поняла, насколько сильно хочу есть.

Кондор с полуулыбкой наблюдал, как жадно я набросилась на еду.

– Фэйри совершенно не умеют готовить, – сказал он так, словно извинялся, и утащил печенье из миски, стоящей рядом. – Точнее, то, что у них получается, человеку лучше не пробовать... по тем или иным причинам. И раз уж Сильвия решила не будить служанок, которые из людей, – он подчеркнул это «из людей» голосом, – то придется тебе пока обойтись без горячего.

Я совершенно не возражала: я делала себе бутерброд и была очень занята этим, аж руки дрожали.

Кондор усмехнулся.

– Что? – возмутилась я, вытерла рукавом губы и тоскливо посмотрела на пустую чашку, намекая, что от еще одной порции чая не откажусь. Мою молчаливую просьбу выполнили сразу же.

– Ты можешь сейчас чувствовать сильный голод, – сказал Кондор. – Это... одно из последствий. Так что ни в чем себе не отказывай, милая. И не стесняйся.

Я проглотила кусок и пробурчала что-то вроде спасибо.

– Кстати. – Кондор положил на стол кристалл на цепочке. – Кажется, я просил не снимать его.

Его голос звучал очень спокойно, но я почувствовала укол вины.

– Ахо нашел его...

– На прикроватной тумбочке, – призналась я. – Я сняла его, потому что чуть не поранилась.

– Прости, милая, шелковые ленты не так эффективны в чародействе, как острые камни, – ехидно ответил Кондор. – Или железо. Но в следующий раз я постараюсь найти для тебя что-то такое, обо что ты не поцарапаешься при всем желании. – Он задумчиво посмотрел на кристалл. – Леди Лидделл сняла амулет, который был призван защищать ее разум от чужих чар, а потом... – Кондор перевел взгляд на меня. – А потом ее легко вывели из замка через все его защиты.

– Если честно, – в тон ему ответила я. – Я не думала, что что-то может угрожать моему разуму в моей, мать ее, постели.

– Справедливо. – Уголок губ волшебника дернулся вверх. – Но, видимо, с сегодняшнего дня тебе придется быть очень внимательной ко всему, что идет хоть сколько-то не так. Давно тебе снятся странные сны?

Я моргнула, на миг забыв о втором бутерброде.

– Откуда ты...

– Я предположил. – Он лениво утащил еще одно печенье. – Но, видимо, предположил удачно.

«Очень удачно», – подумала я и призналась:

– С самой первой ночи. Но твое волшебное зелье неплохо их отгоняло. Когда я не забывала его принимать.

Он задумчиво сцепил кончики пальцев перед собой и уставился в пространство. К счастью, не на меня, потому что я бы такой напряженный взгляд не выдержала.

– Получается... – Я утащила с тарелки уже третий кусок хлеба, а голод все не проходил. – Получается, это Хозяин Зимы постарался сделать так, чтобы я сюда попала? Но как же тогда богиня? И зачем ему утаскивать меня на Изнанку? Кондор?

Он тяжело вздохнул – я уловила в этом плохо скрытое раздражение в сторону одной надоедливой девицы, которая задает слишком много вопросов, – заложил руки за голову и, глядя куда-то поверх моей головы, сказал:

– Я задаюсь совершенно теми же вопросами, милая. Но, увы, ответить тебе на них не могу. – Он опустил взгляд и теперь смотрел на меня. – Думаю, мне стоит поговорить с людьми, смыслящими в таких вещах больше, чем я.

Я оторвалась от бутерброда и облизала пальцы, чем вызвала усталую усмешку.

– Салфетка лежит рядом с тобой, если ты не заметила.

– Ну, простите, – фыркнула я, но салфетку взяла. – А я-то думала, ты знаешь все на свете.

– Мир намного больше, чем я могу осознать. Однажды мне пришлось усвоить этот урок. – Кондор снова вздохнул и положил руки на колени. – Судить о том, что от тебя нужно Хозяину Зимы, к примеру, я не возьмусь. Надеяться на то, что он снова сюда явится, тоже не стоит, да и я, признаюсь, не горю желанием с ним встречаться.

Он замолчал и посмотрел на меня очень хмуро, словно был чем-то недоволен – чем-то посерьезнее облизанных пальцев.

– А вы, леди Лидделл, как шкатулка с секретами, – сказал он. – Еще немного, и я готов буду уверовать в божественное провидение, которое привело вас ко мне. Впрочем, если так подумать, Хозяин Зимы – немного бог, поэтому...

– Как можно быть немного богом? – удивилась я.

Кондор задумчиво дотронулся пальцем до плотно сомкнутых губ, словно пытался понять, как объяснить мне все, что нужно было мне объяснить. Я тем временем допила чай и, взяв со стола амулет, надела его, не без труда застегнув замочек. Пальцы все еще плохо меня слушались.

– Все фэйри – воплощение силы стихии или какого-то явления, – сказал Кондор. – Времени года, суток, отдельных растений, человеческих желаний и страхов. Изнанка полна энергии, и наши

представления о мире притягивают ее. Помогают ей обрести плоть. Это, конечно, если все упрощать. – Он сощурился. – Приход зимы, смена дня и ночи, время урожая – у всего есть свои покровители, и они куда древнее новых богов. Их культы давно стали частью наших традиций, так что... Так что да, твой спутник – вполне себе бог. Не такой сильный, как раньше, и не такой злой. Но все еще способный на чудеса.

Он задумчиво посмотрел в сторону занавешенных окон.

Я так же задумчиво потянулась к тарелке с печеньем и тут же отдернула руку, потому что мои пальцы коснулись пальцев Кондора. .

– Ой.

– Я не претендую, милая. – Кондор улыбнулся мне доброжелательно, но нервно. – Ешь.

Он налил в мою чашку еще чая и пронаблюдал, как я забралась на диван с ногами.

– Это ему посвящен тот ритуал? – спросила я. – С невестой, которую оставляют в лесу?

Кондор молча кивнул.

Сейчас он выглядел очень усталым, тени под глазами стали глубже. Я постаралась догрызть печенье побыстрее, поставила чашку на стол и отряхнула руки о джинсы.

– Я пойду спать, – сказала я.

Волшебник удивленно посмотрел на меня и сонно моргнул.

– Мудрое решение, миледи.

Я не стала говорить ему, что спать, на самом деле, не хотела. Я хотела оставить его, чтобы он хоть немного поспал, а сама планировала или лежать и смотреть в потолок, или читать... да ту же «Ars Magica».

– Если так, то все вопросы обсудим завтра, а пока я отправлю тебя спать... без сновидений. – Он устало улыбнулся. – Чтобы больше никаких странных снов и не менее странных прогулок.

Он встал с кресла и протянул мне руку.

– Пойдем?

– И как ты собираешься оставить меня без сновидений? – спросила я, хватаясь за протянутую руку.

– Есть... способы, – он подтолкнул меня к выходу в коридор.

– А мы разве не через зеркало? – я обернулась и наткнулась на недоуменный взгляд.

Кондор хмыкнул.

– В мою спальню, глупая, – сказал он и легонько толкнул в спину, чтобы я шла вперед. – Мне станет спокойнее, если остаток ночи ты будешь спать за стеной, а не в соседнем крыле. Прошу! – Волшебник распахнул передо мной дверь спальни. – Можешь продолжать чувствовать себя как дома.

Я осторожно вошла внутрь, обхватив себя руками, словно мне снова стало зябко. Сложенная рубашка и плед все так же лежали на углу кровати – как я их и оставила.

– Ахо, – позвал Кондор, глядя в сторону шкафа. Кот лениво выполз и посмотрел на нас с каким-то неммым укором, словно занимался до этого момента чем-то крайне важным, а мы его отвлекли. – Проследи, чтобы леди снова не пошла гулять там, где леди гулять не положено... Ну и вообще. Только не пугай, ей и так... хватило.

Кот утвердительно мявкнул и, когда Кондор, легонько сжав мне на прощание руку, закрыл дверь снаружи – не сомневаюсь, что она снова не откроется с первого раза! – пристально посмотрел на меня и продолжал следить за моими перемещениями по комнате. Он разве что в ванную за мной не шмыгнул, когда я пошла туда, захватив с собой рубашку. Мягкая ткань коснулась кожи, и накатило осознание, что меня в эту рубашку переодевали, а значит...

Из ванной я вышла с пылающими щеками.

Я щелкнула пальцами, гася свет, и залезла под одеяло, скромно устроившись на самом краю кровати. Подушка пахла чем-то цитрусово-травяным, очень приятно и как-то слишком уютно. Я сжала в ладони кристалл, чувствуя, как его грани слегка вдавились в кожу, и попыталась заснуть.

Не кот – Ахо – тяжело запрыгнул с другой стороны, прошествовал через всю кровать и устроился у меня в ногах. Глаза его слегка светились в темноте, когда кот моргал, и я старалась не думать, что сегодня сторожит мой сон – как и о том, что сторожило его все это время. Сейчас, немного успокоившись, я почувствовала, что действительно устала – тело ныло, как после тяжелой работы, в горле першило, как перед простудой, а стоило мне закрыть глаза, как начинало казаться, что пространство вокруг вращается. Я свернулась в

клубочек и попыталась заснуть, но мысли в голове, растревоженные происходящим, мешали, уводили меня сразу во все стороны.

Слишком уж сияющая бездна передо мной открылась, и слишком уж неожиданно.

Я заерзала, пытаюсь найти более удобное положение и поплотнее закутаться в одеяло.

– Ему нужно было тебя в лобик поцеловать, – сказал насмешливый голос. – Говорят, человечьи детишки после такого спят особенно сладко.

Я вздрогнула.

– Ч-ч-то?

– Спи, дура.

После этих слов глаза закрылись сами собой.

Спала я, как и обещал Кондор, без сновидений.

Я проснулась оттого, что дышать стало как-то очень сложно, и, открыв глаза, недоуменно уставилась на кошачью морду. Ахо обнюхивал мой нос, сидя на груди, длинные усы щекотали лицо. В первый момент я чуть не подпрыгнула от испуга, но кот успел смотаться быстрее, пройдясь по ребрам и нырнув куда-то во тьму под кроватью.

– Человечья женщина вкусно пахнет магией, – донеслось оттуда.

Я села, подтянув ноги к груди и обхватив колени. Эта фраза, сказанная тонким, чуть скрежещущим голосом, напугала до холодного кома в животе. Очень хотелось ломануться в закрытую дверь и звать Кондора, как родную мамочку, но для этого нужно было спустить ноги на пол – а под кроватью сидел кот-не кот, который только что...

Что делал? Плотно меня обнюхивал или мне показалось?

Ахо словно уловил ход моих мыслей – и из-под кровати раздалось ехидное хихиканье.

– Не бойся, человеческое дитя, мне слишком дороги мои крылья и моя жизнь, чтобы нарушать приказы хозяина, особенно когда он уже идет сюда. И раз уж ты, как любая человечья женщина, начинаешь вонять стыдом, когда думаешь о том, что тебя видели без одежды, то

поторопись. – Кажется, он насмешливо фыркнул. – Или не торопись. Мне даже лучше.

Я спешно схватила свою одежду, для начала натянув джинсы – прямо здесь, на всякий случай, а потом убежала в ванную.

Из-под штор просачивался зимний рассвет, комната была погружена в неуютный, холодный полумрак. Босые ноги ощущали тонкий поток неприятного сквозняка, и я старалась не думать, что за моими передвижениями следит нечто хищное, скрывающееся в тенях под кроватью, как маленькое воплощение детских кошмаров.

В ванной я сменила чужую рубашку на футболку и, пожившись, посмотрела на себя в скромное зеркало над раковиной – оно отразило бледную растрепанную девушку с заспанными глазами. Я плеснула в лицо холодной водой, чтобы как-то избавиться от ощущения песка под веками, и подумала, что если к вечеру не свалюсь с жесточайшей простудой – это будет чудо, потому что горло болело уже весьма ощутимо.

Интересно, а простуда тут лечится с помощью магии?

Перевернувшийся мир остался прежним – на первый взгляд, словно не было этой тревожной ночи. Тусклое солнце поднималось над зимним лесом и серыми скалами вдалеке. Я смотрела на него через узкие окна, по контуру которых змеился побег плюща, запечатленный в цветных стеклышках, и думала, что мне страшно.

Из комнаты донеслись голоса.

Я осторожно подошла к двери, решив прислушаться, прежде чем выйти к волшебнику и его... слуге? Суть отношений между Кондором и Ахо угадывалась, но была мне не совсем понятна, так же, как и отношения мага и Сильвии.

Между этими двумя чувствовалось какое-то напряжение, а Сильвия, кажется, и не думала скрывать недовольство Кондором. Он же держался с ней почтительно, но на расстоянии, словно... боялся?

Я замерла на пороге ванной комнаты, превратившись в слух, и готовилась в любой момент сделать вид, что только-только собиралась выходить. Плитка холодила босые ноги.

Голос Кондора звучал устало и раздраженно.

– Габриэль – талантливый идиот. И таланты его находят выход ну совсем не ко времени. Я еще с этим недоразумением не разобрался.

Под «этим недоразумением», кажется, он имел в виду меня.

Я скривила губы, чувствуя укол обиды.

– Тише, милорд.

Знакомый странный голосок сопровождался стрекотанием, похожим на звук, который издают крылья насекомых, только громче – настолько, что я слышала его через дверь.

Я подумала, что мне примерещилось, но стрекот раздался снова – ближе.

– Леди проснулась и сейчас совсем рядом, за дверью. При желании может нас услышать.

Я нервно отдернула ладонь от ручки, словно та меня обожгла.

Пауза.

– Ну и что с того? – спросил Кондор. Я слышала его шаги. – Пусть слушает. Я все равно не знаю, что с ней делать... именно сейчас.

– Я присмотрю! – как-то воодушевленно пообещал Ахо.

Я хмыкнула.

– Очень надеюсь, что Сильвия лишит тебя этого счастья. Рассвет наступил.

Рядом с дверью прострекотало.

Я выдохнула и зажмурилась, нажала на ручку и вошла в комнату, стараясь улыбаться как можно дружелюбнее, – и тут же едва не подскочила, потому что прямо перед моим лицом зависло в воздухе странное существо.

Оно было похоже на крошечную, с пару ладоней, версию человека, но с прозрачными крыльями и огромными блестящими глазами на сморщенном некрасивом лице – такие лица бывают у новорожденных младенцев. В нем было что-то от насекомого и что-то от растения: кожа отливала зеленью, а подобие одежды, как отделка платья Сильвии, казалось сделанным из увядших листьев.

Я смотрела на Ахо, а он улыбался в ответ и смотрел на меня.

Стоило мне моргнуть, стоило Кондору, сидящему в кресле, чуть двинуться, и фэйри все с тем же стрекотом исчез под кроватью – и оттуда вылез и запрыгнул на одеяло черный кот.

Я не закричала только потому, что не успела.

– Леди оценила мои зубки? – самодовольно спросил кот.

– Ахо, брысь отсюда!

Я оценила его зубки – мелкие, острые, похожие на кошачьи резцы. Улыбка, полная этих зубов, смотрелась на сморщенном личике чем-то

неправильным и потому еще сильнее бросилась в глаза.

Еще одно столкновение с чем-то... таким странным, намного более странным, чем острые ушки эльфов, окончательно выбило меня из колеи. Ночной облик Сильвии был необычным, но память о нем чуть поблекла, превратилась в воспоминание о странном сне.

А сейчас было раннее утро, и это вот реальное, осязаемое, противоестественное для моего мировосприятия существо, находившееся в воздухе на расстоянии меньшем, чем длина руки, меня напугало.

– Это пикси, – спокойно сказал Кондор, наблюдая, как меняется выражение моего лица. Ахо вылизывал лапу, топорща когти, и именно сейчас ничем не отличался от обычных котов – может быть, только размером. – Нетипичная для этих мест разновидность фэйри, но тем не менее... Ахо как истинный представитель своего вида досаждал Мастеру Герхарду мелкими пакостями, а потом попал ко мне. – Кондор злорадно оскалился. – Попался.

– Смерть была бы милосерднее. – Кот оторвался от своего занятия и посмотрел на меня. – Доброе утро, леди Лидделл, – с подчеркнутой вежливостью сказал он. – Я уже рассказал хозяину, что ваш сон был глубок и сладок.

Я медленно выдохнула.

Маг покосился в мою сторону и натянуто улыбнулся.

– Вот ты и открыла для себя еще одну часть этого мира, – сказал он, – которую мы не показываем кому-то вроде тебя. Старались, – поправил он сам себя, – и почти не показывали.

– И почему это?

Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и не решалась двинуться с места, потому что не знала, что сейчас будет и вообще.

Кондор казался дружелюбным, но все еще усталым, хотя синяки под глазами были уже не так заметны – видимо, успел немного выспаться.

На мой вопрос он криво усмехнулся, затем потянулся, зевнув, и все-таки ответил:

– Та магия, которую ты видела, все эти кристаллы, огни и мороки, это лишь часть магии вообще. Она скучна и банальна для тех, кто живет здесь, но, поверь, за рамки восприятия людей, которые впервые сталкиваются с магией вообще, она не выходит. Вы воспринимаете их

как часть мира. – Он посмотрел в сторону кота и шикнул на него. Ахо подскочил и спрятался под шкафом. – Может быть, в прошлом Посланицы Богини и бегали по болотам Каделла, охотясь на диких фэйри, приручали драконов и единорогов, вышивали судьбы людей золотом по бархату, – он оглядел меня с босых ног до растрепанной головы, – или творили какие-нибудь другие чудеса, но сейчас от вас этого не требуется. Издеваться над человеком, пугая его рассказами о том, что вряд ли его вообще коснется, ни я, ни кто-либо из моих предшественников не стал бы. Это жестоко. И потом. – Кондор повернул голову в одну сторону, потом в другую, словно разминал шею. – Мир непознаваем. Я не знаю и половины чудес, которые возможны в нем, а я здесь живу, и мои интересы, сама понимаешь, чуть шире, чем выбор оттенка шейного платка или очередность приемов в лучших домах двух столиц. Я – проводник, я встречаю и опекаю каждую из вас, но в мои обязанности не входят занимательные экскурсии для леди по местам, где этих леди могут сожрать или превратить в лучшем случае в жабу или певчую птичку.

Его голос звучал глухо и все еще устало.

– И выполнение капризов, – осторожно напомнила я. – Тоже не входит. В обязанности.

Кондор не без усилия рассмеялся и с кривой усмешкой встал с кресла.

– Ладно, леди, мне очень жаль, что вам пришлось, эмм... окончательно проснуться. – Кондор пристально посмотрел на мои босые ступни, выглядывающие из штанин. – На самом деле, я хотел лишь дать Ахо пару настоятельных рекомендаций относительно того, что ему можно, а что нельзя делать и говорить в твою сторону. Если хочешь, отведу тебя к Сильвии...

– Она прекрасно притворяется человеком, – заметила я с долей сарказма.

«Заклятия заклятиями, – думала я, – а острые зубки, спрятанные за вежливой улыбкой, и аура чего-то нездешнего, пугающего – это совсем другое дело».

Хотя, конечно, от Сильвии я не видела ничего злого.

В отличие, к примеру, от одного там волшебника.

– Да, за это ее можно только похвалить, – рассеянно согласился Кондор, почему-то не уловив моей интонации. – Или оставайся здесь.

Воспользуйся этим временем и выспись. Я должен уйти на пару часов, и, честно говоря, мне лучше поторопиться.

Ах, уйти? Именно сейчас? Назвав меня недоразумением? Пообещав мне, что с утра мы поговорим и решим, что делать дальше?

Вот зараза.

Я переступила с ноги на ногу.

Чувство странной обиды ударило в голову. Я с шумом выдохнула воздух, подошла к кровати, едва ли не топая, чтобы положить на нее рубашку, и лишь после этого обернулась и уверенно сказала одно слово, очень вежливое и цветистое:

– Нет.

– Что, прости?

Кондор наклонил голову набок. Сейчас это движение, обычно означавшее любопытство, приобрело почти зловещий оттенок.

– Возьми меня с собой. – Я выдохнула, понимая, что границу между просьбами и капризами сейчас переступлю. – Не оставляй меня в замке наедине с... вот этим! – Я ткнула пальцем в сторону шкафа. Дрогнувший голос, наверное, полностью выдавал мой страх. – Наедине вот с этой страшной штукой и кучей вопросов, на которые я очень хочу получить ответ!

Кондор недоуменно моргнул.

– Ты понимаешь, о чем просишь? – очень тихо сказал он.

Конечно, я понимала, но раз уж он так запросто взял меня к другу, который оказался кронпринцем Иберии, то... Не к какому-то Богу-Императору же он собрался ни свет ни заря?!

– Да, понимаю! – Я скрестила руки на груди. – Возможно, у тебя действительно важные внезапные дела рано утром. После праздника, – добавила я язвительно. – Но, посмею напомнить, – я нервно сглотнула перед тем, как привести весьма железный довод, – что ты несешь за меня ответственность, и...

– Могу ответственно отвести тебя к Ренару. Он, поверь мне, человек, если это принципиально.

– Нет! – Я мотнула головой. – Дело совсем не в этом!

– О да! – Маг угрожающе спокойно поднялся с кресла и шагнул в мою сторону. – Дело в том, что кого-то ударило в голову, и кто-то решил раскапризничаться.

– Только попробуй, – прошипела я, заметив, как он сделал едва уловимое движение рукой, которое я восприняла как угрозу, – только попробуй применить на мне что-то из арсенала этой твоей магии. Ни о каком доверии после такого можешь и не мечтать!

Кондор остановился и с удивлением посмотрел сначала на меня, потом – на свою руку, в сторону которой был направлен мой взгляд.

– Мари... Я не собирался даже... – выдохнул он.

– Не верю, – я еще больше нахмурилась.

Мне очень хотелось плакать от страха и обиды, и на волне внезапной, пусть и закономерной, вспышки гнева я уже хотела придумать какую-нибудь еще колкость, но не успела.

– А-а-а, – простонал волшебник. – Ты сейчас настолько невозможная, что... Неблагодать с тобой, милая, но в случае чего – сама виновата!

Пока я открывала и закрывала рот, как рыба, разрываясь между злостью и здравым смыслом, Кондор стремительно подошел ко мне и как есть, в иномирской одежде, босоногую, растрепанную, схватил за руку и потянул за собой.

К зеркалу.

Темная ткань, кажется, сползла с него сама по себе.

Я настолько удивилась, что даже не успела возмутиться.

Зеркало стояло у стены в круглой комнате.

Кроме этого зеркала – единственного чистого, яркого, сияющего новизной – здесь было еще семь, выглядящих так, словно их скупили недорого у торговца никому не нужным, но очаровательным старьем. Потускневшие, с изъеденной временем амальгамой, с потрескавшимися кое-где рамами, очень непохожие друг на друга по стилю или форме, эти зеркала располагались в разных, иногда неожиданных местах.

Одно было овальное. Оно доставало мне до пояса и, наверное, было создано для того, чтобы висеть в дамском будуаре: раму его украшал узор из крупных роз, покрытых стершейся кое-где золотой краской. Зеркало стояло у небольшого письменного стола, прислоненное к нему. Мне его положение казалось настолько

неустойчивым, что я с тревогой поглядывала – не упадет ли это зеркало от одного моего неверного движения.

– Какая-то обитель сумасшедшего, – буркнула я, на что маг хмыкнул. – Я надеюсь, в этот раз без сюрпризов вроде внезапных принцев?

– О нет, никаких принцев, – пообещал Кондор.

Его улыбка сейчас была доброжелательной, но в глазах застыла тревога. Кондор по-хозяйски раздвинул шторы на одном из узких высоких окон и посмотрел в зимний день снаружи. Там, за окном виднелись крыши домов, невысоких, застывших среди голых деревьев.

Видимо, мы были где-то под самой крышей.

Ощувив под ногами мягкость ковра и отдышавшись после перехода, я осмотрелась чуть более внимательно.

Надо сказать, все эти зеркала были единственной, пусть и бросившейся в глаза странностью комнаты. В остальном она не слишком отличалась от кабинета какого-нибудь ученого с одной из старинных картин. Место между окнами занимали высокие книжные шкафы, заполненные так, что некоторые полки слегка прогнулись. Около одного из этих шкафов стояло зеркало, а напротив зеркала, вписанная между полок, обрамляющих ее аркой, была настоящая дверь.

Эта дверь внезапно открылась, и в комнату вошел незнакомец. В одной руке он держал фонарь с кристаллом, а другой прижимал ко лбу намокший платок, в который было что-то завернуто. Парень увидел меня и застыл в изумлении, близоруко щурясь. Его рука с платком медленно опустилась.

Я тоже рассматривала вошедшего с удивлением и жадностью, отмечая и его растрепанный вид, и измятую одежду, и легкую бледность, и то, что он был, кажется, на несколько лет младше Кондора или просто казался таким.

У него были короткие, чуть ниже ушей, светло-русые волосы и какой-то щенячий взгляд.

И здоровенная шишка на лбу.

К ней, собственно, он и прикладывал платок.

– Милосердный брат, – прошептал юноша, не отрывая от меня взгляда.

Я сделала шаг назад.

– Мне невероятно приятно сравнение с Милосердным, – сказал Кондор, – пусть я и свято верю, что милосердие и смирение не входят в список моих добродетелей. Особенно – сейчас. – Он хмуро покосился на меня, а потом обернулся к несчастному хозяину комнаты, который снова прижал платок ко лбу и поморщился от боли. – Доброе утро, Габриэль. Это – леди Лидделл, она со мной, – добавил он, кивнув в мою сторону.

Габриэль в каком-то странном облегчении привалился к двери и шумно выдохнул, посмотрев в потолок.

– Это самое недоброе утро из всех, которые со мной случались, Кондор.

– Поверь, – скривился маг, – у меня примерно то же самое.

Опасные чары

– Я думал, вы в опасности, а вы – в драме.

Александр Андерсон, «Элизиум. Аликс и монеты»

– В общем, эксперимент удался, – сказал господин Габриэль Моррис, снова прикладывая ко лбу платок.

Он забыл, что пару минут назад убрал шишку магией, поэтому ойкнул и смутился, почти покраснев, и спрятал платок в кармане брюк.

– Да, я успел заметить, – хмуро сказал Кондор.

Он сидел на письменном столе Габриэля, скрестив на груди руки, и выслушивал отчет с видом строгого наставника. Меня он подчеркнуто не замечал, и я пряталась рядом, стгорая от стыда за свои капризы.

Габриэль то и дело нервно косился в мою сторону, но, похоже, сейчас у него были куда более важные проблемы, чем выяснение того, кто я и откуда взялась.

Я же без зазрения совести рассматривала его, замечая в холодном утреннем свете и вьевшиеся следы чернил на тонких пальцах, и подслеповатый прищур. В руках Габриэля в какой-то момент оказался футляр для очков, он то и дело нервно щелкал его крышкой, но доставать содержимое не торопился. Светло-русые, чуть вьющиеся пряди едва прикрывали уши – самая короткая стрижка, которую я видела в этом мире. Мне показалось, что во всех его жестах, в мимике, в том, как он смотрел на мир вокруг, сквозила какая-то странная рассеянность. Эта рассеянность, этот беззащитный взгляд, мягкие черты лица и пятна чернил – все это делало Габриэля похожим на потерянного ребенка.

Он поймал мой взгляд, очевидно смутился, отчего я сама скромно опустила ресницы, и вдруг обратился напрямую ко мне:

– Леди хочет что-то сказать?

– А? Нет, нет, ничего! – Я встrepенулась. – Леди вообще пожалела, что не слушала старших.

Кондор хмыкнул почти одобрительно и кивнул собеседнику, чтобы тот продолжал.

– Создание коридора с использованием твоих знаний и хорошего резерва действительно дало результат. – Габриэль заложил руки за спину и сделал пару шагов туда-сюда по комнате. – И я все еще склонен считать, что рвать Завесу в эту ночь было правильным решением, потому что Грани истончились. Может быть, в другой раз и не сработает...

– Да и где снова взять такой запас? – Кондор кивнул на то самое зеркало с розами на оправе, которое пару минут назад осторожно отставил в сторону, к стене, чтобы не уронить. – Амальгама изъедена.

– Да, для стабильной... точки, – Габриэль остановился и покосился на меня, – нужно что-то более тонкое и прочное, чем человеческое творение. Я трижды просчитывал катоптрическую схему леди Мельшиор-Бонне, но мне не удастся найти лазейку, чтобы уменьшить поглощение. – Он сощурился, словно у него резко заболела голова. – Но суть не в том. У меня... катастрофа.

Кондор наклонил голову набок, выражая абсолютное внимание.

– Катастрофа очень... деликатного характера. Иначе бы я не стал тревожить тебя так рано. – Габриэль снова нервно щелкнул крышкой футляра для очков. – Я вытащил кое-что с той стороны.

Я почувствовала, как у меня задрожали руки.

– Кое-что? – вкрадчиво спросил Кондор.

– Кое-кого, – признался Габриэль, покосившись на зеркало, из которого мы пришли, и снова дотронувшись до места на лбу, где был след удара. – Нет, правда, я не хотел! – начал он оправдываться с непонятным мне рвением, будто бы боялся осуждения со стороны Кондора. – Я планировал только создать межпространственный переход, но совершенно не ожидал, что... – снова взгляд в мою сторону. – Что с той стороны придут.

– Так. – Кондор вдруг стал в разы серьезнее, чем был до этого. – Судя по тому, что ты жив, у этого кого-то нет ни когтей, ни клыков.

– Ни когтей, ни клыков. – Габриэль потер лоб. – Но поразительная меткость, когда дело дошло до пресс-папье из кварца.

Я нервно кашлянула и приложила руку к груди, пытаюсь успокоиться.

Кондор спрыгнул со стола.

– Только не говори, что...

– Я притащил оттуда человека, Кондор. Девушку. Точнее, она сама свалилась в переход и, кажется, была непотребно пьяна. И... – Габриэль опять посмотрел на меня. – И одета почти так же, как твоя спутница. Не знает языка, кстати, это тоже повод задуматься над вплетением дополнительной формулы, создающей возможность ограниченного и направленного контакта с информационным полем... – воодушевленно начал он, но заметил суровый и сосредоточенный взгляд собеседника и осекся, переминаясь с ноги на ногу. – Она не понимает, что произошло, крайне напугана. Я попытался успокоить ее и...

– Получил тяжелым предметом в лоб, да, – фыркнул Кондор. – Поздравляю, ты теперь в элитном клубе. Скажи, когда в ход пойдут книги и канделябры, я с удовольствием обсужу с тобой проблемы самозащиты и уязвленной гордости. Где она?

– Кто? – Габриэль недоуменно моргнул.

– Девушка, бестолочь ты одаренная. – Кондор сказал это с невозмутимо-спокойным и одновременно крайне обреченным видом. – С этой проблемы стоило начинать.

– Я... я применил чары сна. Она у меня в спальне. И... кажется, она ничего не помнит.

Она оказалась моей ровесницей, но из тех, с кем мы вряд ли бы подружились, слишком уж разным мирам обе принадлежали там, с другой стороны. У меня было не слишком много близких друзей, больше приятельниц, но таких вот – тоненьких, изящных, способных позволить себе носить зимой укороченные джинсы с розовыми кроссовками на платформе – среди них не попадалось. Кто-то вроде нее редко разговаривал с кем-то вроде меня, по крайней мере, в школе и на первых курсах.

Как бывало потом, я еще не знала.

Я подошла ближе, отодвинув руку Кондора, который попытался меня перехватить, но молча пропустил, словно бы признал мое право интересоваться этой девушкой.

Джинсы были порваны на колене, видимо, во время падения, а не для красоты, потому что рядом с дыркой ткань испачкалась.

Копна вьющихся светлых волос на фоне вишневой обивки дивана почти сияла. У корней волосы были чуть влажные, а одна прядь торчала в сторону, испачканная в чем-то липком. Я попыталась ее поправить.

Веки девушки дрогнули, она зашевелилась, когда моя рука почти коснулась ее щеки, но не проснулась. От нее пахло сладким парфюмом и алкоголем, и какое-то время назад она точно была ярко накрашена. Сейчас тушь и глиттер с век осыпались на щеки, подводка размазалась, розовая помада почти стерлась, оставшись только по контуру пухлых, очень красивых губ.

– Умыть ее ты не мог, – проворчал Кондор, подходя ближе.

Он подвинул меня мягко, но не церемонясь. Длинные пальцы чародея легли на виски девушки, она чуть слышно застонала, открыла глаза – и тут же их закрыла с глубоким вдохом.

– Отойди в сторону, милая, – тихо попросил Кондор. – Ты слишком волнуешься и мешаешь мне.

Я нервно сглотнула и правда отошла, шлепая босыми ногами – в этом доме никто не торопился подавать мне тапочки – по прохладному паркету с узором из цветов. Я остановилась рядом с Габриэлем. Он сейчас выглядел еще более рассеянным и суетливым, словно боялся и этой женщины, которая, правда, успела присадить ему шишку на лоб, и Кондора, который не скрывал, что был им, Габриэлем, недоволен, и меня. На меня Габриэль старался не смотреть, словно не знал, что со мной делать и как себя при мне вести, поэтому мы оба смотрели на то, как Кондор, прикрыв глаза, держит пальцы на висках моей подруги по несчастью. Мне показалось, что Габриэль хочет чем-то помочь, слишком уж напряженно он сжимал ладонь в кулак, но боялся, что его неуклюжая помощь только навредит.

– Что он делает? – шепнула я, кивнув на Кондора.

Габриэль покосился на меня в изумлении, как будто бы рядом с ним ожила статуя и спросила, почему небо синее, а вода мокрая.

– Снимает чары, – ответил он, моргнув.

Я изобразила на лице крайнюю заинтересованность.

– М?

Он завел руки за спину и дернул головой, то ли стряхивая в сторону прядь волос, которая лезла в глаза, то ли просто нервничая:

– Чары сна – это очень тонкое воздействие. Я заставил мозг этой леди, – слово "леди" Габриэль произнес с каким-то сомнением, – замедлить все процессы. Такое вмешательство должно быть осторожным, а я, сами понимаете, действовал в спешке, поэтому господин дель Эйве в первую очередь проверяет, не причинили ли чары какой-либо вред. Это лучше делать при физическом контакте.

Я потеряла локоть.

– Не слишком приятная процедура, – добавил Габриэль, не глядя на меня. – Хотя при определенном уровне Таланта волшебники сводят все риски к...

– Заткнитесь. Оба! – Кондор чуть повернул голову в нашу сторону, сощурившись настолько злобно, что я вытянулась по струнке и испуганно спрятала руки за спиной. – Эта дурочка пьяна так, что рядом с ней самому пить не надо, – с неприязнью добавил он, собирая волосы девушки в узел, чтобы не мешали. – Достаточно вдохнуть поглубже.

– Может быть, она лечила разбитое сердце? – не без иронии предположила я, заработав в свою сторону еще взгляд, намекающий, чтобы не лезла под руку с глупыми комментариями.

Пришлось виновато поджать губы. Слишком уж хорошо я понимала, что сегодняшнее утро запечатлело не лучший из моих портретов.

От стыда даже в носу защипало.

Я шмыгнула.

Габриэль покосился в мою сторону.

– Простуда. – Я пожала плечами. – Замок, сквозняки, все такое.

И Хозяин Зимы, и прочие фэйри, и ледяная река, текущая с той стороны мира. В общем, такая себе ночка. И утро не лучше.

Пришлось отвернуться и сделать вид, что я чихнула. Так сильно, что слезы из глаз брызнули.

– Она очнется, когда я прикажу, – Кондор выпрямился и тряхнул руками так, словно сбрасывал с них что-то невидимое.

Потом он задумчиво посмотрел на девушку, внимательно, окинув ее взглядом с головы до самых кроссовок, прямо в которых ее на диван и положили, и скептически скривился.

– Нет, это будет слишком удачное совпадение, – сказал он, переводя такой же внимательный взгляд на меня. – Она пришла оттуда

же, откуда и ты.

Я пожалала плечами. То, что девушка была из моего мира, я уже догадалась. Не знаю, какие законы управляли магией всех этих переходов, но это казалось мне правильным, что ли? Может быть, мне просто было сложно представить, что существовали еще какие-то миры и двери в них.

Ну, кроме Изнанки.

– Какова вероятность, что вы говорите на одном языке? – спросил Кондор, расстегивая манжеты и начиная закатывать рукава рубашки.

– Эм-м-м... Ну, я не знаю, – неуверенно протянула я, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты можешь определить это, Мари? – Маг наклонил голову набок, шурясь в мою сторону с каким-то странным азартом. – Подойди ближе!

Он протянул мне руку, подманивая движением пальцев.

Я сделала неуверенный шаг вперед. Габриэль галантно поддержал меня, заметив, что я качнулась в сторону.

– Сквозняки, – неловко улыбнулся он. – Простуда, слабость. Понимаю.

– Я предлагал леди остаться дома, – добавил Кондор не без ехидства. – Но она весьма упряма, когда дело касается того, чтобы попасть в неприятности. Давай, милая, присмотришь повнимательнее.

– З-зачем?

Я разглядывала бледное личико, которое даже со следами потекшей туши выглядело миленьким. Кукольным. Девушка была очень... родная, своя – и совершенно чужая одновременно. Я попыталась сосредоточиться, отбросив мысли о доме и о неприятных мурашках, возникших от этого внезапного столкновения с той, другой реальностью, от которой я, к своему удивлению, почти отвыкла.

– При схожести ваших родных семантических матриц, – сказал Габриэль чуть надтреснутым голосом, как-то нервно посмотрев в сторону Кондора, словно извиняясь за то, что сам ответил мне, – будет намного проще внедрить в ее сознание хотя бы самый простой набор мыслеобразов с привязкой к местному языку. Поэтому я так обрадовался, увидев, что мой друг пришел вместе с вами...

– Габриэль... – устало вздохнул Кондор и покачал головой, из-за чего бедняга Габриэль замолчал, замялся и слегка покраснел, словно

его щелкнули по носу.

– Я поняла, – торопливо сказала я прежде, чем Кондор успел добавить что-то. – Не уверена, что справлюсь, но попробую. У нее... не было с собой чего-нибудь еще? – с надеждой спросила я. – Сумки там или еще чего-то?

Габриэль отрицательно покачал головой.

Я вздохнула, моргнула пару раз и взяла девушку за руку, рассматривая тонкие, очень красивые кольца с мелкими камешками, сияющими, стоило свету упасть на них. Девушка никак не отреагировала, даже ее дыхание оставалось по-прежнему ровным, глубоким и спокойным. Что бы ни сделал с ней Кондор, он, кажется, решил дать ей как следует восстановиться.

Когда я повернула ей голову, чтобы посмотреть, что написано на лейбле тонкой серой толстовки с выложенными справа у воротника звездочками из стразов, Габриэль нервно кашлянул, а Кондор со странной полуулыбкой наклонил голову, явно заинтересованный происходящим.

– Я пытаюсь понять, где сшита и куплена ее одежда, – пояснила я, оттягивая воротник, чтобы столкнуться с парой знакомых букв на логотипе. Под толстовкой пряталась тонкая цепочка с серебряным крестиком и зодиакальным кулоном. – Это называется массовое производство, Кондор. Мы редко шьем одежду на заказ, обычно покупаем готовую, которую шьют на фабриках, не знаю, есть ли они у вас. И продают... в больших крытых рынках, скажем.

Я болтала, кажется, чтобы успокоить себя саму, потому что руки дрожали от волнения.

На шее справа, прямо рядом с линией волос, была татуировка – несколько маленьких звездочек.

– Занятно, – сказал Габриэль.

Я пожала плечами и стиснула зубы, стараясь не зареветь.

Мне хотелось, чтобы она была, ну, своей, но я боялась в это поверить, потому что и шмотки, и украшения, и татуировка – все это ведь не дает полной гарантии, правда?

Я вспомнила, как на автомате засовывала чеки из баров и кафе в карманы джинсов, а потом после стирки вытаскивала серые бумажные комочки, и, ни капли не стесняясь, чуть подвинула девушку и проверила ее карманы.

Есть!

В одном из задних обнаружился смятый полтинник, пара чеков и билет в музей, купленный со студенческой скидкой.

– Более того, – сказала я упавшим голосом. – Мы с ней из одного города, кажется.

И так и застыла, комкая в руке билет, думая, насколько велика вероятность, что я ошиблась, и какие тогда будут последствия. Еще я думала о том, что увидела наверху, в башне, и кусочки паззла в моей голове начали складываться в единую картину.

То, что Кондор не хотел брать меня с собой.

Их разговор, из которого только дурак бы не понял, что эти двое пытаются открыть портал.

Такой же, как тот, из которого пришла я сама.

Рассказы о магии, о дверях между мирами, о потерянном континенте и катастрофе, которая могла обрушиться на мир, и о том, как рвать ткань реальности, находя уязвимые места.

Ведь волшебник, встречающий гостей из соседнего мира, должен понимать, как открывается дверь?

«Вот оно, – подумала я, – вот оно то, о чем мы говорили в храме во дворце. Чужой секрет, чужая миссия, то, что местные жрецы могут расценить как нечто, неугодное богам».

Чужая ладонь легла на мое плечо, почему-то вдруг очень тяжелая. Я вздрогнула и на секунду крепко зажмурилась.

– Это то самое? – спросила я, вцепившись в музейный билетик, как в спасательный трос.

– Что?

Голос Кондора раздался очень близко. Кажется, дыхание волшебника задевало волосы у меня на макушке.

– То, что вы оба тут делаете. Это то, о чем ты говорил тогда? Поиск портала, способного...

Кондор развернул меня лицом к себе и прижал палец к губам:

– Ты очень догадлива, милая, – интонации Кондора не были ехидными, пожалуй, только потому, что были серьезными. – Но давай оставим этот вопрос на потом? Когда закончим с самым важным. Волшебные сны не должны длиться долго, это... не очень полезно. Сядь рядом с ней.

Его рука толкнула меня вперед, и мне пришлось подчиниться.

Я села на пол рядом с диваном и обхватила руками колени.

Габриэль смотрел на меня в недоумении.

– Я подразумевал немного другое, – сказал Кондор. – Но и так сойдет.

Он опустился рядом, развернувшись в мою сторону, коснулся пальцами моего подбородка, словно пытался заставить поднять голову и посмотреть прямо в глаза, и сказал с каким-то оттенком извинения:

– Тебе тоже придется заснуть.

Его пальцы легко расстегнули замочек на цепочке и сняли с меня амулет.

– Зачем? – я моргнула.

– Он будет мешать.

– Зачем заснуть? – уточнила я.

– Так нужно. На время. На несколько минут. – Кондор похлопал рукой по краю дивана там, где было свободное место. – Ложись. Иначе магия не работает.

Габриэль снова кашлянул, привлекая наше внимание, и мы оба вскинулись и посмотрели на него. Кондор – устало и почти раздраженно, я – чувствуя непонятную мне обиду.

– Мне кажется, – сказал Габриэль, держась пальцами за воротник. – Мне кажется, Птица, леди Лидделл просто не понимает, чего ты от нее хочешь, а ты забыл ей объяснить.

– Конечно. – Кондор расплылся в странной улыбке. – Совсем вылетело из головы, что некоторые вещи нужно расписывать, словно я на экзамене по ритуалистике. Итак, Мари! – Он опять повернулся ко мне. – Когда гостя Габриэля очнется, даже если она будет помнить, что с ней произошло, она не поймет ни слова из того, что мы скажем. Увы, господин Моррис увлекся экспериментом, забыв, что, помимо прочего, в сопутствующих плетениях разрыва отсутствует заклинание, которое мы называем десигнатум. Оно помогает лучше понять друг друга. – Кондор снова положил руку на край дивана, улыбаясь мне при этом так ласково, что хотелось сбежать. – К сожалению, это очень сложное заклинание, к тому же из той же области, что и чары сна или тот способ спрятать воспоминания, действия которого ты на себе не так давно испытала. Поэтому лучше заснуть. Или ты не хочешь помочь этой бедняжке? – хитро добавил он.

– Я устала от магии, – замотала я головой, но все-таки покорно положила ее, куда сказали.

– Ну, совсем без магии – не получится, уж прости. – Кондор завел мне прядь волос за ухо. – Но я постараюсь, чтобы она не причиняла тебе вреда. Спи.

Я не знаю, как он это сделал – то ли нажал на какую-то точку у меня на лбу, то ли применил чары, то ли что-то еще. Я просто закрыла глаза – мне показалось, что не больше, чем требовалось, чтобы устало моргнуть, – а потом открыла их и поняла, что что-то не так. На щеке отпечаталась текстура обивки дивана, плечо затекло, и во рту пересохло. А главное – в голове, где-то внутри, поселилось странное ощущение щекотки, которое не проходило, и сама голова при этом была странно легкой и очень пустой. Я снова зажмурилась, на этот раз – без провала во времени, просто чтобы стряхнуть с себя все эти странные ощущения.

– Не делайте резких движений, леди Лидделл, – посоветовал Габриэль.

Оказалось, что он сидел в кресле совсем рядом, чуть печальный, усталый и спокойный. Он вытянул ноги вперед и сцепил кончики пальцев перед собой. Очки перекечевали из футляра прямо ему на нос.

А вот девушки рядом не оказалось.

Только когда я запрокинула голову назад, прикрыв веки, я почувала запах ее духов, смешанный с запахом пота и алкоголя. Или мне почудилось.

– Юлиан отнес ее в более подходящую для спящей леди комнату, – сказал Габриэль, наблюдая за мной из-за очков настороженно, словно я была соседской собачкой, с которой его оставили наедине, и он не знал, в ответ на что я могу зарычать и показать клыки. – Вы пьете чай, леди Лидделл? – Его голос вдруг стал увереннее. – Или кофе? Хотя после таких приключений я бы советовал горячее молоко с пряностями и медом.

– А можно просто воды? – прошептала я, потому что губы еще не до конца начали меня слушаться.

– Конечно. – Габриэль порывисто встал и стряхнул нечто, невидимое мне, с колен. – Все, что хотите. Я у вас... немного в долгу.

Только когда меня вывели в соседнюю гостиную, где был накрыт чай, я поняла, насколько меня трясет.

– Ты отлично справилась, милая, – сказал Кондор, подставляя мне локоть, на который можно было опереться, пока я шла из одной просторной комнаты в другую. Амулет снова висел у меня на шее. – И я рад, что все так удачно обернулось. Но надеюсь, что в следующий раз ты не будешь капризничать, думая, что тебе снова так ослепительно повезет.

Он не улыбался и говорил все это поразительно ровно, почти холодно.

– Ты на меня злишься, – сказала я, щурясь.

– Уже не так. И, поверь, если злюсь, то не на тебя, – признался Кондор, усаживая меня на кушетку. – Я просто устал и меньше всего на свете сейчас беспокоюсь о том, обидится ли кто-то на мои слова. О, Габриэль! – Он повернулся ко второму волшебнику, который выходил куда-то за пределы комнат, чтобы отдать распоряжение слугам. – Не найдется ли в этом доме теплой шали или шарфа?

Габриэль, которого вопрос застал врасплох, словно бы выдернул из мыслей, крутящихся в его голове, рассеянно моргнул и провел руками по волосам, убирая прядки за уши.

– Я отправил горничную за одеждой...

– Это мудрое решение, но, думаю, для твоей таинственной гостьи пока хватит и покрывала, в которое мы ее укутали. – Кондор кивнул в мою сторону и смерил меня едким взглядом с головы до самых босых ног. – А вот леди Лидделл в спешке, увы, забыла, что в больших домах в декабре бывает прохладно.

Габриэль тоже посмотрел на мои ноги, снова моргнул и дотронулся пальцем до своих губ, как ребенок, который чем-то удивлен и озадачен. Он наклонил голову, не отрывая от меня взгляда, будто бы что-то обдумывал, и, наконец, тряхнул волосами:

– Конечно, – сказал он, обращаясь ко мне. – Простите мне мою неучтивость, миледи. Я не подумал.

– Не беспо... – начала было я, но Кондор протянул мне чашку. – Спасибо.

В чашке оказалось теплое молоко с медом и травами.

Дверь закрылась за Габриэлем с еле слышным стуком.

– Мы дали ей успокоительное, и она проспит несколько часов. Безо всякой магии, леди Лидделл. – Кондор устало сел, точнее – почти лег в кресло рядом и скосил глаза на меня. – Как ты себя чувствуешь?

«Надо же, – подумала я, делая глоток. – Не люблю теплое молоко, но то, что намешали для меня, если не вкусно, то вполне... съедобно».

– Я? Странно. Спасибо, что поинтересовался.

И чихнула, чуть не пролив все на себя.

Магу это явно не понравилось.

– Поразительное везение, – буркнул он себе под нос. Я не знала, к чему это относилось – ко мне или к ситуации в целом. Кондор потер глаза, устало выдохнув. – Пока у нас есть пара минут без посторонних, Мари, я хочу с тобой поговорить.

Он выпрямился и сразу стал сосредоточенным, как обычно.

– О законности того, что я тут увидела? – не удержалась я.

Кондор вздохнул:

– Увы, всего лишь насчет новой для тебя стороны этого мира. – Он потянулся к чайнику на столе, дотронулся до него и уже потом налил чай в чашку. От поверхности поднимался пар. – О прочем поговорим все вместе. Ахо напугал тебя?

Это был не вопрос, а, скорее, утверждение, но я на всякий случай кивнула и угукнула.

– Он мне еще и зубы продемонстрировал, – и поёжилась.

Но совсем ябедничать не стала, хотя и хотелось.

– У младших фэйри вредный характер, – кивнул Кондор. – Эти твари любят человеческие слабости, страхи и прочую ерунду, и чувят их великолепно. И раз уж так сложилось, что, боюсь, теперь тебе не избежать общения с Ахо, то запомни два правила. – Кондор поднял взгляд от чашки на меня, посмотрел пристально и въедливо. – Во-первых, все они очень любят играть. Именно так я и поймал этого.

– Зачем? – спросила я и закусила губу.

Конечно, я сначала спрашиваю, а потом уже думаю, уместно ли любопытство?

– Что – зачем?

– Ну, зачем поймал?

Кондор пожал плечами:

– Так получилось. Не убивать же его было? Я, конечно, понимаю, что проявление подобного милосердия – серьезный удар по моему

образу злого коварного колдуна. – Он лукаво улыбнулся, и я не удержалась и хихикнула. – Но, к сожалению, я практичен и, поступившись необходимостью играть навязанную мне роль, решил, что Ахо будет полезнее мне живым. Но вернемся к главному. Пикси любят играть, особенно с людьми, особенно – по своим правилам. – Судя по интонациям мага, ничего хорошего эти правила людям не сулили. – Они хитрые, но трусливые, потому что сильны только роem. Не показывай Ахо, что ты его боишься, ему это нравится, и он начинает играть на твоem страхе.

– Ты хочешь сказать, что он мне ничего не сделает?

– Пока ты под моим покровительством – вряд ли. Из чувства самосохранения, – добавил Кондор насмешливо. – А теперь второе, и тут все серьезнее. Ахо не причинит тебе вреда, опасаясь моего гнева, но он может предложить тебе, скажем, сотрудничество.

– А его помощь может оказаться слишком дорогой, – поняла я.

Ну, по крайней мере, в сказках, которые моя память сохранила, иногда упоминалось, что не следует глупым детям и отчаявшимся девицам принимать помощь от хитрых и пронырливых нелюдей. Расценки у них не совсем гуманные и условия сделки почти кабальные.

– Все верно. – Кондор довольно улыбнулся. – Но дело не только в цене. Эта зараза умеет изворачиваться, и его помощь, поверь мне, может выйти тебе боком. Никогда не проси его об услугах и не принимай его подарки или предложения. И советам следуй с осторожностью. Ты вроде бы достаточно умна, чтобы не влипнуть в неприятности еще больше, чем уже влипла, поэтому я надеюсь на твой здравый смысл. Поняла?

Он наклонил голову набок.

– Да. – Я неуверенно кивнула. – А Сильвия?

– А Сильвия – совсем другое дело. – Кондор одним глотком допил остатки чая и снова откинулся в кресле, чуть прикрыв глаза. – Она не из младших, и ее гейс... договор создавали серьезно и вдумчиво. Для тебя она вернее, чем все сторожевые псы этого мира.

Наверное, это должно было меня успокоить, но нет. Слишком хорошо я запомнила то, что видела.

– И много у вас тут... таких? – спросила я и снова чихнула.

Кондор посмотрел на меня из-под полуопущенных ресниц. Кажется, он решил, что пока не хочет двигаться – вообще.

– М?

Мне показалось, что воздух вокруг меня вдруг стал теплее и будто бы суше, словно меня теплым ветром обдало.

– Фэйри, – ответила я. – Ну... Раз уж я столкнулась с... как ты сказал? Новой стороной мира?

– Достаточно, леди Лидделл. – Кондор еле заметно улыбнулся. – Я очень надеюсь, что скоро вы окажетесь в месте, где столкновение с ними будет исключением, а не правилом. – Он снова вздохнул и позволил себе потянуться. – А сейчас, Мари, найди в себе силы и остатки сообразительности и подкинь мне идею хорошего, правдоподобного вранья.

– Что?

Я непонимающе вскинулась и нахмурилась.

– Нужно придумать сентиментальную, глупую и крайне трагичную историю о том, как в дом Габриэля попала странная леди без гардероба, слуг и бумаг. – Он произнес это почти с театральным драматизмом. – Потому что все, что мы с Габриэлем делали и делаем, не совсем...

Он замолчал, пытаясь подобрать слово.

– Правильно с точки зрения религии? – подсказала я ехидно.

– Скорее, не принадлежит нам в той мере, в которой мы могли бы свободно им распоряжаться. И говорить об этом публично.

Кондор сел прямо, видимо, пытаясь добавить себе серьезности.

– Эм-м-м, – сказала я. – А вам не проще, ну, в служанки ее отправить там? Не знаю...

«Не проще ли вам стереть ей память, задурить мозг, еще как-то избавиться от лишнего груза? – думала я. Зачем опасным опытным интриганам еще одна порция возни с безалаберной и беспомощной девчонкой, на этот раз не защищенной никакими мнимыми божественными статусами?»

Кондор покачал головой и тихо рассмеялся.

– У тебя все еще странные представления о порядке вещей, заведенном в этом мире, Мари, – сказал он. – Пожалуй, ты права, но, боюсь, при всей твоей правоте у этой бедняжки просто нет нужной сноровки, и служанка из нее получится так себе. И тогда, боюсь, она

быстро пойдет по другому, менее уважаемому и нравственному, но, несомненно, более выгодному пути. – Маг говорил со мной как с маленьким ребенком. – Я, конечно, не сомневаюсь, милая, что у тебя есть повод и право считать меня зловерным и безответственным. Но, знаешь ли, некоторые понятия о чести мне не чужды. Например, мне очень сложно оставить в беде ни в чем не виноватую девушку...

Он сказал это настолько искренне и так резко замолчал, что я смутилась и, чтобы скрыть это смущение, потянулась к тарелочке со сладостями. Сладости оказались вкусными и чем-то похожими на фруктовую пастилу, но чертовски приторными. Пришлось плеснуть в чашку чая, чтобы разбавить эту приторную липкость.

– И ты невероятно талантлив в том, чтобы таких девушек случайно находить, – напомнила я, пытаюсь вернуться к разговору.

Он усмехнулся:

– Абсолютно верно. Тем более, в этом случае девушка попала в беду по моему недосмотру.

– И потому ты решил наградить этим подарком судьбы Габриэля? – резко сказала я и скептически приподняла одну бровь.

Кондор прикрыл веки буквально на пару секунд.

– Я напомню, милая, что у меня есть ты, и тебя мне, поверь, хватает. Теперь даже более чем хватает, – ответил он хмуро. – Габриэль, насколько я его знаю, невероятно совестлив. Он всегда был правильным и мягким, – в голосе Кондора прорезалось что-то странное, совершенно новые для меня интонации – так говорят о тех, кто дорог. – Если я предложу ему решить проблему... радикальным методом, или, к примеру, если наш заказчик...

«Дар», – уточнила я у себя в голове.

– ...настоятельно порекомендует тот же метод, Габриэль никогда не простит этого ни мне, ни... – Он прикусил губу, потому что чужое имя, запретное для меня, едва не было сказано вслух. – Заказчику.

– Радикальный метод. – Теперь я чуть наклонила голову набок. – Это... эм... когда был человек, а потом, к примеру, жаба?

– Вроде того, – ответил Кондор без улыбки.

Ну, хотя бы честно.

Я нервно сглотнула.

– Я вам этого тоже не прощу, – сказала я.

– Поверь, я прекрасно это осознаю, – с кривой усмешкой ответил Кондор и кивнул очень медленно и четко, вместе с кивком закрыв и открыв глаза, после чего приложил палец к губам, намекая, чтобы я замолчала, и показал на дверь.

Дверь открылась, и вошел Габриэль с теплой шалью, переброшенной через плечо, и еще одной чашкой молока со специями. И очень, очень рассеянной улыбкой.

– Значит, зимний вечер, хрупкая фигура на пороге дома в конце респектабельной улицы, тонкое платье на плечиках... Трагедия в глазах и потеря памяти. Леди знает толк в трогательных деталях. – Кондор сидел, закинув ногу на ногу и сцепив руки в замок перед собой. В его взгляде читался лукавый интерес вперемешку с одобрением. – Нет, все просто и хорошо, я бы перемудрил с правдоподобностью в ущерб драматизму.

– Можно предположить, что леди заблудилась или потерялась в большом городе, – подхватил Габриэль. – Приехала на праздник из пригорода, родственники не уследили. Сильное потрясение вызвало потерю памяти, возможно, всему виной была магия, под воздействие которой леди попала.

– И вы как образец благородства не могли пройти мимо, – добавила я, поправляя кисточку шали, которая щекотала босую ногу.

Я сидела на кушетке по-турецки, наплевав на все возможные правила приличия.

Напоминать о них мне никто не спешил.

– Тем более что она постучалась именно в вашу дверь, – продолжила я, глядя на Габриэля. – Воспитание не позволило вам оставить бедняжку на холоде, а чувство сострадания к попавшему в беду существу заставило пообещать вашу помощь и защиту, пока леди не обретет память и не вернется к родственникам.

Я сощурилась, потому что в моей голове реплика заканчивалась закономерным «чего, как мы все понимаем, не произойдет».

Габриэль продолжал задумчиво вертеть в руках ручку, которой делал пометки в блокноте, видимо, фиксируя наши идеи. Очки все еще были у него на носу.

Кондор смотрел на меня с легкой улыбкой, и я бы сказала, что неуверенным он не выглядел. Недовольным тоже. Поэтому я решила воспользоваться только что завоеванным расположением:

– Можно вопрос? – И, дождавшись кивка, спросила: – Почему вы не скажете правду? Ну, что домагичились. Не афишируя, конечно, но...

Господа маги с невероятной усталостью на лицах переглянулись. Габриэль обернулся ко мне и вежливо, сдержанно улыбнулся:

– Понимаете ли, леди Лидделл... То, что мы с лордом дель Эйве провернули, очень рискованно. Это, можно сказать, поручение одного важного человека, которое мы выполняли на свой страх и риск, потому что определенная часть знаний была получена...

– Не совсем законно, – с каменным лицом сказала я. – Я уже поняла.

Тем более что кое-что знала и до этого.

Габриэль замялся и уточнил:

– Была получена не тем путем, который подходит для научных исследований с последующей публикацией и оглаской. – На лице появилось почти такое же выражение, как было у Кондора, когда тот говорил мне про бдительность Ковена. – Именно поэтому, кстати, я надеюсь на ваше благоразумие.

– И молчание. – Кондор сказал это таким тоном, что мне чуть не свело живот от нехороших предчувствий. – Я гарантирую и благоразумие леди, и ее молчаливость.

Леди решила прямо сейчас проявить благоразумие и промолчать.

– И в связи с тем, что нам нужно сохранить в тайне тот факт, что эти знания нам доступны, – продолжил Габриэль как ни в чем не бывало, – мы и саму нашу работу стараемся держать в секрете. А новость о том, что в доме Мастера Габриэля Морриса появилась девушка из другого мира, поверьте, привлечет слишком много внимания. Вам ли не знать, леди Лидделл.

– Действительно, – хмыкнула я.

Он не обратил на это внимания.

– На эту девушку захотят посмотреть, ее захотят вовлечь в светскую жизнь, ей будут задавать вопросы и, боюсь, ее захотят исследовать. Как явление. Забыв о том, что она – человек. Не знаю, что из этого вы уже испытали на себе, но... Думаю, последнего вы точно избежите, потому что ваш статус для большинства живущих под этим

небом – знак вашей неприкосновенности. – Он мельком посмотрел на Кондора. – И эта неприкосновенность поддерживается властью и силой. Не только светской властью и силой человеческих законов. Вам нечего бояться.

Он не понял, почему мы оба – каждый со своей стороны – нахмурились. Кондор нервно улыбнулся одним уголком губ, я отвела взгляд в сторону окна, прикрытого темно-бордовой шторой так, что было видно только кусочек сада. В чашке еще оставалось на глоток молока, я допила его и промолчала.

Видимо, о моем инкогнито Габриэль тоже не знал.

Кое-кто, похоже, не торопился посвящать его во все планы.

Утро за окном плавно переросло в хмурый, неприятный день.

Кондор зевнул.

– Я уверен, наш заказчик не оставит нас в беде, Габриэль, и посодействует. Меня тревожат твои слуги, – сказал он.

– Меня тоже. – Габриэль привычным жестом поправил очки. – Задурить голову горничным чарами и сказкой о потерявшей память несчастной леди, которая среди ночи вышла к нашему дому, думаю, будет несложно. Чернь падка на такие истории не меньше, а то и больше, чем другие женщины. Скажу им, что я вызывал тебя, чтобы диагностировать причины потери памяти.

– И ни капли не соврешь, – сощурился Кондор. – По всей видимости, мне придется навестить тебя еще не раз.

Я перевела взгляд с одного волшебника на другого. Кондор заметил это и понял, что просто так они от меня не отделаются. Он тяжело вздохнул, повертел в воздухе кистями рук, словно бы стряхивая с них напряжение, и сказал:

– Она действительно ничего не помнит. Даже собственное имя. Я не знаю, в чем здесь дело, но Бриджет...

– Бриджет? – я удивленно подняла брови.

– Не оставлять же на месте ее имени пустоту? – развел руками Кондор. – Так вот, я не знаю, в чем дело. Может быть, это просто шок. Может, следствие небрежно брошенных чар. – Он не стал смотреть на Габриэля, но я заметила, как тот резко сжал в пальцах свою ручку и печально скривил рот. – Может быть, потеря памяти вызвана самим переходом. Я найду ей врача в Альбе и возьму расходы на себя.

– Что ты! – Габриэль так резко дернул рукой, пытаясь отмахнуться от этой щедрости, что чуть не выронил ручку. – Совершенно не стоит этого делать!

– А ты напишешь леди Хьюм, – с неприятной улыбкой продолжил Кондор, словно бы не слышал протеста. – И скажешь, что тебе нужна помощь.

По выражению лица Габриэля было ясно, что его пытаются заставить сделать что-то, чего ему совсем не хотелось.

– А леди Лидделл будет молчать. – Кондор перевел взгляд на меня, не переставая неприятно улыбаться. – И при встрече с леди Хьюм, если таковая состоится... А я думаю, она состоится, потому что леди Лидделл, как я понимаю, желает быть уверенной, что два коварных и зловредных волшебника не обидят ее протеже... В общем, Мари, именно ты нашла эту девушку рядом с домом, когда я привел тебя сюда, чтобы познакомить со своим старым другом.

Я вскинула голову, глядя ему прямо в глаза, едва не открыв рот от удивления.

– Я не...

– А потом мы что-нибудь придумаем. – Улыбка Кондора перестала быть неприятно жесткой. Он резким движением положил ладони на подлокотники кресла и распрямил плечи, словно сбросил с них тяжелый груз. – Я постараюсь вернуться сегодня вечером или завтра днем, – сказал он Габриэлю. – А сейчас нам с леди Лидделл стоит поторопиться домой. Мари, если ты не против, я скажу Габриэлю пару слов наедине.

Я пожала плечами, мол, если даже я против – хотя с чего бы? – что я могу сделать, если благородные господа решили посекретничать?

Пока их не было, я вытащила из кармана потрепанный билет – чуть почерневший там, где его согнули. Бело-коричневый, с зелеными стенами дворца на картинке, он был сейчас чем-то настолько же невероятным, насколько настоящим. Я вертела его в руке, пытаясь не думать о том, о чем очень хотела бы думать.

Когда мы поднялись в кабинет Габриэля, я поняла, что, кажется, уже привыкла к зеркалам и перемещению через них.

– Жди от меня вестей завтра к вечеру, – напомнил Кондор. – Я надеюсь, она будет спать почти весь день.

– Я ограничу ее общение со слугами, – сказал Габриэль. – Пусть думают, что бедняжка больна и в горячке после прогулки в бальном платье по морозу.

– Главное, чтобы она тебе на шею не села.

Я покраснела, хотя Кондор даже мельком не взглянул в мою сторону, когда сказал это. Может быть, не стоит быть такой мнительной, леди Лидделл?

– Идем. – Он взял меня за руку, осторожно, но крепко, как ребенка. – До завтра, Габриэль.

– До завтра. – Габриэль кивнул ему и с улыбкой поклонился мне. – Рад знакомству, леди Лидделл. Вы нам очень помогли.

– О, не сомневайся... – начал было Кондор.

– Спасибо за чай, господин Моррис, – ответила я, выдернув ладонь из его хватки, и сделала неплохой, на мой взгляд, книксен. – Я тоже рада нашему знакомству, пусть оно и произошло при несколько странных обстоятельствах. Я передам привет через господина дель Эйве при первой возможности. Ах, да!

Я вспомнила, что на мои плечи все еще наброшена шаль, и сняла ее.

– Буду надеяться, что вы сделаете это лично, – Габриэль улыбнулся уже менее формально и даже менее рассеянно, чем улыбался до этого, и еще раз поклонился.

Он забрал у меня шаль, чуть не уронив ее на пол.

– Умница. – Кондор приобнял меня за плечи. – Передам Лин, что ты успешно применила знания на практике. Все, хватит этикета, я устал. Хорошо поспать днем, Габриэль, – бросил он через плечо и утащил меня в зеркало.

В замок.

Мы вышли из зеркала в кабинете Кондора, каком-то странно тихом и холодном. Возможно, дело было в пасмурном, нахмуренном небе за окном. Возможно, в том, что я сама была хмурой и усталой.

Я поежилась и пожалела, что отдала Габриэлю шаль. Сейчас она бы пригодилась.

Кондор отпустил мою руку. Он отошел от зеркала буквально на шаг и вдруг удивленно застыл, споткнувшись на ровном месте. Он как-то странно наклонился набок, словно был пьян.

Что-то шло не так, но я успела подставить плечо и поймать волшебника.

Кондор вцепился в меня.

– Ничего страшного, – с явным усилием ответил он. Пальцы на моем плече сжались так, я едва не вскрикнула от боли. – Помоги мне.

– Да, конечно...

Пара шагов до дивана заняли, кажется, вечность. Нести на себе взрослого мужчину, которому я едва доставала макушкой до плеча, было тяжело и страшно, но я смогла.

Сквозь страх я заметила мелкие странности: то, насколько бледным стал Кондор, какими холодными были его руки сейчас, как сильно проступили тени под глазами.

На диван он почти упал, едва не уронив меня вместе с собой, сел, закрыв лицо руками, и замер. Я опустилась рядом, чувствуя себя потерянной и не зная, вообще не понимая, что делать.

Наверное, это было закономерно: когда кто-то сильный, к чьей силе ты привыкла, как к точке опоры, вдруг у тебя на глазах становится слабым и беспомощным, свою беспомощность и никчемность ты чувствуешь особенно остро.

Я протянула руку, осторожно касаясь плеча волшебника в странном порыве нежности и желания то ли как-то утешить его, то ли защитить. Спрашивать, что происходит, я не решалась, хотя очень хотелось.

– Ты... не надо тебе такого видеть, – тихо сказал Кондор и выпрямился.

Он все еще закрывал лицо рукой. Я не сразу поняла зачем, но потом увидела, как между его пальцев просачивается кровь, ярко-алая на фоне бледной кожи.

Кондор посмотрел на свою ладонь, испачканную красным, с обреченным изумлением, чуть приподняв одну бровь, и невесело ухмыльнулся.

– Стоит признать, эти приключения дорого мне обходятся, Мари, – с горькой иронией сказал он и снова закрыл нос рукой. Лицо его

сейчас казалось изможденным до крайности, осунувшимся и каким-то заострившимся. – Сейчас прой...

Он не договорил, потому что с тихим стоном потерял сознание и рухнул ко мне на колени, успев схватить за руку, словно просил о помощи. Холодные пальцы в моей ладони тут же стали безвольными, и я сжала их так крепко, что одно из колец впилося в кожу острым выступом.

Сквозь слезы и страх я вспомнила, что нужно делать, и не без труда усадила Кондора так, чтобы он не захлебнулся собственной кровью.

В ней было все: мои руки, джинсы, его рубашка. Я пожалела, что оставила так благородно выданный мне платок где-то в спальне, а не сунула его в карман.

Я залезла на диван с ногами и устроилась рядом с Кондором, не давая ему снова упасть.

Он не откликнулся на имя – ни на одно из имен, которые я знала. Дыхание было слабым, но оно было, значит...

– Господин маг все-таки перестарался и остался без сил? – раздалось откуда-то сбоку.

Я вздрогнула и обернулась.

Ахо сидел у зеркала. Он был в облике кота и, как мне показалось, усы топорщил с явным ехидством. Кот-не кот дернул ухом и зевнул, заметив, что я смотрю на него, а потом медленно, с достоинством переместился в сторону стола и ловко прыгнул на него.

Я всхлипнула и замерла.

– Ай-ай-ай, как нехорошо. – Пасть кота не пошевелилась, словно говорящий был внутри кошачьего тела или прятался за ним. – Такое небрежное отношение к собственной силе непростительно для взрослых опытных магов. – Кот снова зевнул, показывая клыки, и царапнул когтями столешницу, словно бы продемонстрировав мне эти самые когти. – Что смотришь, человечье дитя?

Не отрывая от Ахо взгляда, я произнесла имя Сильвии – так громко и четко, как позволяли мне слезы.

Сильвия не пришла. Ни сразу, ни через пару минут, когда я позвала ее снова.

Кот то ли фыркнул, то ли чихнул.

– Лесная леди не придет, – сказал он насмешливо. – Мой господин поставил чары так, чтобы она могла войти сюда только по его личному приглашению.

Он прыгнул вниз, на пол, но пола не достиг – вместо этого он перетек в собственную тень и взмыл в воздух уже в обличье крылатой твари, нагло улыбающейся мне во все свои мелкие острые зубки.

– Самонадеянность губит чародея быстрее и вернее яда или смертельных заклинаний, – заметил он, разглядывая Кондора. – Он может прийти в себя хоть сейчас, а может провалиться так пару суток, если ты ему не поможешь. – Ахо подлетел чуть ближе, завис буквально в ладони от моего лица. – А может умереть.

На личике фэйри появилось выражение хитрого самодовольства.

– Тогда помоги ему, – сказала я, надеясь, что голос звучит твердо.

И тут же предательски всхлипнула.

– Условия моего с ним соглашения исключают выполнение любых касающихся его жизни и здоровья приказов, исходящих от третьих лиц в физическом или... – Ахо покосился на волшебника. – Или в ином отсутствии хозяина. Во избежание соблазна причинить ему вред.

Он хихикнул и на всякий случай отлетел подальше:

– Но я могу дать тебе совет.

Пикси с легким стрекотом переместился и застыл перед моим лицом, приложив крохотный пальчик к тонким губам. Он демонстративно думал, старательно изображая и человеческую мимику, и человеческие привычки вообще. Я вскинула голову: мне хотелось надеяться на лучшее, но из-за этой его странной, карикатурной задумчивости я чувствовала подвох.

И потом – Кондор предупредил меня, что доверять Ахо не стоит.

– Поцелуй его, – медленно и четко сказал пикси.

Он был серьезен настолько, насколько может казаться серьезным кто-то вроде него.

– ЧТО?

Серьезность сменилась сияющим самодовольством и хитростью, и мне тут же захотелось поймать Ахо и поступить с ним так, как поступают дети с бабочками или стрекозами.

Кажется, фэйри мой настрой понял – он криво улыбнулся одним уголком рта, еще раз обнажив и продемонстрировав мне зубы.

Я перевела взгляд на Кондора и нервно сглотнула, почему-то подумав, что со следами крови на губах он похож на вампира, спящего после ужина с глупой человеческой девицей. Стоило, наверное, бежать отсюда и звать на помощь Ренара, но оставлять беспомощного волшебника наедине с Ахо я не хотела.

Я протянула руку и убрала со лба Кондора прядь волос. Его кожа была холодной, дыхание – все еще слабым. Хоть кровь из носа идти перестала, правда, обивку дивана и нашу одежду это уже не спасет.

– Ахо, я...

– Тебе мешает стыд? – Фэйри сел на спинку дивана сбоку от меня и наблюдал за всем блестящими темными глазами. – Как это по-человечески!

– Да ты просто издеваешься, – поняла я.

Он рассмеялся, весело болтая ножками, словно вся ситуация казалась ему забавной шуткой.

– О нет, я серьезен! Ты не знаешь многих законов этого мира, нездешнее дитя! Говорят, поцелуй, полный искренних чувств, творит настоящие чудеса!

– Я тебе хвост дверью прищемлю, – пообещала я и покраснела.

– Поймай для начала! – Ахо захихикал, взмыл в воздух и замер ровно на том расстоянии, на котором он был в абсолютной безопасности от моих пальцев. – Я знаю, что ты боишься, – напомнил он злорадно, но тут же его интонации стали спокойными, почти ровными и даже доброжелательными. – И твой страх очень сладок. Ты можешь остановить все раньше, чем я откушу тебе кончик уха, например. И ведь я даже не предлагаю тебе что-то... неприятное. Попробуй. – Ахо сел на краешек одной из полок и приобнял статуэтку грифона, которая стояла на ней. – Попробуй, и я приведу рыжего, – пообещал он и еще шире улыбнулся.

Я зло сжала губы и поняла, что, пожалуй, это честная сделка.

По крайней мере, казалось мне, я ничего не теряю.

Кроме самолюбия, если волшебник очнется в процессе. Или если ему разболтают.

На то, что он очнется до, я очень надеялась, но нет. Не очнулся. Не очнулся, даже когда я осторожно провела рукой по его щеке, извиняясь за то, что собиралась сделать.

Ахо взлетел и замер в воздухе, вытянувшись в нашу сторону, внимательный и предвкушающий. Я не понимала, чего он добивается, и, честно говоря, уже не хотела думать и строить предположения.

Поцелуй получился с привкусом крови и слез. Я стояла на коленях рядом с Кондором, стараясь не дотрагиваться лишней раз, не нарушать чужие границы еще сильнее, чем уже это сделала. Все, что я себе позволила, это осторожно придерживать голову мага, запустив пальцы в его жесткие темные волосы, почему-то казавшиеся на ощупь похожими на птичьи перья.

Я искренне надеялась, что Кондор не придет в себя сразу, и не знаю, чего боялась больше, его гнева или того, что он ответит на поцелуй.

Кончики пальцев слегка покалывало изнутри.

Ахо что-то невнятно, но красноречиво хмыкнул.

Я злобно вскинула голову.

– Достаточно?! Видишь, ничего не получилось!

– Вполне, – фэйри резво отлетел в сторону и уставился на мои руки.

Я удивленно перевела взгляд на них и чуть не вскрикнула: сквозь кожу было видно, как вдоль вен проступает что-то бледно-серебристое, сияющее, и с каждым ударом сердца это сияние становилось все ярче и ярче. Покалывание в пальцах стало сильнее, под кожей ладоней нарастала щекотка.

«Нет ощущения, что ладони горят?»

Торжествующий звонкий хохот фэйри заполнил комнату.

– Я так и учуял! От тебя слишком пахло магией, человечье дитя! – Ахо суетливо кружил рядом, как назойливая и любопытная муха-переросток, едва ли не принюхиваясь ко мне, но старательно держась на безопасном расстоянии.

Я же в ступоре наблюдала, как просачивается на кончиках пальцев это сияние, как оно стекает с моей руки, оставаясь в воздухе едва заметным туманным шлейфом, стоит только пошевелить пальцами.

Красиво. И страшно.

Стало холоднее.

С очередным выдохом я заметила, как изо рта вырвался пар.

На границе слуха раздался легкий стеклянный перезвон, уже знакомый и потому страшный. Я обернулась к зеркалу и увидела, как и

зеркало, и оконные стекла покрылись тончайшим слоем узоров инея.

И стало тихо.

– Очнись, пожалуйста, – я осторожно потрясла Кондора за плечо.

Он не очнулся.

Ахо тоже исчез – или спрятался где-то, где я его не видела. Я позвала его, но пикси не появился.

Впервые за все это время я пожалела, что слуг в замке почти нет. Или есть, но не люди, и общаться с ними я не умею. Я осталась одна с чем-то неведомым, странным и необъяснимым, и мне было чертовски страшно.

Щекотка под кожей превратилась в боль. Ладони жгло, вдоль вен словно тек жидкий серебряный огонь. Мне хотелось расцарапать кожу, только бы это ушло, пропало, вытекло из меня прочь.

Еще больше мне хотелось оказаться не здесь, и если мне сейчас придется бежать из кабинета и тащить Кондора с собой – на себе – то я была к этому готова.

Всхлипнув, я схватилась за руку волшебника и переплела наши пальцы – и тут же мое запястье свело странной судорогой.

Пальцы Кондора с силой сжались. Я зашипела от боли, проклиная все его кольца, но обрадовалась тому, что он, кажется, начал приходить в себя – пусть медленно, но начал.

Кондор открыл глаза и уставился на меня и на то, во что превратилась комната.

На покрытые инеем стекла – и на серебро.

Оно сейчас было всюду. Мои руки были в серебре, в туманном сиянии, которое уходило сквозь пальцы и оплетало ладонь Кондора, уползало вверх по его руке. Я не могла пошевелиться то ли от страха, то ли почему-то еще, и пальцы разжать я тоже не могла. Они не слушались меня.

Кондор смотрел на все это в изумлении. Он что-то прошептал, зажмурился, глубоко вдохнул – и отпустил мою руку с какой-то странной легкостью.

В тот же момент мне показалось, что внутри меня что-то разбилось на тысячи мелких, острых ледяных осколков – и вместо жидкого огня под кожей разлился холод, жуткий, уничтожающий все, что способно дышать.

Я успела услышать удар, звук открывающейся двери, голос Ренара и то, что Кондор что-то отвечает ему, успела почувствовать, как меня хватают за плечи, открывают мне рот и вливают в него что-то горькое и обжигающее.

А потом мне стало так больно, что лучше бы я умерла, захлебнувшись ледяной водой, текущей с другой стороны мира.

De Profundis

Магия, мадам, пьянит как вино, и если вы непривычны к ней, то рискуете быстро опьянеть.

Сюзанна Кларк, «Прощай-Милость, или Дамы из Грейс-Адье»

Я пришла в себя, когда голоса, эхо которых плыло где-то в моих грезах замысловатыми диалогами, вдруг стали громче и приобрели весьма явные призывы начавшегося спора.

– Не хотелось бы рисковать своей шкурой, но, Кондор, мать твоя... достойная женщина, здесь не я клювом прощелкал.

Это совершенно точно был Ренар.

Потому что кто еще осмелится на такое?

– Твоя задача была очень проста, – огрызнулись в ответ. – И заключалась в том, чтобы развлекать девушку. А не оставлять ее одну в толпе!

В последней фразе было столько гнева, что даже произнесенная не слишком громко, она отозвалась в моей голове приступом острой боли.

– Во-первых, не в толпе, – не в пример спокойнее ответил Ренар. – Во-вторых, так было нужно. В тот момент. Кто же знал?

Кондор вздохнул и ответил уже мягче, с каким-то оттенком раскаяния:

– Да никто не знал. И знать не мог.

Он резко замолчал, словно почувствовал, что я их слушаю. Я попыталась моргнуть. Это удалось с трудом: от крошечного движения жесткий обруч боли сдавил мою голову еще сильнее. Притворяться, что я все еще не в сознании, не хотелось, хотелось пить. Страшно. Такой жажды у меня не было никогда – рот словно высох, губы потрескались и болели.

Я попыталась повернуться набок, но не смогла. Головы была тяжелая, тело не слушалось, оно было обессилено до предела. Я шевельнула рукой, дернула ею судорожно, неловко, и мне показалось, что рука прошла сквозь толщу чего-то вязкого, тяжелого, мешающего

двигаться. Я издала какой-то полувсхлип, полукрик, и теплые ласковые пальцы легли мне на затылок, помогая приподнять голову.

– Тихо, все хорошо, – сказал Ренар.

Он попытался усадить меня рядом, но я бессильно привалилась к его плечу, сгорая от стыда и беспомощности.

– Теперь-то да, все хорошо, – голос Кондора звучал сухо.

Я услышала плеск воды, звон стекла, потом меня заставили запрокинуть голову и влили в рот что-то. Отвратительное. Невероятно кислое. Холодное.

Я попыталась дернуться, но руки Ренара крепко держали меня, да и сил сопротивляться просто не было. Сделать глоток удалось с большим трудом, горло отозвалось саднящей болью.

– Потерпи, милая, – мягко сказал Кондор. – Сейчас будет лучше.

Он говорил что-то еще, совершеннейшую ерунду, вроде той, которую твердят детям, когда дают горькое, но эффективное лекарство. Я не понимала и половины слов, меня ломало и выкручивало, трясло, как при ознобе, и тогда Ренар прижимал меня к себе, словно я могла вырваться и упасть.

Наконец, я смогла открыть глаза. Мир ослеплял меня, он был слишком резким, болезненно-ярким. Я смотрела вокруг, щурясь и чуть не плача от боли, шока и собственной беспомощности, пыталась понять, сколько сейчас времени, и тот ли это вообще день, и что же, черт возьми, произошло?

– Пей. – Кондор протянул мне стакан с чем-то, и я отпрянула, не решаясь взять его, потому что ждала очередного подвоха. – Это просто вода, – сказал Кондор. – Самая обыкновенная. И если ты не выпьешь, я волью ее в тебя насильно.

Моя рука дрожала так, что я чуть не расплескала содержимое стакана, оказавшегося сейчас слишком тяжелым. Зубы стукнулись о стекло. Вода. Действительно, просто вода, потрясающе вкусная, холодная, самая обыкновенная вода.

– Еще. – Я вытерла губы ладонью. – Пожалуйста.

Кондор понимающе хмыкнул.

После второго стакана я сообразила, что сижу на диване в кабинете, одетая в ту же рубашку, которую маг любезно одолжил мне ночью. Голым ногам было прохладно, я смутилась и поджала их, неловко пытаюсь натянуть подол рубашки на колени.

– Оставь, котенок, все, что нужно, мы уже видели, – фыркнул Ренар, и я только зубами скрипнула. – Твоя одежда была вся в крови, – добавил он, словно пытался оправдаться, и покосился на Кондора.

Понятно, в чьей крови.

Меня все еще трясло, но не от холода или озноба, а от страха. Мой мир успел дважды разбиться вдребезги за эту ночь и утро, и я уже не знала, что думать и на что надеяться. Голые колени сейчас действительно были наименее важной из всех моих проблем.

Я затравленно посмотрела на Ренара – на его губах была хитрая улыбка, но глаза стали непривычно серьезными, внимательными, как никогда – и перевела взгляд на Кондора, бледного, как смерть, с заострившимися чертами лица, настолько усталого на вид, что, казалось, он сейчас упадет. Опять.

– Что? – неожиданно иронично спросил маг.

– Синяки, – сказала я, – удивительно подчеркивают цвет глаз.

Он сдержанно рассмеялся и сел на стол.

«Знает ли Кондор о том, что было, пока он валялся в отключке?» – подумала я. Сложное и неблагоприятное занятие – гадать об этом. Ахо поблизости тоже не наблюдалось, и, наверное, оно было к лучшему. Я тяжело вздохнула, как перед прыжком в холодную воду, и спросила прямо:

– Что я опять натворила?

Кондор приподнял одну бровь и криво усмехнулся.

– Какой интересный вопрос, – сказал он. – Не что случилось и не в чем дело, а что ты опять натворила. С чего бы начать?

Он дотронулся пальцем до подбородка, словно задумался, перебирая в голове варианты ответа.

Ренар ласково погладил меня по плечу.

– У тебя магическое истощение, – сказал он. Кондор бросил на нас внимательный взгляд, но не стал мешать. – Очень серьезное. Такое случается, знаешь, когда волшебники долго действуют на пределе своих сил...

– Или лезут, куда не следует, – закончил за него Кондор. – А вы, леди Лидделл, так хотели спасти меня, что каким-то немислимым образом догадались влить в меня весь резерв, который у вас был. – Он покачал головой, рассматривая меня, как ребенка, который совершил

серьезный проступок, сам того не зная. – Все было бы не так страшно, если бы ты не сделала это так... резко и быстро...

– И заодно выморозила весь кабинет изнутри, – сказал Ренар и посмотрел на меня сверху вниз. – Не помнишь?

Я помотала головой.

Но поверила ему. Потому что хорошо помнила иней на всех стеклах и пар, вырывающийся изо рта.

– Твой волшебный кавалер, милая, по всей видимости, решил сделать тебе поистине королевский подарок, – сказал Кондор, и я покраснела. – Он использовал тебя как сосуд для энергии. – Кондор наклонил голову набок. – Я читал о таком, но никогда не встречал.

Ренар присвистнул. Он выглядел удивленным, видимо, тем, что Кондор чего-то такого не встречал.

– Это, конечно, стоило бы заметить сразу, но прогулки по Изнанке в любом случае оставляют след, поэтому я не заметил. – Кондор выждал паузу, дав мне откашляться. Вроде бы без ощущения, что во рту появилась ледяная вода. – Сейчас тебя мучает абсолютно закономерный и справедливый откат. Он неприятный, но уже ничем тебе не угрожает. Кроме головной боли и общей слабости. Но это можно поправить.

Он замолчал, видимо, ожидая, как я себя поведу после всего, что узнала.

Я же повела себя никак. Я ничего не могла.

Ни радоваться. Ни бояться. Ни переживать по этому поводу.

Мне было так плохо, что все, на что я была способна, это сидеть, прижавшись к Ренару, теплomu, как кот, и изредка вздрагивать.

– Где... пикси? – спросила я.

Кондор дернул головой, словно не расслышал фразу достаточно четко.

– Ахо? – переспросил он. – Наказан.

– М-м, – только и смогла ответить я.

– Только не начинай его оправдывать, – добавил Кондор.

– Я и не собиралась, – выдохнула я, думая, а все ли он знает.

И если знает, то что мне делать?

«Впрочем, – подумала я, – это сейчас не так уж важно».

И, кажется, за всем этим я пропустила какую-то сказанную мне фразу.

Ренар осторожно потрепал меня по плечу, возвращая в реальность. Кондор осуждающе покачал головой.

– Если все дальше пойдет так же, как сейчас, Мари, я с тобой поседею раньше времени. – Он ловко спрыгнул со стола, налил воды в стакан и протянул мне. Очень кстати, потому что жажда меня все еще мучила. – Когда в следующий раз решишь спасти мою жизнь, пожалуйста, постарайся не потерять свою.

Я чуть не поперхнулась водой.

– В смысле спасти твою жизнь?

С очень спокойной улыбкой волшебник забрал у меня стакан, поставил его на стол и отошел в сторону одного из шкафов, витражные дверцы которого были плотно закрыты.

– Моей жизни ничего не угрожало, – сказал он, на что Ренар как-то скептически хмыкнул, но промолчал. – Я перенапрягся немного, но... такое бывает. Иногда, – добавил Кондор и получил еще одно скептическое хмыканье в свой адрес.

«Конечно, – подумала я, – магическое истощение, вот как это называется. То, что было с тобой. Если я, конечно, все правильно сейчас поняла».

Вспышка – и шкаф открылся. Разглядеть, что в нем, было сложновато, но я видела какие-то книги и склянки разных размеров, закрытые коробки и ящички. Видимо, что-то ценное, раз Кондор открывал замок магией, а не ключом.

– Сейф для подозрительных зелий?

Я попыталась встать, опираясь на руку Ренара.

Но тот не позволил.

– Ты уверена, милая? – спросил он хитро, и я поняла, что не уверена.

Все куда сложнее, чем я думала: ноги дрожали, каждое движение давалось невероятным усилием. Ренар осторожно усадил меня назад. Я ткнулась ему в плечо, позволяя привлечь меня ближе и обнять.

– Не только подозрительных и не только зелий, – отозвался Кондор, поворачиваясь в нашу сторону.

В его руке был небольшой флакон из темного стекла, совершенно неприметный в отличие от изящного, сияющего гранями пузырька с моим «снотворным». Я вздрогнула, когда маг, вытащив зубами пробку,

вытряхнул на ладонь что-то и кинул это что-то в тот самый стакан, из которого я пила.

– Это последнее, что тебе сегодня не понравится, обещаю, – сказал он. – Нет, не настолько не понравится, – добавил он, заметив мой испуг. – Это не больно, просто невкусно.

Стоило плеснуть в стакан воды, как она зашипела и окрасилась в багряный цвет, стала похожа на густой вишневый сироп. Я закусила нижнюю губу, понимая, что, видимо, мне придется это выпить несмотря ни на что. Ренар крепко держал меня за плечи, готовый не давать мне вырваться, если я вдруг вздумаю сопротивляться. Я сделала глубокий вдох, с невероятной болью и обреченностью глядя на изящную руку Кондора, протягивающую мне стакан.

– Зачем? – прошептала я, пытаюсь оттянуть время перед прыжком в неизвестность.

– Быстро восстановит силы. Не только в физическом плане, – ответил волшебник. – Иначе, боюсь, ты проведешь три-четыре дня в постели, добираясь в уборную вдоль стенок.

Я вздохнула и взяла стакан из его рук. Зелье не пахло ничем, только пузырьки щекотали нос, как если бы в стакане была газировка. Зажмурившись, я сделала первый глоток.

Оно было безвкусным до отвращения. Мне казалось, что я глотаю пустоту, только под конец язык царапнули какие-то песчинки осадка. Отсутствие послевкусия оказалось мерзостным, и я сидела, ошарашенная, не зная, к чему готовиться и чего ждать.

А потом под кожей стало щекотно. Кончики пальцев знакомо покалывало, и я от испуга и неожиданности чуть не уронила стакан, который все еще держала.

– Все, началось, – Кондор забрал стакан у меня и кивнул Ренару.

Тот помог мне встать – ноги все еще дрожали, я едва могла сохранять вертикальное положение, не падая и не заваливаясь набок.

– Можно я тут посижу? – взмолилась я.

Пространство вокруг казалось неустойчивым, а я сама – очень легкой, стоит взмахнуть руками – и взлечу. Скорее всего – вниз. Ренар подхватил меня на руки, я аж ойкнула от неожиданности и вцепилась в его плечи, притихнув и стараясь не шевелиться, пока он будет меня нести.

– Нет. У меня большие планы на этот диван. – Кондор открыл двери кабинета, пропуская нас. – Я планирую на нем как следует выспаться.

Погода испортилась окончательно.

Ветер выл за окнами, бился в стекла так, что они дрожали. От густого снегопада сумерки наступили раньше, и там, снаружи, казалось, все заволочло белесым туманом. Силуэты гор спрятались, лес медленно заметало.

Было это просто шалостью погоды или следствием чего-то иного – кое-чего нового знакомства, например, или вмешательства чужой потусторонней воли – не скажешь наверняка. Но сквозняки, гуляющие по замку, стали неприятными.

Любой замок полон сквозняков, конечно. Они гуляют по длинным темным коридорам на правах хозяев, шевелят портьеры, пугая слишком впечатлительных гостей, касаются босых ног, если зазеваться, гасят огни свечей.

Если долго жить в замке вроде этого, к таким вещам привыкаешь.

Но сейчас все было немного... не так.

Ренар сидел на кухне напротив очага, огонь в котором сейчас тоже горел как-то не так. Он казался тусклым, пламя пожирало дрова нехотя, словно они отсырели. В самом темном углу, сбоку, куда свет очага не попадал, было пусто – Хогаро, боггарт, который облюбовал себе кухню и заботился о ней и двух ее обительницах, двух девушках, попавших в замок из окрестных деревень, куда-то ушел.

Не было его уже давно.

Не то чтобы это было неправильно, нет. Боггарты могли перемещаться по замку свободно, но каждый привязывался к своему любимому углу и часто дремал в нем днем. День еще не закончился – а Хогаро куда-то пропал. Сидеть в одиночестве было скучновато.

Дверь открылась с легким скрипом, дерево ударилось о камень. Ренар обернулся.

Ива, одна из служанок, тихо проскользнула на кухню. Она, кажется, не сразу поняла, кто здесь, поэтому двигалась осторожно,

словно боялась. Но стоило ей разглядеть Ренара, как девушка улыбнулась.

– Ах, это вы, господин...

Она была маленькой и все еще очень худой, словно в доме, где она выросла, ее плохо кормили, и это было уже не исправить. Длинные золотистые волосы прятались под темным чепцом, и потому лицо Ивы казалось еще более детским.

– Ага, всего лишь я. – Ренар улыбнулся в ответ. – А ты ожидала клыкастое чудовище?

Она смутилась и поплотнее запахнула на груди теплую шаль.

А потом подошла ближе и тоже села напротив очага, покосившись на металлическую решетку, на которой стояла сковородка с будущим обедом Ренара и медный чайник.

Чтобы поставить эту решетку в очаг, нужно было дожидаться, когда дрова превратятся в угли. А дрова тем временем горели очень, очень лениво.

Ива это отлично знала.

Фэйри не умеют готовить. Человеческая еда в их руках превращается в нечто странное – и не всегда безопасное. Дело редко было в злом умысле, куда чаще – в фейском представлении о природе еды. Поэтому в замке имелаась Ива. И еще одна, вторая девушка – Линд, чуть менее застенчивая, чуть более колючая, со злыми темными глазами. Они обе однажды заблудились в лесу, попали не на ту тропу, по которой должны были идти, и встретили на этой тропе женщину в темном плаще до самой земли, женщину, которая держала фонарь, словно вышла из дома в поисках пропавшей козочки.

Ренар старался не задумываться о том, было это жестокостью со стороны Сильвии или проявлением своеобразного милосердия: обе девушки шли в город, где их ждала не самая приятная судьба, но...

– Составишь мне компанию, Ива? – мягко спросил Ренар.

Она посмотрела на него исподлобья почти испуганно и скромно отвела взгляд.

– С большим удовольствием, господин, – тихо сказала Ива.

Он поморщился и напомнил ей, что называть его господином не стоит, и они оба уставились в огонь. Тот, наконец, разгорелся бойчее.

Когда в очаге остались лишь тлеющие угли, когда содержимое сковородки – три крупные форели с припасенными с осени овощами –

были уничтожены, а чай с травами выпит, Ренар потянулся к трубке, оставшейся в кармане сюртука.

И к самому сюртуку.

Потому что что-то действительно было не так.

– Тебе не кажется, что стало холоднее? – спросил он растерянно, сжав ткань в руке.

Ива так же рассеянно кивнула.

– Не кажется, – ответила она. – Так и есть. Госпожа Сильвия сказала, что...

Она не успела договорить: темнота в том углу за очагом, куда свет от огня никогда не попадал, сгустилась, став плотной и живой.

Хогаро объявился.

Он скрывался в тених, можно было разглядеть лишь силуэт, похожий на силуэт не то ребенка, не то очень маленького, согнутого старостью взрослого, замотанного в лохмотья. Хогаро молчал, но странное напряжение, повисшее в воздухе, нечто такое, похожее на предчувствие беды, почему-то заставляло думать, что если бы боггарт мог – он бы заговорил. Что-то мешало ему.

Ренар сделал Иве знак, чтобы она вышла в коридор. Девушка послушалась: она выскользнула за дверь быстро и тихо, как тень, не задавая лишних вопросов, не демонстрируя наигранной обиды. Она не станет подслушивать под дверь, Ренар знал это совершенно точно, скорее – убежит искать, что бы такого сделать, чтобы быть полезной.

Напряжение исчезло.

Хогаро вздохнул – если о фэйри можно было бы это сказать – абсолютно по-человечески. Он выбрался из угла, отряхнулся, как большая собака, поежился и поднял на Ренара лицо.

Почти человеческое – и потому все еще жуткое. Куда более жуткое, чем могла бы быть оскаленная хищная морда или голый череп с провалами глазниц.

– Гость, – сказал Хогаро. Голос его звучал как голос человека, которому сложно говорить: хрипло, резко, сдавленно. Человеческий язык был Хогаро непривычен – и он бросался короткими, рваными фразами. – Гость у входа. Пришел из города. Человек. Стоит у ворот. Холодно.

Он замолчал, словно устал говорить, остался на месте, тяжело дыша и глядя на Ренара исподлобья, настороженно, будто бы ждал

какого-то решения.

Чувство, что что-то не так, снова нахлынуло.

Это были чары боггартов – безобидных, в принципе, созданий, которые не любили, когда на них смотрят посторонние. Чары могли вызывать кошмары, внушить, что в темноте скрывается что-то недоброе, голодное и опасное, придавить случайного свидетеля необъяснимым ужасом к полу. Боггарты не питались чувствами, в отличие от многих других фэйри, куда больше им по нраву была миска свежих сливок, но они умели эти чувства внушать. Страх был самым простым.

Даже когда всего-то и нужно было заставить собеседника набросить на плечи сюртук и выйти навстречу к незваному гостю.

– Сильвия знает? – на всякий случай уточнил Ренар, не сомневаясь, впрочем, что уж Сильвия-то точно знает.

Хогаро кивнул – и медленно, с явной усталостью отполз в свой угол.

Метель и правда разгулялась. Пока Ренар дошел от входа в замок до ворот, кутаясь в старый шерстяной плащ, на капюшоне успела собраться горка снега. Снег пытался налипнуть и на фонарь, который Ренар нес в руках, но внутри фонаря были три свечи, и снег таял, капли воды оседали на стеклах и падали вниз.

Выходить вот так – одному, с фонарем, в белесых зимних сумерках, в непогоду – к незнакомцу за воротами было, наверное, неосмотрительно, но Ренар отлично знал, что произошло бы с кем-то, явившимся в замок с недобрыми намерениями. Если Хогаро сказал, что там человек, значит, там был человек. Один. Совершенно беззащитный и перед зимней бурей, и перед тем, что стояло у Ренара за спиной. Метафорически, конечно, но лишь до поры.

Поэтому Ренар постарался придать себе беспечный вид и без страха распахнул калитку в воротах.

И поднял фонарь повыше, разглядывая человека в форме стражника Йарны. По всей видимости, важного человека, потому что далеко не каждый из стражников имел честь носить не просто знак отличия, но форменную куртку.

– Доброго вечера, господин Кайрен, – сказал Ренар, когда понял, кто перед ним, и отошел в сторону, чтобы вечерний гость смог шагнуть во внутренний двор замка. – Не скажу, что рад вас видеть, но, признаюсь, изрядно удивлен...

Начальник городской стражи Ульрих Кайрен бросил на Ренара раздраженный взгляд. Ему не нравилось здесь находиться, он был... не зол, скорее, недоволен всем этим: и погодой, и слишком веселым тоном Ренара, и тем, что оказался не в городе, у камина в собственной гостиной, а в замке, затерянном в лесах, куда попал, конечно же...

– Герхард провел вас через портал? – уточнил Ренар, хотя других вариантов не было.

Идти в тепло он не торопился. Не из вредности – из странного желания проверить пределы терпения столь важной шишки, как начальник стражи.

– Мастер Оденберт воспользовался ключом, – сказал господин Кайрен. Метель постепенно превращала его в снеговика. – И просил меня...

Его рука нырнула в карман форменной куртки, но Ренар решил, что с бедняги хватит.

– Просил вас показать нам некий амулет, – кивнул он и махнул рукой в сторону дома. – Покажете его волшебнику, если он не спит, или госпоже Сильвии. А пока, прошу, пойдете в тепло. Болтать на морозе – не лучшая идея.

Ива встретила их почти сразу за дверью черного хода. Она сторожила вход – на всякий случай – и была готова бежать и звать кого угодно, если потребует. Ренар кивнул гостю на вешалку, ряд металлических крючков, торчащих из стены.

– Можете оставить куртку и шляпу здесь, господин Кайрен, – сказал он все с той же беспечностью. – Ива, будь так добра, передай, что нам нужен очень горячий чай и отличный огонь в Зеленой зале, а еще... – Он посмотрел на девушку внимательно, словно пытался понять, под силу ли ей еще одно поручение, и сказал, понизив голос, чтобы чужак не расслышал: – А еще нужно, чтобы или ты, или Линд отвлекли нашего господина мага от столь важного дела, как отдых. Пожалуйста, – добавил он, видя, как Ива поменялась в лице.

Она очень боялась Кондора – каким-то почти суеверным страхом, который за несколько лет так никуда и не делся. Заставлять ее идти

проверять, проснулся ли он, было почти жестоко, и Ренар чувствовал что-то вроде угрызений совести. И был готов в случае чего придумывать другой план.

Но Ива покорно кивнула и исчезла, прихватив с собой еще один фонарь.

Господина Кайрена Ренар видел всего пару раз. Они были знакомы – представлены друг другу, потому что когда-то давно Кондор об этом позаботился, но Ренар старался держаться подальше от любого из стражников и тем более от их начальства. Себе дороже с такими связываться, рассуждал он и старался не связываться.

Господин Кайрен казался со стороны взрослым, матерым хищником, умным и сильным. Было в нем, правда, что-то доброе, но Ренар не сомневался, что эта доброта имеет свои пределы и на кого-то вроде него в случае чего не распространится.

Но сейчас они были не в городе, а значит, правила игры менялись.

Ульрих Кайрен выглядел почти смущенным. Совсем не начальственным. Темные, с еле заметной пока проседью волосы промокли от снега, на лице застыло выражение хмурой сосредоточенности, которое делало его суровее. Господин Кайрен, наверное, не знал, к чему готовиться, кого он встретит здесь, и как его примут, поэтому боялся – но страха не выдавал.

– На самом деле, – сказал он, когда Ива ушла, оставив их одних. – Я должен лишь передать Мастеру дель Эйве письмо и пару фраз. Это, скажем так, очень важно.

«Конечно, важно, – подумал Ренар. – Раз уж ты пришел сюда под вечер. Раз уж Герхард отправил тебя к нам, у него должно быть очень веское основание».

– Пока мы идем в гостиную, вы расскажете мне, что случилось, – сказал Ренар чуть серьезнее, чем говорил до этого.

– Боюсь, это дело к волшебнику, – ответил господин Кайрен почти резко.

– Мастер дель Эйве сейчас занят. – Ренар улыбнулся. – Так что вам придется либо довольствоваться моим обществом, либо подождать. Но я в любом случае не прощу себе, если не дам вам возможность согреться, поэтому прошу. – Он чуть поклонился и указал рукой в ту сторону, куда им нужно было идти. – Чашка горячего чая и живое пламя в камине – то, что нужно после прогулки в метель.

Пусть даже короткой. Поверьте, я знаю, как крута лестница, ведущая от портала, и как темен лес вокруг нее.

Взгляд господина Кайрена все еще был полон недоверия, но Ренар не сомневался, что тот согласится и на чай, и на беседу.

– Случилось нечто... необычное, – сказал господин Кайрен уже в Зеленой зале. – Что-то, что заставило Мастера Герхарда просить вашей помощи.

Он сидел в кресле почти на самом краю, как застенчивая девица, и беспокойно озирался по сторонам. Озирался он и по дороге сюда: все коридоры и лестницы они прошли молча, потому что начальнику городской стражи было неуютно. Ренар чувствовал своеобразное злорадство, когда господин Кайрен хмурился, пряча за суровостью испуг. Не каждый день такое увидишь.

Впрочем, Ренару хватило и ума, и такта не выдать свое злорадство и не начать подначивать беднягу.

И сейчас он сидел в кресле напротив господина Кайрена, спокойный и настолько серьезный, насколько мог, и внимательно слушал.

– Не знаю, имею ли я право говорить это вам, господин...

Стражник замялся, и Ренар понял, что так и не назвал ему свое имя.

А тот и не торопился спрашивать, пока не приперли к стенке.

Ренар усмехнулся и представился, извинившись за то, что не сделал этого раньше. За долгие годы он привык, что кто-то вроде него, в определенных обстоятельствах, конечно, не входил в планы и не брался в расчет, когда нужно было решать серьезные вопросы. Иногда это раздражало, даже обижало, иногда – как сейчас, было почти все равно.

Скорее всего, господин Кайрен решил, что слуга волшебника из замка проводит его до самого волшебника и исчезнет, но ишь ты – теперь этот самый слуга сидит перед ним с вполне хозяйским видом и ждет объяснений.

Пока сам волшебник спит.

И если бы Ренару пришлось решать, он бы заставил его проспать еще сутки. И никаких стражников, никаких Герхардов с их проблемами.

– Стучилось нечто необычное, – продолжил господин Кайрен. Он устроился в кресле поудобнее, словно теперь, когда знал условное имя собеседника, ему стало не так страшно. – Один юноша, сын весьма уважаемого горожанина, заколдован. Весьма жестоким способом. Он, скажем так, потерял способность говорить, и наш Мастер пока не смог снять с него это заклятие. Поэтому он...

– Отправил вас к нам, я понял, – Ренар кивнул.

– Он передал через меня письмо для Мастера дель Эйве. – Господин Кайрен вытащил из поясной сумки небольшой конверт и положил его на стол рядом с подносом, на котором уже почти остыл чай. К чаю господин Кайрен так и не притронулся, и это Ренар тоже находил забавным. – Сказал, что описал там проблему так, чтобы господин волшебник понял, с чем имеет дело. Поэтому...

– Поэтому вам нужен наш волшебник, я понял. – Ренар снова кивнул. – Я отправил служанку за ним. Но волшебники, знаете ли, очень занятые существа, поэтому пейте чай, господин начальник стражи, в любом случае придется ждать.

– В таком случае, – господин Кайрен расправил плечи, – вы не будете против, если я закурю?

– О, я с удовольствием составлю вам компанию!

Кондор появился еще до того, как Ренар начал беспокоиться и думать, как бы еще задурить голову незваного гостя. Господин Кайрен уже начал задавать вопросы, неудобные вопросы о замке, например, о том, кто в нем работает, кто живет здесь, кому он принадлежит. Что ему отвечать – было неясно, потому что Ренар не знал до конца всю ту ложь, которую в свое время скормили градоначальнику Йарны, а тот, в свою очередь, своим подчиненным. Поэтому Ренар ускользал от ответов, болтал о погоде, о разыгравшейся метели, о празднике, который прошел и которого господин Кайрен, конечно же, толком не застал.

– Много работы, – отговорился он и нахмурился. – Должен же кто-то следить за порядком.

Он замолчал буквально на пару мгновений, а потом открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, что, кажется, давно зрело и хотело быть

высказанным, и Ренар уже приготовился уводить тему в сторону, как дверь, ведущая в зал, открылась, и появился волшебник.

То, что еще четверть часа назад он, скорее всего, спал, не замечая ничего происходящего, выдавала лишь странная рассеянность, которая бросалась в глаза тем, кто хорошо знал Кондора. Он был одет так, словно его не с дивана стащили, а поймали на выходе из замка куда-нибудь по тем таинственным делам, которыми он занимался. Но движения были осторожными и плавными, а взгляд – не таким острым, как обычно.

Вряд ли господин Кайрен заметит эту странность.

Он не заметил.

Он резко вскочил, совершенно довольный тем, что ожидание, наконец, закончилось, а значит, можно выполнить задание и со спокойной душой уйти из этого странного места. Письмо, которое только что лежало на столе, и из-за которого Ренар чувствовал приступ жгучего, невыносимого любопытства, было подхвачено и вручено адресату быстрее, чем тот успел поздороваться с гостем.

Кондор рассеянно моргнул и остановился, не дойдя пару шагов до свободного кресла.

Он медленно вытащил письмо из конверта, развернул его и уставился на написанное, краем глаза следя за господином Кайреном, который что-то говорил.

То же самое, что недавно говорил Ренару.

С небольшими дополнениями.

Ренар стал слушать внимательнее, чтобы понять, к чему быть готовым. Он заметил, что в дверях мелькнуло бледное личико Ивы: девушка поймала его взгляд, кивнула и снова исчезла, сбежала куда-то по своим делам. Шаль на ее плечах была плотно запахнута, и Ренар вспомнил, что так и не получил ответа на свой вопрос.

А в замке и правда стало холоднее. Дерево на фреске над камином, обычно застывшее в ранней осени, сейчас казалось потрепанным, потерявшим часть своих листьев.

Ренар на всякий случай моргнул, чтобы проверить, не было ли это наваждением, игрой теней и света.

Не было. Дерево засыпало, листья с его веток падали вниз, к полу. Птицы и белки меняли свое положение, куда-то исчезали, прятались... Значит, что-то шло не так.

– В мои планы на вечер не входили деловые визиты, тем более что погода отвратительна, – раздался голос Кондора, такой же холодный, как возникший откуда-то сквозняк. – Но Мастер Оденберг весьма убедителен в своих аргументах, поэтому я пойду с вами, господин Ульрих. Посмотрим, смогу ли я чем-то помочь.

Он перехватил удивленный взгляд Ренара, подошел ближе, протянул письмо – и снова обернулся к стражнику:

– Я проведу вас через Дверь, конечно, – сказал волшебник. Он бесцеремонно утащил с подноса чью-то чашку и сейчас методично один за другим кидал в нее куски сахара. – Так что ключ вам не понадобится. Дайте мне только собраться и... Ты прочитал? – резко спросил он у Ренара.

– Нет, конечно, – почти огрызнулся тот. – Думал, ты мне его подержать дал.

Кондор демонстративно посмотрел на потолок.

Господин Кайрен, кажется, пришел в смятение.

Ренар развернул листок и встретился с понятным знакомым почерком Герхарда Оденберга. Письмо начиналось, конечно, с формальной вежливости, обращенной к Мастеру дель Эйве.

– Когда прочитаешь, поймешь, что делать. – Кондор выпил чай быстро, словно мучился жаждой. – А я прогуляюсь до Йарны с нашим гостем. Плохое решение, знаю, но я надеюсь вернуться через пару часов, – добавил он мягче. Прозвучало это почти как извинение. Он поставил чашку на поднос и кивнул стражнику: – Пойдемте, господин Кайрен. Не будем заставлять Мастера ждать еще дольше.

Ренар к тому моменту добрался до сути проблемы, спрятанной за витиеватым, полным скрытой злобы описанием событий, которые привели к нынешнему положению дел.

– Если все так, – сказал он Кондору. – То не проще ли подождать до утра, когда...

– Вот и проверю, – волшебник перебил его, не дав договорить про то самое «когда».

Потому что, наверное, господину Кайрену, наострившему уши, не стоило об этом знать. Иначе у них у всех – у всех троих – могли начаться проблемы.

Что бы ни было в том стакане, который меня заставили выпить, после этой штуки я спала как убитая. И выспалась так, как не высыпалась, наверное, с детства.

Кто-то распахнул портьеры, но небо за окнами еще только начинало светлеть. Чужая спальня тонула в холодных сумерках, и холоден был не только свет, но и воздух. Я, кажется, даже проснулась потому, что начала мерзнуть, и мир за пределами одеяла был неприятным. Вылезать в него не хотелось.

Хотелось закопаться поглубже и спать еще и еще.

Подушка все еще пахла травами и лимоном, и этот запах почему-то успокаивал меня.

Я зажмурилась и зевнула, намереваясь снова исчезнуть под одеялом, но перед глазами скользнула чья-то тень.

– Тс-с... – Кондор приложил палец к губам. – Это всего лишь я.

Он сидел на краю кровати, и я больше угадывала, чем видела черты его лица.

Я поднялась на локтях и попыталась стряхнуть с себя остатки сна.

– Что ты тут делаешь? – спросила я рассеянно, и получила в ответ смешок.

Конечно. Что он делает в своей спальне? Какой глупый вопрос.

– Собирался тебя разбудить, – ответил Кондор спокойно. – Прости, если напугал.

– М-м-м... – Я моргнула. Голова все еще была тяжелая. – Я почти не испугалась.

– Вот и славно, милая. – Он мягко, беззвучно встал. – Твое платье лежит на кресле. Тебе хватит четверти часа, чтобы собраться?

– Куда? – все так же сонно спросила я, сообразив, что если уж они принесли мне платье, значит, пойдем мы куда-то, где мне нужно изображать из себя местную жительницу.

То есть – не к своим.

– Что-то случилось? – спросила я прежде, чем Кондор ответил на предыдущий вопрос.

Он застыл буквально на несколько секунд, словно обдумывал то, что собирался мне сказать.

– Случилось, – наконец выдохнул Кондор. Его спокойный до этого голос чуть дрогнул, и все сонное благодущие с меня тоже слетело. – В

последние дни, если ты не заметила, постоянно что-то случается. Тебе нужно позавтракать, милая, а потом мы поговорим обо всем, что... случилось.

– Скажи сейчас, – не то приказала, не то попросила я.

Потому что еще немного напряженного ожидания, еще немного недоговорок, скрывающих неприятные тайны, и я начну реветь по малейшему поводу. И начну прямо сейчас.

Кондор пожал плечами и снова сел на кровать – на краешек, подальше от меня.

– Я не хотел портить тебе аппетит.

– Он уже испорчен, поверь мне. – Я тоже села, выпрямилась, но ноги из-под одеяла высовывать не торопилась. – Что-то серьезное?

Он помолчал. Мне казалось, что он смотрит на меня, но действительно ли это было так – не знаю. Кондор не торопился зажигать кристаллы, словно эти странные сумерки сейчас нравились ему больше, чем волшебный оранжевый свет, а я, конечно, считала, что на чужой территории действуют те правила, которые устанавливает ее хозяин, и не своевольничала.

– Как тебе сказать, милая, – наконец протянул волшебник. – Некий юноша из Йарны вчера утром проснулся, скажем, немым, – вкрадчиво сказал Кондор. – Его друг признался, что ночью несчастный имел неосторожность сказать несколько обидных слов в сторону некой девушки, к которой они решили пристать на улице рядом с одной таверной. Девушка пообещала, что у парня отсохнет язык...

– Если он еще раз посмеет открыть пасть в ее сторону, – закончила я, нервно сглотнула и уставилась на Кондора огромными от ужаса глазами. – Я...

– Ты. – Даже в сумерках было видно, что Кондор улыбнулся – нет, оскалился. – А я их запомнил и довольно хорошо. Потому что, кажется, именно я их спугнул. У тебя и правда талант находить неприятности. – Он чуть наклонился в мою сторону. – И, как видишь, еще много других талантов.

– То есть, – осторожно уточнила я. – У него правда... отсох язык? Господи.

– Ну, похоже на то. Ты же не уточняла, как это должно выглядеть?

В голосе Кондора звучало что-то, похожее на иронию. С него станется найти все это забавным, конечно, но мне стало не до смеха.

Я замотала головой, прикрыв лицо ладонями, словно вот так, спрятавшись и сделав вид, что не верю, смогу изменить случившееся. Фантазия уже рисовала суд, разбирательство и костер инквизиции – или как у них тут наказывают магов, нанесших вред простому человеку, пусть даже случайно?

То есть, получается, я маг?

– А у тебя остались сомнения в этом?

Видимо, я произнесла последнюю фразу вслух – и получила прямой ответ.

Я посмотрела на Кондора, все еще закрывая рот рукой, словно боялась, что мое неосторожное слово вызовет апокалипсис.

– Я... я правда это сказала, – всхлипнула я и добавила, оправдываясь: – Но я не хотела...

– Т-с-с... – Кондор, как и в самом начале, прижал палец к губам, призывая меня успокоиться. – Тебя никто и не обвиняет. Стража не знает. Пока. Только не плачь, пожалуйста, у меня и без этого голова болит, – сказал он тихо и с таким отчаянием, что я быстро собралась и постаралась не реветь. – Ничего непоправимого пока не произошло, поэтому одевайся, ешь – и будем придумывать, как нам выкрутиться из всего этого.

Утро выдалось промозглым и отвратительным во всех отношениях.

Затянутое тучами небо висело низко, воздух был перенасыщен влагой и холодом – казалось, достаточно выйти за дверь, как ты покрывался тонким слоем ледяной воды. Она пропитывала одежду и волосы, коварно пробираясь к коже. Снег налипал на сапоги. В рассветных сумерках лес казался неудобным и злым, и, пока мы спускались к порталу по импровизированной лестнице из старых камней, я едва не упала, поскользнувшись на слое льда, скрытого рыхлым снегом. Ренар молча перехватил меня, даже не улыбнувшись.

Я чувствовала себя преступницей, которую вели на казнь, и тоже не улыбалась.

Только Кондор не выглядел мрачной тучкой. Он был сосредоточен и, кажется, зол, но страшные тени под глазами исчезли. Видимо, диван

в кабинете действительно оказался удобным, и волшебник все-таки выспался и был сейчас готов думать и действовать.

Короткий завтрак не прошел в молчании, он был полон колючих, неудобных вопросов и разговоров о лжи. О той лжи, которой нужно было накормить городскую стражу, если она заинтересуется случившимся чуть больше, чем уже заинтересовалась. И, возможно, Герхарда.

Хотя как раз он все уже понял.

Герхард написал письмо и передал его через стражника, которого в детали истории, конечно же, не посвятили. Видимо, в Йарне было не так много рыжих красавчиков. И еще меньше – тех, рядом с которыми можно было заметить девицу со слишком короткими волосами. Все так сошлось, все так совпало, что я привлекла внимание двух наглецов – и случайно для себя прокляла одного из них. Кондор мог бы снять это проклятие сам, но ему зачем-то понадобилось мое присутствие, поэтому я спускалась по ледяным ступеням к арке портала.

Мастер Оденберг встретил нас едва ли не на выходе из арки, нахмуренный, собранный и полный подозрения и странного любопытства, словно я была чем-то удивительным, но смотреть на меня, по крайней мере – явно и пристально, запрещалось. Герхард поприветствовал Кондора коротким сухим кивком, сделал вид, что не заметил Ренара, и уставился на меня.

– Доброго утра, миледи, – холодно и тихо сказал он. – Как ваше здоровье? Мне сказали, что вчера вы дурно себя чувствовали, поэтому не смогли лично прийти и исправить то, что натворили.

Конечно, вчера вечером я спала, не помня себя, потому что до того чуть не умерла.

Я разозлилась.

Я знала, что была под надежной защитой, поэтому не стала ни сутулиться, пытаюсь спрятаться от осуждения, ни опускать взгляд в пол в покорном смирении с еще неведомой мне участью. Наоборот, я заставила себя задрать голову и смотреть прямо в глаза Мастера Герхарда, пусть мне сейчас было страшно от неизвестности и хотелось провалиться сквозь землю.

Мне строго-настрого было приказано молчать. Поэтому я молчала.

Когда рука Кондора легла на мое плечо, я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Осторожнее, Герхард, – насмешливо сказал Кондор. – Как бы она и вас не прокляла ненароком. Вы же знаете, слабый контроль силы, эмоциональность, тем более – женская, это так... опасно и непредсказуемо. Одно неверное движение – и ты жаба!

Продолжая говорить, он утянул удивленного Герхарда прочь из уютной, безликой комнаты, предназначавшейся для выходящих из портала гостей. Я пыталась справиться с дрожью в коленках и затормозила, но унылый, какой-то слишком уж тихий Ренар подхватил меня под ручку и повел следом.

– Ты чего такой странный? – шепотом спросила я, втайне боясь услышать, что именно я стала причиной дурного настроения.

– М-м-м... – Он медленно, почти лениво моргнул, осторожно поворачивая голову в мою сторону. – Слишком много брендивайна, золотце. И чего-то еще. Я порядочно ограбил вчера Птицу.

В прошлый раз мы были только в гостиной, предназначенной для тех, кто пользовался порталом. Сегодня меня повели вверх, на второй этаж. Ступени лестницы чуть скрипели под ногами. Мне было стыдно за такое бессовестное вторжение в чистый, пусть и немного холодный и одинокий чужой дом. Ботинки оставляли мокрые следы на ковровых дорожках, и это заставляло меня чувствовать себя еще более виноватой.

– Тогда зачем ты пошел с нами?

Я прислонилась к стене напротив двери, в которую зашли господа волшебники, и исподлобья уставилась на Ренара.

Тот покосился на дверь, словно прислушиваясь к тому, что происходило за нею, а потом приложил палец к губам, призывая к тишине, и, наклонившись к моему уху, прошептал:

– Из-за тебя пострадал человек. Нет, не дергайся, Мари, все не так... плохо, как могло бы быть. Герхарду невыгодно выдавать тебя. Он насторожен, но не зол, и раздражен он больше тем, что сам не смог снять с парня твое проклятие... или что ты там с ним сделала. Но... – Он приобнял меня за плечи. – Но. Если вдруг возникнут проблемы, лучше, если с тобой окажутся двое взрослых мужчин, чем один маг, который вчера едва не падал от усталости. Ну, не трясись ты так,

глупая! Подумаешь, наказала нахала. Что, никогда не была по морде слишком притких поклонников?

Я замотала головой, истерически хихикая, потому что от самой ситуации хотелось плакать, но Ренару как-то удавалось... переключить меня.

– Н-нет, не была.

– Иногда полезно.

Он хотел сказать что-то еще, но дверь в этот момент открылась, и Кондор бесцеремонно втолкнул меня в комнату – узкую, темноватую, скудно обставленную, словно тот, кто выбирал для нее мебель, совершенно не думал об уюте. Пахло здесь пылью и затхлостью. У единственного окна стоял небольшой столик с подсвечником, а на кровати рядом с ним – односпальной, с выцветшим и потертым узором на деревянной спинке – сидел тот самый парень, с которым мы столкнулись на крыльце таверны.

– Ой, – беззвучно сказала я, прижимая руку ко рту.

Он смотрел на меня огромными от ужаса глазами и ничего не говорил, только невнятно замычал, когда понял, что я его узнала. На бледном, осунувшемся лице уже не сияла нахальная улыбка, бескровные губы, обкусанные и потрескавшиеся, были плотно сжаты, словно парень пытался справиться с болью.

С минуту мы просто разглядывали друг друга, и я не решилась бы утверждать, кто из нас был больше напуган происходящим, а потом мой обидчик, ставший моей жертвой, попытался что-то сказать, но не смог – и заплакал.

То есть – в самом что ни на есть прямом смысле заплакал. Молча.

Меня бросило в жар, потому что вместо языка в открывшемся рту мелькнуло что-то... в общем, что-то совсем не то, что должно быть. Я понимала, что лучше не смотреть в ту сторону, но какое-то мазохистское стремление вынуждало меня додумывать картину в голове и раз за разом возвращаться к ней.

Мой собственный язык стал вдруг тяжелым, и я чувствовала его, как что-то чужое.

Отвратительно.

Я прижала руку к животу.

– Этот? – донеслось до меня. – Мари, это тот самый?

Я обернулась к Кондору и кивнула, пытаюсь не разреветься от страха и отвращения.

Тот нахмурился еще сильнее.

– Вот как, юная леди... – Герхард сделал шаг вперед. – Признаете свою вину?

Парень мычал.

Я нервно сглотнула.

Я была в ловушке.

От страха очень кружилась голова.

– Боюсь, Мастер, леди Лидделл не виновата.

Единственное окно в комнате вдруг с резким щелчком задвижки распахнулось, и дышать стало немного легче.

Кондор коротко улыбнулся и подмигнул мне, а потом снова сделал серьезное лицо и обернулся к пострадавшему парню. Тот запаниковал, как на приеме стоматолога, испугавшись Кондора намного больше, чем даже моего появления, и, когда волшебник положил ладонь ему на голову, затих, всхлипывая.

– Спокойно, – посоветовал ему Кондор. – Скажи спасибо, что меня там не было, потому что это ты еще легко отделался. – Он обернулся к Герхарду. – Вы думали, я оставлю девушку без защиты на тот случай, если она привлечет к себе лишнее внимание со стороны таких, как этот молодой господин? Это действительно обычное проклятие, Герхард, и оно честно заслужено. Моя подопечная все мне рассказала. Я уберегу физические последствия, но оставлю след на ауре.

Кондор разыгрывал тот спектакль, о котором мы договорились в замке.

– Милорд, – вкрадчиво ответил Герхард. – Не делайте из меня дурака. Если бы эти чары были вашей работой, вы бы расправились с ними еще вчера.

– М-м-м... – Кондор с ленивой улыбкой наблюдал, как сияющие нити магии с его пальцев втекают в рот к моей жертве. Парень не дергался, только смотрел на своего мучителя так, словно тот его живьем есть собрался, и это – первый этап подготовки. – Мог бы. Но не стал. Мне бы хотелось, чтобы юноша усвоил один урок. Хамить магу или его подопечному – это очень, очень неправильный ход, если хочешь жить долго и счастливо и, самое главное, сохраняя важные и нужные части тела в рабочем состоянии. Я надеюсь, что господин

Франц... – Кондор вопросительно посмотрел на Герхарда. – Я правильно запомнил, как его зовут?

Герхард кивнул, вздохнув при этом очень тяжело.

– ...господин Франц найдет в себе силы принести леди Лидделл самые искренние извинения.

Господин Франц кивнул и, когда Кондор убрал руку с его темной растрепанной макушки, сначала схватился рукой за рот и уставился абсолютно безумным взглядом в пространство, а потом согнулся пополам. Его широкие плечи слегка подрагивали. Кондор отошел на шаг в сторону, глядя на несчастного с таким презрением и холодом, что и ад бы замерз.

– Милорд, – напомнил о себе Герхард. – Снимите проклятие с юноши раз и навсегда. Или хотя бы позвольте мне это сделать.

Он все еще говорил таким тоном, словно пытался быть вежливым из последних сил, и, была бы на то его воля, он бы заставил Кондора сделать то, о чем его просят.

– Я не уверен, что юноша не попытается сказать что-то... плохое о девушке, которая находится под моей опекой. – Кондор посмотрел сначала на Герхарда, потом перевел взгляд на меня. – Жестокие уроки обычно очень хорошо запоминаются, – добавил он.

И я поняла, почему я оказалась здесь, а не продолжала отсыпаться в одной из комнат замка.

И чуть не вспыхнула от обиды и возмущения, потому что вот так мы не договаривались. Или я что-то не так поняла.

Значит, он так импровизирует, зараза, решив вдруг ткнуть меня в мою ошибку, как нашкодившего котенка? Словно мало мне было уроков за последнюю пару суток!

Но Кондор на меня уже не смотрел.

– Его семья будет недовольна, милорд. – Герхард поежился и закрыл окно, не магией – руками. – И, скорее всего, недовольны будут не только они. Нет, я ни в коем случае не пытаюсь сказать, что я не на вашей стороне в данной ситуации. – Он начал говорить быстро, словно оправдываясь под тяжелым прямым взглядом Кондора. – Но вы же знаете, милорд, здесь есть люди, которым будет выгодно обвинить вас в злоупотреблении...

– Пусть попробуют. Я сейчас в своем праве. Абсолютно.

Я бы с удовольствием сейчас очутилась в коридоре рядом с Ренаром, но, увы, господа маги решили, что мое присутствие здесь необходимо.

Франц вдруг выпрямился и посмотрел прямо на меня.

Я замерла и попыталась вжаться в стенку, потому что не знала, чего ожидать: слишком уж бешеным был этот взгляд. С чем там сравнивают такое? Со взглядом загнанного зверя, который готов броситься на противника со всей решительностью и отчаянием?

Конечно, вряд ли Франц попытался бы причинить мне вред в присутствии двух магов, но выглядел он сейчас почти устрашающе и одновременно жалко: бледный, с растрепанными и немного влажными волосами, едва не плачущий мальчишка с горящими глазами. Он стремительно преодолел разделяющее нас расстояние и бухнулся передо мной на колени прежде, чем кто-то вообще успел что-то сделать.

– Смилуйтесь, госпожа! – едва ли не истерически вскрикнул он. – Простите меня!

Я бросила взгляд на Кондора. Тот стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с видом, мол, решай, леди Лидделл, твоя очередь что-то делать.

– Франц, я приняла ваши извинения и... – Я нервно сглотнула. – И больше не держу обид.

«Только встань с колен, пожалуйста», – добавила я мысленно.

Кондор одобрительно улыбнулся мне.

– Леди сказала свое слово, Франц. Прекратите открывать рот, как удивленная рыба, и встаньте, наконец, с колен. Вот видите, Герхард, – добавил Кондор уже в другую сторону. – Стороны примирились. Но след пока останется, чтобы...

Дверь открылась резко и неожиданно для всех.

– Прошу прощения, если помешал вам... в несомненно важном и таинственном деле. – Ренар обвел нас всех взглядом и остановился на Герхарде. – Но, Мастер Оденберг, в вашу дверь уже пару минут настойчиво стучат.

На лице Герхарда сначала появилась неприязнь. Видимо, его покорило, что Ренар, на которого он старательно не обращал внимания, вдруг набрался наглости и заговорил с ним напрямую.

Потом смысл сказанного дошел до Герхарда, и волшебник, поджав губы, кивнул.

– Если это то, о чем я думаю, – сказал он холодно. – То, Мастер Юлиан, вашей подопечной лучше побыть здесь.

Кондор удивленно посмотрел на него.

– Отец юноши. Он обещал зайти, как вы помните. Я говорил вам вчера, что это возможно, – пояснил Герхард снисходительно. Я заметила, как во взгляде Кондора мелькнуло неприятное удивление, а уголок губ дернулся вверх. Кондор почти начал злиться, но его коллега демонстративно это игнорировал. – И еще я говорил, что он – не последний человек в городе, Мастер Юлиан, поэтому в интересах юной леди сидеть тихо.

Юная леди с удовольствием бы провалилась сквозь землю.

– Пойдем, Франц. – Герхард позвал мальчишку совсем другим тоном. Более... тепло? Словно пытался подчеркнуть свое к нему отношение. – Или ты хочешь остаться здесь?

Здесь оставаться Франц не захотел. Он покорно вышел за дверь, которую для него любезно придержали, бросив на меня затравленный взгляд.

А потом дверь закрылась за Мастером Оденбергом, и мы остались втроем.

– Он такой... недовольный, – сказала я в пространство.

– Еще бы ему быть довольным, – Кондор подошел и снова открыл окно, впуская в комнату свежий, очень холодный воздух. – И я его отлично понимаю. Пока что будь еще тише, чем ты ведешь себя, когда не злишься, милая, и постарайся не делать резких движений. Сколько там человек, Ренар?

Ренар покосился куда-то в сторону двери и сощурился.

– Я чувствую четверых, – ответил он после короткой паузы. – От одного несет злобой, и очень хорошо.

Я посмотрела на него, понимая, что он сказал нечто странное. Ренар перехватил мой взгляд и тонко улыбнулся, чуть задрал голову, словно пытался покрасоваться.

– Стоило догадаться, – тихим шепотом сказал он. – Что отец этого бедняги подсуется и прибежит сюда сам со всем разбираться. Ну что? – Он посмотрел на Кондора, который стоял у окна, запрокинув голову, словно пытался найти на потолке подсказки. – Выйдем

посмотреть спектакль или оставим Герхарда одного разбираться с этим всем?

Кондор перевел взгляд на него, потом на меня, потом вздохнул и оторвался от стены.

– Мне не нравится сидеть здесь и ждать, пока они что-то решают, – сказал волшебник, недобро хмурясь. – Выйдем. Под мороком. – Он снова покосился на меня. – Нам нужно не выдать себя.

Я неуверенно кивнула в знак того, что поняла его. И постараюсь не выдать себя.

– Тогда пойдем.

Он не делал никаких пассов руками, не произносил заклинаний – как и в прошлый раз, тогда, в Лорна-Тир, где я просто обнаружила, что мое отражение изменилось. Даже воздух не искрил. Кондор взял меня за руку и утянул за собой в коридор. Ренар шел за нами.

Мы остановились у спуска лестницы, и я осторожно высунулась из-за стены, чтобы посмотреть вниз.

Ренар положил руку мне на плечо, словно боялся, что я высунусь больше, чем следует, и упаду – или меня заметят.

Там внизу очень смущенный мужчина в куртке, напоминающей форменную, высокий и крепкий, что-то объяснял Герхарду, виновато разводя руками. Он то и дело показывал в сторону другого человека, чуть ниже ростом, с сединой в коротких волосах, в совсем другой одежде. Даже мне, еще не слишком опытной в тонкостях и вопросах взаимоотношений этого мира, было ясно, что этот господин, за спиной которого сейчас прятался Франц, был не беден. И, возможно, влиятелен.

И очень неприятен.

Отец Франца, кажется, занимал все пространство. Он был зол и хмур, стоял, скрестив на груди руки, и почти с ненавистью поглядывал на всех остальных – кроме сына. На Герхарда, который пытался сохранять достоинство. На того, кого я считала стражником. На второго мальчишку, тоже мне знакомого, он сейчас жался к стене и совершенно точно хотел оказаться не здесь.

И на последнего героя этой сцены – тихую тонкую девушку в сером пальто.

Я не сразу поняла, почему она кажется мне знакомой, но она обернулась – и посмотрела точно в мою сторону, задержала взгляд.

Отрешенное лицо сразу стало сосредоточенным, губы растянулись в улыбке, и я вспомнила, где ее видела.

Видимо, я вздрогнула так, что это можно было заметить, потому что рука Ренара крепче сжала мое плечо.

– Что такое? – прошептал он.

Я все еще молча кивком головы указала на девушку и тоже прошептала:

– Мы встречались.

Кондор помрачнел еще больше.

– Сидите здесь, – сказал он и, старательно изображая благодушие, спустился вниз по лестнице.

Люди почему-то иногда твердо уверены, что им все должны, особенно – вышестоящие и власть имущие, потому что раз уж ты обладаешь силой, будь добр заботиться о том, кто слабее тебя.

Понятное дело, отцу мальчишки не понравилось, что Герхард не решил проблему его бедового сына сразу, одним движением руки. Господин Феррано хорошо разбирался в деньгах и способах сделать их из ничего, в магии он не разбирался почти никак, поэтому свято верил, что каждый волшебник – сразу и врачеватель, и страж порталов, и предсказатель, и еще Неблагой знает кто. Он и в проблеме сына видел болезнь и первым делом потащил того к лекарю, конечно.

И уже потом – к Герхарду.

Герхард занимался лекарством, но неохотно. Чтобы лечить магией, нужно чуть больше, чем просто усилие Воли, направляющее Поток, здесь еще смотреть нужно правильно и знать кое-что, чем Герхард в студенческие времена пренебрегал. Нельзя же объять необъятное, правда? Нельзя вмешиваться в системы, которые ты не понимаешь до конца, а с анатомией у Герхарда, увы, не задалось.

Но, к счастью, у него было к кому обратиться, и когда второй мальчишка пришел, воровато оглядываясь, чтобы рассказать, что именно случилось, Герхард без труда сложил в голове картину и понял, что произошло поздним вечером у одной таверны. И понял, что об этом лучше молчать, чтобы не получить еще больше проблем.

Герхард знал, что происходит в замке в лесах, знал, чем занимается Мастер дель Эйве, знал, что у того есть покровители куда более могущественные и зубастые, чем господин Феррано способен себе представить. И как бы ни хотелось Герхарду использовать случившееся, чтобы поставить молодого волшебника на место, сотрудничать было куда более выгодно для всех. Ну, или делать вид, что сотрудничаешь.

Правда, Герхард и не думал, что отпрыск семьи дель Эйве явится по первому зову, чтобы помочь какому-то горожанину. По мнению Герхарда, кто-то вроде дель Эйве мог с чистой совестью решить, что не его это дело, и либо не помогать, либо сделать вид, что никто из них здесь не замешан. Ни он сам, ни его слуга, ни девица, которую он приволок, не то чтобы она опознала обидчика, не то чтобы ей самой показать, на что способна магия вне контроля.

В том, что это ее рук дело, а не чары, призванные защитить девичью честь, Герхард был более чем уверен. Что бы там дель Эйве ни врал. Но свое дело он сделал, пусть и намеренно оставил на мальчишке след проклятия, а в вопросы лжи и политики вдаваться не хотелось. Себе дороже.

И если быть честным, то к мальчишке Герхард не испытывал ни жалости, ни сочувствия, даже наоборот – считал, что тот получил по заслугам. Хорошо, что все разрешилось с наименьшими потерями для всех.

Плохо, что господин Феррано решил не просто все проконтролировать, но проявить самостоятельность, и сейчас посреди прихожей Герхарда стоял Ульрих Кайрен, начальник стражи, и Хельда.

Которая, конечно, была совершенно ни при чем.

И которая, Герхард знал, вполне могла предугадать все это.

Недаром она его предупреждала несколько дней назад.

– Так кого мне арестовывать? – с усталой усмешкой спросил господин Кайрен, посматривая то на Герхарда, то на Феррано. – Или, может быть, стороны уже пришли к согласию и никого арестовывать не надо? Доброго дня, Мастер Юлиан! – добавил он приветливо.

Герхард обернулся.

Мастер Юлиан спускался по лестнице к ним, почти беспечный, с доброй улыбкой, словно не веяло от него еще десять минут назад страшным холодом и презрением.

– И вам доброго дня, Ульрих, – сказал он и откинул со лба непослушную прядь волос. – Боюсь, вы лишь зря потратили время. Проблема решена. – Он бросил взгляд в сторону Франца. – И у пострадавшей стороны, насколько я понял, нет ни к кому претензий.

Франц испуганно кивнул под острым, неприятным взглядом желтых глаз и тут же посмотрел на отца, словно пытался понять, чьего гнева он боится больше. Герхард мог поспорить, что скорее все реки выйдут из берегов, чем господин Феррано признает вину собственного сына. Скажи Франц сейчас то же, что говорил наверху, ситуация осложнилась бы еще сильнее, но, к счастью, у мальчишки хватило ума молчать о том, что случилось.

И у его друга – тоже.

– Пап, – слабо сказал Франц, дергая отца за рукав. – Я в порядке. И... – Он нервно запнулся, явно что-то обдумывая и решая для самого себя. Мастер дель Эйве продолжал на него смотреть. – Спасибо вам, Мастер, я усвоил урок, – выпалил он на одном дыхании, глядя то на одного, то на другого волшебника, словно ждал их одобрения или просил подсказки.

– Какой урок?

Глаза господина Феррано злобно сощурились.

– Что не следует в ночи излома в пьяном виде шляться, где не следует, – спокойно ответил Мастер Юлиан. – Простите мне мою прямооту, господин Феррано.

Того словно бы ледяной водой из окна облили, настолько удивленным он сейчас выглядел. Он точно хотел сказать что-то в ответ на дерзость, но не до конца понимал, с кем имеет дело.

Ульрих вмешался вовремя:

– Я думаю, господин Феррано, вам следует извиниться перед госпожой Хельдой, – сказал он строго. – Раз уж вы заставили ее прийти сюда из другого конца города. И после этого мы все разойдемся. Раз у пострадавшего лица нет никаких претензий ни к кому из присутствующих.

Хельда стояла, улыбаясь, и нервно теребила пальцами тонкую, похожую на блестящую черную змейку косу. Когда о ней заговорили,

Хельда подняла взгляд от пола и посмотрела на присутствующих так, словно только что поняла, где находится. Она казалась отрешенной, сонной и чуть грустной. Как всегда.

Когда господин Феррано, таща за рукав сына, прошел мимо нее, бросив сквозь зубы извинения, Хельда лишь пожала плечами и улыбнулась шире.

– Ну что вы, почтенный, – ответила она. – Вы лишь помогли мне оказаться в нужное время и в нужном месте.

Ее взгляд, ставший вдруг острым, устремился куда-то наверх, туда, где заканчивались ступени лестницы.

К счастью, никто, кроме Герхарда, не придавал этому значения.

Я ничего не понимала.

События развивались так стремительно, что я не могла отследить связи между ними.

Вот я стою на лестнице, на самом верху, скрытая сетью морока, и наблюдаю, как назревает буря.

Вот Кондор спускается вниз, говорит пару фраз – и буря стихает, не успев начаться. Кто-то уходит, кто-то остается, и по тому, как смотрит на меня Герхард, я понимаю, что морок снят.

Я снова видима, хотя, кажется, невидимой я была только для тех, кто только что ушел.

Вот меня тоже ведут вниз – в личную гостиную господина Герхарда, почти уютную, почти теплую, сажают в кресло, и через какое-то время служанка приносит нам травяной чай.

Утром я чувствовала себя защищенной, сейчас это чувство исчезло, погребенное под виной, страхом, настороженностью и тревогой. И холодом, потому что все вокруг вдруг стали такими серьезными, такими отстраненными, словно чужими, и от этого я чувствовала себя еще более виноватой.

Чашка в моих руках дрожала.

Мастер Оденберг стоял, заложив руки за спину, за креслом девушки, которую мне представили как Хельду. С самого начала мне было ясно, что ему не нравлюсь я – или все те события, которые со мной связаны, но Герхард сдерживает эту неприязнь – из вежливости

или из опасения вызвать недовольство Кондора. Сейчас же Герхард смотрел на мир – и на меня – почти враждебно, словно и я, и мои спутники, оба два, были источником угрозы.

Не для него.

Для той, которую он защищал.

Если честно, я его понимала.

Ренар стоял у окна, и я могла поспорить, что беспечная улыбка на его губах была абсолютно лживой. Когда я смотрела на него, и он это замечал, его взгляд теплел, но стоило ему переключиться на что-то другое в комнате, как это тепло сменялось чем-то другим. Недобрым. Не злым – тоже, но такому Ренару я бы себя не доверила.

Кондор сидел в соседнем со мной кресле и был подчеркнута вежлив.

Он не злился, нет, мне кажется, он сейчас просто был чем-то сильно недоволен. Возможно – тем, что контроль над миром от него ускользал в который раз за последние двое суток? И причиной этому была я.

Я подумала, что ни за что в жизни не хочу испытать на себе его гнев.

– Леди Лидделл не сказала мне, что вы с ней встречались, – Кондор сказал это, даже не повернувшись в мою сторону.

Он смотрел на Хельду прямо и пристально, а та под этим его взглядом ни капли не менялась. Она была все такой же слегка отстраненной и тихо улыбалась каким-то своим мыслям, словно не было ей дела ни до Кондора, ни до холода в его взгляде и голосе.

– Я не успела... – попыталась оправдаться я, но Кондор сделал мне рукой знак помолчать.

Поздно.

Взгляд светло-серых, словно выцветших глаз Хельды сфокусировался на мне.

– Ты не была осторожна, – сказала она строго, и это было сказано очень уверенно. Я в ответ только моргнула. – Нужно слушать то, что тебе говорят, иначе опять попадешь в беду.

Прежде, чем я успела что-то ответить, Хельда повернулась к Ренару и сощурилась, разглядывая его. Я заметила, как на лице Герхарда, который стоял за ее спиной, появился отблеск внутреннего торжества. Он наблюдал за тем, как Ренар под взглядом Хельды резко

собрался и попытался очаровательно улыбнуться. Хёльду это не впечатлило.

– Бедный мальчик. – Она покачала головой. Улыбка стала печальной. – Я часто вижу тебя здесь, но ты избегаешь меня. Не хочешь, чтобы в тебя смотрели? – Она наклонила голову и стала улыбаться иначе. Хитрее. – А мне было интересно, чей рыжий хвост мелькает за углом. – Хёльда странно хихикнула, на что Ренар ответил плотно сжатыми губами и непроницаемым выражением, застывшим на лице. – Видеть суть людей и явлений – это тяжелое бремя. – Светлые, словно выцветшие глаза снова были направлены на меня. – Мой разум не всегда справляется, и я говорю чушь. – Уголок ее губ нервно дернулся. – Болтаю лишнее. Простите. Я здесь не за тем, чтобы разбалтывать чужие тайны. Мне нужно было что-то сделать, но я уже забыла, что именно.

Она виновато посмотрела на Герхарда.

Тот, кажется, смутился.

– Ничего, – сказал он сухо, так, словно боялся, что голос дрогнет. – Господа не торопятся.

Я бы с ним поспорила, потому что мне больше всего на свете хотелось оказаться где-то не здесь. Сидеть в замке, к примеру, и пытаться понять, что со мной произошло, а не торчать тут.

В доме человека, который не скрывал свою ко мне неприязнь.

В компании с безумной женщиной, которой было от меня что-то нужно.

Я бросила взгляд на Кондора, втайне надеясь, что он сейчас встанет, нацепит на лицо самое снобское выражение, на которое способен, и выскажет Герхарду все, что думает, но нет.

Волшебник сидел, почти расслабившись, и смотрел на Хёльду, а та смотрела на него, чуть касаясь кончиком пальца своих губ – очень детский жест, полный смущения и кокетства. «Она что-то задумала, – поняла я. – Задумала и пытается... получить разрешение?»

Кондор коротко фыркнул и откинулся на спинку кресла, словно был у себя дома.

Выражение лица Хёльды медленно менялось, ее постоянная рассеянная отстраненность сменилась испугом, затем – недоумением, а потом...

– Посмотрела? – добродушно поинтересовался Кондор.

Она кивнула, чуть приоткрыв рот, и мне стало очень интересно, что же такое она там увидела.

– Себя. – Хельда снова обернулась ко мне – и прежней почти детской, блаженной рассеянности на ее лице уже не было. – Я увидела саму себя, искаженную чужими представлениями о том, что я есть. Милорд тактично молчит о том, что он думает обо мне, но он позволил это увидеть.

Герхард попытался что-то сказать, но Кондор остановил его едва заметным жестом:

– Потом поговорим на эту тему. Мне интересно, что Видящая желает нам поведать.

Сарказм он даже не пытался скрыть.

– Но вы же мне не поверите, – отозвалась она.

Тоже с сарказмом.

– Я не привык доверять ничему, что погранично, это слишком зыбкий путь, милая, – ответил Кондор почти ласково. – Шаг в сторону – и ты уже не владеешь ничем, в том числе – самим собой.

– Это ваш страх.

– Да. – Кондор говорил с ней как с кем-то равным. Не как с маленькой девочкой. – Один из моих страхов. Хочешь увидеть остальные?

Ее глаза стали огромными от удивления и ужаса.

– Вот и не надо пытаться, милая.

Я осторожно поставила чашку на блюдце, фарфор звякнул, и этот звук в повисшей тишине был настолько громким, что я сама чуть не вздрогнула.

– Я должна поговорить с нездешней леди. – Хельда кивнула на меня и рассеянно расправила на коленях грубую ткань клетчатой юбки. – Вот зачем меня привели сюда. Да. Просто вы все слишком интересны. Меня тянет смотреть в вас, как бы вам ни хотелось закрыться от меня.

Она снова посмотрела в сторону Ренара и улыбнулась ему. Тот, кажется, едва удержался, чтобы не закатить глаза. Хельда повернулась к Кондору.

– У вас есть еще кто-то рядом, ведь так, милорд? Я вижу след, и нити этой судьбы уходят недалеко. Что-то закончится, поворот уже сделан.

От этих ее слов внутри появилось неприятное, холодное чувство. Мне захотелось встать и уйти, чтобы не соприкасаться с чужим безумием – а в том, что Хельда безумна, я сейчас была уверена. Как бы они ее ни называли, чем бы она ни была в этом мире магии – она была не в себе.

Что-то мне подсказывало, что Кондор это мнение разделял. Именно поэтому проявлял такое вот недоверие.

Я выдохнула.

– Вы меня простите, – сказала я и вскочила с места. – Но мне это все надоело.

Они все повернулись ко мне, и все, кроме Кондора, были удивлены.

Кондор смотрел на меня с ленивой усмешкой и, кажется, был согласен. Но, тем не менее, он схватил меня за рукав, и его пальцы были куда менее мягкими, чем его взгляд.

– Оставьте нас, – попросила Хельда, глядя на Герхарда. – Пожалуйста, Мастер, оставьте меня наедине с...

– Но... Нет! – твердо сказала я, пытаюсь освободить запястье из хватки Кондора. – Я не хочу! Я вообще не понимаю, какого черта здесь происходит, и... Да дайте мне уже хоть слово сказать! – огрызнулась я в сторону Герхарда, который попытался меня перебить.

На лице Кондора появилось сочувствие.

– Если Видящая хочет поговорить с леди Лидделл, то она может сделать это. Но в моем присутствии.

– Да! – вытянулась я, нахмурившись на Хельду.

Та снова растерянно улыбнулась и пожала плечами, мол, раз уж иначе не получается, то пусть хотя бы так.

– Если леди из ниоткуда доверяет своему магу, то можно и так, – покорно сказала она.

Наши взгляды встретились, и мне на миг показалось, что из блеклых глаз Хельды на меня смотрит нечто холодное, расчетливое и видящее куда дальше и глубже, чем я думаю.

– Не переживай, милая, – с какой-то слишком уж нежной улыбкой сказал Кондор в сторону Хельды, когда Герхард и Ренар вышли из гостиной. – Я буду молчать, словно меня здесь нет.

Видящая очень хотела казаться неопытной и тихой, но на самом деле, конечно, это была тонко сыгранная ложь. Сколько ей? Двадцать два? Двадцать пять? Герхард точно говорил про нее пару лет назад, рассказывал, как она впервые пришла к нему, точнее – как ее привели родители, бледную, потерянную где-то в глубине собственного сознания.

Отличный пример того, как вовремя не распознанный дар изъедает человека и подводит его к зыбкой границе, за которой лежит бездна и все то, что в этой бездне живет.

Кондору она не нравилась.

Не только потому, что ему было неуютно от ее дара – способности смотреть через тьму и видеть в ней знаки будущего и отсветы прошлого. Здесь любому станет достаточно неуютно, стоит лишь осознать, что вся твоя жизнь, от колыбели и до могилы, вдруг может открыться чужим глазам.

Кондору не нравилась сама Хельда.

От нее веяло границей, близостью безумия, всем тем, что привлекало Изнанку и ее обитателей. Будь его воля, он предпочел бы держаться от Хельды подальше и тем более не подпускать ее к леди Лидделл. Но если уж все так сложилось, если Хельда была в тот вечер рядом – почему бы не послушать, что она скажет?

В отсутствие других ответов на важные вопросы даже такой ответ мог оказаться полезным.

Мари, впрочем, не была заинтригована. Неудивительно, она не деревенская дурочка, которой хочется узнать, когда ей замуж и сколько будет детей. Ей, понятно, совсем не нравилось находиться здесь, и ее протест против того, чтобы остаться один на один со странной девушкой, говорящей странные вещи, был Кондору понятен.

Вполне возможно, что она тоже уловила отвратительное ощущение близости границы, близости потери контроля над силой. Еще один неприятный урок, который может спасти ее в будущем.

Когда Хельда попросила ее снять с шеи цепочку с кристаллом, Мари бросила на Кондора прямой взгляд, словно спрашивала разрешения, и расстегнула замочек только после кивка волшебника.

От Видящей, кажется, это не ускользнуло.

Кондор подумал, что она удивительно талантлива в том, чтобы скрывать свою наблюдательность за рассеянностью.

– Зачем вам это? – спросила Мари Хельду. Она почти по-детски хмурилась и была очень серьезна. – Если уж серьезно, то я бы не хотела знать будущее, и...

– Неужели тебе неинтересно узнать, что ты такое? – Хельда улыбнулась ей и подалась вперед. – И что тебе предстоит испытать...

– Может быть, интересно, – ответила Мари, хмурясь еще больше. – Но я предпочту не знать, чтобы не испортить сюрприз. Особенно, если это будет очередной плохой сюрприз.

Кондор едва удержался, чтобы не хмыкнуть.

На лице Хельды появилось сочувствие.

– Пророчества туманны, – сказала она. – Они не дают четкой картины будущего, лишь показывают варианты его развития и предостерегают от ошибок...

– Ага, – ответила Мари. – Я знаю.

Ее голос звучал твердо, едва не насмешливо, но руки, сжавшие подлокотники кресла, были очень бледными. Леди Лидделл боялась. Ничего удивительно – после всего, что с ней произошло за последние сутки, она имела полное право бояться.

Правда, боялась она совершенно по-своему.

Как тогда, стоя с канделябром на пороге его кабинета.

– На тебе печать той стороны, – сказала Хельда.

Мари хмыкнула: еще бы, уж что-что, а это она хорошо знала.

– Та сторона так просто не отпускает, девочка, и теперь тебе нужно быть еще более осторожной с любыми границами, – Хельда провела рукой перед лицом девушки.

На взгляд Кондора это было ровно то же, что цветные искорки магии. Действие, чтобы впечатлить. Видящая и без этого все хорошо считывала, уж щиты Ренара она пробивала отлично – особенно для самоучки.

Хельда замялась.

Она смотрела в лицо леди Лидделл, как в зеркало. Она, кажется, пыталась дышать, как леди Лидделл, моргать, когда та моргала, повторять каждое ее мелкое движение.

– Но Сила, которая стала твоим проводником, которой ты нужна, – сказала Хельда тише. – Я видела темных духов вокруг тебя, когда мы

встретились впервые, и этот волшебник их тоже заметил. Ты так интересна, милое дитя, они тянутся к тебе. Все тянутся к тебе. И тот, чья воля привела тебя сюда. – Тут Хёльда повернулась в сторону Кондора, и, к его искреннему изумлению, её глаза вдруг закатились. – И те, против чьей воли ты восстанешь.

Хёльда вошла в транс. Настоящий транс – не игра на публику, к которой часто прибегают такие же, как она, чтобы произвести впечатление на кого-то, кто им не верит.

Нет: руки Хёльды дрожали, она то напрягала кисти так, что пальцы изгибались, как птичья лапа, то наоборот – распрямляла ладонь, пыталась скрестить воздух, хватать что-то невидимое. Венки на лице вздулись, веки судорожно дергались – такое сложно сыграть.

Леди Лидделл, добрая душа, сначала порывалась вскочить с места, испуганно распахнув глаза, как любой человек, желая помочь, вмешаться, сделать что-то. Кондор жестом велел ей сесть и не двигаться – и Мари благоразумно послушалась, хотя в ее взгляде плескалась паника.

Мари не понимала, почему он медлит, почему не зовет кого-то, да того же Герхарда, на помощь.

Кондор все объяснит ей – потом.

Вмешаться сейчас, когда Хёльда глубоко в транс – это грубо, это как прервать ритуал: откат ударит по всем и в первую очередь – по видящей, и ее же сила выжжет ей разум.

Но еще больше Кондору было интересно, что же она скажет?

Все вышло за рамки обычного считывания сути и интуитивного поиска вариантов, Хёльда вещала – сейчас она действительно видела грядущее, пусть и в туманных, обрывочных образах, которые могла только вольно трактовать.

Даже голос ее сейчас изменился. Он стал ниже, глуше, словно шел из глубокого колодца.

– Тень будет идти по пятам, след в след за тем, кто ведет тебя, дитя, потому что это его тень. И чем дальше уведет тебя тропа в темном лесу, тем крепче прорастут сомнения и страхи в тебе самой, потому что слишком многим нужно то, чем ты владеешь. Смотри.

Хёльда через силу подняла одну руку и указала куда-то в сторону окна.

Рука дрожала.

За окном, конечно, ничего не было – по крайней мере, ничего, что мог бы увидеть обычный человек.

– Поворот уже сделан. Выбор сделан. Все сделали свой выбор. И только ты не знаешь, что выберешь ты, потому что у тебя нет выбора. – Рука Хельды упала на колени, видящая глухо рассмеялась – как настоящая сумасшедшая. – Ты вообще туда ли попала, девочка? Привыкла быть ведомой? Агнец на пути к жертвенному камню тоже покорен руке, ведущей его, так и ты позволяешь вести себя туда, куда нужно – а тебе ли нужно? Ты овечка в стае матерых волков, и...

Хельда вдруг запнулась на полуслове, как будто почувствовала, что Мари стала белее снега. Видящая зажмурилась и выпрямилась, а потом с невероятным усилием встала, прямая, как королева. В комнате сгустились тени.

– Мир застыл на грани. Что ты посеял, то уже проросло, и скоро настанет время жатвы. Твой серп напьется крови. – Она повернулась в сторону Кондора и открыла глаза – под веками оказалась бархатная, глубокая тьма. – Нельзя ходить по грани слишком долго, тебе ли не знать, сыну твоего отца ли не знать, что такое игра с теми, кто любит играть? Попадешь в силки, которые сам для себя расставил и сплел. – Голос ее изменился, стал чужим, не женским и не мужским. Холодным. Пустым. – Тебе говорили, что туда ходить опасно, ты ушел и заблудился, да еще тащишь с собой ее! Вдаль смотришь, а то, что под носом, не замечаешь! Самонадеянный мальчишка! Ходишь по кругу за огоньками, блуждаешь во тьме... Тьма вокруг.

Мари смотрела на Хельду, не отрываясь, и, казалось, слушала ее со всем вниманием, на которое была способна, замороженная и напуганная происходящим.

Хельда уже забыла про нее. То, что сидело в Видящей и направляло ее зрение за грань, туда, где переплелись нити Вероятности, уже не хотело говорить о госте из другого мира. У него появилась новая цель, не менее интересная. Этому чему-то было несложно сломать Волю неопытной ведьмы, но оно точно не рассчитало ее силы – Хельда выдохалась быстрее, чем нужно.

И это было к лучшему.

– Тьма вокруг, – повторила она потухшим, уже своим голосом и невидяще завертела головой, как слепая. – Вокруг тьма. Только тьма окружает меня. Я не вижу ничего. Только тьма.

Так, наверное, всегда и происходит: когда тебе кажется, что все, вот он пик, хуже уже не будет, и сейчас все твое «плохо» пойдет на спад, из глубин бездны, в которую ты заглянул, выходят новые чудовища – еще страшнее тех, с существованием которых ты уже смирился.

Утром я была уверена, что бешеная гонка последних суток закончилась, и сейчас наступит затишье, пусть даже недолгое, но затишье, которое позволит мне собраться с мыслями. Затишье, во время которого мой едва родившийся уютный мирок вернется на круги своя. Что снова будут разговоры за чаем, двусмысленные шутки Ренара и флирт с ним, прогулки с Кондором куда-то за пределы замка, в невероятно огромный, красивый и пугающий мир.

И, ладно, черт с ними, уроки этикета с Лин.

И обещанное чаепитие у нее в гостях.

И еще одна примерка платьев.

Но маятник безумия и не думал останавливаться или замедлять разгон. Казалось, он только набирал скорость, и каждое новое событие, каждое новое лицо, появляющееся на сцене моей жизни, только сильнее раскачивало его.

Если пару дней назад я верила, что все происходящее со мной хоть и невероятно, но безопасно, и экскурсия по другому миру ничем, кроме потерянного времени, мне не грозит, только держись крепче за руку желтоглазого Вергилия, то сейчас чужой мир повернулся ко мне своим настоящим лицом и оскалился мелкими, острыми фэйрячьими зубками.

Продемонстрировал свой интерес.

Интерес, которого, судя по реакциям Кондора, не должно было быть.

Разноцветные витражи рассыпались острыми льдинками, из глубины темных зеркал на меня посмотрело нечто неожиданное, оно заговорило со мной на языке острых когтей и туманных пророчеств и показало мне то, что, кажется, я не должна была видеть. И не хотела бы знать.

– В этом мире есть законы и правила игры, – сказал Кондор, пока пытался нащупать пульс на тонком посеревшем запястье Хельды, – которые выше людей, поэтому людям не нужно даже пытаться знать их. А просто плыть по течению и не думать о том, как это течение возникло, и что там, во тьме реки, еще живет и плавает.

Я закрыла глаза, потому что не хотела видеть, как дрожат его руки.

Это было самое страшное, что я видела в своей жизни, после того, как менялось выражение лица Кондора во время монолога Хельды.

И после оскала твари, которая бежала за мной в снежном мареве, конечно.

– Но ты же сам ей не верил, – сказала я.

– Теперь поверил, – огрызнулся он. – Есть разница между обычной видящей и пророком. Герхард, она спит. И пусть спит.

Шаги звучали суетливо, голоса – тревожно. Мне положили ладонь на плечо и, когда я не отреагировала, бесцеремонно потянули за руки, вынуждая встать с кресла, на котором я пригрелась, пока пыталась прийти в себя.

– Я сейчас, – шепнула я.

Около левого виска остро, коротко кольнуло болью.

– Пойдем, милая.

Пришлось вставать и идти.

Зимний свет почему-то казался мне слишком ярким, почти болезненным, и я щурилась.

Хельду оставили в кресле, расстегнув ворот платья и манжеты, и накрыли пледом. Сейчас она казалась даже не усталой, а странно умиротворенной, словно бы там, во сне она видела что-то хорошее, а не тьму, о которой говорила нам.

Кондор вытолкнул меня из гостиной в соседнюю маленькую, проходную комнату.

– Вы знали, что она – пророк, Герхард? – спросил он у господина Оденберга.

От меня не ускользнуло, как удивился Ренар, как он открыл было рот, чтобы сказать что-то, но, заметив выражение лица Кондора, все же не стал ничего говорить.

Герхард казался смущенным и встревоженным.

– Я догадывался, что она сильнее, чем кажется, – ответил он. – Но она никогда не проявляла... кхм... таких способностей. Я думаю, нам лучше поговорить у меня в кабинете, милорд, наедине.

Кондор сжал мою руку так, что я чуть не вскрикнула от боли.

– Я не думаю, что сейчас уместны долгие разговоры, Мастер Оденберг, – прохладно, но вежливо сказал он. – У меня, как и у вас, есть определенные обязательства, которые я привык выполнять. Я бы хотел вернуться к ним как можно скорее.

– А я бы все-таки хотел с вами поговорить, – в тон Кондору ответил Герхард, рассматривая меня. Я стала вдруг очень, очень ему интересна, и в этом интересе мне виделся какой-то странный расчет. – О разделении обязанностей, к примеру. Несмотря на то, что юноша не имеет к леди Лидделл никаких... претензий, я вижу свою обязанность, – он подчеркнул это слово. – В том, чтобы сообщить представителям Ковена в Старом Бергштадте о новоявленной ведьме, замеченной в окрестностях Йарны и, предположительно, опасно не владеющей собственными силами.

Кондор застыл с таким видом, словно его только что ударили по лицу.

Наверное, в его картине мира не было такого, чтобы какой-то там волшебник из мелкого городка, к которому можно ввалиться посреди ночи, вдруг осмелился сказать ему, со всеми его титулами, графством и древней семьей, хоть слово поперек.

Но Герхард сказал. И не просто сказал, поняла я, а намекнул, что имеет рычаг влияния, козырь в рукаве, талисман на удачу – меня.

Ренар скрестил руки на груди и, кажется, был готов ко всему.

Возможно, в случае чего – успокаивать Кондора и не давать ему сделать что-то не очень хорошее.

Мне показалось, что воздух сейчас заискрится и вспыхнет, но Кондор лишь поднял руку, вытащил из воздуха забытую мною в гостинной цепочку с амулетом и с улыбкой застегнул ее на моей шее.

– Я рад, что вас не так легко обмануть, как я надеялся, Герхард, – сказал он как ни в чем не бывало, словно минуту назад не стоял здесь с растерянным видом. – Но поскольку эта конкретная, кхм, ведьма, если вам так угодно, еще и моя подопечная, то, думаю, это как раз моя обязанность – сообщить о ее появлении. Правда, боюсь, леди Лидделл и один ее могущественный покровитель против огласки таких

подробностей. Я планировал поговорить о ней не с кем-то из... – Он запнулся, видимо, подбирая слова. – Из ближайших к этой местности представителей Магической Власти, а напрямую с ректором Галендорской Академии. Я надеюсь, вы не сочтете подобные привилегии нарушением какого-нибудь регламента? – улыбнулся он.

Напряжение в воздухе не исчезло.

– Что вы, милорд. – Герхард улыбнулся ему в ответ. – Я только посоветую вам сделать это быстрее. Потому что если уж кто-то вроде меня догадался, подумайте, что будет, если господин Феррано, к примеру, обратится за помощью к человеку, способному считать остаточные следы проклятия и выйти через них на... – Он посмотрел на меня, хитро щурясь. – На того, кто это проклятие сотворил. А господин Феррано, поверьте мне, настойчив и дружен не с последними лицами в городе. В том числе...

– С теми, кому захочется обвинить меня в злоупотреблении моим положением и силами? – почти насмешливо спросил Кондор.

Я чуть крепче сжала его пальцы, пытаюсь так намекнуть, что я все слышу – и понимаю. И что я сейчас на его стороне.

– Вы сами все понимаете, Мастер Юлиан, – спокойно ответил Герхард. – В том числе то, что происходящее сейчас выходит за рамки понятия «в порядке вещей».

– Ну да. – Кондор сделал вид, что не заметил намека. – Пророки – это нечто за пределами привычного. Даже для меня. Тем более, когда...

– Вам неприятно, когда в вас смотрят? – фыркнул Герхард почти добродушно, и я почувствовала, как повисшее в воздухе напряжение чуть отступило. Мастер Йарны уже не преграждал нам дорогу, он отошел в сторону, пропуская в гостиную к Хельде служанку с подносом. На подносе были кувшин воды и накрытая плотной салфеткой миска. – Могу вас понять, милорд. Еще неприятнее, когда вам показывают вас.

– Если вам хочется поговорить со мной, Мастер Герхард, – Кондор, казалось, пропустил его слова мимо ушей, – то я навещу вас через пару дней. И госпожу Хельду тоже, потому что, признаюсь, продолжение беседы с ней кажется мне очень... полезным и куда более интересным, чем беседа с вами, Герхард. Но пока, простите, меня ждет кое-что более важное.

Улыбка Герхарда стала удивительно любезной. Он повернулся ко мне:

– Был рад вас видеть, леди Лидделл. Надеюсь, мы увидимся еще – уже при других обстоятельствах.

Мне ничего не оставалось, кроме как ответить ему в тон, а потом позволить Кондору увести меня к порталу.

«Овечка, которую ведут к жертвенному камню, – думала я, пока надевала пальто, которое мне подал Ренар. – Да, пожалуй, вернее и не скажешь».

Я не понимала, что происходит. Совсем. Одно событие сменяло другое с такой скоростью, что я теряла связь, и все, что мне оставалось, это покорно идти за кем-то, кто держал меня за руку.

Я очнулась, когда передо мной поставили тарелку. От запаха супа меня почти замутило.

Я не хотела есть. Чего я действительно хотела – так это оказаться у себя в комнате, спрятаться под одеялом и заснуть. Или просто лежать с закрытыми глазами, сжаться в комок и попытаться представить, что меня нет.

Что все это – какой-то странный сон.

Судя по тому, что вокруг царило напряженное молчание, сбежать хотела не только я.

Обед накрыли в одной из комнат замка. Темные деревянные панели, узкие готические окна, сквозь которые пробивался тусклый зимний свет, тяжелая мебель – здесь было сумрачно и неудобно. И холодно – или это просто меня знобило.

Кто и когда успел решить, что мы должны оказаться за одним столом, я не могла вспомнить. Может быть, Кондор спросил меня о чем-то по пути сюда – и я незаметно для себя кивнула, может быть – его самого поставили перед фактом, когда мы зашли в замок. Так или иначе – мы здесь, и нам прислуживает та самая девушка, которая несколько дней назад принесла обед в гостиную Кондора.

В тот день, когда я увидела в зеркале мир, который меня забывал.

Я заметила, как девушка бледнела каждый раз, когда оказывалась рядом с волшебником, мрачным, как пейзаж за окном.

Ложка в руке дрожала, я случайно ударила ею о бортик тарелки – звук получился настолько громким в повисшей тишине, что Ренар вздрогнул и словно бы очнулся.

– Вам не кажется, – начал он, нарушая этот заговор молчания, длящийся от портала и до сих пор, – что в Замке стало как-то слишком холодно?

– Кажется, – буркнула я, не поднимая глаз от тарелки.

Или меня знобит от страха.

– Ничего удивительного. – Кондор, наконец, прекратил рассматривать узоры на скатерти – я видела, как его рука потянулась к прибору. – Мари превратила мой кабинет в ледяной чертог. Сильвия пытается восстановить баланс тепла в замке. Или вы оба думали, что теплая вода в трубах – это чудо, ниспосланное богиней?

Он посмотрел почему-то на меня.

Без улыбки.

Точно. Я не видела Сильвию утром, и сейчас ее тоже не было рядом. От этого я чувствовала себя странно. С одной стороны, память о когтях, рожках и зубах была свежа, с другой – я начала испытывать к Сильвии своеобразную симпатию, и мне хотелось увидеть ее днем. Похожую на человека. Почти обыкновенную. Чтобы то, что я видела ночью, стало призраком, воспоминанием о дурном сне.

Может быть, это помогло бы мне избавиться от чувства вины за возникшее вдруг отвращение.

Я рассеянно моргнула, чувствуя, как вспыхнули от стыда и злости щеки, и продолжила печально вылавливать из бульона то, что казалось мне вкусным.

– Я очень надеюсь, – продолжил Кондор, – что леди Лидделл хорошо запомнила все, что видела и слышала сегодня. Я не сторонник того, чтобы учить человека плавать, выбросив его в омут из лодки, но, к сожалению, получилось именно так, как получилось. По крайней мере, это неплохой пример того, что бывает, когда маг не владеет собой и не понимает последствий своих неосторожных слов или действий.

Я крепко сжала в руке ложку, понимая, к чему он это сейчас.

– Прекрати говорить так, будто я в тот момент осознавала эти свои силы, – сказала я тихо и подняла взгляд на Кондора.

Он, к моему удивлению, не злился, скорее, был насторожен. Презрения в его взгляде тоже не было. Только усталость.

– Прости, милая, – сказал он почти примирительно. – Конечно, в тот момент ты не знала, на что способна.

Он поудобнее перехватил ложку, уставился в свою тарелку так, словно в ней плавало что-то необычное, и с тяжелым вздохом добавил:

– Приятного аппетита.

Вокруг снова стало почти тихо, и я не выдержала.

– Спасибо большое, я наелась, – сказала я и отодвинула тарелку в сторону.

Служанка быстро подошла ко мне.

– Ива, будь так добра. – Ренар вдруг выпрямился и строго посмотрел на нас обеих. – Не забирай у леди тарелку, пока она не доест то, что в ней.

Мы со служанкой испуганно переглянулись. Девушка почтительно кивнула Ренару.

– Но... Спасибо, Ива, – попыталась командовать я. – Я больше не хочу суп.

И, в принципе, есть вообще не хочу. Слишком холодно и страшно.

Слишком уж неприятный осадок оставило во мне все, что случилось до обеда.

– Не обижай кухарку, золотце, – оскалился Ренар. – Хотя бы половину съешь, давай. Иначе сказки на ночь не будет. И десерта тоже.

Его тон не был издевательским, скорее – снисходительным, и это било в самое сердце.

Словно я и так не чувствовала себя маленькой девочкой, которая очень, очень сильно набедокурила и теперь наказана.

– Да вы издеваетесь! – я выдохнула это, понимая, что Ива слушается кого угодно, кроме меня. – Я действительно не хочу...

– Ужасающая, мешающая думать головная боль к вечеру. – Кондор медленно поднял на меня взгляд, тяжелый и злой. – Обещаю. Ты практически ничего не ела с самого утра, глупая, так что прекращай капризничать и не доставляй мне лишних проблем.

Он пронаблюдал за тем, как я возмущенно поджала губы и резко выдохнула, а потом все-таки вернулась к уже немного остывшему супу, пытаюсь найти в нем хоть что-то вкусное.

Нет, ну если честно, это было вкусно. Не так вкусно, чтобы совсем вкусно, но весьма съедобно.

Ива поняла, что господа определились с тем, кто кем командует, поклонилась и снова вышла, оставляя нас одних.

Мы переглянулись.

Ренар был обманчиво спокоен, но бледен и серьезен. Во взгляде Кондора плескалась тревога.

– Продолжай, – сказал ему Ренар резко. – Скажи то, что хочешь сказать. Может быть, не повторишь пару своих ошибок.

Волшебник вздохнул, посмотрел на меня – и тут же отвел взгляд в сторону.

– Простите мне мой тон, леди Лидделл, – сдержанно сказал он и замолчал, словно обдумывал, не должен ли сказать еще что. Ренар кашлянул, и Кондор добавил: – Мне следует проявить больше сочувствия и быть мягче к вам в сложившихся, эм, обстоятельствах.

На лице Ренара было то выражение, которое бывает у учителей, когда кто-то не слишком способный вдруг проявляет похвальное старание – пусть все еще недостаточное. Ладно, ты молодец, сойдет, но в следующий раз я не буду столь лоялен, глупый мальчишка. Ренар тоже вздохнул, улыбнулся, пусть и натянуто, и выжидающе посмотрел на меня.

Я поняла, что мне нужно что-то ответить.

Рука опять дернулась, ложка снова ударилась о край тарелки.

Кондор поморщился и дотронулся пальцем до виска.

Я поняла, что про головную боль он говорил, исходя даже не из опыта – из своего состояния здесь и сейчас.

– Я все понимаю, – сказала я тихо. – Вам не за что извиняться, господин волшебник.

Он криво усмехнулся:

– Спасибо, милая, ты так добра.

Кажется, он хотел сказать что-то еще, но Ренар резко вклинился в наш странный обмен словами:

– Рад, что все довольны друг другом, – сказал он. – Но, признаюсь честно, мне не по себе, когда все молчат. Может быть... – Он обвел нас взглядом. – Может быть, мы все как-то обсудим то, что произошло?

Кондор ничего не ответил – суп интересовал его намного больше, чем какие-то там обсуждения.

Я покосилась в сторону окон: за мелкими стеклами был холодный зимний день. Снег снова валил густыми, мягкими хлопьями.

– Если честно, я бы тоже хотела поговорить, – призналась я. – Потому что я ничегошеньки не понимаю.

И чувствую себя виноватой во всем.

Не знаю, сказала ли я последнюю фразу вслух, или все было написано у меня на лице, но Ренар вдруг подался в мою сторону и ласково произнес:

– Все обошлось, милая.

Наверное, если бы он мог протянуть руку и дотронуться до меня, он бы это сделал, но между нами было два пустых стула.

– Кого ты обманываешь? – холодно спросил Кондор, бросив на Ренара полный скепсиса взгляд. – Себя или ее? Давно не нарывался на местных в темном переулке?

– Ее, – признался Ренар. – И я не обманываю, а пытаюсь успокоить, это, знаешь ли, большая разница.

Кондор усмехнулся, но промолчал.

– Но я тебя понял, – продолжил Ренар. – И буду осторожнее. Постараюсь не попадаться на глаза самоуверенным мальчишкам, когда ты в следующий раз отправишь меня пообщаться с Мастером Оденбергом. – Ренар произнес имя Герхарда с издевательским почтением. – Фто фето он так вдруг вспылит? – спросил он Кондора, одновременно прожевывая кусок. – Ты достал его своей фамильярностью?

Волшебник посмотрел на него с оттенком то ли высокомерия, то ли презрения к подобному нарушению этикета – или к такой постановке вопроса.

– Скорее всего, именно так. – Кондор пожал плечами. – Я частенько пренебрегал самолюбием Мастера Герхарда, хотя и старался разделять сферы влияния. Намек на то, что он не справился с прямыми обязанностями, да еще и после того, как мы с ним вместе ловили пикси, появление которого он не заметил, – здесь голос Кондора стал ехидным. – Видимо, это стало последней каплей.

Я задумчиво отодвинула тарелку с остатками супа и, помедлив немного, придвинула другую тарелку. С печеной рыбой.

Мне не нравился Герхард. Он был неприятным и закрытым, презрительным и сухим, но отношение Кондора к нему казалось мне

незаслуженно грубым. Он не хамил в открытую, но, кажется, демонстрировал свое превосходство. Вспомнить хотя бы то, как бесцеремонно мы вторглись в дом Мастера Оденберга в праздничную ночь.

Или то, как Кондор говорил с ним сегодня.

«Быть магом в провинциальном городке – это далеко не предел карьеры, – подумала я, – и уж тем более – не предел мечтаний».

Наверное, это еще и повод для зависти к кому-то... К кому-то вроде Кондора.

Я посмотрела в его сторону. Все еще бледный, все еще хмурый и усталый, но даже сейчас – с идеально ровной спиной, словно не лежит на его плечах груз ответственности за меня и еще за тысячу и одну вещь.

Почему-то я подумала, что его рубашка, одолженная мне, была очень мягкой, и чуть не покраснела.

– Главное, нам с Мастером Оденбергом, кажется, удалось прийти к пониманию, что взаимное сотрудничество выгоднее, чем попытки вставлять друг другу палки в колеса. – Кондор явно что-то говорил, а я прослушала и успела уловить только последнюю фразу. – Жаль, конечно, что он догадался о талантах леди Лидделл, но... Надеюсь, у него хватит ума держать эту догадку при себе.

Я недоуменно посмотрела на него, пытаюсь понять, о каких таких моих талантах идет речь, а потом вспомнила и прикрыла глаза.

«Конечно, – подумала я, – магия. Магия, способная за минуту нарастить на стеклах слой льда. Магия, из-за которой я чуть не откинулась, кажется. Или не кажется, если вспомнить то, что говорил Кондор, когда вливал в меня одно за другим зелья, возвращающие силы. Магия, о которой я пару дней назад спрашивала, как о чем-то милом и веселом, о приятном бонусе в этом приключении, о том, что даст мне шанс чувствовать себя не беспомощной... Интересный бонус. Очень приятный. Очень милый и веселый. Обхохочешься».

Я хотела что-то сказать, но забыла, что именно.

Оставалось только слушать других.

– Мелкие фигуры очень хотят пробиться наверх, – Кондор опять завершил какую-то фразу, начало которой ускользнуло от меня.

– Я, признаюсь, не ожидал, что он в открытую покажет зубы, – Ренар подпер голову рукой и лениво ковырялся вилкой в остатках

обеда.

– Я тоже не ожидал. – Кондор вздохнул. – Всегда считал его совершенно не способным на сопротивление. Мэр взвалил на него кучу лишних обязанностей, я пытался намекнуть Герхарду, что это не дело, но, кажется, в этом вопросе он предпочитает молчаливо принять свою участь. – Кондор презрительно поморщился. – А тут, видишь ли, решил меня задеть. – Он цокнул языком. – Всегда таких не любил.

– Кому-то нужно щелкать тебя по носу, Кондор, – язвительно ответил Ренар, за что получил хмурый взгляд в свою сторону. – Ты иногда забываешь о чужой гордости.

– О чужом тщеславии я забываю, не о гордости, – парировал волшебник. – Я относился к Герхарду так, как он позволял к себе относиться. И всегда был готов сотрудничать.

Ренар хмыкнул и помолчал пару минут, разглядывая сначала меня, а потом Кондора со странной полуулыбкой.

– Мне все-таки интересно, – продолжил он, и я вдруг ощутила невероятную благодарность за это. – Что такого сказала бедная видящая, что ты вдруг уверовал в ее силу? – Он подмигнул мне. – Я думаю, не мне одному интересно, правда, Мари?

О да.

Слова, сказанные Хельдой, прочно врезались мне в память, особенно те, которые были неприятны, и те, которые, как я поняла, предназначались не мне. Несложно догадаться, что Кондор был, мягко говоря, не в восторге от того, что я стала невольной свидетельницей сделанного ему предсказания. Не знаю, что его раздражало больше: сказанные ему слова, прозвучавшие почти как обвинение, или то, что я их услышала и теперь знаю о нем что-то такое, что мне лучше бы не знать.

Кондор застыл, услышав этот вопрос, но почти сразу обрел подчеркнуто беспечный вид.

– Пророки отличаются от обычных видящих тем, – начал он менторским тоном, – Что они смотрят намного глубже. Прикинуться видящим несложно, достаточно уметь разбираться в людях и их взаимоотношениях. Ну, или просто хорошо изучить конкретного человека. – Он посмотрел на меня. – Кто-то в смятении, в беде, в печали легко поддается, если знать, как к нему подступиться. Я встречал очень скромное число видящих, которые не пытались бы

использовать свой дар в довольно корыстных целях, поэтому не доверяю им. Но Пророк – совсем другое дело.

Я скрестила руки на груди, потому что от направленного на меня цепкого взгляда желтых глаз стало не по себе.

Кондор заметил это и отвел взгляд.

– Когда начался транс, все стало ясно, – продолжил он. – Глаза стали черными, и, сдаётся мне, силы, которые помогают ей смотреть, не из простых. Я очень удивлен тем, что Герхард так бездарно пропустил это, и я бы остался, чтобы помочь ему, но мне нужно было срочно увести Мари оттуда. Хватит с нее приключений.

Я чуть вилку не уронила от удивления.

Я-то думала, что он на меня злился, а спешка, с которой мы уходили, была связана с чем угодно – с видящей, с Герхардом, с тем, что могли вернуться Феррано, – но никак не с заботой обо мне. Что все слова про обязательства были лишь благовидным предлогом.

«Наверное, – подумала я, – нужно быть чуть более... дальновидной, что ли?»

Чуткой, подсказало подсознание, и внимательной. И доверять, в конце концов».

– Что Хельда мне сказала, – продолжил Кондор, – это уже другой вопрос. Я бы хотел ответить на него так: она сказала достаточно. Это были вещи, которые ей неоткуда было знать, и которые она не могла считать с меня, пока не ушла глубоко в знание.

– Она увидела меня, – Ренар нахмурился.

Ох, как мне хотелось узнать, что же она там увидела! Я даже рот открыла, чтобы спросить об этом, но, помня о том, как Ренар отреагировал на слова Хельды, промолчала.

– Да, она смогла преодолеть твою защиту от чужого внимания, – кивнул Кондор. – Но в моем случае она, скажем, рассмотрела кое-что, спрятанное глубоко. Я бы не очень хотел поднимать эту тему, с вашего позволения. Надеюсь, ваше любопытство удовлетворится тем, что госпожа Пророк дала пару важных ответов, которые я давно искал? – Он посмотрел на нас, и мы кивнули. – И пару предупреждений, которые я не слишком рад услышать.

Кондор с минуту разглядывал меня с хмурым вниманием. Наверное, так смотрят на то, что доставляет изрядное количество

неприятностей и осложняет жизнь, но от чего нельзя избавиться, потому что с этим нужно как-то справиться и что-то сделать.

Слова Хельды, которые я запомнила, жгли память, и я молчала. Я не хотела, чтобы Кондор догадался, что я запомнила их, все то, что было сказано ему.

Поэтому я скромно уткнулась взглядом в скатерть.

Кондор вдруг заговорил и сам выдал то, что я хотела услышать:

– Видящая сказала кое-что важное. Она словно знает, почему леди Лидделл оказалась здесь, и это меня и тревожит, и радует. Я хочу еще раз встретиться с Хельдой и рассчитываю получить ответы на пару важных вопросов, – признался он. – К примеру, зачем ты понадобилась Хозяину Зимы. Но главное, что... Мари! – Он позвал меня, и я подняла голову, чтобы посмотреть ему в глаза. – У тебя есть выбор. Что бы она там ни сказала, выбор у тебя точно есть. И свобода воли тоже.

Надо же.

– Да, – ответила я с кривой усмешкой и решила напомнить ему: – Она там еще что-то насчет овечки в стае волков говорила. А еще про темный лес и чью-то тень. И знаешь что, Кондор? – Я аккуратно положила приборы на тарелку и отодвинула ее от себя. Спасибо, наелась. – Чем больше вокруг неизвестности, тем мне страшнее. Я тоже очень хочу получить ответы на свои вопросы. Как-то слишком много их накопилось за последние сутки.

– Как пожелаешь, – ответил он. – Но не сейчас. Мне нужно уйти, и, скорее всего, меня не будет до позднего вечера. Я хочу навестить Габриэля, – пояснил Кондор в ответ на мой гневный взгляд и подмигнул. – Передам от тебя привет, милая, там будут рады. И, кроме того, надо завтра же познакомить тебя кое с кем, но о встрече с ним придется заранее договориться.

На его лице появилась виноватая улыбка.

Я почувствовала, как меня снова заполняет чувство злости и потерянности.

Нет, я понимала, что, наверное, слишком много требую, когда прошу разговора прямо сейчас, но мне казалось, что меня оттолкнули в сторону. Словно я и все мои беды – и те, о которых я знала, и те, которые разглядела Хельда, стали вдруг неважны перед другими, очень, очень важными делами.

– Я научу тебя играть в карты, милая. – Ренар ободряюще мне улыбнулся. – И весь вечер буду в твоём распоряжении. Раз уж кое-кто так сильно занят.

Его взгляд в сторону Кондора был осуждающим, но волшебник лишь раздраженно закатил глаза и скрестил руки на груди.

– Я постараюсь вернуться пораньше, – пообещал он.

Я сделала вид, что поверила.

Джинсы и футболку я нашла на кровати. Тот, кто в Замке превращал грязное в чистое, свою работу выполнял, несмотря ни на какие странности в мире вокруг, и я была ему благодарна.

Им. Боггартам.

Платье, в котором я провела все это страшное утро, стало ужасно неудобным: потяжелевшие вдруг юбки мешали ходить, а шерсть, пусть она была трижды высокого качества, кололась и заставляла меня нервно чесать запястья и шею. Я хотела снять его и окунуться в обжигающе-горячую воду, чтобы смыть с себя хотя бы часть прошедших двух суток. Да и просто согреться хотелось, поэтому, захватив сменную одежду, открыла дверь в ванную комнату.

Но увы.

Вода из кранов лилась только холодная, аж пальцы сводило.

Я быстро смыла с лица следы слез, которым самозабвенно предавалась, как только осталась одна, и, чувствуя, как от холода по коже бегут мурашки, стянула с себя платье. Хоть так.

Нижняя рубашка и юбка, теплые чулки – все в кучу, еще и ногой брезгливо оттолкнула в сторону.

Джинсы оказались слегка великоваты.

Пол в ванной тоже был холодным, почти ледяным. Я не рискнула долго шлепать по нему босыми ступнями, собрала с тяжелым вздохом свою одежду, сложила ее и оставила на полке за ширмой.

Пока руки были заняты, злость немного отступила.

Зеркало над раковиной сказала, что выгляжу я сейчас не намного лучше, чем Кондор прошлым утром: бледная, с заострившимися скулами, разве что синяки под глазами едва наметились. Я наскоро пригладила волосы и вышла из ванной.

Пол в комнате был теплее лишь самую малость.

С тяжелым вздохом я рухнула на кровать и устала на потолок. Потом попыталась завернуться в одеяло, как в кокон, и поспать, но сон не шел. Я не могла толком согреться и потому злилась и бесилась еще больше.

Пришлось открыть первую попавшуюся книжку – это оказался третий том из «Истории для девиц» – и начать разглядывать гравюры.

Читать я тоже не могла, мысли так и норовили убежать куда-то подальше от нудного перечня каких-то сражений в какой-то войне, от кратких жизнеописаний королей Аглавера, содержащих немалую долю непонятных мне рассуждений о морали и власти.

Принц Феликс сейчас как раз был в Аглавере, вспомнила я, перелистывая страницу, а за ней следующую – на гравюрах изображались быстро сменяющие друг друга правители, их гербы с девизами. Под каждым портретом шли цифры, обозначающие даты рождения и смерти, и, наверное, будь я сообразительнее, то смогла бы вычислить, как давно жили эти люди.

Но соображать я не могла.

Я вообще словно бы поглупела враз за пару часов.

Наверное, лучшим решением сейчас было бы уткнуться в сериал, но, конечно, в моем нынешнем положении подобные развлечения мне недоступны.

Я закрыла «Историю» и прижала книгу к груди, свернувшись калачиком. От обложки пахло пылью и старой бумагой.

Стук в дверь раздался как-то вовремя, потому что стоило остаться наедине со своими мыслями, как злоба и отчаяние снова начинали душить меня.

Ренар не дождался моего ответа, сам вошел в комнату и, сев на краешек кровати, провел рукой по моим волосам, убирая их со лба. Мне показалось, он хотел удостовериться, что я не плакала.

– Я думал, ты уснула, – сказал он мягко.

– Не спится, – буркнула я в ответ.

– Пойдем вниз. – Ренар взял меня за руку, спрятав мою ладонь в своих. – Я обещал тебе игру в карты. И прочие развлечения.

– Ты мне еще сказку на ночь обещал, – хрипло ответила я и потерлась лбом о покрывало, пытаясь понять, хочу ли я выползть из-под него. – И десерт.

– Все будет, если обещал. – Ренар потянул меня за руку с ласковой настойчивостью. – Не знаю, как в твоём мире, солнышко, но здесь не очень хорошо смотрят на то, чтобы взрослый мужчина долгое время находился рядом с незамужней леди один на один. Тем более – в спальне, – сказал он с показной серьёзностью.

Вот только разговоров о репутации мне сейчас не хватало!

– Пойдем, – сказал Ренар настойчивее.

Я оторвалась от созерцания потолка.

– А если я не хочу?

– Тогда останешься наедине с... – Он глянул на книгу и скривился, как будто бы кислятину съел. – Третий том «Истории»? Мое искреннее сочувствие.

– Я уже поняла, – я неловко попыталась выпутаться из покрывала, – что что-то не так с этой книгой.

– Конечно, не так. – Ренар встал с кровати и сейчас терпеливо ждал, пока я медленно сяду, а потом так же медленно пойду искать носки и кеды. – Если автор решил, что пишет для дураков, интересной книги у него не получится. Только невысказанно скучная.

Я ткнулась в шкаф, выудила из него свою толстовку и влезла в нее.

– А эта книга написана для дураков?

Ренар галантно распахнул передо мной дверь:

– Для девушек, – лучезарно улыбнулся он. – Для девушек, которые, как верит автор, не в состоянии понять, что причиной войны намного чаще оказываются жадность и тщеславие, чем доблесть и честь. Хотя, конечно, книги для юношей на ту же тему не слишком отличаются.

– Тогда зачем держать это в библиотеке?

– Она досталась нам в наследство. От тех, кто жил здесь раньше.

Густой ворс ковра поглощал наши шаги, пока мы шли через одну из пустующих комнат к лестнице вниз.

– «Арс Магика» тоже? – прямо спросила я.

– О, чем ты заинтересовалась. – Он покосился на меня. – Нет, «Арс Магика» – это развлечение Кондора. Ему, знаешь ли, было интересно, какие стереотипы живут в головах у людей, поэтому он нашел ее у какого-то торговца старыми книгами... Думаю, если бы он встретил автора этой штуки, разговор получился бы интересным.

Я подумала, что он прав.

Если бы Кондор встретил господина Этьена, из этого и правда получилось бы что-то интересное.

Камин в парадной гостиной был темен и пуст. Я забралась с ногами на диван, даже не снимая обувь, и посмотрела в окно, за которым начинало темнеть. Ренар закурил, сегодня в его трубке было что-то другое, странно-знакомое, и запах дыма вдруг показался удивительно уютным.

– Вишня, – поняла я.

– М?

– Ты куришь вишневый... табак? Не знаю, что у вас там.

– Тебе не нравится? – спросил Ренар с тревогой.

– Наоборот, – я покачала головой. – У меня очень... теплые ассоциации.

Ренар сдержанно улыбнулся в ответ, перекинул руку через подлокотник кресла и не глядя поднял бутылку из темного стекла.

– Хм, ты смотри. Тут даже что-то осталось. Как насчет? – Он тряхнул бутылкой, держа ее за горлышко. – Нет, не бойся, тут так мало, что ты не превратишься в болотную корягу, даже если выпьешь все это. А я надеюсь, что ты со мной поделишься.

Я согласилась – со странной легкостью, оправдывая себя тем, что было холодно, и еще я до сих пор чувствовала мелкую нервную дрожь в пальцах. Пробка поддалась с трудом, и я для начала принялась – внутри было что-то крепкое, отдающее анисом. Я сделала глоток, поморщившись от жгучего привкуса на языке, шумно выдохнула и протянула бутылку Ренару. На губах остался сахар.

– Удачно я ее здесь оставил. – Ренар в свою очередь отпил из бутылки и поставил ее на столик между нами, не закрывая. Там действительно было немного – меньше четверти. – Я могу приказать принести чай, если ты хочешь.

Я замотала головой и прищурилась:

– У тебя приказ сторожить меня? – спросила я почти едко.

Он хмыкнул и затаился трубкой, получив паузу на обдумывание ответа.

– Можно сказать и так. У меня приказ не оставлять тебя в одиночестве надолго и развлекать любыми доступными и

подходящими способами. Не выпускать за пределы Замка. Никого лишнего, – он подчеркнул это слово, – к тебе тоже не подпускать.

– А где Ахо? – вспомнила я, когда он сказал про «никого лишнего».

– Наказан. – Колечко дыма ушло в потолок. – Все еще наказан. За что и как именно, я, к сожалению, не смогу тебе сказать.

Я чуть не покраснела, стащила бутылку и отхлебнула еще.

– Карты? – робко предложила я, потому что деваться было некуда.

– Давай карты. – Ренар хитро сощурился. – Поучу тебя тому, во что благородные леди играют, когда становятся слишком старыми, чтобы много танцевать.

И дальше были карты. Ренар достал колоду из ящика в подлокотнике моего кресла. Я, конечно, удивилась и получила в ответ еще одну улыбку.

Местные карты отличались от наших разве что картинками и набором символов, и первая игра была похожа на известного мне с детства дурака. Когда она надоела, Ренар вытащил из кармана горсть монеток.

– Не на щелбаны же с тобой играть? – Он усмехнулся, заметив мой недоуменный взгляд. – Азарт, знаешь ли, помогает лучше думать. – Его пальцы ловко раскидали монетки в две почти равные горки. – А думать тебе сейчас придется много.

Он не соврал: в новой игре нужно было считать очки, пытаться угадать, что в руках у противника, запоминать и...

В общем, когда служанка – не Ива, а другая, еще не знакомая мне девушка, – зашла в зал, чтобы поинтересоваться, не нужно ли что-то господам, я сосредоточенно проигрывала, не обращая внимания на то, что от холода уже шел пар изо рта.

– Принеси леди плед, – приказал Ренар. – И, наверное, нам нужно перекусить.

Девушка коротко кивнула, кинула на меня любопытный взгляд и ушла.

– А... Плед же у меня в спальне, – нахмурилась я, понимая, что вообще-то все это время кто-то мог трогать мои личные вещи.

– Ну, да, а где ему еще быть? Будь внимательнее, а то опять проиграешь. – Он покосился на стопку карт, лежащую с краю стола. – Моя леди чем-то недовольна?

Я сделала медленный вдох – и так же медленно выдохнула, чтобы увидеть, как в воздухе появляется облачко пара. Мне тоже нужна была пауза, чтобы продумать ответ.

– Я не недовольна, – сказала я. – Я просто поняла, что ни разу не замечала, скажем так, явных следов того, что в моей комнате кто-то был. Ни человек, ни кто-то из... как их, боггартов?

– Конечно, не замечала, – кивнул Ренар. – Те, кто здесь делает уборку, не слишком любит показываться на глаза людям. Боггарты, да. – Он посмотрел на стол. – И, кстати, ты опять проиграла. Покажи мне карты.

– Зачем? – не поняла я.

– Затем, что это уже третья ошибка подряд. Ты специально проигрываешь? – спросил он, когда я раскрыла перед ним веер из оставшихся пяти карт. – Могла бы выложить рыцаря шпаг сейчас, у тебя еще две козырные остались, и мы бы сравнялись в счете.

– Я устала, кажется. – Я пожала плечами и попыталась продолжить беседу – не про карты. – Кондор говорил, что они не любят, когда за ними наблюдают. Мне интересно, почему... и что мне грозит, если...

Ренар с горестным вздохом собрал карты, осуждающе покачав головой:

– Сказала бы, что неинтересно...

– Интересно, – быстро ответила я, потирая озябшие руки. – Просто... про остальное сейчас интереснее.

– Моя леди желает страшных сказок?

Губы Ренара растянулись в хитрейшей улыбке, он посмотрел на меня из-под полуопущенных ресниц, словно бы мои слова его обрадовали.

Словно бы он только того и ждал.

– Не совсем, – почему-то смутилась я. – Я хочу разобраться с тем, что со мной случилось. Фэйри и магия, знаешь ли, пугают меня больше принца и начальника его охраны.

«Конечно, – думала я, пока Ренар рассматривал меня, словно пытался понять, к каким тайнам стоит подпустить ближе, а какие – лучше держать подальше от кого-то вроде меня. – Конечно, принцы – это страшно, потому что один шаг, одна оговорка, неправильно сказанное имя – и ты в опале, а может, и в петле, или что тут делают с

оскорбившими корону? Но принцы не выдергивают тебя из комнаты в зимний лес, у принцев нет клыков и когтей, они не сталкивают тебя в холодную реку и не смотрят на тебя полными тьмы глазами».

С ними, кажется, можно договориться – или хотя бы понять, как избежать их гнева. Не попадаться им на глаза лишний раз.

Что делать с магией – я не знала.

– Если говорить о фэйри, которые обитают здесь, – Ренар наконец нашел, что сказать. – То их ты можешь не бояться. Боггарты безобидны, хотя и могут тебя напугать, если ты подберешься к ним близко. Сильвия... – Он задумчиво скривил рот. – У Сильвии есть гейс, как ты, наверное, слышала, и он прочно привязал ее к этим стенам. Одно из его условий, как мы успели понять, это искренняя преданность таким, как ты.

Я заметила, что после этой фразы Ренар едва заметно дернул щекой, словно сдержал какую-то рвущуюся наружу эмоцию, но совладал с собой и тут же лучезарно улыбнулся.

– Так что, милая, рядом с Сильвией ты в совершеннейшей безопасности, – продолжил он. – Жаль, она не может покидать пределы внешнего круга, поэтому, увы, при дворе уже не помощник.

Нас прервал стук в дверь. Девушка, которая не Ива, зашла, держа под мышкой плед для меня и одновременно пытаюсь удержать на одной руке поднос с едой, а в другой – подсвечник.

Я глянула в окно – в просвете между тяжелых темных штор виднелся кусочек затухающего дня. Сумерки наступали так плавно, что я не заметила их, увлеченная игрой и разговором.

Служанка поставила на столик поднос, отдала мне плед и, вытащив из кармана на фартуке спички, зажгла пять свечей. Я удивленно пронаблюдала за этим, но не удержалась:

– А кристаллы?

Девушка посмотрела на меня так же изумленно, как я на свечи, словно бы ответ на мой вопрос был очевиден, а потом перевела взгляд на камин – в нем огня тоже не было, а еще...

Я моргнула, не сразу поверив своим глазам.

Дерево на стене изменилось.

Я бы и не заметила этого, особенно в сумерках, но, кажется, глаза не подвели меня. И разум тоже.

Все листья, которые были на дереве, опали, и на голых ветвях сейчас лежал снег – он белел в полумраке, чуть блеклый, словно был нарисован здесь много лет назад и за эти годы успел потускнеть.

Я опустила взгляд и обнаружила листья на стене у самого пола, пожухлые, свернувшиеся, тоже чуть присыпанные снегом.

Ни белок, ни птиц. Ничего.

– Ты все правильно поняла, – вмешался Ренар. – Кристаллы не работают потому же, почему в Замке сейчас так холодно, милая, – ласково, как ребенку, сказал он мне. – И потому же дерево в Зеленом зале сейчас облетело. Линд, ты свободна, – коротко бросил он служанке, та присела в книксене и тихо ушла. Ренар проследил за тем, как она закрыла дверь. – Неужели не догадалась? Я думал, дерево привлекло твое внимание в первый день, когда мы тут сидели.

Я покачала головой.

– Летом оно зеленое. – Ренар снял глиняную крышку с одной из мисок. – И когда у Сильвии хорошее настроение – тоже. Весной может даже цвести. Сейчас, как видишь, все... не очень хорошо. Угощайся, милая, – бросил он мне и встал с кресла.

В первой миске обнаружилось вяленое мясо, а в соседней – сушеные яблоки, в общем, наверное, можно было вспомнить, что я опять хочу есть.

Правда, дерево, ставшее вдруг из осеннего – зимним, все равно было интереснее, чем еда, свечи или карты.

– Забавная ирония бытия, – протянул Ренар, сейчас он сидел на корточках у пустого камина и вытряхивал в него выгоревшее содержимое трубки. – Одна ночь выжала резерв из трех обитателей Замка. Да, да, не строй такую удивленную рожицу, из тебя тоже, юная госпожа волшебница. – Он улыбнулся, но тут же стал серьезным. – Знаешь, когда я в последний раз такое видел, все закончилось, скажем, грустно.

Я перестала жевать яблоко:

– В смысле?

Ренар, непривычно тихий, повертел свою трубку в руках, глядя на нее, словно на меня смотреть совсем не хотел. А потом так же, не поднимая глаз, достал кисет с куревом.

В тишине я слышала, как еле-еле потрескивают фитили свечей и шипит воск.

Сумерки сгущались.

В огромном зале, с этой его люстрой из оленьих рогов, тень от которой на потолке выглядела шипастой, с темным деревом и темными шторами, темноты было много. И тишины тоже.

Но мне почему-то не было страшно.

Почти.

– До того, как Кондор позвал меня в это... кхм, предприятие, – наконец заговорил Ренар. – Я был кем-то вроде наемника. То есть, – он усмехнулся, – кем я только ни был в то время, знали бы вы, леди Лидделл, хотя некоторые предложения подзаработать я не был готов принять. – Он посмотрел на меня с лукавым прищуром. – Они шли в разрез с тем, чему учил меня мой добрый дядюшка, пока я рос. Однажды мне повезло, я попал в резервный состав охраны одного городка в Англии. Прямоком на границе с Севером. – Спичка загорелась не с первого раза, и я подумала, что запах этого дыма не похож на то, как в моем представлении должны пахнуть зажженные спички. – Ты вряд ли знаешь такие тонкости, Мари. Северная Англия – маленькая, гордая, независимая и никому не нужная страна. Болота, горы, немного лесов и пастбищ – зато десятки местных кланов. У каждого свой правитель, и каждый невероятно чтит традиции. Наместники в прошлом пытались завоевать Север, но в итоге оставили эту затею, потому что, повторяюсь, никому оно не нужно – лить кровь людей за клочки хороших земель, спрятанных где-то между болотами и камнями.

Он сделал затяжку, посмотрел в окно, выдыхая дым, и продолжил:

– Любая граница – опасное место, неважно, граница это между мирами или между странами. И проблема севера не в воинственных кланах. Нет, эти тоже поняли, что на них никто нападать не собирается, и если кто вдруг решает доказать родовую доблесть и совершить набеги на пограничные городки, то его свои же соседи быстренько ставят на место. – Он посмотрел на меня. – Но там есть другая проблема – в Северной Англии много диких фэйри. Очень злых и голодных диких фэйри.

Он лениво подошел ближе и сел в кресло.

– А бывают домашние? – попыталась пошутить я. – Как Сильвия?

Ренар усмехнулся, отхлебнул из бутылки и протянул ее мне:

– Самое время для того, чтобы рассказывать маленькой девочке мрачные и поучительные истории, – весело, но с каким-то оттенком затаенной печали, сказал он. – Нет, просто есть, хм, не опасные для человека. Или не очень опасные. Или опасные только в определенные дни. Или при определенных обстоятельствах, – перечислил он. – И есть еще прирученные или связанные договором, как Сильвия. Хотя Кондор скажет тебе, что все фэйри могут быть опасны просто потому, что у них понятие некоторых вещей противоречит тому, что на этот счет думает человек. Так что даже фэйская благосклонность может обернуться бедой. Но ближе к делу. – Он ловко закинул в рот пару кусочков мяса. – Из-за близости к болотам, которые, как ты можешь догадаться, тоже граница, рядом с которой могут водиться опасные фэйри, в штате нашего маленького городка всегда был маг, талантливый в том, чтобы защищать людей от всякого нехорошего. Того, что может прийти с другой стороны и любит жрать людей или просто людям пакостить. А у мага, как водится, был ученик. Молодой и не слишком умный, но очень, очень самоотверженный.

Ренар сидел, небрежно откинувшись в кресле, вытянув ноги под столом. Иногда он отводил руку с дымящейся трубкой чуть в сторону, словно подчеркивал этим жестом важные слова. Я подумала, что где-то в той, прошлой жизни он приобрел умение рассказывать истории так, чтобы было интересно. Поэтому я стряхнула кеды на пол, завернулась в плед, как в плащ, едва не натянув его себе на голову, и, по-восточному скрестив ноги, села в кресле, уперев локти в колени и подперев кулаками голову.

Ренар одобритительно улыбнулся.

Я внимательно его слушала.

И слушала.

По крайней мере, это было в разы интереснее «Истории мира для девиц».

– Я подозреваю, – сказал Ренар, – что мальчишке с детства забивали голову высокими идеями и чушью о том, что Сила должна служить на благо простым людям, поэтому бедняга буквально бредил подвигами. Ему очень хотелось, чтобы произошло что-то из ряда вон выходящее, опасное и требующее его участие. Сама понимаешь, что с такими порывами... В общем...

– В общем, это шло вразрез с интересами прочих, кому бы хотелось тихой службы, – поддакнула я.

– Именно. – Он указал трубкой в мою сторону, вроде как в знак согласия. – Так что мальчика не очень-то воспринимали всерьез, считая его увлеченные поиски неприятностей блажью. Даже его Наставник, поначалу очень довольный старательностью ученика, однажды начал закатывать глаза при одном его появлении на пороге. Он пугался слова "Мастер!" и старался подсунуть юноше работу, которая отвлечет его от мыслей о подвигах. Сама понимаешь, моя хорошая, при таком раскладе непременно что-то должно было случиться. И оно случилось.

Здесь Ренар сделал паузу в рассказе, чтобы закурить и, кажется, подчеркнуть важность момента.

– Есть такая нечисть, называется келпи...

– Знаю, – оживилась я. – Волшебная хищная лошадка, которая живет в воде.

– Кхм... – Он чуть не закашлялся, сделав вид, что неудачно вдохнул дым. – Как много леди знает, оказывается. Ну да, волшебная хищная лошадка. С острыми зубами и невероятной любовью к деткам. Детки, знаешь ли, тоже любят лошадок, – хмыкнул Ренар. – А келпи этим пользуется, потому что взрослого затащить в топь или в омут намного сложнее, чем доверчивого ребенка.

– И у вас появился келпи.

– Точно, и рано или поздно что-то такое непременно появилось бы. Проблема была в другом. Наш юный герой решил, что нужно проявлять инициативу, и в итоге умудрился довести нас до того состояния, когда каждое его предупреждение об опасности казалось очередной ложной тревогой. Он говорил, что видел что-то, мы его успокаивали, что нет там ничего, ему привиделось. Как в той старой сказочке про пастушонка и волков.

– Так она ваша? Эта сказка? – моргнула я.

– Ну что ты, милая, – лениво протянул Ренар. – Некоторые сказки настолько правдивы, что нет надобности искать их исток. Я думаю, и по ту, и по эту сторону волшебного Зеркала можно найти немало удивительных совпадений что в сюжетах, что в деталях, поэтому ничему не удивляюсь. По крайней мере, – он отвел взгляд, чтобы

посмотреть во тьму за окном, – женщины везде одинаково женщины. А некоторые девочки невероятно любопытны.

Он сказал это таким ехидным тоном, что будь рядом со мной небольшая подушка, она полетела бы в наглеца, слишком уж заманчиво тот улыбался.

Улыбался он, правда, недолго.

– Мальчишка постоянно стремился найти себе подвиг, и, конечно, однажды подвиг нашел его, – Ренар тяжело вздохнул и закинул ногу на ногу.

Свечи мерцали во мраке.

Тишина замка стала почти осязаемой, она заставила замечать то, чего я раньше так остро не замечала: дребезжание стекол, когда в них ударял ветер, шорохи и скрипы, издаваемые домом, отсутствие привычного треска огня в камине – только легкое шипение свечей. Это была странная тишина, другая, как звезды в небе этого мира, огромные и незнакомые. В моем мире такая тишина гнездилась, наверное, вдалеке от городов и электросетей, вдали от трасс и человеческого жилья. Ее осязаемость не исчезла, даже когда она разлетелась на тысячу осколков от голоса Ренара:

– Ребенок ушел за белой лошадью в сторону болот. История из тех, где хороший конец получается редко. Я думаю, к тому моменту, как кто-то спохватился, келпи бы уже затащил ребенка в топь или поужинал им. Но наш юный герой бросился к болотам, как только испуганные детки, которые видели, как их друга унесла незнакомая белая лошадь, встретили его на улице. Потом уже детки позвали нас.

Я нервно сглотнула, еще плотнее кутаясь в плед уже не от холода извне, а потому что по спине прополз другой холод – леденящее ощущение страха. Не того приятного страха, когда тебе в лагере рассказывают о пропавшем мальчике или духе местных лесов, а какой-то глубинной жути.

– Иногда от нас требуется действовать быстро, а обстоятельства, в которые мы попали, сильно затрагивают наши чувства, – сказал Ренар задумчиво. – Тогда мы способны если не на чудеса, то на подвиги. Так было с тобой недавно. Так случилось с ним. Сильное потрясение и необходимость немедленно что-то сделать. – Ренар посмотрел на меня. – По крайней мере, Мари, я думаю никого не оставит равнодушным

белая лошадиная морда с оскаленными и окровавленными совсем не лошадиными зубами.

Я на всякий случай чуть отодвинулась от края дивана. Ренар заметил это и фыркнул.

– Чего ты здесь-то боишься?

– Я не боюсь, – соврала я. – Это рефлексы.

В отличие от страшилок в лагере, эта история была настоящей. И как бы Ренар ни скрывал свое личное отношение за легкой иронией, я чувствовала: ему не слишком приятно это вспоминать.

Он понимающе покачал головой, мол, ага, знаем мы ваши рефлексы, юная леди, но решил эту тему не развивать.

– Как мне потом сказал его учитель, парень использовал какое-то заклинание, которое знал в теории, но на практике до него еще не дорос, – продолжил он. – Еще недостаточно контролировал свою силу, чтобы удержать ее. Самое забавное, что келпи он уничтожил. Не просто отправил на Изнанку, как это обычно делают с фэйри, а именно уничтожил. А! – Ренар махнул рукой. – Я здесь не мастак объяснять, но у тебя есть кого на эту тему попытать, если захочешь подробностей. – Он снова покосился в сторону. – В конечном итоге у нас оказался покалеченный, но живой ребенок, труп страшной лошадки и выгоревший маг. И у него, в отличие от тебя, рядом не оказалось никого с волшебным зельем, которое восстанавливает силы. Нет, жив он остался, – видимо, заметив, что я сижу почти в ступоре, Ренар поспешил меня успокоить. – Только вот контакт с силой потерял. Вся беда в том, что такая утрата для мага, особенно привыкшего к волшебству, это как потеря чувства. Представь, что у тебя вдруг перестал видеть один глаз. Или ты потеряла возможность чувствовать запахи. Примерно то же чувствует маг, сила которого отсечена от него. А здесь было еще что-то... не знаю. – Он задумчиво повертел трубку в руке. – Когда я уходил из того города после окончания контракта, мальчишка, кажется, тронулся умом. Я встречал безумцев, рожденных с безумием, таких, знаешь, с вывернутой походкой, не контролирующих свои движения, взгляд, лицо... Кажется, тот парень постепенно превращался в такого же. Он не мог взять ничего в руки, потому что руки дрожали постоянно. Такая вот грустная история. – Ренар хмуро посмотрел на потухшую трубку. – Тебе не кажется, что стало теплее?

Это было похоже на то, как если бы я задремала, а он легонько толкнул меня в плечо. Я выпрямилась, вытянув шею, как любопытный птенец, и заморгала.

Переход с темы на тему был внезапный, как будто бы Ренар намеренно оставил что-то за пределами рассказа. Что-то, что не хотел мне говорить. Хотя, кажется, он и без того сказал достаточно, чтобы я в очередной раз убедилась: узнать, что ты маг, в этом мире – не повод прыгать на одной ножке от радости.

Но так или иначе, стало действительно теплее. По крайней мере, пар изо рта уже не шел.

– Сейчас появится Сильвия. – Ренар вытянул руку и щелкнул пальцами, отчего светильники сначала тускло замерцали, словно бы разогреваясь, а потом засияли привычным ярким, желтоватым светом. – У нее получилось.

– Что получилось? Вернуть все на место?

– Да, восстановить баланс. Подозреваю, что бедная наша домашняя фэйри невероятно измотана этим всем. Конечно, – продолжил он, подходя к камину и снова вытряхивая в него мусор из трубки, – им бы такие вещи проворачивать вместе с Птицей, но я подозреваю, что от него после всех этих ваших приключений толку было бы не много. Ох! – Он с радостным смешком отшатнулся от вспыхнувшего в камине огня. – Прекрасно!

Я робко поставила ноги на пол, нащупывая кеды, которые скинула, чтобы удобнее было сидеть и слушать поучительные истории.

Очень поучительные, чтоб их!

Когда я подняла голову, завязав на шнурках неизменные бантики, дверь, ведущая в гостиную, распахнулась, и в проеме появилась Сильвия – собранная и строгая, как всегда. Она буквально вплыла в комнату, а за ней, словно прячась от нее, прошмыгнула Линд и встала у стеночки, покорно опустив взгляд на носки туфель.

Мне тоже захотелось встать у стеночки и смотреть в пол.

И точно так же мне хотелось броситься к Сильвии и обнять ее.

Может быть, сказались усталость и страхи, может быть, именно сейчас я поняла, что все эти люди и не только люди делают для меня в том числе, но какая-то часть меня, наплевав на рожки и зубки, которые я видела ночью, чувствовала невыразимую благодарность. Поэтому я

плюнула на все предубеждения и, быстро преодолев разделяющее нас расстояние, неуклюже обняла фэйри.

Кажется, за секунду до этого Сильвия собиралась что-то сказать, но успела только ойкнуть от неожиданности и так же неловко, как я ее обняла, погладить меня по голове.

Ренар присвистнул.

– Я думаю, странное поведение миледи имеет объяснения, – сказала Сильвия бесстрастно, скорее утверждая, чем спрашивая.

– Миледи пытается выразить свою благодарность, – ответила я, отступая на шаг назад и слегка кланяясь. – За все, что вы для нее делаете.

Тонкая темная бровь чуть дернулась вверх.

– Это лишь мои обязанности, миледи, – ответила Сильвия. – Сохранять заведенный порядок и следить, чтобы в этих стенах никто не причинил вам вреда. В пределах моих скромных усилий я делаю все, что могу. – Она вдруг тепло улыбнулась. – Но спасибо. Господин, – она обратилась к Ренару, – еще некоторое время замок будет приходить в себя, но все вернулось на свои места. А я, если вы позволите, пойду отдыхать.

– Спасибо, леди лесов, – почтительно ответил Ренар. – Вы совершенно точно заслужили этот отдых. Можете быть свободны.

Губы Сильвии дернулись, но улыбка на ее лице не появилась. Она кивнула нам и, сохраняя величественность осанки, прошла через всю комнату до стоящего в углу зеркала – и ушла в его темную глубину.

Я ошалело посмотрела ей вслед.

– То есть, – Ренар стоял, облокотившись на каминную полку, и курил с насмешливой улыбкой, – моя леди настолько осмелела, что обнимается с фэйри? Я прямо-таки не узнаю ту девочку, которая шарахалась от каждого знака внимания с моей стороны. Что дальше, Мари? Будешь пить с Ахо и играть в карты с боггартами?

– Нет, пить с Ахо я точно не буду, – фыркнула я. – погоди! – До меня вдруг дошло. – Если боггарты не любят показываться людям, то как ты с ними в карты играл?

Кажется, Кондор уже говорил что-то такое.

– О, это долгая история и, поверь, более веселая, чем предыдущая. – Ренар снова рассмеялся и, отойдя от камина, приобнял меня за плечи,

подталкивая к выходу из гостиной. – Расскажу за ужином. Судя по тому, что эта юная особа тут мнетя у стеночки, он скоро будет накрыт.

Все страньше и страньше

– Я и вправду лишен присущего некоторым людям таланта, – отвечал Дарси, – свободно болтать с человеком, которого прежде никогда не встречал. Мне нелегко, подобно другим, подлаживаться к тону его рассуждений или делать вид, что меня интересуют его дела.

Джейн Остин, «Гордость и предубеждение»

Есть вещи, которые я не могу тебе сказать. Не могу сказать, потому что они тайна, или же потому, что их невозможно облечь в слова, или же оттого, что я их не знаю. По большей части оттого, что я их не знаю.

© Финк и Крэймор, "Добро пожаловать в Найт-Вейл"

Одной из главных черт характера Антуана д'Альвело была умеренность. В том числе – в проявлении эмоций. Спокойная доброжелательность, с которой его высочество относился почти ко всему в этом мире, росла из понимания: каждый его жест и каждое слово увидят и услышат сотни людей, готовых схватиться за это, сделать основой для собственных мнений, симпатий или для того, чтобы оправдать собственную ненависть.

Септим, личный секретарь Антуана вот уже несколько лет, успел привыкнуть к этой умеренности в эмоциях так же, как привык к некоторым другим вещам.

К манере наследника престола работать даже в те дни, когда все остальные жители двора предпочитают развлекаться.

К его стремлению влезть в дела отца куда глубже, чем его величество ожидает, дойти до самой сути, знать все до мельчайших деталей. Знать всех в лицо и по имени. К тому, что принц неизменно приветлив с каждым, кого узнает, и безукоризненно вежлив, даже если недоволен кем-то.

К тому, что Антуан не любит свое полное имя, что его одежда проще, чем могла бы быть, что он иногда забывает о важных условностях, о придворных ритуалах, о наборе почестей, положенных ему по праву рождения. Иногда стоит ему напоминать об этом. Иногда

– лучше молчать, не из страха – из уважения к чему-то важному, к чужой тайне.

Септим успел выучить привычки господина так хорошо, что помнил их, как помнил, к примеру, дорогу от Дворца на Острове до собственного дома или расположение мебели в кабинете: сколько шагов от двери до стола, от стола до окна, сколько поворотов нужно пройти мимо по улице перед тем, как свернуть.

С привычкой принца постоянно пить кофе Септим тоже смирился и даже сам пристрастился к горьковатому вкусу этого напитка, от которого действительно намного легче думалось, если приходилось вставать слишком рано после бурных праздников.

Например, как сейчас.

Только что прошло Солнцестояние, и вчера, в день после самой длинной ночи года, весь Дворец был тих, словно обитали в нем лишь голуби и кошки. Сегодня Дворец начал оживать, медленно, неохотно, как ленивый сын богатого семейства приходит в себя после целой ночи, полной вина и развлечений.

И пока Дворец просыпался, пока в нем лениво одевались, переговаривались, обменивались сонными остротами, просили накрыть завтрак – во время, которое было ближе к обеду, в общем, пока все спали, в кабинете кронпринца уже что-то происходило. Септиму, несмотря на то что ничего особенного от него лично не требовалось, пришлось занять место за столом в приемной. Он прятал за стопками бумаг помятое лицо и изредка отвлекался на мелкие поручения.

К пятому часу вечера, когда за высокими окнами уже сгустилась зимняя тьма, Септим держался исключительно на кофе и чувстве долга, втайне надеясь, что еще немного – и мучения закончатся.

Увы, все было не так просто. Это стало понятно после того, как дверь, ведущая из приемной в коридор, открылась, в третий раз за день пропуская посетителя. Господин Уильям Блэкторн, в неизменном черном сюртуке, сосредоточенный и суровый на первый взгляд, двигался почти бесшумно.

– Добрый вечер, Септим, – сказал он. – Как ваши дела?

Септим ответил что-то незначительное, ничего не значащее, но большего и не требовалось. Господин Блэкторн лишь пытался быть любезным.

Как дела у Септима, он, скорее всего, и так отлично знал.

Предупреждать о нем было не нужно: если уж Блэкторн где-то появлялся, то его уже ждали. Бывало, конечно, иначе: Блэкторн приходил туда, где его вообще надеялись не увидеть, и Септим хорошо понимал, что не хотел бы оказаться в подобных обстоятельствах.

Блэкторн исчез за дверью кабинета его высочества, и Септим снова остался один.

Ненадолго.

Дверь в приемную снова открылась, и вошел еще один человек из тех, чье появление обещает неприятности. Юлиан дель Эйве радостью не сиял, скорее уж выглядел усталым, но приветливым. Одет он был просто, словно не во Дворец пришел, а в гости к старому другу.

Так оно и было на самом деле, и Септим это хорошо знал.

– Добрый вечер, Септим, – сказал волшебник. – Неплохо держитесь.

Он кивнул, доброжелательно улыбаясь, и так же, как Блэкторн, совершенно не заботясь о правилах посещения приемной монаршей особы, стремительно пересек комнату и положил ладонь на ручку двери, ведущей в личный кабинет принца.

Так же, как и о Блэкторне, о лорде дель Эйве можно было не предупреждать.

Когда дверь за ним захлопнулась с легким щелчком, Септим вздохнул и покосился на чашку, в которой недавно был кофе. Сейчас там остался только темный налет на тонких, почти прозрачных фарфоровых стенках.

Нужно было позвать слугу, попросить его принести еще кофейник и чашки. Потому что если эти три господина вдруг собрались в одной комнате, значит, об отдыхе придется только мечтать.

Габриэль постарался, несмотря на возникшую помеху.

Пара лет его работы, пара лет экспериментов и исследований уместились в тонкую, не больше пятидесяти листов тетрадь в обложке из красного картона. Габриэль вел ее очень давно, с присущей ему скрупулезностью описывая каждый свой шаг, и за последние

несколько дней ему осталось лишь внести мелкие дополнения и правки из тех, которые делают в самый последний момент.

Оригинал, конечно же, остался у него.

На стол Дара легла копия – другая тетрадь, тоже с красной обложкой, тоже тонкая, она была исписана понятным, пусть и несколько детским почерком. Перед Советом, если... нет, когда Дар решится все рассказать, ляжет исправленный, более сухой и сдержанный вариант отчета, а еще схемы, приложения, графики, модели... Сейчас в них нет нужды.

Дар читал отчет с энтузиазмом мальчишки, получившего долгожданный подарок на день рождения, и, к радости Кондора, почти не задавал вопросов. То ли пока ему хватало знаний, то ли Габриэлю все-таки удалось описать произошедшее и механизмы, которые он использовал, так, чтобы было понятно тому, кто не привык к магии в тех количествах, в которых использовал ее кто-то вроде Габриэля.

Кондор так бы не смог. Ему было сложно объяснять то, что он знал и понимал сам, если половина этих вещей собеседнику была не знакома, а вторую половину нужно было скорее чувствовать, чем понимать.

Уильям Блэкторн снова стоял у стены, за спиной своего принца.

В кабинете не хватало только госпожи Альбской, еще одной участницы их тайного предприятия, но Антея была с Феликсом в Аглавере и, скорее всего, сейчас занималась куда более интересными вещами, чем отчеты и совещания.

Кондор подумал, что будь Антея здесь, все усложнилось бы. Она бы догадалась, что он скрывает нечто важное, даже быстрее, чем Блэкторн, но, в отличие от Блэкторна, не стала бы молчаливо ждать, пока собеседник поймает нужный момент. Антея бы начала задавать точные, колючие вопросы – просто потому, что ей захотелось быть громкой.

Или не стала бы, сидела бы себе в кресле и слушала, позволив беседе течь свободно и спокойно. Антея умела быть занозой, если хотела, но точно так же умела успокаивать всех одним своим присутствием в комнате.

– Прекрасно, – сказал, наконец, Дар и закрыл тетрадь. – Когда ты должен встретиться с отцом?

Еще одна копия, сделанная Габриэлем, ждала именно этой встречи.

– Сразу после того, как уйду отсюда, – ответил Кондор, и это было правдой. А вот другая правда, которую нужно было сказать, далась куда сложнее. Пришлось выждать паузу, подбирая слова. – У нас возникла одна... проблема, о которой Габриэль не упомянул в докладе.

Дар посмотрел на него сосредоточенно и удивленно, словно бы пытался увязать в голове вот это вот «возникла проблема» с привычным «было кое-что, но тебе уже не нужно об этом беспокоиться».

Блэкторн нахмурился.

Стало неуютно и тревожно.

– К несчастью, в переход, созданный Габриэлем, попал человек из того, другого мира, – сказал Кондор.

И почувствовал себя так, словно шагнул на тонкий, первый осенний лед, чтобы перейти через реку на другой берег.

– Вы же предполагали такое развитие событий, – спокойно спросил Дар, открыв тетрадь в самом начале. – Судя по записям господина Морриса, он учитывал...

– Не отрицал вероятность, – уточнил Кондор. – Мы не могли с точностью предугадать степень искажения пространства.

– Значит, у вас должен был быть план на этот случай, – резонно заметил принц, пристально разглядывая собеседника, в продуманности действий которого никогда не сомневался. Ну, может быть, за исключением их первой встречи. – Что помешало претворить его в реальность?

Кондор тяжело вздохнул.

План у них был. Простой, самый очевидный: если уж получилось так, что рядом с открывшимся порталом появился человек, то этот человек должен был увидеть привычное для него – отражение. Заклинание качественной, подстраивающейся иллюзии было вплетено в схему Двери, основа основ для безопасности. С той стороны ничего – или почти ничего – не заметили бы, а если бы заметили, то на помощь пришли бы чары подчинения, забвения или, на крайний случай, рассеянности.

Но кто же знал, что вместо того, чтобы помогать Габриэлю, Кондор будет занят совсем другими вещами? Или что Габриэль

поторопит события, решив воспользоваться удачной датой, потому что как настоящий ученый готов многим пожертвовать ради эксперимента? Или что с той стороны окажется совершенно не стоящая на ногах от выпитого девица, которая просто упадет в открывшийся разрыв – да еще и выживет при этом? Или что Габриэль растеряется и потеряет контроль над ситуацией, и Дверь закроется быстрее, чем девица будет возвращена туда, откуда взялась?

Черeda случайных событий вдруг оказалась фатальной.

Кондор снова вздохнул и кратко пересказал события позапрошлой ночи и следующего за ней утра. Выражение лица Дара менялось: недоумение переросло в скепсис, скепсис сменился призраком гнева, который быстро уступил место почти издевательскому веселью.

Блэкторн наблюдал за ними обоими со странной обреченностью во взгляде. Наверное, ему сейчас хотелось сказать очень многое, и будь Кондор все еще его подчиненным, Блэкторн не стеснялся бы ни в словах, ни в обещаниях.

– То есть... – Дар сощурился, словно не верил в то, что все сказанное произошло на самом деле. – Так получилось, что леди Лидделл похитили фэйри? Поэтому ты не смог проконтролировать, не натворит ли господин Моррис бед? – Он откинулся на спинку стула и моргнул. – Если бы я не знал тебя достаточно хорошо, Птица, я бы подумал, что это какая-то странная попытка солгать и оправдаться.

Кондор пожал плечами.

– Но зачем тебе было тащить девчонку с собой? – спросил Дар.

– Напуганные до полусмерти девицы, знаешь ли, отличаются удивительным упрямством и цепкостью, – проворчал Кондор в ответ.

– И, как я понимаю, одна конкретная девица уже начала вить из тебя веревки, – усмехнулся Дар. – И взывать к твоей совести, когда нужно и когда нет. Знаешь, на что это похоже? Будто бы маленький мальчик притащил в дом коробку бездомных котят, ты разрешил ему их оставить, а теперь убеждаешь меня в том, что поступить иначе было нельзя.

– А ты бы утопил котят в ближайшей луже?

Кондор посмотрел на принца и заметил, как от этого вопроса Дар еле заметно скривился, кто-то другой, наверное, не обратил бы внимание.

– Ты же знаешь, – ответил Дар. – Я не люблю использовать незаконные способы получить желаемое. Но то, что мы с вами делаем, формально тоже не совсем законно.

– Незаконно, – кивнул Кондор. – Но пока еще не аморально.

Дар махнул рукой в воздухе.

Кондор подумал, что леди Лидделл, пожалуй, поняла кое-что важное быстрее, чем можно было подумать.

– Вот именно поэтому, – сказал вдруг Блэкторн и отошел на шаг от стены. – Именно поэтому господин дель Эйве больше не работает на меня. Я позову вашего секретаря, милорд. Если вы решили оставить котенка, то ему понадобится метрика.

Дар задумчиво перевел взгляд в его сторону:

– Да, боюсь, если мы скажем леди Лидделл, что котенок умер, она расстроится, – сказал он и кивнул Блэкторну, разрешая делать то, что тот задумал. А потом снова повернулся к Кондору. – Ты уверен, что она ничего не помнит?

– Абсолютно. – Кондор кивнул. – Она ничегошеньки не помнит. Я попытаюсь вытянуть из нее кое-что. В научных целях. Но...

– Но если она что-то вспомнит, – голос Дара стал почти холодным. – Хорошо бы, чтобы она снова это забыла. А еще лучше бы ей ничего не вспоминать. Иначе, боюсь, и у тебя, и у меня, и у Габриэля могут начаться проблемы.

– В таком случае, – в тон ему ответил Кондор. – Я возьму эти проблемы на себя.

– У тебя уже есть проблемы, – напомнил ему Дар. – По имени Мари Лидделл, которая, как я понимаю, оказалась с сюрпризом.

Он хотел сказать что-то еще, но дверь открылась. Септим вошел сразу за Блэкторном и застыл, вытянувшись под взглядом своего господина, словно чувствовал, что за сдержанной доброжелательностью Антуана сейчас скрыто явное раздражение.

Вполне возможно, действительно чувствовал. По крайней мере, именно Септим смог задержаться рядом с принцем надолго, и Дар на него ни разу не жаловался.

– Септим, вы же не слишком далеко убрали образцы документов, которые готовили для леди Лидделл? – спросил Дар. Секретарь кивнул. – Превосходно. Мне нужны бумаги на подданство и

опекунство. И опекуном должен быть назначен господин Габриэль Моррис. Я правильно помню, что у него нет дворянского титула?

Кондор не сразу сообразил, что этот вопрос был адресован ему.

– Нет, – сказал он. – Его отец был младшим сыном и титул не унаследовал.

Дар даже не посмотрел в его сторону. Он продолжил, обращаясь к Септиму:

– Значит, просто господин Габриэль Моррис. Который завтра или послезавтра явится сюда любым доступным для него способом. И, Септим, – добавил его высочество. – Вы держите рот на замке, а свою работу – в секрете. Впрочем, вы всегда хорошо умели молчать. За это я вас ценю.

Септим был невозмутим. Он поклонился все так же молча и вышел из кабинета. Блэкторн закрыл за ним дверь и вернулся на свое место – у стены, за спиной принца.

– С другой стороны, – задумчиво сказал Дар, нервно стуча пальцами по столу, – девушка может оказаться полезной, когда мы будем близки к тому, чтобы открыть карты. А до той поры... – Он замолчал на несколько секунд, только сцепил кончики пальцев, поставив локти на стол. – Я уверен в твоём благоразумии, Кондор, – сказал принц. – Что же касается леди Лидделл, то я дам ей личную протекцию. Если кто-то вдруг заинтересуется больше, чем следует. Из людей, конечно, – уточнил он. – И остальных, кто обитает по эту сторону. На тех, кто по ту сторону, сам знаешь, у меня влияния нет. Здесь разбирайся своими силами.

Принц отвел взгляд куда-то в сторону окна, продолжая внимательно слушать. За окном, отражающим кабинет, если присмотреться, угадывались очертания храма Дюжины, памятника, зданий вокруг площади, бликовали фонари и освещенные окна. Жизнь в Арли шла своим чередом – для столицы не изменилось ровным счетом ничего.

– Бедная маленькая леди Лидделл, – с наигранным сочувствием вздохнул Дар. – Она пришла сюда для того, чтобы украсить высшее общество, а вместо этого ей придется читать скучные трактаты о сути волшебства. Но продолжим. – Он снова стал серьезным и сосредоточенным. – У нас с господином Блэкторном есть для тебя кое-что еще.

Задумчивые разговоры о жизни, вселенной и всем остальном имеют место в двух случаях.

Когда ты пытаешься скоротать время в дороге и точно знаешь, что человека, ставшего твоим слушателем, никогда потом не увидишь.

Или когда вы с ним прониклись доверием друг к другу. Тогда долгие, перетекающие с одной темы на другую беседы становятся первым признаком начинающейся дружбы или хотя бы искреннего взаимного интереса.

Весь вечер Ренар говорил со мной об этом мире – и уже совсем не так, как прежде. Словно та стеклянная стена, прозрачная граница, разделяющая меня и тех, кто меня окружал, разбилась, я перестала быть чем-то средним между музейным экспонатом и равнодушным наблюдателем и получила полное право жить здесь, знать и понимать.

Или же этот мир заявил свои права на меня – и оставалось лишь признать их, потому что другого выбора у меня не было.

Или, может быть, дело было в том, что закончилась эта их ролевая игра живого действия, частью которой я была, пришло время выходить за пределы кванты и становиться собой. Вот Ренар и становился. Он не менялся – но раскрывался с новых сторон, позволяя мне подойти ближе.

Когда-то в детстве я читала сказку, в которой отец с сыном отправились в путь в соседнюю страну. Каждый день отец просил сына перенести его через горы, которые стояли у них на пути, и каждый день сын не понимал, чего от него хотят, поэтому они возвращались домой.

Сын, глупый, думал, что старый отец просил взять его на руки и нести по горным тропам под палящим солнцем, но все было намного проще – и совершенно не очевидно. Отец просил рассказать историю – такую, чтобы за этой историей долгий, изнуряющий путь через горы прошел незаметно.

Где-то между первым своим зевком и боем часов на каминной полке я рассказала эту сказку Ренару. Как помнила. Он рассмеялся, а я хотела рассказать еще одну, но Ренар покосился на часы, потом на меня, зевнул сам и сказал:

– Иди-ка ты спать, золотце. Даже если Кондор вернется в ближайшее время, боюсь, ему будет уже не до тебя и твоих каверзных вопросов.

Я выдохнула, борясь с детским желанием капризно топнуть ножкой и заупрямиться.

Ренар был прав: час поздний, день тяжелый. Ничего хорошего из беседы, даже если она случится, не выйдет.

И хотя чувство неопределенности заставляло меня мерзнуть даже рядом с пылающим камином, я смиренно кивнула и послушно позволила проводить себя до дверей в мои покои.

Сильвия так и не появлялась, видимо, отдыхала – или что там делают лесные девы после того, как прибрались за бедовой маленькой девочкой, чуть не разрушившей волшебный замок?

В спальне было чуть прохладнее, чем обычно.

После ванны я завернулась в простыню и едва ли не подпрыгивала, дрожа от холода, пока пыталась найти в комодe то, в чем я буду спать.

Среди моих вещей затесалась чужая рубашка. Возможно, хобгоблины, которые убрались в замке, что-то напутали, решив, что если уж леди носила что-то две ночи подряд, то теперь это что-то принадлежит леди и должно быть в ее комнате.

Я хмыкнула и подумала, что нужно при случае вернуть рубашку хозяину.

Мой сон был тревожным и коротким.

Короче, чем нужно, чтобы все печали ушли, но достаточным, чтобы уже не хотеть спать.

Я ворочалась, пытаюсь свернуться под одеялом поудобнее и пригреться, пока мысли, которых мне хотелось бы избежать, не начали свою подлую атаку в темноте.

Не успела.

Пришлось таращиться в пространство комнаты, гулкое и прохладное, полное уже привычных теней и силуэтов мебели, и пытаться справиться с чувствами.

Мне вдруг стало холодно и одиноко.

Все проблемы, которые еще пару дней назад казались важными и серьезными, все трагедии, которые я хотела бы оплакивать, превратились в ничто в сравнении с тем, что я пережила. И сейчас не было никого, кто отвлекал бы меня от этого. Никого, перед кем я хотела бы держать лицо. Никого, кто мог бы задать мне правильный вопрос, взять меня за руку и погладить по голове.

Я осталась со своей бездной один на один и позволила себе упасть в нее.

«Лучше прорыдаться сейчас, – думала я, вцепившись пальцами в подушку. Наволочка быстро стала мокрой от слез. – Выплакать все ночью, а утром проснуться с чистой головой. Потому что там, утром, меня ждут новые беды и новые чудовища».

Из-за ворота нижней рубашки, которую я надела для сна, выскользнула цепочка с амулетом. Льдинка горного хрусталя удобно легла в ладонь, врезавшись гранями в кожу – не больно, но достаточно для того, чтобы отвлечься от упоения отчаянием.

Камешек оставался холодным и нагреваться от тепла моей ладони не спешил.

Я вдруг вспомнила, что каждый раз, когда Кондор брал меня за руку, его кожа тоже была немного прохладной, словно он только что вернулся с прогулки по холоду и еще не успел толком согреться.

Совершенно глупая мысль о том, что же такого важного задержало Кондора за пределами замка настолько долго, породила новую волну злобы на весь мир. Я разрыдалась так сильно, что меня едва не тошнило от слез.

Хотелось сжаться в комочек, спрятаться от мира и самой себя, исчезнуть где-то в темноте пододеялья.

Или просто исчезнуть.

Сбежать от этого всего – от пугающей магии этого мира, от его чудовищ, от неприятных чародеев и безумных пророков. Быть героиней истории оказалось очень сложно, особенно, когда тебя оставляют наедине со всеми теми трудностями, которые преследуют героинь.

И совсем-совсем не собираются исправлять все щелчком пальца.

Нет, я отлично понимала, что у всего были причины.

Я отлично понимала, что мне никто ничем не обязан.

Но жалость к себе, замешанная на этой отчужденности, на том, что я вдруг осознала степень одиночества в этом мире, жалость, настоящая на обидах и приправленная страхами, была сильнее меня.

Острый уголок кристалла впился в середину ладони, когда я с силой сжала амулет в руке.

Осторожный стук я сначала приняла за галлюцинацию, но он повторился. Я испуганно вскочила, наскоро вытерла ладонью слезы, заставила один из кристаллов на стене тускло засветиться, чтобы не было так страшно, и, набросив одеяло на плечи, слезла с кровати и осторожно приблизилась к двери.

Она открылась быстрее, чем я успела спросить, кто это вдруг решил навестить меня среди ночи.

Кондор сделал шаг в комнату и остановился, прислонившись к дверному косяку.

В руке у него была чашка, скорее всего, с чаем, и маг сделал глоток, не отрывая от меня пытливого, немного недовольного взгляда.

Я удивилась и застыла на месте, не понимая, что происходит и чего ожидать, но в итоге решила, что в любой ситуации следует сохранять вежливость.

– Доброй ночи, Кондор.

Он кивнул и сделал еще один глоток, продолжая молча меня рассматривать.

Я так же продолжала стоять на месте, думая, хорошо ли видны в приглушенном освещении мои заплаканные глаза.

Мне почему-то не хотелось, чтобы он это заметил.

Босым ногам было холодно.

Несмотря на расстояние между нами, я увидела, что волосы Кондора были влажными, слипшимися на концах, словно он не успел досушить их после мытья. Воротник простой рубашки оказался слегка расстегнут, рукава закатаны почти до локтя.

Я подумала, что вся эта почти уютная растрепанность, простая одежда – знак, что кто-то собирался спать, но зачем-то пришел ко мне.

Одним резким движением Кондор буквально влил в себя остатки того, что было в чашке, и, наконец, заговорил.

– Я пытался закончить дела пораньше, Мари, но, увы, меня задержала одна не самая приятная встреча и сопутствующий ей еще менее приятный разговор, – сказал он прохладно. – Мне сказали, что

ты ушла спать, поэтому я решил отложить нашу беседу на утро. Очень сожалею, если не оправдал какие-то надежды.

Я тряхнула головой, не до конца понимая, к чему эти слова и не послышалось ли мне в них оправдание.

– Я не... Стоп. Что ты тут делаешь?

– Как – что? – усмехнулся он. – Пришел отвечать на вопросы, которые ты так жаждала задать сегодня за обедом. Чем ты опять недовольна?

– Я не недовольна, – ответила я, стараясь сохранять спокойствие, потому что яда в последней фразе было чуть больше, чем надо. – И я на самом деле ушла спать, и, знаешь ли, мне тут сказали, что ваши строгие правила содержат некоторые ограничения на присутствие взрослых мужчин у леди в спальне. Так что...

Я хотела сказать «а не пошел бы ты отсюда со своими претензиями, господин волшебник», но прикусила язык. Это было грубо и несправедливо.

– Вот как? – Кондор, кажется, был немного удивлен моим отпором.

Он вдруг сделал шаг вперед и прежде, чем я успела что-то предпринять, оказался рядом и ловко вытащил цепочку у меня из-за ворота. Она натянулась, слегка врезавшись в шею. Маг осторожно, но крепко держал в руках кристалл и внимательно смотрел в его холодную глубину, пока не увидел что-то, что заставило его перевести взгляд, очень строгий, почти царапающий, на меня. А я от испуга боялась пошевелиться.

– Ты его не снимала?

– Нет! Даже не думала! – Я выхватила амулет из его руки и спрятала, поплотнее запахнув одеяло на груди. – Кондор, я готова мириться с твоей бесцеремонностью, но ты хотя бы объяснись!

Извинений я не жду.

Он в ответ тяжело вздохнул и с неохотой признался:

– Я был не прав. И поспешил с выводами.

Я хмыкнула и открыла рот, чтоб съязвить, но Кондор продолжил:

– Извинения на словах обычно кажутся мне не слишком правдивыми, поэтому, если у тебя есть сейчас силы, я хочу предложить тебе прогуляться. И немного поговорить.

Я удивленно моргнула, зыркнула на свои босые ноги, а потом изогнула бровь:

– Что, вот прямо сейчас?

– Сейчас. Нет, не перебивай, пожалуйста. – Он жестом остановил меня, когда я опять попыталась что-то сказать – что-то насчет позднего часа, усталости, всего такого, что стало бы замечательным поводом пойти и поплакать еще. В одиночестве. – В моей голове много злых мыслей, – сказал он задумчиво и почти смущенно. – Не ожидал, что среди них окажутся еще и те, которые напоминают мне о невыполненных обещаниях. Я подумал, что это твоя обида, и она очень мешала мне заснуть. – Он заметил, что я невольно потянулась рукой к цепочке. – Но раз уж я все равно здесь, предложение о прогулке все еще действует.

Кондор настороженно замер, словно ждал от меня чего-то плохого. Тоже – злого. Топанья ножкой, к примеру, или предложения пойти куда-нибудь далеко.

Я молчала и старалась не шмыгать носом.

– Итак, милая. – Он наклонил голову набок, со скорбной миной посмотрев в пустую чашку, а потом, уже с хитроватой улыбкой, на меня. – Я предлагаю тебе полчаса прогулки на относительно свежем воздухе. Можешь надеть свои иномирские штаны, если тебе в них удобнее.

Это был весомый аргумент, потому что со всеми завязками на платье я без посторонней помощи могла и не справиться. А если дело касается того, чтобы влезть в джинсы, то, пожалуй, у меня появилась достойная альтернатива унынию.

– Мне точно не нужно брать пальто? – на всякий случай уточнила я, с опаской косясь на зеркало, которое перетащили из спальни в гостиную – видимо, чтобы леди больше не вздумала шляться ночью, где не надо и абы с кем.

– Было бы нужно – я бы сказал, – хмыкнул Кондор, и я нахмурилась, потому что в руках он держал сложенный сюртук. – Там, куда мы идем, есть крыша, и может быть довольно свежо, но не холодно. Готова?

Я кивнула, и он привычным жестом сцапал мою руку, а я зачем-то зажмурилась, когда делала шаг вперед, словно решила испытать саму себя на доверие.

А потом запахи едва не сбили меня с ног. Мир, в который я шагнула, был свеж и пах зеленью и водой, соком растений и, кажется, даже цветами. Я открыла глаза, готовясь к чему угодно, и едва не ахнула.

Мы вышли из зеркала, которое находилось в стене из грубого серого камня, в арке, нарочито разрушенной, поросшей мхами и вьюнком. Вьюнок оплетал арку, свисал на стекло завитками лозы с крупными цветами, которые в свете волшебного огонька, повисшего над нашими головами, казались багряными.

Под ногами была темная земля, влажная, потому что рядом в огороженной камнем выемке бил родник. Никаких звуков, кроме журчания воды и нашего дыхания, слышно не было. Я задрала голову и увидела темное небо, усыпанное звездами.

– Это купол, – сказал Кондор. – В темноте сложно заметить его каркас, он слишком тонок. Но достаточно прочен, чтобы поддерживать столько стекла.

– А там – зима? – как-то слишком невпопад спросила я.

– Да, там – зима. Мы в окрестностях Арли. – Кондор осмотрелся сам, пытливо вглядываясь в сумрачный мир вокруг. Мир молчал, только цвел и рос. – Ночью здесь не так ярко, как днем, но зато тихо. И нет почти никого. – Он шел вперед, продолжая держать меня за руку, а я не могла закрыть рот от изумления. – Это Сад, принадлежащий Дворцу Королевы, но ты, скорее всего, не знаешь, что это... пока.

– Нас не схватят? – на всякий случай уточнила я.

Тропинка вышла из зарослей каких-то деревьев и, петляя между клумб со спящими цветами, вывела к небольшому искусственному пруду – центр купола был ровно над ним. В темноте белый камень, которым были выложены края водоема, едва ли не сиял.

– Нет, – Кондор покачал головой. – Тайные ходы сюда известны немногим, а те, кому они известны, пользуются определенными привилегиями.

Сотворенный им огонек завис над серединой пруда, отражаясь в глади воды маленькой яркой луной.

Из глубины поднялись какие-то блестящие рыбины, и блики света играли на ряби, вызванной их появлением.

Если за стеклом снаружи была зима, конец декабря, снежный и морозный, покрывающий брусчатку наледью и заставляющий ежиться, когда ты гуляешь без шапки, то здесь, под куполом Сада, я стояла в джинсах и толстовке – и мерзла разве что от близости воды. Здесь было почти лето. Я смутно представляла себе размеры Сада, но судя по тем черным черточкам острова, которые я с трудом могла разглядеть на фоне звездного неба, маленьким он не был.

Кондор положил сюртук на каменный бортик и жестом предложил мне сесть.

Я села, сунула руки в карманы толстовки, но потом преодолела стеснение и потянулась пальцами к воде. Холодная, но не ледяная.

Рыбина, крупная, блекло-серебристая, подплыла ближе и уставилась на меня, разевая рот. Я поспешно отдернула руку.

Кондор усмехнулся.

– Их здесь подкармливают посетители, – сказал он, садясь рядом. – Пальцы юных леди их интересуют только в том случае, если эти пальцы держат хлеб.

Я тихо улыбнулась и отвела взгляд в сторону.

Я понятия не имела, зачем Кондор привел меня сюда, но от выбора времени и места веяло какой-то неуместной романтикой.

Где-то рядом росли цветы, их тонкий, приятный аромат смешивался с запахом пруда и влажного грунта. Рядом с водой было слегка промозгло.

Носки конверсов впились в землю, оставляя рытвины.

– Обычно девушек приводят в такие места на свидания, – продолжил Кондор. Я могла поклясться, что в его голосе скользнула нотка веселья. – Но у нас с тобой, милая, немного другие отношения. Хотя, признаюсь, мне хочется немного исправить все, что я успел сломать.

Я искоса посмотрела в его сторону:

– Это типа подкуп?

Кондор вздохнул и ответил не сразу.

– Я имел неосторожность сказать кое-что о важности жестоких уроков. – Его голос звучал почти виновато. – И о том, что они хорошо запоминаются.

– О да, – ответила я. – Они и правда хорошо запоминаются.

Кондор снова вздохнул.

– Я был зол, – признался он. – На тебя – в том числе, поэтому не подумал, что жестоких уроков у тебя было достаточно за последние дни. Мне жаль, что так вышло.

Он смотрел не на меня – на воду, словно боялся, что я увижу в его глазах что-то лишнее. Что-то, что он предпочел бы скрыть, как я недавно хотела скрыть собственные слезы.

– И мне жаль, что твое знакомство с магией началось вот так. – Кондор коснулся воды пальцем, и одна из рыбин ткнулась в него носом. – Магия бывает жестокой, она бывает страшной, но бывает и по-другому. Как здесь. – Он обернулся, окинул взглядом место, где мы сидели, весь круг, освещенный волшебным огнем. – Все, что ты видишь вокруг, задумывалось, как напоминание о том, что магия может не только разрушать, но и созидать. Создавать нечто прекрасное. Поддерживать жизнь. Но, конечно, – в голосе Кондора звучала ирония, не злая, скорее, снисходительная, – постепенно это место приобрело совсем другое значение для людей.

– Свидания, ага, – фыркнула я и зябко повела плечами – не от холода, а потому, что хотелось как-то слишком глупо улыбаться. – Ты решил сначала устроить мне шоковую терапию, а потом поманить конфеткой?

– М? – Он недоуменно посмотрел на меня, но сообразил быстрее, чем я успела пояснить свою реплику. – Наверное, вроде того. Только вот... С первым я явно перестарался.

– Да уж.

Наверное, ядом в моих интонациях можно было бы перетравить всех рыб в этом несчастном пруду.

Когда я это поняла, мне стало стыдно.

– А ты осмелела, – сказал Кондор беззлобно, даже как-то грустно.

– Если я не осмелею, – ответила я и повернулась в его сторону, – то, боюсь, действительно буду чувствовать себя овечкой в стае волков. Так я хотя бы могу лягаться от случая к случаю.

Кондор ничего не ответил. Я не могла даже сказать, обидела я его или нет, он просто молчал, рассматривая темноту за пределами круга.

Я скрестила руки на груди и поежилась. Не от холода. От понимания, что вокруг – огромный зачарованный сад, в который мы

пробрались без разрешения его хозяев. Это тебе не дворцы Лорна-Тир, где был свой проводник, и не кофе у принца, и даже не дневная прогулка по библиотеке – там-то может гулять любой.

А здесь мне было немного не по себе.

– А ты уверен, что сейчас из соседних кустов не выйдут какие-нибудь эльфийские воины в доспехах, украшенных листьями, например, плюща, и не предложат нам прогуляться с ними до подземелья? – спросила я.

Словно в ответ на мои слова в воздухе мелькнула тень, достаточно быстрая, чтобы не разглядеть, была это птица или летучая мышь, и достаточно крупная, чтобы я немного испугалась и встревоженно посмотрела на Кондора.

Тот спокойно улыбался, приподняв одну бровь, и даже не думал паниковать.

Уж скорее он наслаждался моей паникой.

Огромная, почти с мою ладонь, бабочка-бражник сидела у него на плече.

Серые крылья слегка трепетали, и более темные, отдающие красным, пятна на них казались пятнами крови.

Кондор протянул руку – бабочка, чуть помедлив, переползла к нему на пальцы.

– Знакомься, Мари, – сказал Кондор так спокойно, словно бы по его руке ничего не ползало. – Это ночной страж. Куда надежнее людей, эльфов или кого-то еще. Уж точно не заснет, внимателен, предан и быстро определяет того, кому можно, а кому нельзя долго находиться здесь. Прилетел знакомиться. Не бойся, для нас он не опасен.

Бражник-страж поднялся в воздух и завис рядом с моим плечом. Потоки воздуха от взмахов его крыльев коснулись моей кожи как легкий ветер. На мгновение мне показалось, что бабочка смотрит на меня черными, полными странной, глубокой тьмы маленькими глазками, скрытыми в мелких чешуйках, которые напоминали мех.

Может быть, так оно и было, и я, видимо, оказалась не слишком интересной: облетев меня, страж вернулся на плечо Кондора и устроился, цепляясь лапками за ткань рубашки. Волшебнику он, кажется, совершенно не мешал.

– И что бы он сделал, если бы я была... нежелательным гостем? – вдруг спросила я.

– Ты действительно хочешь это знать? – Кондор смотрел на меня, по-доброму улыбаясь. – Или пока хватит жестоких уроков и картин?

Я подумала – и решила, что, пожалуй, это было праздным любопытством.

Рыбина за моей спиной снова плеснула.

Темнота за пределами света не была абсолютной, она содержала в себе множество оттенков. Можно было разглядеть очертания тропинок, разницу в цветах крон, мелкие белые звездочки цветов, спрятавшиеся в траве, и блекло-голубые кисти соцветий. Даже ветер, пусть очень тихий, здесь был, как если бы сад находился под открытым небом.

– Магия заключается в том, чтобы поддерживать огромную оранжерею?

– Нет, – Кондор покачал головой. – Магия заключается в том, чтобы создать в этой, хм, огромной оранжерее возможность для существования редких и очень разных растений. Ну и в том, чтобы выращивать необычные цветы. Синие розы, к примеру.

– О как. У них есть какой-то особый смысл?

– Их хорошо покупают. – Кондор протянул руку к воде и успел дотронуться до спины любопытно высунувшейся рыбы. – Людей всегда манит что-то необычное и яркое, но да, некоторой долей особого смысла такие вещи наделяют. Хотя, конечно, совсем не того смысла, который существовал изначально. Магия начала вызывать страх, это закономерно. В этом мире, милая, были войны, которые велись из-за магии и за магию.

– Это я читала, – сказала я.

– Я не сомневаюсь, – улыбнулся он. – Магия в таких войнах была разрушительной и страшной. В твоей стране были разрушительные войны, Мари? – спросил он серьезно.

Я кивнула.

Были, конечно. Еще как были.

Но в этот момент я не хотела вдаваться в подробности.

– Иногда магия становится обещанием всесильности и вседозволенности, – продолжил Кондор. – И если ее использует кто-то, кому хочется этой вседозволенности, обычные люди начинают бояться магии и отстраняться от нее. Потому что они видят, на что способна

такая сила. Созидание. Этот сад сделали как напоминание о том, что дело не в силе. А в том, кто и для чего ее использует.

Мотылек на его плече сидел тихо, только изредка перебирал передними лапками, пытаясь устроиться чуть удобнее.

Кондор смотрел куда-то в глубину, за деревья, в ту сторону, откуда ветер доносил запах болота.

– Но получилось действительно красиво, – добавил маг. Он улыбался какой-то еще не знакомой мне улыбкой, слишком светлой, чтобы сразу в нее поверить. – Иногда я прихожу сюда, чтобы напомнить самому себе, насколько созидающей может быть магия в добрых руках. Не замерзла?

Я не сразу поняла, что последняя его фраза была адресована мне.

– Нет, не слишком, – невразумительно пискнула я.

Кондор сделал вид, что поверил.

– Когда ты будешь жить в Арли, ты побываешь здесь днем и, думаю, увидишь все чуть под другим углом. С другими значениями и другим отношением. Может быть, поймешь, почему мне нравится здесь ночью. – Кондор чуть прищурился, всматриваясь в мое лицо. – Почему я снова прекрасно слышал твои мысли, если ты не снимала амулета? – спросил он вдруг.

Я, наверное, стала как та рыба в пруду – то есть глупо разинула рот и тут же его захлопнула, вдохнув влажный ночной воздух.

– Откуда я знаю?

– М, и действительно, – снисходительно сказал он. – Откуда тебе знать? Ты просто каким-то образом пару раз умудрилась направить потоки силы так, чтобы повлиять на мир. И надо сказать, я безмерно рад тому, что ты пока не научилась восстанавливать резерв. – Кондор хмыкнул. – Иначе, боюсь, всем пришлось бы спасаться бегством. Вспомни, что ты делала перед тем, как я пришел.

«Плакала, – подумала я, – предавалась греху уныния со всей самоотверженностью, пока была возможность просто побыть одной. Потому что рядом со мной так и норовит появиться кто-то из вас, дорогие няньки, а рядом с вами не до слез».

Я неосознанно потянулась к висевшему на цепочке кристаллу и сжала его, как тогда в спальне.

– Вот! – Кондор указал пальцем на мою руку и, развернувшись ко мне, сел на бортик, скрестив ноги. – Вот и ответ. Ты изменила мое

плетение так, как тебе было выгодно, и на время заставила их погаснуть.

Я опустила взгляд на кристалл.

– И что, он теперь бесполезен?

– Насколько я понимаю, нет. – Кондор наклонил голову набок. – Ты не расплела их, просто приглушила на время. Постарайся не делать так больше без лишней необходимости. Я, знаешь ли, предпочитаю, чтобы в моей голове не было ничего постороннего.

– А я, знаешь ли, предпочитаю, чтобы мои мысли оставались моими, – в тон ему ответила я.

– Очень рад, что векторы наших интересов так замечательно совпали. Но в случае чего, – его тон стал серьезным, утратив насмешливость, – ты знаешь способ связаться со мной. Только, прошу, не злоупотребляй этим знанием.

«Вот да, я именно этим и собиралась заниматься, – подумала я. – Дергать его по поводу и без, думая о всякой ерунде».

Я чуть не решила взять – и обидеться за такое вот недоверие, но посмотрела на сосредоточенное, серьезное лицо Кондора и не стала ни обижаться, ни язвить. В конце концов, я, должно быть, доставляю ему немало хлопот.

– Ты поэтому был такой... вредный, когда пришел?

Он молча кивнул, уставившись в воду.

– Я не знала.

– Я не обвиняю. Теперь уже точно нет.

Мы замолчали, и я всмотрелась в темноту.

Страж с мягким шелестом взлетел и, сделав круг над нами, исчез в темноте. Я заметила, как его тень мелькнула под куполом рядом с другой такой же тенью. Кроме меня и Кондора, здесь больше нет людей, поняла я, и это заставило вздрогнуть. Конечно, вряд ли в Саду обитало что-то опасное, но, видимо, древний страх перед темным лесом всплыл из глубин подсознания, а вместе с ним вышли на свет мрачные сны и отголоски сказок.

– Мы... мы можем тут еще походить? – хрипло спросила я.

– Конечно. – Кондор встал и протянул мне руку. – Точно не замерзла?

– Точно нет. – Я обхватила себя руками, наблюдая, как Кондор поднял сюртук, отряхнул его и небрежно накинул на плечи. Ему, в этой

его легкой рубашке, наверное, было прохладно. – Можно вопрос?

Кондор посмотрел на меня исподлобья, улыбаясь одним уголком губ, словно моя нерешительность его пока забавляла, но уже начинала надоедать.

– Можно.

– Если я волшебник, как оказалось... – Эти слова дались мне не без труда, и я сглотнула, чтобы избавиться от кома в горле. – Значит, мне придется учиться владеть магией?

Ага, потому что вдруг опять кого прокляну между делом?

– Хм, – Кондор задумался. – Все так. Но все... не так просто.

– И в чем же сложность? – спросила я.

– В процессе обучения, – ответил он прямо и сразу же, но объяснять не торопился, словно ждал, когда же я задам следующий вопрос.

Пульсар висел в воздухе чуть выше нас, освещая тропинку – узкую, не выложенную брусчаткой, не засыпанную гравием, просто ленту черной земли. Я не совсем понимала, зачем Кондор свернул на нее, если от пруда отходили другие, задуманные по плану дорожки, но спрашивать не стала: ему лучше знать, в какую сторону мы гуляем.

– И как же у вас обучают магии?

– По-разному. – Кажется, он действительно ждал этот вопрос. – Почти всегда за деньги, Но есть исключения. Обычно они исключительно талантливы.

Он говорил с иронией

– Я не о том, – нетерпеливо перебила я, подумав, что Кондора занесло не в ту сторону и не на ту тропу. – Я про процесс!

– Процесс зависит от ученика, а еще от учителя и обстоятельств, – ответил Кондор с легким недовольством в голосе. – Я к этому веду. Если мы говорим о твоём случае, милая, то тебя будут учить трем вещам. Умению контактировать с силой, направленной Воле и разным мелким заклинаниям, которые используются в быту. Я так думаю. Вряд ли ты успеешь узнать больше, – как-то совсем не обнадеживающе добавил он. – Да и не думаю, что оно будет нужно. О нет! – Кажется, Кондор заметил, что я поникла. – Не-ет, только не говори, что ты уже навоображала себе что-нибудь вроде превращения свинца в золото, полетов и очередного превращения комнаты в ледяную пещеру!

– Да нет, знаешь ли, не навоображала. – Я сунула руки в карманы. – Просто очень обидно. Похоже на обман с пустой оберткой, в которой не оказывается конфеты.

Не знаю, понял ли Кондор это сравнение. Но он посмотрел на меня и прекратил улыбаться.

– Я не говорил, что ты не талантлива, даже наоборот, – сказал он мягко. – Только вот в чем проблема, Мари. Тебе предстоит учиться тому, с чего большинство волшебников начинает лет в двенадцать, а времени у тебя – не то чтобы много. И... – Он замялся, подбирая слова. – Ты из другого мира. Как-то раньше, с предыдущими, меня не слишком интересовали, скажем, их воззрения на мир и устройство Вселенной. Очень сложно предугадать, как ты и то, что у тебя в голове, – он остановился и шутливо уперся пальцем мне в лоб, – соединится с тем, что мы знаем о магии. Но оставить все так, как есть, слишком опасно и для тебя, и для нас всех.

Мы вышли к стене – высокой, с огромными стеклянными окнами почти от самой земли. Они казались, скорее, не открывающимися дверями, ведущими за пределы оранжереи, в занесенную снегом тишину другого, спящего, обнаженного, черно-белого сада.

Я смогла рассмотреть его силуэты и тени, когда волшебный огонек, мигнув, погас, и мир погрузился в почти абсолютную темноту. Я приложила ладонь к холодному стеклу. Было очень сложно поверить, что там, за хрупкой преградой, лежал снег, а здесь буйно росли травы, плескались в пруду сытые рыбы, и в воздухе чувствовался яркий аромат ночных цветов.

За силуэтами нагих деревьев в свете звезд и лун угадывались очертания дворца, его колонн и балконов, лестницы, черных провалов окон. Я попыталась представить себе, как расположены эти здания относительно друг друга, но пока не получилось.

Кондор стоял, прислонившись к углу оконного проема, и смотрел не наружу, а в глубины Сада. Светлая ткань рубашки выделялась в темноте.

Лоза вьюнка, такого же, как тот, что рос у зеркала, из которого мы вышли, взобралась вверх по стене, но не слишком высоко. Я не удержалась и дотронулась до листьев, росших на уровне моей руки.

– Только не вздумай срывать, – сказал Кондор, и я чуть не подпрыгнула, настолько внезапно он нарушил свое молчание. – Тогда

точно узнаешь, что стражи делают с теми, кто покажется им нежелательным гостем.

– Главное – вовремя предупредить.

– Ты вроде бы сообразительная, – без иронии ответил Кондор. – И показалась достаточно осторожной, чтобы не лезть, куда не надо, и странные вещи руками не трогать. Ну, кроме особенных случаев, но у всех бывает. Если хочешь сувенир отсюда, то лучше приходите днем.

Судя по голосу, он улыбался.

– Ты можешь вернуть свет? – попросила я, понимая, что мне снова жутковато.

– Зачем? Чего ты боишься?

Я пожала плечами.

Наверное, пока Кондор был таким вот, расслабленным и спокойным, можно было не бояться, но меня все равно что-то тревожило. Вполне возможно, что виной тому было наше появление здесь – в неурочный час, тайное, абсолютно не по правилам.

– Ну, если не хочешь говорить, то ладно. Пойдем домой. – Маг оттолкнулся локтем от стены и, кажется, зевнул. – Завтра мне вести тебя к одному важному человеку.

– К кому? – спросила я, исподтишка наблюдая, как на ладони Кондора возникает световой шарик.

– Все тебе скажи, – хитро улыбнулся волшебник.

– «К человеку» – вот что меня уже радует. Нет, серьезно, Кондор. К кому? – не унималась я, следуя за ним по уже другим тропинкам.

Чуть скользкая брусчатка кое-где была покрыта наростами мхов, и между камнями проклевывались наглые побеги травы.

– К тому, кто лучше меня соображает в магии.

– А такое бывает? – деланно удивилась я скорее из вредности, чем из желания ему польстить.

Кондор в ответ расхохотался.

– Вот и увидишь. Заодно попробуем решить, что с тобой делать. Потому что вопрос не только в том, чтобы научить тебя, как не убится о собственную магию, – серьезно напомнил он. – Но и в том, чтобы выяснить, что от тебя нужно фэйри. И Хозяину Зимы.

Он сказал это – и я снова вздрогнула. Там, за пределами купола, была зима, а в этой зиме – тот, кому подвластны все ветра и метели, все родники и замерзшие озера.

В спину мне смотрела темнота.

Кондор словно почувствовал, что что-то не так, и осторожно, без слов, взял меня за руку.

Сразу же стало не так страшно.

Пока мы возвращались к зеркалу, стоящему у родника, мне показалось, что где-то за деревьями, растущими вдоль тропы, я вижу еще один огонек, оранжевый, как огонь, горящий ниже – не над головой, а почти у земли.

Я остановилась и на вопрошающий взгляд Кондора кивнула в ту сторону.

Тот улыбнулся мягко и светло.

– А, да. Мы не одни, – спокойно сказал он. – Кто-то из местных решил прогуляться с фонарем. Нет, не бойся. – Кондор поспешил успокоить меня. – Не будем ему мешать. Пойдем.

Он потянул меня за руку.

– Он же нас тоже видел?

– Если и видел, – Кондор пожал плечами, – то, видимо, тоже решил не мешать.

Как и следовало ожидать, наутро я нашла платье на той же полке в ванной, где я его оставила. Оно было чистым и слегка пахло лавандой. Всеми правдами и неправдами я смогла не только влезть в него без посторонней помощи, но и почти застегнуть – почти. Именно поэтому пришлось со смущенной улыбкой встать перед красноречиво молчащей Сильвией и попросить застегнуть пару крючочков, до которых я сама не могла дотянуться.

Может быть, я сама это придумала, но в улыбке фэйри сквозило некое странное лукавство, не злое, скорее – снисходительное.

Как к ребенку, который признал свою неправоту.

– Вы хотите оставить волосы распущенными? – спросила она, когда я обувалась.

Новые ботинки, легкие, черные, очень похожие по виду на то, что я привыкла носить в своем мире, слегка давили на пальцы. Никаких бантиков, никаких кружевных вставок, только три крестика шнурков,

удобный каблук и мягкая кожа – можно сказать, я на вдохновении решила войти в образ выпускницы школы для благородных девиц.

Волосы. Волосы были проблемой, потому что были проблемой. Стрижка давно потеряла форму, а последние дни красоты мне не прибавили.

Я посмотрела на Сильвию из-под отросшей челки.

– Боюсь, особого выбора у меня нет.

Она неодобрительно сощурилась, покачала головой и исчезла в дверях.

Вернулась Сильвия быстро и с деревянной шкатулкой в руках.

– Я сохранила кое-что от прежних хозяек, – Сильвия поставила шкатулку на подоконник.

Утро было солнечным, не то что вчерашнее.

Я встала рядом и не сразу решилась посмотреть, что там. В этом было что-то, похожее на чтение чужого дневника, найденного на чердаке или в старой комнате. Столкновение с прошлым, его истинное свидетельство, доказательство того, что это прошлое и правда было.

И эти женщины, существование которых я принимала на веру, тоже были, хотя и не оставили после себя ничего. Ни записей, ни платьев, ни портретов, ни каких-то других личных вещей – как будто бы прошлое было вычищено, а следы в нем – стерты.

Кроме одного, вспомнила я. Кроме портрета Красной леди в Оружейной, но портрет был создан не ей самой, а кем-то другим и явно позже времени, запечатленного на нем.

В шкатулке не оказалось ничего особенного: женские мелочи, заколки, броши, свернутые ленты, всякая ерунда. Хорошо, что среди этих мелочей не лежало, например, чьего-то локона. Тонкие пальцы Сильвии вытащили темно-зеленую бархатную ленту чуть шире остальных.

Я подумала, что теперь-то я знаю: эти пальцы могут быть похожи на веточки, а аккуратные ногти становятся острыми темными когтями.

– Это подойдет.

На концах ленты было что-то вроде утяжелителей из серебра – тоненькие пластинки-уголки, украшенные узорами. Сильвия не стала ничего усложнять, просто повязала ленту вокруг моей головы как обод, закрепив так, чтобы она не спадала.

Не знаю, в чем было дело: в мастерстве Сильвии или в чарах на ленте.

Так или иначе, мое отражение в зеркале мне нравилось.

– Тебя почти не отличить от женщин этого мира, – довольно ухмыльнулся Ренар. – Только не сутулься. Сутулятся те, у кого на плечах непосильная ноша из забот о материальном благополучии. Благородные леди не сутулятся, их основная забота заключается в том, чтобы украшать общество. – Он улыбнулся моему недоумению и затянулся трубкой, которую уже курил, когда я спустилась в гостиную. – Так что сутулость в сочетании с хорошей одеждой выдает или выскочек из низких сословий, или, – он оглядел меня чуть внимательнее, чем до того, словно пытался оценить все мелкие детали – от цвета платья до длины юбки, – или заучек, которые в прошлом сезоне уже вышли из моды.

Я поперхнулась чаем.

– Ну, спасибо.

– Всегда пожалуйста, золотце.

Я поставила чашку на стол и закинула ногу на ногу – по старой привычке.

Ренар, чуть отодвинув трубку ото рта, посмотрел сначала на меня, а потом ниже, на мои ноги в тонких шерстяных чулках. На его лице появилось неодобрение, наигранное, конечно.

– Я все понимаю, милая, но другие не поймут, – растягивая слова, сказал Ренар. Я села нормально. – Видимо, придется снова взять на себя часть обязанностей леди Айвеллин, пока ей приходится решать проблемы со своим разношерстным семейством.

Кондор появился через пару минут, вошел след в след за служанкой Ивой, которая пришла то ли забрать посуду, то ли узнать, не нужно ли нам чего. Служанку он не заметил, но заметил меня – и, к моему удивлению, одобрительно улыбнулся.

– Хорошо маскируешься, Мари, – сказал он, забирая из-под носа бедной смущенной девушки заварочный чайник. – Но не сутулься.

– Вот я ей про то же говорю, – Ренар ткнул трубкой в мою сторону.

Ива, которую игнорировали все, кроме меня, тихо улыбкунулась, не поднимая глаз, и, видимо, поняв, что господам пока ничего не требуется, исчезла за дверь.

Кондор сел в кресло, вытянув ноги, и зевнул.

Он был спокоен, Ренар – тоже, и только я сидела как на иголках, потому что не знала, куда мы должны пойти и к кому.

К кому-то важному – это я поняла.

– Нас не будет до обеда точно, – сказал Кондор, обращаясь к Ренару. Тот кивнул, прикрыв глаза. – Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

Ренар посмотрел на него почти недовольно. Не так недовольно, как недавно смотрел на меня, а по-настоящему недовольно.

Словно и господина мага, и все его сомнительные поручения в гробу видел.

– И что же я должен сделать для тебя в этот раз? – спросил Ренар с неожиданной резкостью.

Кондор нахмурился, заметив это, но не стал ни интересоваться причиной недовольства, ни язвить в ответ.

– Мне нужно, чтобы ты привел Хельду сюда, – сказал он, и я увидела, как на лице Ренара расцветает совершенно искреннее удивление. – Я хочу поговорить с ней без нежелательных свидетелей. Если она будет, хм, против, торгуйся, – добавил Кондор. – Торгуйся от моего имени. Золото или чары – я расплачусь с ней. В пределах разумного, конечно. Но, думаю, против она не будет.

Ренар задумчиво покачал головой.

– Я, конечно, постараюсь, но...

– Постарайся, пожалуйста, – ответил Кондор. – Если не получится, я встречу с ней в городе вечером или завтра. Даже, скорее, завтра, – уточнил он, подумав пару секунд. – Боюсь, сегодня нам с леди Лидделл предстоит очень много разных интересных перемещений.

Он покосился на меня и улыбкунулся – почти по-доброму.

Словно задумал что-то, шалость не жестокую, но по-своему забавную. С точки зрения чародеев, а не тех, на кого эта шалость направлена.

– Ты такой таинственный, – сказала я, не удержавшись. – Ходишь вокруг да около, а я, между прочим, всю ночь не могла уснуть. Гадала,

куда ты потащишь меня в этот раз и что я увижу – живое чудовище или его скелет.

– Врешь, – спокойно сказал Кондор. – У тебя слишком отдохнувший вид для человека, который не спал всю ночь. Я хочу отвести тебя в Галендор, – признался он. – Это город на юго-западе Англии, не самый обычный город.

– Ага, не самый обычный, – фыркнул Ренар и посмотрел на меня. – Он ведет тебя в одну из четырех столиц волшебства в этом мире, Мари.

– Мне радоваться или бояться? – спросила я серьезно.

– А тут как сама хочешь, – ответил Кондор.

Кондор ждал меня в кабинете, одетый для выхода – не так парадно, как требовал дворцовый этикет, но и не так просто, как он одевался обычно. Однотонный жилет под темно-синим сюртуком был застегнут на все пуговицы, волосы собраны в хвост. Я моргнула и качнулась на каблуках, покрепче сжав в руках пальто, которое Сильвия вручила мне на выходе из комнаты. Кондор тоже держал в руках плащ, так что, решила я, мы будем не в помещении. Волшебник еще раз окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног и удовлетворенно кивнул. Кажется, я прошла какой-то тест, мою внешность сочли подходящей и одобрили.

– Готова? – спросил Кондор.

Почти ласково, так, что было ясно: он чувствует мое волнение и хочет поддержать.

«И еще, – подумала я, – Кондор сам волнуется. Просто хорошо это скрывает».

– Да, – коротко ответила я и протянула ему руку.

Перчатки, я помнила, лежали во внутреннем кармане пальто, Сильвия сказала об этом.

Прежде, чем сделать шаг вперед, я опять зажмурилась, облизав пересохшие губы. Наверное, это стало таким ритуалом: я позволяла себе быть ведомой, потому выбора у меня особенно и не было, оставалось лишь изображать покорность, наблюдать и думать, что делать дальше.

Рука, которая одновременно вела меня вперед и служила опорой, была твердой и прохладной, как обычно.

С той стороны мы оказались в помещении. Совершенно точно, если судить по температуре и запахам.

Я открыла глаза.

– Каждый раз, когда мы оказываемся в каком-то новом месте, – спокойно сказал Кондор и отпустил меня. – Ты сначала смотришь прямо, а потом вверх. Здесь смотреть особенно не на что. Но скоро будет интересно. Надеюсь.

– А где мы? Нет, я запомнила, что в Галендоре, но...

– Это одна из трех академий магии. Наверное, самая влиятельная из них.

Он сказал это коротко, словно неохотно, как говорят общеизвестный факт кому-то, кто этого общеизвестного по каким-то причинам не знает. Без раздражения, но неохотно.

Я глупо улыбнулась и фыркнула. Кондор вопрошающе посмотрел на меня, и пришлось возвращать серьезный вид.

Скажешь ему про фантазии о магических академиях из книжек – и квакнешься.

Зеркало, из которого мы вышли, было одновременно дверью, ведущей в длинную галерею с мрачными сводами из серого камня. Слева от меня высокие арочные окна выходили в такой же мрачный и серый, как этот камень, зимний день: рваное одеяло снега на печальной земле, редкие деревца жмутся друг к другу, сиротливые и голые, лента дороги убегает к высоким кованым воротам, за которыми – выгнутый дугой серый мост через неширокую темную речку. За этой рекой начинался город, совершенно не похожий на изящный Арли, но отдаленно напоминающий Йарну.

Справа напротив окон были ниши, а в нишах стояли статуи, изображающие, видимо, ученых мужей в мантиях, и витрины, в которых под стеклом, укрепленным металлическим кружевом, лежали какие-то книги и старинные предметы.

Я заметила людей на улице, в своих черных одеждах они напоминали то ли воронов, то ли грачей. Галерея же, если не считать нас, была пуста – и заметно прохладнее, чем комната в замке.

– Пока мы одни, я хочу немного с тобой поговорить, – сказал Кондор. Он шел чуть впереди, буквально на шаг, держа плащ

перекинутым через плечо. – Я вижу, ты хорошо понимаешь всю серьезность сложившейся ситуации, и очень рад этому. Потому что от твоего личного благополучия зависит много важных для меня вещей. В этой академии редко бывают женщины, да и вообще... чтобы ты представляла... м...

Он замялся, видимо, пытаясь сформулировать мысли так, чтобы они стали понятны мне.

– У вас патриархальное общество, я поняла. – Чего тут не понять? – И я не собираюсь посягать на его устои.

И пожала плечами, потому что действительно не собиралась строить взрослых могущественных мужиков в мантиях и рассказывать им о гендерном равенстве и социальных правах.

Суровые господа в мантиях смотрели на меня из ниш своими каменными глазами и молчали.

Кондор потрянул головой, как делал обычно, когда прядь волос мешала ему, или когда его что-то выбивало из намеченной схемы. Например, моя привычка перебивать его речь ненужными замечаниями или лезть с глупыми вопросами.

– Ты не совсем верно поняла, – сказал маг. – Мы не отсталое общество, в котором женщины абсолютно бесправны, но... Понимаешь, академический уровень магии мало кому доступен, он предполагает наличие Таланта, свободного времени и ресурсов для занятий исследованиями, а это, поверь, редкое сочетание. Юная неопытная девушка в этих стенах – явление такое же дикое, как лесная фэйри в дворцовом саду. Я привел тебя сюда, потому что здесь есть люди, которые смогут взять тебя под свое крыло и защитить в случае чего. Но это не означает, что ты будешь здесь учиться, и не потому, что недостойна. – Он снова покосился на меня с какой-то странной тревогой во взгляде. – А потому что для того, чтобы стать адептом, нужно знать намного больше, чем знаешь ты. Это дело не года и даже не двух.

Я выдохнула и кивнула, давая ему знак, что поняла.

– А ты учился здесь? – голос меня слегка подвел.

– Да. Я родился и вырос в городе рядом. – Кондор очень тепло улыбался, подозрительно беспечно, отчего все мое желание расспросить о его прошлом раз – и испарилось. – Я тебе больше скажу. – Он приоткрыл передо мной тяжелые деревянные двери, ведущие на

широкую мраморную лестницу. – Ты будешь немного... удивлена, когда мы дойдем до ректора.

– Заинтриговал, – хмыкнула я, хотя где-то в солнечном сплетении вдруг словно кусок льда застрял.

То есть меня еще и не абы к кому ведут.

Нам навстречу по лестнице спустились два человека – высокие, хмурые и уже немолодые мужчины, одетые одинаково строго. И крайне скромно, если вспомнить, к примеру, Форжо. Один из них держал в руках две книги.

Господа заметили нас и, к моему ужасу, почтительно поклонились Кондору. Тот лишь коротко кивнул и посмотрел на меня. Я спохватилась и со всей грацией, которая была мне доступна в данный момент, присела в книксене. С пальто в руках оно вышло не очень, но ученые мужи почему-то даже не думали хмуриться.

– Вряд ли я даже смогу вспомнить их имена, – задумчиво пробормотал Кондор, когда мы разминулись: те двое ушли вниз, а мы, поднявшись на один пролет, оказались еще перед одной тяжелой дверью. Кажется, это был третий этаж, но лестница уходила вверх еще на один. – Интересно будет потом узнать, что они себе придумали, – хмыкнул маг, с усилием открывая дверь. – Прости, слуг здесь мало. Это одно из правил.

– Типа маг должен сам справляться с бытовыми трудностями? – улыбнулась я, шагая в теплую полутьму уютного, пусть и просторного, коридора.

– Верно. Не стесняйся, – посоветовал Кондор, заметив, как я в смущении смотрю вокруг. – И никого не бойся, даже если будут строго смотреть. Ты со мной. Моя фамилия здесь работает лучше иных заклинаний, – с усмешкой добавил он.

Шторы на окнах были опущены, и сквозь узкие просветы нельзя было разглядеть ничего за окном. Седой полумрак делал краски приглушенными, и это создавало какое-то странное ощущение уюта, словно ты вернулся домой после прогулки по холодным улицам.

На паркете лежала дорожка, темно-зеленая, плотная.

А еще здесь было заметно теплее, чем на лестнице, и на светлых стенах висели картины с пейзажами, какие-то грамоты, гравюры и страницы из очень, очень старых книг.

Коридор заканчивался еще одной дверью, темной и плотной. Справа от нее висела каменная табличка, но я не успела прочитать надпись, выхватив только слово «ректор». Кондор уверенно открыл дверь и втянул меня в комнату за ней, небольшую, темноватую из-за цвета обоев и мебели, с камином напротив окон. Около камина стояли кресла, а слева от двери, ведущей в следующее помещение, за широким столом сидел не слишком веселый молодой человек.

– Его нет, – сказал он, не поднимая взгляда от книги, которую читал. – Ждите.

Кондор улыбнулся.

«Нет, – поправила я себя. – Он оскалился. Беззлобно, но оскалился».

– Хорошо, – не без затаенного смеха сказал Кондор. – Мы подождем внутри.

Ошарашенный секретарь – а кто еще мог сидеть в приемной ректора? – поднял голову и посмотрел на нас. Досада на его узком, красивом, но не очень приятном, словно бы иссохшем от усталости лице сменилась удивлением и тут же едва ли не подобострастием. Он вскочил как ошпаренный, судорожно закрыл книгу, едва не уронив ее на пол, и поклонился. Не мне. Кондору.

Я вспомнила сдержанного, спокойного Септима.

– Конечно, милорд! Конечно! Принести вам что-нибудь?

Кажется, он порывался даже открыть перед нами дверь, но не успел, и это только усилило его нервозность.

– Пока нет, Тео. – Кондор втолкнул меня в следующую комнату. То, что это кабинет, было ясно с первого взгляда. – Просто проследи, чтобы нас никто не беспокоил.

Я не видела Тео и не слышала его ответа, только сжимала нервно в руках пальто, которое мне пока так и не пригодилось, и стояла, переминаясь, на темно-зеленом ковре посреди очень уютной комнаты, оглядывалась и пыталась сообразить, что мне делать.

Притворив дверь, Кондор уверенно открыл стоящий у входа узкий шкаф и повесил в него свой плащ. Вел он себя так, словно был как минимум в гостях у хорошего знакомого, и у меня в голове начали появляться какие-то мысли на этот счет.

– Давай сюда. – Маг протянул руки в мою сторону, и я не сразу сообразила зачем, ойкнула и отдала ему пальто. – Его пока нет, но он

знает, что мы должны прийти.

Я только угукнула в ответ.

В кабинете были высокие окна, выходящие на ту же сторону, что и окна галереи, к реке и городу. Еще здесь были, конечно, книжные шкафы, камин с зеркалом над ним, удобные кресла, стоящие перед письменным столом. Из-за легкого беспорядка казалось, что хозяин вышел буквально только что, даже не закрыл тетрадь и книги и забыл трость – она стояла слева, прислоненная к столу.

Я поехала и села в одно из кресел. На самый краешек. Хотя мне очень хотелось поближе рассмотреть висящие на стене карты и книги в шкафах.

От Кондора не укрылось мое замешательство и любопытство.

– Расслабьтесь, леди Лидделл, – мягко сказал он и сел в кресло рядом, очень непосредственно откинувшись на спинку при этом. – Вас никто не съест.

Любопытство и нервозность от ожидания победили смущение меньше, чем через две минуты, если судить по часам, стоящим на каминной полке.

– Можно, я... – начала было я, ткнув пальцем в сторону стены, на которой между двумя узкими книжными шкафами висели карты и какие-то миниатюры с пейзажами.

– Конечно, – ответил Кондор и лениво проводил меня взглядом.

Я, чувствуя, как ноги становятся ватными, подошла к карте Латиерры. Руки я по уже сложившейся привычке спрятала за спину, чтобы случайно ничего не тронуть.

Мало ли.

Галендор был точкой на юго-западе Английского полуострова. Я нашла его без труда, потому что карту Латиерры изучить успела. Что еще делать долгими зимними вечерами наедине с собой?

Символ рядом с названием города напоминал не то замысловатую галочку, не то силуэт птицы. Я перевела взгляд левее, на еще одну карту поменьше. Это была Ангрия, расчерченная сетью пунктира на графства и герцогства. До таких подробностей я еще не дошла и сейчас читала названия жадно, пытаюсь найти похожие в своей памяти. Другие названия из другой страны. Из другого мира.

Ну а вдруг?

Дверь открылась неожиданно. Я обернулась на звук, чуть не подпрыгнув на месте, точно меня застукали за чем-то предосудительным.

Тот, кто вошел в кабинет, рассматривал меня с въедливым и доброжелательным интересом и, кажется, видел насквозь. А я застыла и открыла рот, понимая, что одна из мелькнувших в голове мыслей, кажется, подтвердилась.

Потому что человек, который зашел в комнату, был почти точной копией Кондора, только старше на пару десятков лет. Чуть шире в плечах, чуть выше – хотя это могло быть лишь иллюзией, потому что веяло от него чем-то таким, что вызывало намного большее благоговение, чем любые звания и титулы. Волосы, темные, но с многочисленными нитями седых прядей, не доходили до плеч.

А еще у него была очень знакомая мне привычка слегка щуриться, рассматривая что-то любопытное.

Например, краснеющих от смущения девиц.

– Леди сделает мне большое одолжение, если снимет кое-что со своей шеи, – совершенно спокойно сказал этот господин.

В его голосе сквозила такая легкая пробирающая хрипотца, что я покраснела еще больше.

Леди не сразу сообразила, а потом еще провозилась с замочком, который совершенно не желал слушаться ее одеревеневших вдруг пальцев. Кондор, как назло, даже не думал помогать, только наблюдал за моей реакцией, едва заметно улыбаясь. Так что амулет я чуть не уронила и застыла с ним в руке, не зная, что делать.

Кажется, ректор был доволен произведенным эффектом: он усмехнулся – один краешек тонких губ дернулся вверх, и у меня не осталось никаких сомнений в кровном родстве этих двоих.

Отец или дядя?

– Страх – неплохая реакция, леди Лидделл, – добродушно сказал дель Эйве-старший, подходя к столу. Он едва заметно прихрамывал на левую ногу – видимо, трость стояла здесь не просто так. – И искренность я ценю, хотя, признаюсь, предпочел бы заметить иные чувства в ауре юной леди. Юлиан, помоги своей спутнице, а то она, кажется, забыла, как шевелиться.

Нет, я помнила, только вот тело меня не хотело слушаться.

Кондор отреагировал быстро. Он встал, подошел ко мне и осторожно приобнял. Амулет он забрал и положил в карман, его рука при этом сжала мои пальцы коротко и легко, словно волшебник пытался меня подбодрить. Выражение лица Кондора оставалось практически бесстрастным, точнее, на нем отражалось хитрое любопытство, но не тревога или сочувствие.

– Не бойся, – шепнул он мне.

– Да, леди Лидделл, бояться нечего. – Прежде, чем я успела сесть в кресло, моя ладонь, холодная от волнения, оказалась в крепкой мужской ладони, теплой и сухой. – Меня зовут Парсиваль дель Эйве, и, боюсь, вам стоит перестать смотреть на меня взглядом испуганного кролика. – Парсиваль дель Эйве наклонился и коснулся губами моей руки. Щеки обожгло жаром. – Рад наконец познакомиться с вами лично, – добавил он спокойно и вежливо и, отпустив мою руку, сел за стол напротив нас. – Мой сын успел рассказать мне о возникших с вами... сложностях, и я пообещал ему по мере сил помочь вам разобраться в самой себе.

Все-таки отец.

Я коротко посмотрела на Кондора, спокойного, но сосредоточенного, и нервно сглотнула. Он ведь почти и не говорил о своей семье, за исключением пары упоминаний вскользь, и я, честно говоря, не думала, что мне придется познакомиться с кем-то из них.

Но так или иначе – познакомилась.

Парсиваль дель Эйве продолжал смотреть на меня, как на нечто крайне занятное и причудливое. Глаза у него были ярко-желтые – фамильная черта, я помнила это. Я постаралась выпрямиться под его взглядом и получила одобрительную полуулыбку, словно прямая спина и расправленные плечи были чем-то, заслуживающим уважения.

– Вы первая леди с другой стороны, с которой мне удалось познакомиться так быстро, – сказал Парсиваль, въедливо и внимательно скользя взглядом по моему лицу и фигуре. Казалось, он подмечал все, каждую мелочь, взвешивая и оценивая, и пока что ничто не вызывало неприятия. По крайней мере, я на это надеялась. – И, конечно, первая, с которой придется общаться так близко. Мари... Я могу назвать вас по имени?

– Да, – ответила я.

Я бы сказала – пропищала.

– Замечательно. – Он тепло улыбнулся. – Мари, с точки зрения моих знаний о вашем и о нашем мирах ваше присутствие здесь – почти чудо. Более того, само ваше существование сомнительно и маловероятно, но вы существуете и сидите напротив меня. Ваш мир, насколько мне известно... нам, – поправился он. – Насколько нам известно, магии если не лишен, то ограничен в ней, потому что его развитие пошло по другому пути. И шансы, что с той стороны к нам явится кто-то вроде вас, с точки зрения всех существующих теорий почти ничтожны.

– Я знаю.

Почему-то от этих слов в душе зародилось какое-то нехорошее предчувствие. Вдоль позвоночника словно ледяная змейка проползла.

– Очень хорошо, что вы это знаете, – кивнул Парсиваль. – Надеюсь, вы осознаете, что явление столь редкое и столь необычное притягивает много взглядов, не все из которых будут доброжелательными. И речь идет не только о ваших знакомых с Изнанки, но и о людях. Непростых, любопытных и наделенных властью. Именно поэтому вы сейчас здесь.

Я прикусила губу. Доброжелательный тон меня не обманывал, я почувствовала за ним что-то другое, что-то, что, наверное, должно было меня запугать.

Но в последние дни в моей жизни были его высочество Антуан Фердинанд Флавий, а еще господин Блэкторн с его намеками и секретарь его высочества, который и не пытался скрывать неприязнь, так что от страха я трястись не хотела. Я почувствовала, что злуюсь.

Может быть, Парсиваль дель Эйве заметил мои эмоции, может быть – нет, но, так или иначе, он пристально смотрел на меня – или в меня – и от его взгляда было странное, граничащее с неприятным ощущение почти физического прикосновения.

– Она это все прекрасно понимает, – вдруг вступился за меня Кондор. – Мари можно упрекнуть в своевольности или несдержанности, но не в отсутствии способности думать и понимать.

– Молодой девушке простительно иногда быть своевольной, – не без доброй иронии сказал его отец, не отрывая взгляда от меня. Его пальцы, не столь изящные на вид, как у сына, нервно отстукивали на столешнице какой-то ритм. – Но ближе к делу. Что юная леди успела узнать о магии?

Его вопрос застал меня врасплох. Я недоуменно моргнула, почувствовав себя на экзамене у строгого, пусть и лояльного преподавателя, и как-то совершенно невнятно, едва не заикаясь, попыталась ответить:

– Не слишком много... эм... милорд. – На всякий случай я покосилась в сторону Кондора, чтобы в случае чего видеть выражение его лица. Если начнет смотреть на потолок, словно пытаюсь отыскать в лепнине вокруг люстры сочувствие, значит, я облажалась. – В общих чертах.

– Все, что знаешь, – подсказал Кондор. – Начни с начала. Если что-то забудешь, я подскажу.

И я изложила все, что было у меня в голове о зловредных чародеях и защите от чар, об опасностях инициации, об Изнанке и ее обитателях, о том, что женщины не становятся волшебницами, но могут вдруг получить талант в подарок от таинственных сил. И про Изнанку. И про то, что у волшебников есть резерв – и если его исчерпать, то будет плохо. Очень. О направленной воле и обо всем остальном, что я вычитала в «Ars Magica», что слышала от Кондора и других, что сама видела и испытала. Парсиваль слушал меня спокойно и тихо, сцепив пальцы в замок, не перебивал, только кивал иногда – это сразу дало мне какую-то уверенность в собственных словах, и я перестала заикаться от страха.

Когда он понял, что я закончила, то выдержал паузу, давая мне выдохнуть, и задал вопрос:

– А что, по вашему мнению, произошло с вами, Мари?

Я снова удивленно хлопнула ресницами.

– Вы... Вы же вроде бы знаете...

Кондор хмыкнул, но промолчал.

– Мне интересно то, как вы об этом расскажете, – ответил Парсиваль, откидываясь в кресле. – Может быть, приказать принести чай? Я как-то непростительно забыл о правилах гостеприимства.

– Н-нет, – я нервно потерла ладони друг о друга и собралась с мыслями.

Кондор вдруг извинился, встал и вышел из кабинета, осторожно закрыв за собой дверь. Я проследила за ним с ужасом. Мне стало не за что цепляться, ощущение холодка вдоль позвоночника усилилось.

Парсиваль выжидающе смотрел на меня, и, когда наши взгляды встретились, я выдохнула – и начала:

– Честно? Я не знаю. Вообще, – стусевалась я, потому что никто пока не сказал наверняка. – Я мало знаю о вашем мире, милорд, но понимаю, что то, что произошло со мной, это не то, чего от меня ожидали, и даже больше – это не то, что происходит со всеми. Ведь так?

– Именно так. – Он чуть откинул голову, рассматривая меня из-под ресниц. – Когда вы попали сюда, вы думали о том, что сможете стать магом?

– Думала, – не соврала я. – Но не надеялась. Знаете, мне быстро объяснили, что...

Дверь все-таки хлопнула. Кондор вернулся и занял свое место, кивнув отцу, словно бы что-то сообщал. Тот его понял.

– Так что вам быстро объяснили? – Парсиваль снова смотрел на меня прямо и пристально.

– Что мы все – не особенные, – ответила я, пожав плечами. – Ну, девицы с той стороны. И ничего исключительного или выдающегося от нас не ждут. И что магия здесь – это особый дар, – от которого одни проблемы, добавила я мысленно. – Он доступен не каждому. Никаких особенных изменений я не чувствовала, поэтому решила, что, видимо, моя избранность вашей Богиней не предполагает, что меня при этом наделят какими-то волшебными способностями. Которых у меня отродясь не было.

Оба волшебника переглянулись.

– Не было, значит, – протянул Парсиваль. – Подумайте потом, Мари, действительно ли не было, или просто те условия, в которых вы выросли и в которых жили, не предполагали развитие того, что у вас всегда было. Я вас понял. – Он выпрямился. – Не дергайте так манжеты платья, милая девочка, они ни в чем не виноваты. Вы здесь для того, чтобы обрести защиту, а не продолжить падать.

Это было обещание помощи, и он предлагал ее без какой-то фальшивой теплоты или ложного сочувствия, как человек, который осознает свою власть над сущим и воспринимает ее как должное. Кажется, ему было все равно, что на этот счет думаю я, и за спокойствием на лице – ни тени лишней доброжелательности, но и ни намек на презрение или раздражение – читалась полнейшая

уверенность, что я не оттолкну предложенную помощь. А я понимала, что если я посмею сейчас сопротивляться, если выпущу колючки, то эту помощь я все равно получу – но мне совершенно не понравится процесс.

– Гм, – только и смогла ответить я.

Кажется, мое замешательство их забавляло – в хорошем смысле.

– Я сейчас повторюсь, – продолжил Парсиваль. – С точки зрения науки нашего мира вы – нечто уникальное и исключительное. Невозможное, я бы даже так сказал. Но если бы кто-то спросил меня, что я думаю на этот счет, я бы ответил, что это невозможное куда более закономерно и понятно, потому что чудеса притягивают друг друга, – он улыбнулся. – Если у вас и правда была склонность к волшебству, некий скрытый талант, реализовать который вы не могли там, на своей стороне, то рано или поздно с вами произошло бы что-то такое. Но это – сфера не науки, наука не рассматривает чудеса, – его взгляд стал почти хитрым. – Это другая магия, леди Лидделл. Та, что привела вас сюда, и та, что уводила вас отсюда во владения вашего Снежного Короля. И эта магия куда более опасная, чем все остальные вещи этого мира.

– Это я тоже уже поняла, – ответила я, и он, кажется, остался доволен моей понятливостью.

– Но вернемся к вопросам более важным. – Парсиваль подался чуть вперед и перестал казаться расслабленным и спокойным. – Я буду перед вами абсолютно честен: если учитывать все обстоятельства, которые окружают вас, Мари, предугадать развитие событий сложно. Обучать вас – еще сложнее, потому что... Я думаю, вы сами скажете мне почему.

Он выжидающе замолчал.

Давай, понятливая, сообразительная девочка, покажи мне, на что ты еще способна.

– Потому что... – я нервно заерзала, – потому что мне придется начать с того, что учат маленькие дети. И еще... – Я снова посмотрела на Кондора, потому что что-то такое он вчера... сегодня мне говорил. – У меня иное восприятие мира, я могу что-то не понять или понять не так, как нужно.

Кондор улыбнулся. Видимо, я все запомнила правильно.

– Все верно, – кивнул Парсиваль. – Я рад, что это вы тоже понимаете.

Дверь открылась, и я вздрогнула, потому что все это время ждала чего-то страшного, но оно и не думало происходить. Тео, суетливо улыбающийся и любезный до приторности, зашел в кабинет с подносом, на котором стоял фарфоровый чайник, три чашки и пара вазочек с печеньем. Тео поставил поднос на стол перед нами и, лучисто улыбнувшись мне, с поклоном вышел.

Я вцепилась в сиденье кресла, сжала обитое мягкой бархатистой тканью дерево, не зная, куда себя деть.

– Печенье не отравлено, – фыркнул Парсиваль. – Чай тоже. Мой жизненный опыт подсказывает, что маленькие испуганные девочки становятся менее испуганными, если проявить к ним доброту.

Кондор протянул мне чашку, аккуратно поддерживая ее, потому что видел, что мои пальцы дрожали. Я попыталась устроиться в кресле более удобно, поставила руки на подлокотники так, чтобы точно не вылить на себя горячий чай. Ромашковый, кажется. Так вот зачем Кондор выходил, оказывается.

Я бы сама до конца стеснялась даже стакан воды попросить.

– Ты уже озвучил леди наши условия? – Парсиваль посмотрел на сына.

Я наострила ушки.

– Нет. – Кондор немного расслабился, кажется, и сейчас сидел, закинув ногу на ногу. – Я хочу, чтобы она узнала все от тебя. Чтобы в случае чего не случилось путаницы. В отличие от тебя, я не обладаю властью делать такие предложения.

Я моргнула и чуть не облилась чаем.

– Леди Лидделл, не тряситесь так, милая. – Парсиваль беззвучно смеялся, наблюдая мою растерянность. – Мы с вами, скажем так, почти в равных условиях с точки зрения заключения каких-либо сделок. Вы нуждаетесь в защите, в моих интересах эту защиту вам предоставить. – Он насмешливо покачал головой. – У меня такое впечатление, что мой сын вел себя как полнейший идиот.

Рядом со мной раздраженно вздохнули, и я поспешила заверить лорда дель Эйве в обратном.

– Нет, милорд, все в порядке.

– Да? – Он насмешливо приподнял бровь. – Поверю вам, леди. Вернемся к тому, что я хотел вам предложить и почему. Сейчас вы находитесь под опекой моего сына, и в обществе это дает вам определенные преимущества. Это было бы хорошей защитой, если бы все шло так, как оно шло обычно, но правила игры изменились. Не знаю, насколько вы осведомлены об иерархии нашего общества и той его части, к которой принадлежат аристократические семьи, но у нас существует такое понятие, как патронат. По сути это точно такая же опека, но...

– Не точно такая же, – перебил его Кондор. – У Мари нет передо мной почти никаких обязательств, кроме тех, которые она сама считает нужным признать.

Вот как?

Они переглянулись, словно готовились спорить друг с другом, но, к счастью, этого не произошло.

– У нее их и не будет, даже если она согласится принять наше родовое имя. – Парсиваль перевел взгляд на меня. – Леди Лидделл, как один из Патриархов рода дель Эйве я хочу предложить вам покровительство своей семьи. – Он коротко и вежливо кивнул мне, но прежде, чем я успела открыть рот, добавил: – Чтобы вы не питали никаких иллюзий, Мари, я не сделал бы это для любой девчонки с улицы просто потому, что мне ее жалко. Принимая во внимание все особенности вашего положения в этом мире, я готов пойти на уступки в плане тех обязательств, которые обычно принимает на себя вассал... О, – кажется, он заметил, что я глупо хлопаю ресницами, потому что не понимаю ни черта, – вы уже запутались.

Я сглотнула накопившуюся во рту слюну и сиплым от волнения голосом спросила:

– Зачем это вам?

А ведь действительно: зачем ему предлагать мне покровительство?

– Мы уже говорили об этом, Мари, – ответил Кондор, получив слегка упрекающий взгляд от отца. – Ты – король на шахматной доске, потеря такой фигуры будет означать конец партии. Моей партии, – подчеркнул он. – Я всегда осознавал, что рискую, но раньше, милая, в эти конкретные риски не входили проблемы с фэйри, Изнанкой и

одаренным сверх меры неопитом, который в состоянии выморозить к Неблагому половину замка.

– Именно поэтому вы сейчас здесь, Мари, – продолжил за него Парсиваль. – И, кроме помощи в поисках наставника и некоторых гарантий со стороны Академии Галендора, за которой вы будете числиться, я предлагаю вам стать вассалом рода дель Эйве. Не торопитесь. – Он заметил, что я хочу что-то сказать, и сделал короткий жест рукой, призывая к молчанию. Я заметила, что на безымянном пальце у него кольцо с камнем, похожее на то, которое носил Кондор. – Принудить вас здесь никто не сможет, милая, такие вещи основаны на свободной воле... хотя вряд ли вы сейчас способны осознать такие тонкости. – Он ухмыльнулся своим мыслям немного грустно, словно бы с каким-то сочувствием – не знаю, к чему или к кому. – Я понимаю, что это внезапно, поэтому даю вам время подумать. Юлиан расскажет все, что вам нужно знать, чтобы принять решение.

Я посмотрела в чай, который уже заметно остыл – настолько, что его можно было пить большими глотками.

Стенки у чашки были тонкие, белые, с тонкой серебристой каймой, идущей по краю. Я думала, что, наверное, в этом мире это еще один из многочисленных крохотных, едва заметных признаков особого положения человека – возможность пить чай из таких вот чашек. Возможность сидеть в уютном кабинете за массивным столом, в окружении стеллажей с застекленными дверцами. Возможность учиться в Академии, особо отмеченной на карте страны, в которой находится. Возможность быть на «ты» с будущим правителем соседней страны. Пожертвовать чужой девушке рубашку из очень тонкой, невероятно мягкой ткани – и даже не намекать, что вообще-то ее нужно уже вернуть.

Мне предлагали стать частью семьи, положение которой не просто отличалось от того, к которому я привыкла, оно было где-то за пределами моих самых смелых фантазий о социальной карьере. Предлагали, и я это понимала, не потому, что я заслужила это, а лишь потому, что моя беззащитность ставила под угрозу благополучие одного из них.

Где-то внутри я бунтовала, потому что пусть все действия Парсиваля по отношению ко мне были полны какой-то почти отеческой заботы, я видела за ними холодный расчет. Но мой отказ был

бы непростительной глупостью, неуважением, неблагодарностью по отношению к Кондору, в конце концов, и я приняла решение. Хотя, конечно, от времени на «подумать» я не отказалась – мне нужно было осознать, что я делаю.

– Когда вы хотите услышать мой ответ? – спросила я, отпив глоток чая.

Парсиваль покосился на часы, стоящие на полке, и слегка помрачнел.

– Время, которое я хотел уделить вам, уже почти истекло, а нам бы нужно обсудить еще пару вопросов. – Он задумался, постукивая пальцами по столешнице и словно бы что-то вычисляя в уме. – Ты говорил, что освободил весь день? – спросил он у Кондора. – Почему бы нам не пообедать вместе?

Кондора это предложение застало врасплох не меньше моего. Он удивленно наклонил голову и даже нахмурился, как будто оценивал сейчас все варианты развития событий.

– Где? Я думал задержаться в Галендоре еще на некоторое время... Нужно же показать леди местные красоты, – с легкой и очень доброй иронией добавил Кондор.

– Дома, конечно, – ответил Парсиваль, переводя взгляд на меня и лукаво щурясь. – Пусть леди получше присмотрится к тому, что ее ожидает.

Мое воображение нарисовало мне стоящий в стороне от города мрачный викторианский особняк с привидениями служанок и скелетами проштрафившихся лакеев в шкафах, хотя, конечно, вряд ли это соответствовало действительности. Но, так или иначе, это приглашение было настолько неофициальным, что я испугалась, а не кроется ли здесь какой-то подвох?

Не много ли чести для одной маленькой меня?

– Нет, вполне достаточно, – сказал Кондор, и я поняла, что, видимо, сказала последнюю фразу вслух – или слишком громко подумала. Амулет-то у него. – Мы придем, – коротко согласился он и повернулся ко мне. – Но ты должна знать, милая, что тебя ждет небольшое военное действие, сопровождаемое невыносимым молчанием и выразительным клацаньем столовых приборов. Тетушки, – пояснил Кондор в ответ на мое недоумение.

– Не драматизируй, – отмахнулся Парсиваль. – Вчера леди Присцилла была невероятно рада тебя видеть.

– Неужели? То есть то, что я принял за вымученный оскал, было на самом деле теплой улыбкой?

Спокойствие Кондора вдруг куда-то испарилось, явив на свет неприятную саркастичную сущность.

Его отец ничего не ответил на этот выпад, только махнул рукой, резко помрачнев, и я нервно сглотнула, почувствовав себя рядом с эпицентром какой-то драмы, которая меня не касается. Точнее... может коснуться, но не должна, потому что лезть в отношения этой семьи я не имела права.

Чашка в моих руках окончательно остыла и опустела, но я вертела ее, сжимая пальцами тонкую дугу ручки. Сгустившаяся тишина пугала меня сильнее, чем любые призраки и дикие фэйри, и я была готова разрушить ее любой сказанной невпопад фразой. К счастью, не пришлось.

Парсиваль чуть придвинулся к столу, поставил локти на него и сцепил кончики пальцев. Вел он себя так, словно ничего не произошло. Вообще.

– Есть еще некоторые формальности, которые нам нужно соблюсти, – сказал он, с добродушным участием глядя на меня. – Неофиту необходим наставник, но в вашем случае, леди, поиски одного составят массу трудностей. Тем более, и мы все это понимаем, ваши особые таланты следует сохранять в некоем подобии тайны... насколько это сейчас возможно. По бумагам вы будете числиться за Академией Галендора, и этот вопрос не обсуждается, – здесь достаточно мягкий голос Парсиваля вдруг обрел стальные призвуки.

– Подождите, – осмелилась перебить его я. Я не до конца понимала, что происходит и как мы с одной темы переключились на другую. – Как это связано? Я же вроде бы не могу быть адепткой...

– Адепткой – нет, – ответил мне Кондор. Он уже вернул себе спокойствие. – Я не успел сказать тебе об этом, но любой человек, владеющий магией, так или иначе должен быть под контролем Ковена или его представителей. Герхард, к примеру, следит за уже знакомой тебе Хельдой, – напомнил он. – Потому что она живет там, где он – официальный представитель власти Ковена...

– То есть я должна быть под его опекой и присмотром? – не поняла я.

Они оба тихо рассмеялись.

– Формально – да, – сказал Кондор. – Если бы осталась жить в замке. Но, во-первых, жить ты будешь не там, а еще я твой опекун, и как твой опекун я считаю, что этот вариант не подходит. Много чести Герхарду, – ядовито произнес он. – Не справится, как не справился с жалким пикси. Поэтому я решил, что можно использовать некоторые связи. Но, – ирония в голосе Кондора почти исчезла, уступив место серьезности, – это еще хороший способ избежать нежелательного вмешательства со стороны.

Он забрал у меня из рук пустую чашку и поставил ее на поднос.

– Мы действуем в рамках всех законов, – сказал Парсиваль. – Я не буду скрывать: мне... нам всем выгодно, если вы будете максимально близко, и каждое ваше движение на пути волшебника будет под нашим контролем. И я надеюсь, что вы достаточно благоразумны, чтобы понимать: это еще и ради того, чтобы защитить вас, Мари.

Я почувствовала, что снова сутулюсь, и выпрямилась.

– Хорошо, – сказала я. – Не думаю, что у меня здесь были бы какие-то варианты. Ведь так?

Кондор пожал плечами.

– Боюсь, особых вариантов у тебя нет, – сказал он.

– Ну, в таком случае, спасибо за честность, – ответила я.

– Пожалуйста, милая.

– Умная девочка. – Парсиваль снова щурился на меня и улыбался.

– Я бы сказал – благоразумная. А ты говорил, что своевольная.

– Ты не видел ее с канделябром в руках.

Я покраснела.

– У нас есть примерно полчаса на то, чтобы леди Лидделл ознакомились с Кодексом и подписала договор со мной как с ректором Академии. – Парсиваль снова постучал по столешнице кончиками пальцев, покосившись сначала на часы, а потом на сына. Кондор вопрошающе приподнял одну бровь. – Будь добр, помоги оболтусу, который просиживает штаны около моего кабинета, принести все, что нужно, а то он опять забудет какую-то мелочь.

Мне показалось, что на лице Кондора мелькнуло недоумение, почти раздражение, но он быстро собрался, натянул дежурную улыбку

и вышел, не забыв слегка хлопнуть дверью.

Я вздрогнула. Мне показалось, что Парсиваль сейчас намеренно выставил сына за дверь. Намеренно ли он задел его самолюбие – я не знала.

– Он будет обижаться, но недолго, – сказал старший дель Эйве, подперев подбородок рукой. – Переживу. У нас есть пара минут, чтобы поговорить наедине, милая, поэтому слушай внимательно.

Я почувствовала, что робею под его хищным и прямым взглядом, как испуганный зверек перед опасностью.

– Мой сын никогда не скажет тебе правду. – Слова Парсиваля дель Эйве отозвались чувством, что внутри меня, где-то в районе солнечного сплетения, где в минуты радости появляется ощущение тепла, плещутся холодные воды потусторонней реки. – Я вижу, что ты честная девочка и хорошая, такие не предают. Иногда не предают даже в ущерб себе. Иначе я бы не стал помогать тебе больше, чем того требуют обстоятельства. Но все, что я делаю, я делаю для него. – Парсиваль кивнул на дверь, за которой скрылся Кондор. – Еще раз. Он не скажет тебе правду, потому что для него это будет... признанием в слабости, что ли? Но в его, скажем, сделке с теми силами, которые привели сюда тебя, есть одна важная деталь. Такой... секрет-секрет. Если ты умрешь... – Его голос стал тихим, и острые когти страха вцепились мне в плечи, вызывая озноб. – Если ты умрешь, милая, Юлиана ждет нечто страшнее смерти. Поэтому в твоих интересах не подставляться и быть тише воды и ниже травы. А я за этим прослежу. Ты меня поняла?

Я кивнула, не в силах говорить.

– Не слышу.

– Да... милорд...

– Вот и хорошо, – Парсиваль перестал быть пугающе-строгим.

Что-то теперь сошлось, а что-то, наоборот, перестало сходиться.

Страх сковывал мысли, но мне все-таки удалось выловить одну из них, и я посмотрела на Парсиваля широко распахнутыми глазами, понимая, что задать вопрос хочется – но боязно.

– Спрашивай уже, – устало вздохнул Парсиваль.

– Почему бы тогда не запереть меня в башне... И других тоже? – хриплым шепотом спросила я и облизнула пересохшие губы. Очень

хотелось пить. – Держать в безопасности и под присмотром, не выпуская наружу.

– А ты сама как думаешь?

Он вдруг встал со своего ректорского места, чтобы налить мне чай.

Я взяла в руки едва теплую чашку. Мой мозг пытался найти какое-то разумное обоснование, но почему-то все варианты сейчас казались мне крайне глупыми. Или милосердными. Или глупыми и милосердными. Но я решилась.

– Чтобы никто не решил из этой самой башни выпрыгнуть? – предположила я. Парсиваль так и остался стоять сбоку от стола, слегка присев на его край. Образ серьезного и сурового господина ректора пошатнулся. – Или потому что кто-то вроде меня, – я вспомнила кое-что, произнесенное при мне, – еще одна сильная фигура на политической арене?

Фигура, которой очень даже легко управлять, если так подумать.

– Почти верно, – кивнул Парсиваль. – Добавь к этому еще интерес жрецов Богини. Ты здесь инкогнито, насколько я помню, но если вдруг эта тайна откроется, с ними тебе предстоит столкнуться. И потом, тебе не кажется, что при всем том недоверии, с которым мой сын относится к некой ауре избранности, которой окружена ты и тебе подобные, ссориться с Богиней – это не совсем верный ход?

Я кивнула.

– Только вот вероятность твоей гибели в разы выше, чем у тех, кто был до тебя. Работа с магией – опасная практика. А все то, что происходит вокруг тебя, делает ее еще опаснее. С той, что была до тебя, – он кивнул головой в сторону, намекая на прошлое, – все решалось парой амулетов от ядов и простейшим контролем за тем, с кем леди общается и кому перешла дорогу. К счастью, та леди умирать не планировала. – Он криво усмехнулся. – Ей была интересна эта игра.

Дверь открылась, и в кабинет вошел бедняга Тео, очень нервный и словно расстроенный. В руках у него была черная папка с бумагами и пара не слишком толстых книг. На корешках блеснуло золотое тиснение букв, но разглядеть, что там было написано, я не смогла.

Кондор шагнул в кабинет следом и встал у двери, скрестив руки на груди.

Тео положил книги на край стола и, с едва скрываемым любопытством и каким-то оттенком раздражения зыркнув на меня, вышел, молчаливо поклонившись Кондору. Было в этом поклоне что-то если не неприязненное, то как минимум неловкое.

Не удивлюсь, если злая птица больно его клюнула.

– Зачем ты его вообще держишь? – Кондор подошел к столу, взял верхнюю книгу и, наскоро пролистав ее, протянул мне, раскрытую на конкретной странице. – Читай отсюда и еще три страницы, только внимательно читай, – сказал волшебник и сел в кресло. – И не вслух. Я знаю это наизусть.

Язык, на котором пишут законы и официальные письма, сух и полон кривой иносказательности, даже если его используют в ином мире, чтобы поведать о магии – точнее, о тех формальностях и правилах, в рамках которых протекает официальная жизнь некой магической академии. От неожиданности я моргнула, потому что не сразу поняла, с чем столкнулась.

А потом поняла.

Программа школы, которую я заканчивала, включала расширенный курс обществознания с уклоном в право, поэтому я немного умела переводить язык закона на язык обыденности. Не то чтобы мне это нравилось, но потом я не раз ловила себя на том, что эти знания оказывались полезными.

Вот как сейчас.

Зажав палец между страницами, я открыла титульный лист. Как я и догадалась, это был регламент, если точнее – «Уложение».

Кондор открыл книгу на главе, посвященной неофитам, таким же, как я, но на всякий случай я решила заглянуть в оглавление.

– Не доверяет, ты смотри...

Я зыркнула в сторону волшебника – младшего из двоих – и нервно заправила прядь волос за ухо.

В оглавлении больше ничего про неофитов не было.

– Нам незачем вам врать, леди Лидделл, или пытаться мошенничать, – ласково сказал Парсиваль, пока я вытаскивала из текста важные моменты.

– Получается, – спросила я, сверяясь с текстом, – что моим наставником должен стать кто-то из Галендора? Но я же все время буду находиться вообще в другой стране, и...

Кондор кашлянул и хитро посмотрел на меня:

– Нет, нет, даже не рассчитывай, что это буду я, – сказал он. – Не переживай, с формальностями разберемся. А расстояния, даже если они будут... Кажется, ты уже привыкла к тому, что в моем случае это не проблема, нет?

Не проблема, если так рассуждать.

– А тебя это не напряжет? – осторожно спросила я.

Он рассмеялся, откинувшись на спинку кресла, повернул голову в мою сторону, посмотрев прямо и со странной, едва ли не насмешливой, но не злой улыбкой. Парсиваль, кажется, тоже не просто так прикрыл рот ладонью.

– Леди Лидделл, – достаточно едко сказал Кондор. – Вам не надоело думать, что вы создаете больше проблем, чем есть на самом деле?

Мне очень хотелось сказать ему, что с его появлением вся моя жизнь превратилась в одну большую проблему, но я не стала.

– В конце концов, милая, – Кондор слегка нахмурился. – У меня есть перед тобой определенные обязательства, и меня не может напрягать, как ты выражаешься, то, что я их выполняю. Читай дальше. И спрашивай, если что-то непонятно.

Я читала.

Я читала все, что было написано в двух книгах, повторяя кое-что вслух, когда меня просили, задавая вопросы и пересказывая прочитанное своими словами. Это было похоже на странный экзамен, с одной стороны, – и на обработку клиента перед подписанием договора, с другой.

И если сначала мне было стыдно и страшно что-то не понять, не уловить, запутаться, то это быстро прошло.

Собирался лорд Парсиваль запирать меня в башне или нет – этого я не могла утверждать с полной уверенностью. Но он сделал все, чтобы здесь и сейчас я ему поверила, а выбора – верить или нет – у меня, к сожалению, не было.

«Впрочем, – подумала я, – если он сказал правду, то и у него самого нет особого выбора, потому что он и его сын зависят от меня, точнее – от моего благополучия – не меньше, чем я от них».

Вдоль спины снова проползла ледяная змейка.

– Я... Я закончила, – сказала я, закрывая вторую книгу – общие правила Академии, ничего необычного.

– Прежде, чем вы поставите на бумаге свою подпись, леди Лидделл, свидетельствующую о том, что вы ознакомились с Правилами и Уложением, я хочу, чтобы вы еще раз из моих уст услышали основные принципы, которых вы будете придерживаться. Для нашего общего блага. – Парсиваль посмотрел на меня чуть исподлобья с той строгостью, которая напомнила мне о его словах, произнесенных наедине со мной. – Первое. Вы говорите своему будущему наставнику, кто бы им ни стал, и Юлиану о любых странных вещах, которые за собой заметите. Слишком яркие или страшные сны. – Эта фраза заставила меня вздрогнуть. – Перепады настроения, необычные ощущения в теле, приступы слабости или эйфории. Все, что угодно, милая, что кажется вам странным или ненормальным для вас. И не стыдитесь ничего, – добавил он с доброй усмешкой. – Даже если придется говорить о том, о чем леди привыкают молчать. Во-вторых, во всем, что касается магии, вы следуете указаниям только троих людей. Меня. Юлиана. И того, кто станет вашим наставником. Любые другие мнения, методы и знания вы воспринимаете, анализируете, но используете с разрешения кого-то из нас троих.

Я коротко кивнула, понимая, что это как минимум мудро.

Если судить по «Ars Magica», то восприятие магии здесь было примерно таким, как в моем мире – восприятие, например, медицины. Были методы, которые не только шли вразрез с наукой, но и показались бы откровенно вредными любому здравомыслящему человеку. Тем не менее, находились те, кто свято верил в их эффективность.

– Третье. – Парсиваль вел кончиком пера над листом бумаги, не прерывая при этом речь. – Вы не рискуете собой, не лезете туда, куда не следует лезть, внимательно слушаете свою интуицию и при любом тревожном ощущении, например, чувстве, что за вами следят, идете в безопасное место. Такое внимание со стороны обитателей Изнанки к вам, милое нездешнее дитя, меня пугает, а если меня что-то пугает...

Знаю. Нужно бежать в ужасе и прятаться под кровать.

Я криво усмехнулась, сжав губы.

– Я поняла. Если мне скажут «Беги!» – я побегу так быстро, как я могу.

– Своевольная и несдержанная, – протянул Парсиваль, лукаво улыбаясь Кондору. – Кажется, у тебя какие-то проблемы с дипломатией. Или леди хорошо маскируется. Или слишком напугана.

Кондор промолчал. Если слова отца его сейчас задела, он никак это не проявил, скорее, принял замечание как данность.

– Прочитай и подпиши.

Мне протянули ту самую папку, на которой лежало несколько листов бумаги – плотной, цвета топленого молока, не то что белая и тонкая офисная бумага моего мира с острыми краями, о которые я постоянно резала пальцы.

Еще когда мы сидели у Дара, и я заполняла все документы, которые давали мне имя и право на существование в этом мире, я обратила внимание на эти мелкие отличия. Очень приятные отличия.

Интересно, а как они делают перьевые ручки?

Моя подпись вышла немного корявой. Рядом с четким острым росчерком лорда дель Эйве эти три закорючки, которые я изобрела в кабинете принца, смотрелись почти жалко. Более жалко, наверное, смотрелся бы только крест.

Я отдала договор Кондору и положила ладони на юбку, слегка сжав их коленями. Моя интуиция, к которой мне посоветовали прислушиваться, молчала.

– Поздравляю, леди Лидделл, – сказал Парсиваль, поднимаясь из-за стола. Я испуганно, как сонная птица, вскинула голову и поспешила тоже встать, чтобы пожать ему руку, закрепляя нашу сделку. – Я жду вас сегодня. Обоих, – добавил он в сторону Кондора. – Расскажешь леди все, что требуется, пока вы будете гулять по городу. Очень надеюсь, что Галендор понравится вам. – Острый прямой взгляд снова был направлен на меня, и я чувствовала, что мои пальцы в тепле чужой ладони начинают мелко дрожать. – Это формальная фраза, конечно, но у города богатая история. Только не замерзните, милая.

К счастью, он не предпринял попытки поцеловать мою руку.

Иначе, боюсь, от моих щек загорелись бы гардины на высоких арочных окнах.

Пока мы шли по коридору, спускались по лестнице вниз, на самый нижний этаж, к еще одним дверям, не менее тяжелым, чем те, которые вели в галерею со статуями, я пыталась убедить себя в двух вещах.

Что я все сделала правильно, потому что достойной альтернативы у меня не было.

И что я – не комнатная собачка, которую ведут на прогулку.

От нервов меня трясло почти до озноба, несмотря на пальто.

– Ты уверен, что оно нужно? – спросила я, стоя в просторном холле – таком же сером, как все здание, мрачноватом и величественном.

Одинокий световой кристалл, закованный в строгий плафон из множества мелких кусочков матово-белого стекла, свисал с потолка на цепи и чуть-чуть качался. Из ниш в стенах за мной наблюдали каменные глаза чудовищ и ученых мужей.

– Мы можем вернуться, – сказал Кондор. Его пальцы, обтянутые темной кожей перчатки, застыли на кованой дверной ручке. – Тебя ждет пара достаточно скучных часов в четырех стенах, а потом еще пара чуть менее скучных часов в других четырех стенах. А можем выйти отсюда, перейти тот мост, который ты видела из окна, и ты узнаешь еще немного об этом мире. И нет, меня это не напряжет, – чуть ядовито добавил он, угадав ход моих мыслей.

Цепочка, на которой висел амулет, холодила мне шею.

Кондор говорил с легкой полуулыбкой, за ней мне мерещилось почти детское ожидание приключения, и, в принципе, в словах мага была правда. Я кивнула – и он легко толкнул тяжелую створку двери.

Крыльцо и широкая лестница были покрыты тонким слоем снега, который лип к подошвам сапог, оставляя пустоты, и там, где мы прошли, обнажался серый мрамор. Снег пушисто укрыл перила и каменные фигуры грифонов, сидящих у основания лестницы и смотрящих прямо вперед на точно таких же грифонов около точно такой же лестницы в крыле напротив. Снег продолжал падать из низких серых небес, но где-то там, за оградой, за узкой лентой реки, в облаках виднелся просвет.

Рядом с крыльцом росли приземистые деревья, сучковатые, с черной корой и аккуратно постриженной кроной. Такие же деревья росли вдоль вымощенной брусчаткой дороги, ведущей от

центрального входа к воротам, но до нее пришлось идти по снегу, под которым была земля. И немного гравия.

Я накинула капюшон на голову, понимая, что вокруг несколько более промозгло, чем я хотела бы. Кондор сделал то же самое.

Снег сделал брусчатку скользкой, а опустевший в этот час широкий двор – совершенно белым. Ни цепочки следов, кроме нашей, ни пятнышка проталины, только черные деревья, черное кружево ограды и серый мрамор. Я обернулась, придерживая капюшон пальцами. На отдалении здание Академии казалось возвышенно-величественным и не мрачным, но строгим. Оно стояло полукругом: два крыла с галереями, высокая башня, зеленоватый купол которой был увенчан шпилем, а на последнем ярусе в огромных окнах отражалось небо.

– Это не единственный корпус. – Кондор сделал едва заметный жест рукой – и на моих удивленных глазах ворота с легким скрипом раскрылись, выпуская нас. – Есть еще четыре, немного других и для другого предназначенных. Но этот – главный.

– А расположены они, случайно, не пентаграммой? – мрачно попыталась пошутить я.

– Все верно.

– Однако, – растерянно ответила я и не менее удивленно пронаблюдала, как ворота закрываются.

Тонкие металлические полосы на пересечении перекладин пришли в движение и переплелись в затейливый узел, по-змеиному переползая с одной половины врат на другую.

– Есть ли у леди какие-либо пожелания к маршруту нашей прогулки? – Прежде, чем я опомнилась, Кондор успел совершенно хозяйски взять меня под ручку. – Если замерзнешь – говори, – мягко добавил он. Я заметила, что морок снова поменял цвет его глаз. – Любые вопросы. Ну, почти.

– Хорошо. – Я цеплялась за его рукав, боясь упасть, пока мы пересекали мостик. Лед потрескался, и в провалах виднелась темная вода. Я старалась не думать о другой темной воде. – Давай начнем с самого начала. Кто такая Присцилла? Почему ты не сказал мне, что ведешь меня к своему отцу? – Я сощурилась, понимая, что не могу, не имею права выдать то, что открыл мне Парсиваль. – В чем вообще моя ценность, раз мне оказана такая честь, которая, по тому, что я вижу,

оказывается немногим? – Я не удержалась от искушения добавить яда в этот вопрос. – Что за обязанности у меня появятся, если я приму предложение лорда Парсиваля? Как ты планируешь уладить проблемы с Ковеном... Да, ты не поверишь, я об этом помню! – чуть громче выпалила я, когда заметила удивление на лице Кондора. – Я слышала, о чем вы говорили с Герхардом.

– Проблемы с Ковеном уже улажены, – фыркнул он. – Догадаешься как, пряткая моя?

Я посмотрела на него удивленно.

– Ты навел их вчера? Именно с кем-то из Ковена был неприятный разговор?

– О нет, – он усмехнулся, довольный тем, что я все-таки не догадалась.

Мы застыли на небольшой площади, которая расположилась сразу после спуска с моста. Вокруг были невысокие дома: серо-коричневые каменные стены, кое-где покрытые пятнами лишайника, треугольные крыши, печные трубы, окна с витражами – единственные яркие пятна здесь. Людей я пока не видела, только птиц – воробьев и галок, и, кажется, куда-то за угол убежала пестрая кошка.

– Давай еще одну попытку, милая.

– Хорошо. Если твой отец такая важная птица... персона, то он должен быть связан с этой вашей магической властью, и...

– Верно. – Кондор, щурясь, смотрел вдаль, видимо, пытаюсь выбрать, на которую из трех узких улочек нам сейчас свернуть. – Не очень люблю такие громкие фразы, но моя семья, видишь ли, обладает определенным статусом, который не позволяет ей держаться в стороне от... назовем это управлением. – Он кивнул в сторону улицы, уходившей влево, а потом резко поворачивающей куда-то вбок. – Мой дядя, он... скажем так, он младше моего отца, но его родовая ветка выше нашей. В общем, он в Ковене. И я не могу сказать, что получаю большое удовольствие от нашего с ним общения. Даже если оно происходит не на официальном уровне.

– И вчера... – попыталась я.

– Нет, к счастью, мы с лордом Гилбертом дель Эйве видимся крайне редко. Я надеюсь, что вам с ним тоже не придется встретиться. Он... – Кондор на минуту замолчал. – Не такой, как мой отец.

– У тебя классный отец, – вдруг вырвалось у меня.

Кондор резко повернул голову в мою сторону, посмотрел с легким недоумением, но суть, кажется, уловил.

– У него есть свои недостатки, но мне сложно найти, в чем его упрекнуть. Ты ему понравилась, и значит, я в тебе не ошибся. Мой отец – прекрасный маг. И человек тоже неплохой.

Мы вышли на перекресток, посреди которого сквозь слой снега угадывались очертания розы ветров, выложенной из камней разных оттенков. Домики вокруг стали выше и изящнее, очаровательно-старинными, со стенами и перилами, увитыми сухой лозой, и такими разными дверьми, словно бы каждый житель стремился перещеголять соседа. Люди, появившиеся в поле моего зрения, не сильно обращали на нас внимание, даже несмотря на то, что я стояла с задранной головой и приоткрытым от восторга ртом.

– Гилберт – тоже прекрасный маг, – продолжил Кондор. Он стоял рядом со мной, засунув руки в карманы и наблюдая за миром вокруг и за тем, как меняется выражение моего лица. – Но карьера, порядок и респектабельность для него стоят выше всего прочего. Мне кажется, он часто забывает, что чародеем его делает магия, а не то место, которое он занял в обществе. – Кондор осторожно потянул меня за рукав, кивнув в сторону арки между двумя домами, за которой виднелась уходящая чуть вверх, на холм, узкая улица. – Не мне его судить. По крайней мере, не сейчас. Тебе не холодно?

Я отрицательно повертела головой.

Было, конечно, прохладно, но я слишком увлеклась разговором и созерцанием, чтобы придавать этому большое значение. Только сунула замерзшие руки в карманы, пусть с точки зрения этикета это было не очень прилично.

Правда, потом я вспомнила, что у меня с собой перчатки, и надела их.

– И то, что ты представил меня своему отцу, означает, что официально Ковен будет оповещен? – Я дождалась согласного кивка и продолжила: – А неприятный разговор? Нет, если это личное, то я не...

– Почти личное. Вернемся к вопросу, кто такая Присцилла. – Кондор шел легко, словно ни скользкая от снега брусчатка, ни легкий, но ощутимый уклон улицы ему не мешали. – Если есть что-то ужаснее надоедливых девиц, особенно – из соседнего мира, – он хитро покосился на меня, – то это тетушки, рядом с которыми требуется,

сохраняя доброжелательность, принимать их удушающую заботу и следить, чтобы они не вторглись в твою жизнь больше, чем следует. У тебя есть тетя?

– А? – не сразу поняла я и от рассеянности едва не проскользила в сторону. К счастью, меня успели схватить. – Спасибо. Нет, такой нет. – Моя тетя не отличалась особенной теплотой и участием в жизни племянниц, но ему об этом знать не обязательно. – Но у меня была бабушка. Правда, я ее, скорее, любила...

Предательское воображение моментально нарисовало мне Кондора, который старательно делает вид, что ему не скучно в компании уважаемых леди почтенного возраста. И, возможно, их более молодых племянниц. И так же старательно уделывается чаем, потому что сил его больше нет.

Мне стоило огромного труда не захихикать в воротник.

Если маг что и заметил, то не подал виду.

– О, я тоже очень люблю свою тетю Тересию, – сказал он не без сарказма. – Пусть она мне не родная. Это не мешает мне с определенного возраста держать некоторую дистанцию, потому что Тересия придает каждому явлению в моей жизни, о котором узнает, значение большее, чем я сам готов ему придать. – Кондор улыбался почти добродушно. Кажется, Тересию он действительно любил. Пусть и предпочитал любить ее на расстоянии. – Заботливые тетушки – половина беды. Тетушки, которые хотят устроить твою личную жизнь, беда куда более страшная. А Присцилла... это Присцилла. Она родная сестра Гилберта, и, думаю, они настолько похожи в проявлениях своей гордыни и так отличаются в ее истоке, что именно это – основная причина их взаимной неприязни.

Навстречу нам прошло несколько человек в одежде, похожей на ту, которая была на магах в Академии: строгие линии и черный цвет, ничего лишнего. Кондор проводил их взглядом и, взяв меня за руку, нырнул в узкий просвет между двумя домами – мне пришлось идти следом за ним, потому что двое здесь не разминутись бы.

Я не сразу поняла, сбегает ли мы от кого-то или срезаем путь, но за домами оказалось что-то вроде смотровой площадки. Или просто внутреннего дворика, с которого открывался замечательный вид на площадь, где мы недавно были. Я положила ладони на каменную

ограду, доходившую мне до пояса, не удержалась – и смяла липкий, подтаявший снег.

– Леди Присцилла, – сказал Кондор, искоса смотря на меня, – Слабый маг. Точнее, ее Талант немного иначе проявляется, чем у моего отца или дяди Гилберта. Она, как ее брат, тоже придает большое значение чести и респектабельности, но не из тщеславных соображений амбициозного существа, а потому, что она – истинная леди. Такой ее воспитали. Такой она пыталась воспитать мою сестру. – Он замолчал, словно пропустил какую-то фразу, которая логически должна была продолжить цепочку. – Я не могу упрекнуть ее в этом, как и в том, что мы с сестрой были для нее недостаточно... правильными. По некоторым причинам. Я не хочу сейчас о них говорить.

Я поджала губы, мечтая провалиться сквозь землю. Меня сейчас впускали в какой-то иной, чужой не в смысле чуждости, а в смысле принадлежности другому человеку мир, полный чужих тайн и скелетов в шкафах. И это было настолько неловко, что... пожалуй, мало что могло сравниться с этим.

– Наверное, она хорошая, – сказал Кондор куда-то в пространство. – И есть множество вещей, в которых я с ней абсолютно солидарен. Но, – он скривился, – почти каждая наша встреча заканчивается какой-то неприятностью. Иногда мне кажется, это потому, что мы с ней тоже в чем-то похожи. Буду надеяться, что сегодня все пройдет хорошо.

Я вскинула голову, перестав рассматривать снующих внизу по площади людей, и с тревогой посмотрела на Кондора.

– Я с ней встречусь?

– Конечно. – Он тоже перестал смотреть вдаль и повернулся спиной к прекрасным видам. – И это будет самое сложное испытание из всех, поверь мне.

Судя по его улыбке, он уже забыл о собственной неприязни к леди Присцилле и наслаждался предвкушением некоего забавного зрелища, которое ожидало его за обедом. Того, как одна глупая маленькая совсем не леди будет пытаться противостоять респектабельности и аристократизму.

– Не переживай так. – Кондор с усмешкой похлопал меня по плечу. – Тебя хотят лишь формально представить еще одному члену семьи, требовательному, но достаточно справедливому. Пойдем, где-то

наверху было место, где подают кофе. Тебе не мешает. Там поговорим обо всем остальном.

В смятенных чувствах я вложила свою ладонь в его и позволила увести себя назад, на уходящую вверх дорогу.

– А... – попыталась я, когда мы застыли перед ступеньками, ведущими в цокольный этаж, откуда доносились голоса и запах кофе и выпечки.

– Нет. – Кондор вздохнул так, словно бы я была его проклятьем. – Меня не напряжет.

Пустые гнезда

Раз уж речь зашла о воронах, стоит упомянуть слово, которое ассоциируется со всем их племенем: безжалостность.

Диана Сеттерфилд «Беллмен и Блэк, или Незнакомец в черном»

Когда люди были маленькими и жили, копаясь в земле и страшась ночных шорохов, они придумали себе богов – или боги явили себя людям как основу из основ, причину и следствие, отражение самой природы и ее древних законов, которым подвластна и жизнь, и смерть. Те боги не были жестоки, хотя сейчас кажутся именно такими: так жесток лес и речной омут, так жестоки ледники на вершинах гор и глубины морские, так жестока стихия лесного пожара, и февральский голод, и засуха, сжирающая посевы, и полуденный зной, и лед, и ветер.

Это было такое время, когда мир был полон клыков и когтей, и ночной тьмы, и отблесков костров, рядом с которыми жались друг к другу люди, слабые, как слепые котята. Но род человеческий креп и рос, и на смену камням и палкам однажды пришло железо, и крепкие стены из бревен отгородили костры от леса и от зимы. Человек начал брать, а не спрашивать, но он всегда помнил слова благодарности.

Так появились ритуалы – из способов договариваться, просить и благодарить ту Силу, которой подвластны ветер и тьма, огонь и течение рек.

Человек поднялся на ноги и осмотрелся, но не успел задрать нос – где-то на юге, на берегу теплого моря, которое не привыкло быть злым, появились белые ладьи, а на ладьях были создания, от которых шел Свет. Они говорили на певучем языке и называли себя разными именами, множеством имен, одно из которых было – eldar или эльфы, как стало привычно потом. Кто они и откуда пришли – тогда никто не знал, но их паруса не успели просохнуть, как началась новая эпоха.

У эльфов была своя магия, а еще у них были книги и знания, как строить каменные дома, защищенные от огня и гнили, как сделать сталь прочнее, как создавать стекло – тонкое, чистое, как делать его разноцветным и складывать в узоры, как разводить костер одним взглядом и как останавливать кровь и кашель.

Эльфы готовы были делиться и научить, как старший брат учит младшего тому, что знает сам. Их белокобые девы перебирали тонкими пальцами струны и пели, и люди шли на эти голоса, как раньше шли за болотными огоньками – в топь, к острым клыкам и когтям.

У эльфов не было ни клыков, ни когтей, они казались почти богами – ласковыми и милосердными, но за мягкостью слов и терпением старших братьев таилось коварство. Люди поняли это поздно, уже после того, как из-за белых стен Каэрии, возведенных людскими руками, к северу, к востоку и к западу шли отряды в сиянии ослепительного света, чтобы мир, куда эльфы пришли как гости, признал в них новых хозяев.

Были они жестоки? Не больше, чем жестока лоза, обвивающая дерево, чтобы расти и жить. Они не принесли ни новых богов, ни новых чудовищ, но сами становились чудовищами, стоило людям восстать против них. Старшие братья хмурились и наказывали младших, как хозяин наказывает пса, который вздумал рычать на него, – со всей строгостью и милосердием. Людские вожди, короли крошечных государств, которые тогда едва проклюнулись на этой земле, один за другим сдавались, и эльфы шли к западу – север уже принадлежал им, а с востока мешали горы.

Но и за горы потом пролегли их дороги.

Рабство стало платой за искусство строить дороги и стены из камня, в обмен на умение врачевать и жалкие крохи знаний об иной магии, о Силе, которой не нужны ритуалы и жертвы. Рабство не было тягостным, и тех, кто сам сдавался доброй воле захватчика, ждала сытая жизнь. Рабство длилось недолго – для эльфов, но слишком долго – для людей, и тот, кто принимал из рук Вечного Господина ритуальную чашу в знак смирения и благодарности, старался забыть, что прадед его прадеда мог пасть от руки, эту чашу дающей.

Годы стекались в века, века впадали в тысячелетия, и океан времени был спокоен, пока не появились Двенадцать.

Никто не знал, что свело их вместе, таких разных, и почему они называли друг друга братьями – и сестру свою звали сестрой. Слухи о них появились вместе со слухами о темных ладьях, ударившихся о самый западный берег, но была здесь какая-то связь – тоже никто не знает. Одни говорили, что Двенадцать были людьми, которым Древние боги даровали силы, чтобы спасти этот мир от вторжения. Другие –

что это сами Древние обрели плоть и кровь, а вместе с плотью и кровью обрели человечность. Третьи потом сказали и были, возможно, правы, что Двенадцать пришли из-за Грани миров, и все они – Странники, обреченные на безвременье и неприкаянность, ибо за прегрешения свои не могут они обрести дом ни в одном из миров.

Но кем бы ни были эти Двенадцать, они принесли людям свет знаний – не жалкие отблески чужого сияния, а истинный свет.

За это они стали Богами.

Легенды имеют свойство впитывать ложь, и эти новые Боги, когда-то жившие среди нас, превратились в кусочки историй о сотворении мира, о прошлых эпохах, о любви и о смерти, о том, как вести себя нужно и как не нужно, о прощении и милосердии, о жестокости и тщеславии, о людях и о нелюдях. Одни истории правдивы, другие – правдивы на треть, иные лгут до последнего слова – и лишь оно сохранило истину. Память людей короче их жизней и столь же хрупка, как листья старых книг.

Что-то забылось, что-то добавилось, правду уже с трудом отличают от вымысла, меняют ее, как хотят. Но законы магии все так же выше людских законов, а законы крови – выше законов магии, и если ты хочешь правды – спрашивай у тех, в чьей крови магии больше, чем в осенних туманах и огоньках над болотом.

В крошечном зале было темно и почти жарко. Грубо сложенный камин из серого камня давал достаточно тепла, чтобы мои замерзшие, почти занемевшие от прогулки по промозглому городу ноги начали согреваться.

В воздухе пахло можжевельником и кофе.

Когда мы зашли сюда, внутри не было почти никого, но сейчас становилось людно, словно бы вдруг каждому, кто проходил мимо, непременно нужно было спуститься на три ступеньки и выпить кофе.

Кондор спокойно наблюдал за тем, как я лью сливки в свой кофе, как редкие посетители жмутся поближе к огню, а потом оставляют на столе пустые чашки и несколько монет, как служанка охает и качает головой, если дверь за кем-то хлопнула слишком громко. Казалось, эти мелочи были для него поводом сделать паузу в разговоре, чтобы

подумать над ответом на очередной мой вопрос. Но потом волшебник вдруг осекся на полуслове и огляделся.

Я насторожилась.

Два человека в темных костюмах прошли мимо нас, не замечая никого вокруг – слишком были увлечены беседой.

Кондор проследил за ними, хищно щурясь.

– Старые знакомые? – тихонько спросила я.

Он перевел взгляд на меня и моментально сделал вид, что все в порядке.

– Не бери в голову, милая, – сказал он, пряча за чашкой с кофе странную улыбку. Сделав глоток, он поморщился и добавил: – Много кто здесь может меня узнать, если захочет, это может вызвать лишние вопросы, потому что, поверь, мою сестру здесь знают в лицо... И еще знают, что невесты у меня нет. И потом, – доньшко чашки чуть заметно звякнуло о блюде, – есть те, с кем я не хочу общаться. Поэтому если ты не против, то предлагаю покинуть это милое место быстрее, чем здесь станет слишком тесно. Нет, не торопись. – Кондор заметил, что я суетливо дернулась. – Пока все хорошо.

Я кивнула в знак согласия и одним глотком допила кофе.

Судя по тому, что Кондор успел поворчать, мол, как можно любить эту горькую гадость, свою чашку он сейчас выпил исключительно из вежливости и, может быть, для отвода глаз.

– То есть, Дюжина – это не то же самое, что и Хозяин зимы? – спросила я, сложив руки на столе.

Кондор кивнул.

За то время, пока мы тут сидели, Кондор выполнил обещание: он рассказал мне о некоторых особенностях местной религии. О важных особенностях. Без множества иносказаний, без сакрального придыхания или попыток вплести лишнюю мораль, как, к примеру, делал господин Эверетт из Адры, чью небольшую работу я пыталась читать в библиотеке Замка.

Просто и ясно – но, наверное, не совсем то, что следует знать простой девушке.

Скорее, то, что должен знать будущий маг.

– И ты говорил, что у Дюжины множество врагов, – продолжила я, нервно сглотнув. – Получается, что древние боги...

– Верно. – Кондор кивнул. – Почти. Никто из Дюжины не принадлежал этому миру, и это не то же самое, что Древние боги. Не силы природы, получившие воплощение. Но и не то же самое, что и мы с тобой, конечно, – он усмехнулся. – И с Древними у них были конфликты, или, если точнее, люди приписывали им эту борьбу. Ты услышишь много разных версий и вольна выбирать любую. Кроме запрещенных, конечно.

– А есть такие?

– Множество.

Я притихла.

– Если тебе будет интересно – расскажу. Как-нибудь. – Он подмигнул мне с видом сообщника. – В обмен на рассказы о твоём мире, конечно. Ты как-то спрашивала меня, кому молюсь я. Кажется, я предложил тебе самой догадаться...

Я кивнула.

– Успела подумать? – он улыбнулся.

Я помотала головой.

– Было не до того как-то...

Вопреки моим ожиданиям, Кондор не стал тяжело вздыхать или как-то еще показывать, что он разочаровался во мне, потому что я не хочу думать. Он даже улыбаться не перестал.

– Люди видят в Дюжине покровителей каких-то моментов в жизни. Или не жизни. Обычные люди, – пояснил Кондор. Он явно начал издалека. – У каждого из богов есть свои символы и предпочтения. И свои истории. Правдивые и не очень. Далеко не все деяния, которые пытаются приписать богам, действительно имели место в истории или были совершены кем-то из них. Вариантов одной легенды про создание Зеркала я находил пару десятков, и в каждом, веришь или нет, Богине приписывалась особая цель: от стремления создать Зеркало, которое будет показывать истинную суть вещей, до совершенно обыкновенного женского тщеславия.

– А на самом деле? – не удержалась я.

– Ты знаешь ответ, – сказал он и добавил, когда понял, что я все еще погружена в себя, – Мари, это ее личная дверь сюда, которой Многоликая по ей понятным причинам не пользуется. И, наверное, оно к лучшему.

Он поставил локти на стол и подпер кулаком голову.

«Действительно, – подумала я, – к лучшему».

Кто знает, чем сейчас обернется пришествие в этот мир одного из его богов?

Уж лучше будет кто-то вроде меня, слабый, ни черта не понимающий. Кто-то, кем можно выгодно управлять, если, конечно, он не преподнесет пару неприятных сюрпризов своим просчитавшимся кукловодам.

Я прикусила нижнюю губу, стараясь не злиться от обиды.

«Все-таки, – думала я, разглядывая кольца на руке волшебника, – если отбросить в сторону желание считать свою гордость уязвленной от попытки меня использовать, зла мне не желали. И другим – тоже не желали. Наверное».

– Каждый из двенадцати, – продолжил Кондор, видимо, решив, что вопросов у меня пока больше нет, – был сильным магом. Что бы там ни пытались обычные люди придумать на этот счет. Но люди признают семерых, – пояснил он. – Остальных, включая Богиню, не считают покровителями магии.

– Я сейчас запутаюсь, – призналась я.

– Ничего страшного. Для того, кто не вырос здесь, это сложно, понимаю. – Кондор ободряюще улыбнулся. – Именно эти семеро считаются теми, кто научил людей магии. При этом каждый из них в свое время совершил какой-то поступок, который можно было бы назвать подвигом. Ну, опять же, – его улыбка превратилась в усмешку, – так принято считать.

– А остальные пять себя не проявили?

– Почему? Проявили, но не так ярко. Видимо, поэтому люди решили, что им можно оказывать чуть меньше почестей. – Кондор снова оглянулся на прочно засевших рядом с камином магов, нахмурился и, вытащив из кармана монеты, перехватил взгляд служанки и кивнул ей, мол, забирай. – Пойдем?

Это был не вопрос, а приглашение.

Я покорно влезла в пальто, которое он мне подал.

Покидать немного душноватую, но полную приятных запахов теплую комнату, чтобы выйти в зимний день, который сейчас стал еще более хмурым, чем был до этого, не очень-то хотелось, я успела пригреться. Но пришлось встать и идти.

– Не злись, милая. – Кондор придержал мне дверь. – Раз уж мы, наконец, дошли до моей веры, я должен тебе кое-что показать.

– Я не злюсь, – ответила я. – Подожди. – Я замерла в паре шагов от дверей и сунула руки в карманы пальто. – Ты же собирался рассказывать мне о своей семье и всем таком.

– Я веду к этому. Хотя тебе может показаться, что слишком окольными путями, – хмыкнул он и, смерив меня оценивающим взглядом, неодобрительно покачал головой. – Леди не ходят, держа руки в карманах, Мари.

– Я мерзну, – попыталась отбрехаться я, но наткнулась на довольную улыбку-оскал.

– У тебя есть перчатки. Надевай их и пойдем дальше.

– Школы магии, – сказала я себе под нос, но меня услышали.

– Скорее – методы. И склонности.

Да, так было вернее.

Я смотрела, как тяжелые комья снега налипают на мои сапоги, пока мы идем по брусчатке куда-то, не знаю куда, и пыталась понять.

Их было семеро. Первый, самый главный, стал олицетворением власти и силы изменять реальность. Второй показал людям, что магия – искусство. Третий исцелял и общался с мертвыми, четвертый заставлял иссохшую землю цвести, пятый вселял волшебство в простые вещи, шестой открывал двери в пространстве.

Седьмого звали Бранн, и он научил людей волшебству.

– По легенде Бранн отдал себя этому миру, растворившись в туманах, его кровь с дождевой водой впиталась в землю, сделав ее священной. Вот в эту землю, – ухмыльнулся Кондор, указав пальцем себе под ноги. – В ту самую, на которой был основан славный город Галендор, первый оплот людей, наделенных Талантом. Кто-то верит, что не будь Бранна, никто из Двенадцати не захотел бы делиться ни знаниями, ни силой. Кто-то считает, что он слишком сильно полюбил этот мир и решил стать его частью. Так или иначе.

Кондор взял меня за руку впервые с того момента, как мы снова оказались на улице, и утянул куда-то в сторону, выводя через одному

ему заметный переулочек на тихую площадь с фонтаном-чашей посередине – конечно же, молчащим и полным снега.

– Так или иначе, в этом городе Бранна чтят выше остальных его братьев, пусть кто-то из них был сильнее, а кто-то мудрее, – добавил он. – Мы пришли.

Он показал рукой куда-то в сторону, и я посмотрела туда. Между домами, жавшимися друг к другу вокруг площади, была каменная плита, словно бы вросшая в землю, очень старая, с какими-то буквами и узорами, почти затертыми, заросшими мхом, высохшим и замерзшим. Плита была частью стены, более новой, высокой – я не смогла бы разглядеть, что за ней скрывалось. Стена переходила в стену одного из домов, ничем, в принципе, не отличавшегося от десятка остальных. Его деревянная дверь была негостеприимно закрыта, но в фонаре, висевшем над крыльцом, очень ровно и ярко горела свеча.

– Могила, – догадалась я и перевела взгляд на Кондора.

Кондор попытался улыбнуться и покачал головой:

– Его могилы нет, есть только этот камень рядом с храмом. Нет, внутрь мы не пойдем, – он перехватил мой взгляд на дверь. – У местных жрецов свои ритуалы, и я не хочу им сейчас мешать. Если тебе интересно, за стеной скрыт спуск в Нижний город. – Кондор приобнял меня за талию и чуть подтолкнул в сторону стены. – Катакомбы здесь небольшие, но очень древние. Дай мне руку, – сказал он, словно бы не держал меня за запястье сам, и стянул с моей руки перчатку.

Прикосновение к камню обожгло кожу холодом, острые неровности впились в подушечки пальцев, кольнули их, ногти неприятно царапнули тонкий слой наледи.

– Не бойся. – Мужская ладонь легла поверх моей, не давая отдернуть руку. По сравнению с камнем, кожа Кондора сейчас казалась почти горячей. – Можешь закрыть глаза. Если доверяешь, конечно.

Я доверяла – не столько по собственному выбору, сколько потому, что выбора у меня не было.

С закрытыми глазами было очень сложно не думать о чужой руке у меня на талии и о сократившемся до предела расстоянии – оно сейчас было настолько крошечным, что я чувствовала чужое тепло, запах, и даже дыхание, которое касалось моих волос.

– Вот поэтому я не берусь учить девиц, – с какой-то демонстративной усталостью сказал Кондор. – Вы в важные моменты думаете совсем не о том, о чем надо. У тебя все на лице написано, милая.

Мое лицо еще более красноречиво покраснело.

А потом я почувствовала, как руке, лежащей на камне, становится тепло. Пальцы словно оказались рядом с открытым живым огнем – не обжигающим, но согревающим. Я было дернулась от неожиданности, но мне не дали отстраниться.

– Говорю же, не бойся.

– Это что?

Я открыла глаза: ощущение тепла никуда не делось, хотя внешне ничего не изменилось.

Показалось только, что похожий на янтарь камень в кольце Кондора, таком же, как и у его отца, слегка светился. Я моргнула.

– Почти чистая сила. Ее здесь так много, что хоть ладонью черпай и радуйся. – Кондор улыбался. – Если умеешь, конечно, и можешь справиться с таким потоком. Твоим управляю я.

Сейчас немного потерпи.

– Что... ой!

Мое запястье свело, будто бы я его перенапрягла, и тут же тепло поползло по руке вверх, обжигая ладонь – у локтя я уже почти не чувствовала этот жар.

Голова начала слегка кружиться, мир вокруг поплыл.

– Хватит с тебя. – Кондор развернул меня к себе и, сложив мои непослушные, едва гнущиеся пальцы в кулак, обхватил его ладонями – со второй своей руки он так и не снял перчатку. – Пользоваться не сможешь, но то, что подпортил Хозяин Зимы, немного восстановишь. Эй, милая! Ты жива?

Жива я была, только мир вокруг все еще качался и плыл, и откуда-то издалека доносилось карканье – хриплое и грубое, похожее на смех.

Я еще раз моргнула и встряхнула головой.

– Жива. – Я с сомнением посмотрела на руку, сжимая и разжимая кулак. – Зачем это было нужно?

Кондор протянул мне мою перчатку:

– Хотел показать тебе, с чем ты будешь иметь дело, если примешь предложение моего отца. Ну и восстановить тебя немного, раз уж мы

здесь. Головокружение пройдет, – попытался он меня утешить. – В остальном ты даже в большем порядке, чем была утром.

Головокружение действительно проходило, я даже смогла задрать голову, чтобы посмотреть, как темно-серый камень стены выглядит на фоне бледно-серого зимнего неба, набрякшего снежными тучами. Птиц вокруг не было. Даже на фонтане.

– Получается, что Бранн – это тот из богов, которого выбрал ты? Почему?

– Не так. – Кондор заложил руки за спину и точно так же, как я, посмотрел вверх. На его лице сейчас было такое выражение, словно он хотел открыть мне какую-то очень важную тайну, но опасался, что я не оценю всей торжественности момента. – Сложно сказать, кто кого выбрал, если твой покровитель – основатель твоего рода, – сказал он почти тихо.

Так не в дальнем родстве с богами признаются, а... не знаю, говорят о чем-то неизбежном, немного стыдном, но уже принятом, как юношеский максимализм или неудачная первая влюбленность.

Вроде как оно есть – и этот факт уже не исправить, пятно с репутации не стереть, приходится как-то жить с этим.

Я открыла было рот, но промолчала, таращась на Кондора во все глаза.

Если до этого момента в моей голове была хоть какая-то картина мира, сейчас она снова разрушилась.

«Фамильная черта, леди».

«Моя кровь – штука слишком ценная, чтобы тратить её на ерунду».

Его: «Вот и не надо пытаться, милая», – сказанное Видящей в лицо, когда она побледнела, разглядев что-то такое вот.

Пугающее.

У него была причина считать себя выше других, однозначно. Была причина относиться к Герхарду и ему подобным с покровительственным презрением. Держать дистанцию с кем-то вроде меня. Наверное, у него даже была причина фамиллярничать с кронпринцем. И уж точно у него были причины не хотеть, чтобы его узнавали. Не ради меня и во избежание лишних вопросов. Ради себя самого.

Я вдруг перестала дышать, подумав о том, что этот человек – или теперь его считать не совсем человеком? – может значить для этого мира, что ему может быть позволено, и что он сам себе позволяет.

«Куда меньшее, чем мог бы», – думала я.

– Такое родство, конечно, накладывает определенные обязательства, – продолжил говорить Кондор, глядя куда-то в стену. Он словно избегал смотреть на меня. – Я вырос уверенным в том, что сила, власть и знания даны мне не для того, чтобы использовать их в целях... хм... самовосхваления. Я очень надеюсь, что у меня получается следовать этому принципу, – сказал он чуть тише, обращаясь не ко мне. – Когда отец сказал, что рассматривает патронат над тобой как один из вариантов, я очень сильно удивился.

– Я понимаю, – очень хрипло сказала я.

– Нет, ты не понимаешь. – Кондор обернулся ко мне. На его губах была кривая и горькая усмешка. – Я могу относиться к тебе хорошо, потому что ты... – Он задумался, будто бы подбирал необидные слова. – Потому что ты хорошая и милая, пусть и доставляешь массу проблем. Мне нравится твое любопытство и забавляет то, как ты смотришь на мир, я готов признать, что этот опыт куда приятнее предыдущего, несмотря на события последних дней. Но одно дело – опекать и защищать тебя, а другое – впустить тебя в семью. Я был против, – честно признался он. – Я против до сих пор. Нет, не потому что считаю тебя недостойной этого. – Он замялся. – Будет вернее сказать, что я никого не считаю достойным.

Утешил, спасибо.

Я стояла, сжавшись от странной смеси страха, чувства собственной вины – неважно за что, за все сразу – и невероятного ощущения полнейшего одиночества.

Наверное, впервые за эту неделю я могла дать название тому, что я чувствовала здесь и сейчас каждую секунду, где-то глубоко-глубоко, потому что прочие страхи, радости и заботы вытесняли это.

Я была некстати. И чем дальше, тем более некстати я была – девочка-проблема, появившаяся из ниоткуда, разрушившая установленный и привычный порядок вещей, вечно попадающая в беду в самый ненужный момент, вынуждающая всех нарушать правила и планы.

И самое главное, что я теперь знала, – мое «некстати» могло поставить под угрозу чужую жизнь.

Вот это осознание было, наверное, еще невыносимее моего одиночества.

– Но то, что я считаю, это только мое личное дело, и я не стал протестовать. Это верное решение. – Мне показалось, что Кондор до сих пор уговаривал сам себя. – Только вот это тот случай, когда формальности исключены. Ты получишь очень, поверь мне, очень многое, но кое-что будешь должна. Не мне и не моему отцу. Мари? – Он, кажется, понял, что молчу я совсем не потому, что внимательно, очень внимательно его слушаю. – Тебе никто не говорил, что плакать на зимнем ветру – не лучшая идея?

С усталым вздохом Кондор протянул мне очередной невесть откуда взявшийся платок. Если до этого момента я хоть как-то пыталась сдерживаться, даже носом не шмыгала, то этот жест заставил меня окончательно утратить самообладание.

Мне, наверное, многое сейчас хотелось сказать, но слезы сжали горло, и я молчала, пытаюсь успокоиться. Потому что было очень стыдно – за свои слабости и саму себя.

Только вот оставлять меня наедине с собственными демонами никто не собирался.

– В чем дело? – Кондор положил руки мне на плечи и попытался заглянуть в глаза. Неудачная попытка, потому что я замотала головой и снова уткнулась в платок. – Нет, я вижу, что опять тебя задел. Я не хотел, правда. Чем бы ни обидел, поверь мне, я не хотел. – Он привлек меня к себе, тяжело вздохнув. – Если ты скажешь, что я сделал не так, я все исправлю.

– Не ты, – всхлипнула я, упершись ладонями ему в грудь.

– Ну, хоть что-то.

– Это я все порчу.

Как-то это глупо прозвучало.

«Поздравляю, милая, – подумала я злорадно, – вот ты и сорвалась».

– Замечательно, – холодно сказал Кондор, и у меня сердце в пятки ушло от страха, что я окончательно все сломала. – Самая прекрасная фраза, которую я слышал от плачущих женщин, и ты ее, наконец, сказала. Посмотри на меня. – Он чуть дотронулся пальцами до моего

подбородка, и я не смогла послушаться. Взгляд Кондора был обманчиво спокойным, словно бы это спокойствие сейчас стоило всей его силы воли. – Ты не виновата ни в чем. Запомни это раз и навсегда. Если ты будешь не права, я первым тебе об этом скажу и, как ты понимаешь, скажу прямо. – Он смахнул слезинку с моего носа. – А теперь я жду правды. Что случилось?

Я судорожно вздохнула, пытаюсь придумать подходящую правду, и, чувствуя, как пересохло во рту, выпалила первое, что пришло в голову.

То, из-за чего я плакала вчера ночью.

– Я чужая. Всем. Тебе, Ренару, твоему отцу. – Я зачем-то смотрела вниз и чуть в сторону, за его плечо, боясь поднять взгляд. – Принесла с собой неприятности для всех, ломаю... все ломаю, – пришлось снова вздохнуть, чтобы не заплакать.

Кондор, кажется, хотел возразить, но не стал и позволил мне высказаться.

– Все должно было быть иначе, как ты говорил. Побегала бы по вашим балам и ушла. А теперь мне кажется, что ваш мир прорастает через меня.

Его ладонь легла на мой затылок и взъерошила волосы.

– Так и есть. Прорастает.

– И у меня такое чувство, словно я пришла в твой дом, съела твой ужин и согнала с любимого кресла твоего кота, – я вздохнула и позволила себе ткнуться лбом в Кондора.

До плеча не дотянулась.

– Будем считать, что я скриплю зубами, но чту законы гостеприимства, – фыркнул волшебник у меня над ухом. – Нам точно нужно серьезно поговорить, Мари, но сейчас такой возможности нет. – Он выпустил меня из объятий, ставших вдруг из неловких слишком уютными. – Вечером мы вернемся домой, и я отдам свое плечо, платок и жилет в твое полное распоряжение. А пока окажи мне одну услугу, ладно?

– М?

Я вскинула голову и, наконец, смогла посмотреть Кондору в лицо, не рискуя разреветься.

Показного спокойствия в его взгляде уже не было.

– Побудь сильной девочкой еще несколько часов. У тебя очень хорошо получается, – Кондор смотрел на меня с тревогой.

Я кивнула и выдохнула, чувствуя, как после вспышки эмоций стало немного легче.

– Вот и хорошо.

В наступившем молчании я слышала, как где-то завывает ветер.

– Мы остановились на том, что я получу и что буду должна, – напомнила я.

– А, да! – Кондор небрежно одернул воротник пальто. – Ты получишь защиту – в первую очередь. Настолько сильную, что я даже не могу ее ни с чем сравнить. Вместе с ней – некоторые привилегии, правда, я не советовал бы злоупотреблять ими в твоем положении. Это не абсолютная неприкосновенность. – Он посмотрел на меня, склонив голову набок. – Скорее, знак, что любое посягательство на твою жизнь или свободу со стороны кого бы то ни было будет считаться посягательством на интересы моей семьи.

«Это, конечно, не означает, что я могу подставляться», – подумала я.

– А должна ты будешь, – Кондор подхватил меня под локоть и подтолкнул в сторону выхода с площади, – то, что можно определить как преданность и послушание. Это не рабство и не служба, это... хм... лояльность, наверное, так.

– Как-то вы... быстро взяли меня в оборот, – вырвалось у меня.

Я прикусила губу, боясь, что сейчас меня окатят презрением, но нет – маг только хмыкнул и кивнул.

– Мы не смогли придумать ничего надежнее и лучше. В данный момент и в наших обстоятельствах. Не бойся. – Он с улыбкой похлопал меня по плечу. – Никаких кровавых ритуалов и смертельных клятв. Ты нездешняя, привязывать тебя к этому миру сильнее, чем требуется, опасно и, хм, неправильно по отношению к тебе.

Я очень хотела сказать, что мне неправильным казалось одно мое присутствие здесь, но не стала.

Можно было бы посетовать на судьбу, которая выдрала меня из обыденности и закинула в незнакомый мир, но были здесь вещи, к которым я начинала привязываться. Чужая я здесь или избранная, мне только что дали понять, что одну меня не оставят.

Слабое утешение, если учесть, во что я втянута, но хоть что-то.

– Как это произойдет? – спросила я, вытащив из хаоса мыслей нужный вопрос.

– Получишь в подарок зачарованное украшение, – оскалился Кондор. – Наверное, даже сама выберешь.

– Вроде кольца, например? У вас с отцом одинаковые.

– О, нет, но близко к тому. – Он покосился на меня с одобрением на лице. – Похвальная наблюдательность.

– Сложно не заметить. – Я пожала плечами. – А если я потеряю? Знаешь, я никогда не носила дорогие украшения, и...

– Такие вещи не теряются. Это не железки в твоём ухе.

– Вообще-то, это было серебро, – фыркнула я и набросила капюшон на голову – не потому что замерзла, скорее, от смущения.

Я вытащила все свои серьги накануне праздника, хорошо понимая, что такие украшения могут привлечь совершенно ненужное мне внимание, но сейчас захотелось вернуть все на место просто назло этой вредине.

– М, хорошо, серебро. – Кондору явно было все равно. – Но это было просто серебро. Вещи с нужными чарами не теряются, их нельзя украсть и трудно сломать, можно только снять и отдать добровольно. Нет смысла переживать на этот счет.

Говорил он так, словно бы прописные истины надоедливому ребенку объяснял, хотя, наверное, так оно и было – а мне следовало бы догадаться обо всем самой.

– Хорошо, не буду, – пообещала я, решив про себя, что постараюсь выбрать что-то максимально скромное и неприметное.

– Еще одна вещь, Мари, – сказал Кондор прежде, чем я успела сформулировать новый вопрос. – Я на всякий случай напоминаю. Приглашение сделано не просто из вежливости или для того, чтобы подчеркнуть симпатию и заинтересованность. И даже не столько для того, чтобы ты посмотрела на то, что тебя ждет. Мой отец вправе самостоятельно принять решение, но он в любом случае должен представить тебя другим членам семьи, которые находятся под его ответственностью. Не пугайся. – Кондор ободряюще пожал мои пальцы. – Просто помни, что я все время буду рядом и не дам тебя в обиду. Если при этом не перепутаешь столовые приборы, будет просто замечательно.

Я улыбнулась, а он продолжил:

– Я не сомневаюсь, что Присцилла попытается как-то тебя проверить или другим способом проявить свою власть, поэтому что бы она ни сказала, не бери это в голову. И готовься к тому, что ты будешь больше отвечать, чем спрашивать.

– Я поняла.

– Если вдруг поймешь, что не знаешь, как лучше ответить, я помогу, – он улыбнулся мне вроде бы светло и уверенно, но мне показалось, что за этой маской было что-то тревожное.

Когда мы свернули с улицы и прошли под какой-то аркой, старой, с торчащими из стен креплениями для фонарей, я вдруг поняла, что было не так, и чуть не споткнулась, попав носком в расщелину между камней. Пришлось сваливать все на врожденное отсутствие грации, прикусив язык, чтобы не задать вопрос, который я задавать не хотела – словно чувствовала, что нельзя, что это запретная для меня территория.

Потому что если бы Кондор хотел упомянуть мать, он бы ее точно упомянул.

Улица спускалась пологой лестницей и была настолько узкая, что, казалось, если двери стоящих друг напротив друга лавок откроются одновременно, протиснуться между ними сможет разве что ребенок или собака.

Скаты крыш выдавались вперед, и от неба оставалась только узкая серая лента. Хлопья снега, пока еще редкие, лениво падали на каменные ступени и почти сразу таяли. Было чувство, что я вдруг оказалась в каменном мешке.

Чтобы не поскользнуться, я держалась за рукав Кондора – ни рукав, ни его владелец не протестовали. Это давало возможность глазеть по сторонам, не боясь свернуть куда-то не туда.

Улица была торговой, и за темными стеклами витрин скрывались целые миры, иногда до обидного банальные – вроде магазинов готового платья или специй. Наверное, я ожидала, что в городе магов все лавки будут полны оккультных штук: хрустальных шаров, сушеных трав, склянок с пылью фей и дохлыми змеями и человеческих черепов в ассортименте. Но нет. Ни старцев с посохами

и в мантиях, ни островерхих шляп на каждой встречной леди, ни даже тебе черных котов, нахально смотрящих на тебя со ступенек и из окон.

Людей было не слишком много и от жителей той же Йарны (с чем мне было еще сравнивать?) они отличались разве что фасонами одежды и чуть иной манерой держаться – немного отстраненной, словно бы им не было дела ни до чего, кроме некой цели, которая ждала их впереди.

Я исподтишка разглядывала прохожих, пытаюсь осмыслить свалившиеся на меня знания, прохожие иногда поглядывали на меня.

– Тебя выдает взгляд, – неожиданно сказал Кондор, молчавший ровно с того момента, как мы оказались здесь, на этой улице

– Любопытный?

– Слишком. – Он покосился на меня с тонкой полуулыбкой. – Ты не ищешь выгоды, не делаешь вид, словно тебя невозможно ничем удивить, не оцениваешь. Ты наблюдаешь, потому что тебе интересно. – Это было сказано без оттенка иронии или осуждения. – Но тебе не помешало бы иногда смотреть не только вверх, но и под ноги, – добавил Кондор и улыбнулся чуть ехиднее. – Вдруг рядом не будет никого, на чей локоть ты сможешь опереться?

Я не успела придумать достойный ответ, даже не поняла. обвинили меня в рассеянности или просто предупредили, что наивно распахнутые глазки могут однажды не заметить чего-то важного.

Мимо пролетела стайка галдящих мальчишек лет так десяти, обогнула нас, чуть не задев, словно мы были не более значимы, чем бочки или ящики, стоящие у стен и порожков. Мы остановились, и Кондор, до сих пор не слишком интересовавшийся вывесками и витринами, вдруг с заинтересованным прищуром задрал голову.

Дверь, как и многие другие двери здесь, была необычная – темно-зеленая, двустворчатая, с цветным окошком витража справа и латунной ручкой-цветком. А вот металлическая табличка, висевшая на стене сбоку, ничем не выделялась: темный прямоугольник с вытравленными на нем буквами «Шамас Рафerti, минералы и талисманы».

Я проследила за взглядом Кондора – маг смотрел на висевший над дверью фонарь, внутри которого едва заметно мерцали три кристалла: прозрачный, похожий на горный хрусталь, бледно-лиловый и алый. Я чуть подалась в сторону, пытаюсь заглянуть в окно лавки, но увидела только полки, заставленные какими-то коробками и ящиками.

– Вот ты где теперь, – сказал Кондор себе под нос. – Мари, если не против, мы зайдем?

– А... Нет, я только за!

Хотела лавку чудес? Получи и распишись!

Внутри было достаточно тепло, немного сумрачно и не так интересно, как мне бы хотелось. И пусто – хозяин будто бы не боялся ни посетителей с не слишком хорошими намерениями, ни упущенной выгоды. Точнее, через спинку стула был перекинут зеленого цвета сюртук, намекая, что это место занято, но продавца не было видно.

Будь я одна, я бы развернулась и ушла, но Кондор на мой вопросительный взгляд улыбнулся и велел подождать немного. Я пожалала плечами и пошла осматриваться: самым притягательным предметом здесь оказалась этажерка со шкатулками, статуэтками и кристаллами – некоторые вещи были подписаны, правда, названия мне ничего не говорили.

Трогать что-либо я очень боялась, вдруг испорчу, поэтому, заложив руки за спину, пыталась созерцать.

Долго скучать мне не пришлось: несколько полок за прилавком, намного менее притягательных, чем эта несчастная этажерка, вдруг отъехали в сторону, впуская в лавку человека – не слишком высокого мужчину, седого, казавшегося немного растрепанным из-за густых вьющихся волос, остриженных чуть выше плеч. В руке он держал яблоко, которое, собственно, попытался надкусить, но увидел Кондора – и яблоко тут же было забыто и оказалось на деревянной столешнице.

– С ума сойти! – с притворным удивлением сказал этот человек, выходя из-за прилавка. – Кто почтил своим вниманием лавку бедного старого Раферти!

– Я тоже рад тебя видеть, Шамас, – с теплом в голосе ответил Кондор и крепко пожал протянутую ему руку. – Мне говорили, что ты работаешь на Моранн, и я уже не думал, что увижу твою дверь.

– Ах, Моранн, – Шамас запрыгнул на прилавок и удобно сел, упираясь в пол носками туфель. – Эта стерва хороша, как торфяной виски, и так же ужасна, если перебрать. А кто это с тобой такой пугливый? – Он наклонился в сторону, прямо посмотрев на меня, застывшую в тени и тихую, как мышка. – Иди сюда, милая. Хочешь конфетку? – Он чуть отклонился назад, с невероятной грацией сохраняя баланс, и вытащил из-под прилавка с той, другой его

стороны, открытой только продавцу, жестяную коробку. – Откуда у тебя это чудо, Птица?

Кондор чуть приобнял меня, словно заметил мое замешательство, при виде коробки с карамелью достигшее своего предела, и попытался оградить от этого странного человека, сидящего на прилавке едва не болтая ногами в воздухе.

– Издалека, – сказал он Шамасу с ехидцей в голосе. – До Изумрудного острова слухи не доходили?

Шамас развел руками:

– Как под холм на семь лет ушел, ни новостей, ни сплетен. – Его глаза, оттенок которых я в полумраке разобрать не могла, вцепились в меня с лукавым любопытством. – Хотя постой, что-то мне тут такое говорили про сына Мастера Парсиваля, который на что-то такое согласился, и... Великая честь для меня, если ты привел сюда «её». – Шамас улыбнулся и почтительно кивнул, глядя прямо мне в лицо. – Но если леди не против, с прилавка не слезу.

– Я не...

– Бери конфету. – Он подмигнул мне и кивнул в сторону открытой коробки. – Ты выглядишь как обычная девочка. Подойди.

Я замотала головой, вцепившись в рукав Кондора.

Этот тип, с его манерой говорить и вести себя, пугал меня странной фамильярностью, похожей на легкое безумие. Шамас рассмеялся, Кондор тоже хмыкнул, но все-таки предостерег своего знакомого:

– Ты переигрываешь.

– Несомненно. – Шамас выпрямился и стал чуть серьезнее. – Но ты забыл нас представить. Ты так и не научился соблюдать все формальности.

Он выжидающе замолчал, с вызовом глядя на нас.

Кондор, кажется, хотел как обычно раздраженно закатить глаза, но не стал – хмыкнул, улыбнулся и с подобием шутовского поклона явно неохотно выдал:

– Леди Мари Лидделл, позвольте представить вам Мастера Шамаса Раферти, лучшего из всех ювелиров, которых я встречал. – Он с теплой улыбкой кивнул Шамасу. – Господин Раферти, это леди Мари Лидделл, гостя из другого мира и моя подопечная. Невероятно горд представить вас друг другу, – добавил он не без сарказма в голосе. –

Но, Шамас, ближе к делу. Если ты думаешь, что я зашел просто по старой дружбе, то...

– Если бы я так думал, я бы сказал, что плохо тебя знаю. – Шамас словно бы утратил нарочитое сумасбродство. Он въедливо разглядывал меня, потирая пальцами короткую седую бороду. – Я не столь давно здесь и не могу сказать, что уже обжился и наладил связи со старыми поставщиками, поэтому если тебе нужно что-то специфическое...

– Нет. – Кондор покачал головой. – Не думаю, что специфическое. Действенный амулет для распознавания ядов у тебя найдется?

– Ха! – Шамас торжествующе откинул голову чуть назад. – Этого добра у меня еще со старых времен полно. – Он моментально превратился из старого приятеля в продавца, зашел за свой прилавок и, на пару секунд задумавшись, потянулся к одному из ящиков. Для этого пришлось встать на цыпочки. – Что именно нужно? Маятник? Кольцо? – Шамас развернулся к нам и поставил на прилавок шкатулку. – Тебе или твоей спутнице?

– Мне-то зачем? – фыркнул Кондор, подталкивая опешившую меня вперед. – Придворная жизнь, милая, штука опасная. Ты же правша, я правильно помню?

– Д-да... – Я рассеянно позволила ему стянуть с моей правой руки перчатку. – Подожди. Ты что собираешься делать?

– Обезопасить тебя и себя заодно. – Маг открыл шкатулку и деловито уставился на ее содержимое. – Если уж есть возможность получить работу лучшего мастера в этой стране, то я ею воспользуюсь. Можешь не пытаться сопротивляться.

Он покосился на меня.

Шамас стоял, опираясь локтями на прилавок, и наблюдал, как я смущаюсь.

– Впервые вижу такую картину, – прокомментировал он происходящее. – Чтобы женщина отказывалась от красивых камушков. Вы только гляньте, леди! – Он повел рукой в сторону россыпи колец, подвесок и прочей ерунды, которая была в шкатулке. – Неужели ничего не нравится?

– Нравится, – сдержанно ответила я, потому что не могло не нравиться. – Очень.

– Ну, хоть что-то, – рассмеялся Шамас.

– И так со всем. – Кондор вздохнул. – Леди очень переживает, что разорит меня или казну Иберии. Наверное, дай ей волю, она бы постаралась питаться солнечным светом, но, к счастью, еда – это то, в чем мы пришли к компромиссу.

– Я старалась быть самодостаточной, – призналась я, глядя на улыбающегося Мастера-ювелира. Он заулыбался еще больше. – Не люблю доставлять неудобства другим людям.

– Вы доставите больше неудобства, леди Лидделл, если однажды в вашем бокале окажется что-то, чего там быть не должно, – разумно заметил Шамас, все еще улыбаясь. – А рядом не будет никого с противоядием. Возьми вон то кольцо чуть правее, – посоветовал он Кондору. – Да, это. Должно подойти.

Волшебник протянул мне тонкое кольцо с небольшим вытянутым кристаллом – прозрачным, как хрусталь, только внутри у него была красноватая прожилка, похожая на след от попавшей в воду капли крови. Выглядело кольцо не громоздко, но на привычные светские украшения мало походило – серебряная веточка с крошечными шипами и листьями, которые удерживали кристалл.

– Нравится? – спросил Шамас.

– Конечно, – ответила я.

– Тогда примерь, – Кондор улыбнулся немного криво, будто бы победа над моей самодостаточностью вызывала у него легкое злорадство.

– Всегда бери бокал или вилку той рукой, на которой носишь кольцо. – Шамас пронаблюдал, как я, посмотрев на кристалл и листья, надела кольцо на средний палец правой руки. Село, словно родное. – Если будет что-то подозрительное, прожилка слегка засияет, если опасное – камень станет красным, как кровь. И оно не только на яды реагирует, – сказал он уже в сторону Кондора. – Большинство нежелательных зелий, в основе которых то, что воздействует на разум или чувства. Потому и посоветовал именно его. Если хоть однажды подведет, отвечу своей головой, – добавил он с хитрой улыбкой. – Но тебе это и так известно.

Кондор, сощурившись, кивнул.

Шамас достал из-под прилавка листок бумаги, черкнул на нем что-то карандашом и протянул Кондору так, чтобы я не видела надписи. Тот слегка приподнял брови, скосился на меня, но промолчал.

Я поняла, что, видимо, только что была обозначена цена – втайне от меня, чтобы еще больше не расстраивать.

Очень хотелось провалиться сквозь землю, а лучше – снять кольцо и с извинением вернуть.

– Тебя устроят бумаги? Или ты, как прежде, принимаешь только металл?

– Для тебя – все, что угодно. – Шамас развел руками. – И раз уж ты бываешь в Галендоре, то заходи просто так, – добавил он, пересчитывая деньги, которые Кондор положил на прилавок – монет там было больше, чем ассигнаций, и то, что я успела посчитать, заставило мое сердце ухнуть куда-то вниз – это тебе не кофе и не обед в приличном заведении. – И вы, леди Лидделл, заходите, – добавил Шамас уже в мою сторону. – Расскажите мне о мирах, где я никогда не смогу побывать. Я люблю хорошие истории.

Он подмигнул мне и подвинул поближе коробку с конфетами. Пришлось протянуть руку и взять одну.

Карамель оказалась чуть горьковатой, как жженный сахар. Когда я держала конфету в руке, я посмотрела на кристалл – он оставался прозрачным. От Шамаса это, кажется, не укрылось, и я поймала его прищуренный взгляд – не осуждающий, но слегка удивленный то ли недоверием к его гостеприимству, то ли излишней бдительностью, хотя мною, конечно, в первую очередь двигало любопытство.

Когда мы вышли, я надела на руку перчатку – кольцо чуть растянуло ее, но в целом не мешало.

– Наверное, я должна сказать тебе спасибо, – выдохнула я в сторону Кондора. – И я отдам тебе эти деньги...

– Я не приму их, – резковато ответил маг. – Мари, это не подарок и не попытка удовлетворить какую-то твою прихоть. Я делаю это не только для тебя, но и для себя самого. Да, – он вздохнул, – должно быть, звучит не слишком приятно, но это правда. Хочешь ты того или нет, милая, тебе придется смириться с тем, что твоя жизнь теперь принадлежит не только тебе.

Улица заканчивалась аркой, втиснутой между старинными зданиями, очень чистыми, очень ухоженными. За аркой открывался

вид на подъездную дорогу и глухую каменную ограду, скрывающую цель нашего пути.

Когда мы подошли к изящным кованым воротам, за которыми начиналась белая от снега аллея, я поняла, что мои страхи насчет мрачного викторианского особняка с привидениями начинают оправдываться.

Силуэты деревьев таяли в начавшейся метели, заставшей нас через пару шагов от арки и сейчас путающейся под ногами и в волосах. Ворота были заперты, но передо мной любезно распахнули небольшую калитку, вписанную в переплетение металлического кружева так, что если не знаешь, что она есть, то никогда и не заметишь.

– Я, конечно, ожидала чего-то такого, – призналась я, подавив желание присвистнуть от смеси восторга и легкой зависти, – но не настолько... такого.

– М? – Кондор повернул голову в мою сторону.

– Поместье принца было не намного больше, – сказала я.

– Поместье принца принадлежит ему лично. – Меня взяли за руку, когда мы оказались на широкой лестнице, ведущей к парадным дверям – тяжелым, двустворчатым, сделанным из темного дерева, с металлическими ручками, которые, как я догадалась, были одновременно дверными молотками. – А у тебя, напомню, вообще целый замок в распоряжении, пусть ты и не хочешь это понимать. Так что жилище моей семьи на этом фоне выглядит невероятно скромно.

Я криво улыбнулась, подумав, что надо как-нибудь рассказать местным про коммуналку, в которой я снимала комнату. Для сравнения скромного со скромным.

– А мрачный дворецкий и призрак замученной горничной будут? – не удержалась я, пытаюсь собраться с мыслями, потому что от страха и ожидания меня начинало трясти, даже живот скрутило.

– И сумасшедшая родственница на чердаке, непременно. – Кондор потянул за одну из ручек, распахивая передо мной дверь. – Чтобы тебя не разочаровывать, покажу тебе скелеты предков, спрятанные в семейном склепе. Подземный ход начинается из подвала. Ну, если ты, конечно, не боишься крыс.

Крыс я не боялась, но настаивать не решилась – вид у Кондора был слишком напряженный, словно он не в дом своего детства

вернулся, а шел на собеседование, которое решало его судьбу.

В принципе, оно так и было, с одной поправкой: собеседовать будут меня, и мне очень, очень нужно не облажаться перед этой его тетей Присциллой, потому что, чую, если я облажаюсь, то подставлю этим всех.

– Эй, очнись. – Кондор дотронулся до моего плеча. Я чуть не подскочила на месте, потому что успела уйти в себя так глубоко, что даже не осмотрелась вокруг. – Не стоит так бояться, – поспешил он меня успокоить, помогая снять пальто. – В этом доме есть необычные вещи, но чего-то страшного или опасного для тебя, поверь, нет. Или ты не потому так трясешься?

Я замотала головой, поправляя платье и с сожалением косясь на сапоги – домашних тапочек, я так понимаю, мне точно не предложат, а спросить, как здесь решается вопрос с обувью, я как-то не додумалась.

– Боюсь тебя подвести, – сказала я, на что Кондор насмешливо фыркнул и сказал, что мы уже это обсуждали. – Почему здесь нет слуг? – я рассеянно озиралась по сторонам.

Из темноватой прихожей, освещенной запертым в прозрачное стекло кристаллом над дверью, мы вышли в просторный холл с лестницей, которая вела наверх.

– Праздники, – коротко ответил Кондор и тут же пояснил: – В доме, скорее всего, остались личные горничные леди и те, кто работает на кухне. Я уже говорил, здесь мало прислуги. Знаешь, когда я попал ко двору, меня очень раздражало постоянное присутствие рядом камердинера.

Через подобие широкой арки, украшенной витражом, мы прошли в прилегающую к холлу гостиную. Кондор усадил меня на диван, стоящий у камина, и сел в кресло напротив, сняв сюртук и повесив его на спинку. Стоило магу щелкнуть пальцами – люстра, свисающая с потолка, зажглась десятком ярких огоньков.

– Камердинер – это человек, который порывается помочь тебе надеть рубашку и завязать шейный платок, – Кондор продолжил рассказ. – Мы с моим слугой долго искали компромисс, потому что он не хотел терять место, а я не привык к тому, что с меня пытаются снять сапоги, когда я сам в состоянии это сделать.

– О, я тебя понимаю! – я поежилась.

В гостиной было не очень много мебели, и от этой пустоты чувствовалось, насколько комната просторна. Правда, отсутствие избытка не казалось свидетельством бедности, запущенности или чего-то в этом духе. Скорее, здесь просто не было ничего лишнего.

Кондор подался в сторону камина и протянул руку – я замороженно наблюдала, как где-то между аккуратно сложенными бревнышками загорается пламя. Волшебник удовлетворенно фыркнул и убрал за ухо мешающую ему прядь волос.

– Вполне возможно, что понимаешь. Ты из мира, где все иначе. Но тебе придется или привыкнуть к новому статусу, или, как я, найти компромисс. – Поймав интерес в моем взгляде, Кондор пояснил: – Мой камердинер стал моим шпионом и помощником в делах, несколько отличных от моего гардероба или расписания, и, надо сказать, прекрасно играет эту роль до сих пор. Когда я живу при дворе, конечно.

«Ага, – подумала я. – А в замке ты совершенно самостоятелен. Если не считать боггартов».

– А охраны здесь тоже нет? – спросила я, потому что пока на наше появление обитатели дома не отреагировали никак.

– Думаешь, сюда может войти кто-то чужой или с нехорошими намерениями? – ехидно сощурился Кондор. – Они даже в ворота не пройдут. Даже если пройдут, поверь, им не очень понравится.

– Ты же сказал, что тут нет ничего опас...

– Для тебя. – Выражение лица Кондора стало еще более ехидным. – Рад, что ты перестала трястись, как школьница перед кабинетом директрисы. – Он бросил взгляд на часы, стоявшие в углу. – Наше присутствие уже точно не осталось незамеченным, так что...

Он не успел закончить фразу – в проеме арки появилась женщина, уже немолодая, в темном платье, и застыла, с невероятным удивлением глядя на нас. Это длилось не дольше пары секунд: женщина прошла вперед и поклонилась – сначала Кондору, потом мне.

– Рада видеть вас в добром здравии, милорд, – с чувством сказала она и замялась, рассеянно вцепившись рукой в ткань юбки. – Мне... Мне сообщить о вашем присутствии леди Тересии?

– Пожалуй, стоит это сделать, – спокойно ответил Кондор, словно мы были здесь все время, а не пришли несколько минут назад. – Леди Присцилле тоже. И вне зависимости от их ответа принесите нам чай.

– Леди Присцилла попросила не беспокоить ее до обеда, милорд.
– Она даже не смотрела в мою сторону, словно в том, что в доме оказался чужак, не было ничего любопытного или удивительного. – Вашего отца еще нет. Я вернулась от семьи, увы, не застав его, и не знаю его планов. Вы остаетесь на обед?

– Да, мы с леди Лидделл останемся, – устало ответил Кондор. – И я тоже рад вас видеть в добром здравии, Мэг, – добавил он чуть более тепло.

Когда Мэг ушла, снова коротко поклонившись нам обоим, Кондор повернулся ко мне.

– Ты ожила, – сказал он. – О чем думаешь?

– Перебираю в голове названия столовых приборов, – не без ехидства ответила я. – Считаю зубчики у воображаемых вилок и вспоминаю формы ножей.

Я получила в ответ улыбку, в которой, кажется, отразилось одобрение и понимание – моей попытки пошутить в том числе.

– Я тебе на всякий случай еще раз напомню, это не званый ужин при дворе. В крайнем случае, следи за тем, что делаю я.

– Непременно. – Я коротко кивнула. – Можно вопрос?

Кондор рассеянно моргнул.

– Задавай уже, не спрашивай разрешения, – сказал он, хотя, как мне показалось, заметно напрягся, словно ожидал подвоха.

Подвоха я не планировала.

– Я видела твоего отца, ты рассказывал о Присцилле и Гилберте, которого не будет. Кто такая леди Тересия? И к чему мне готовиться?

– О! – Он облегченно выдохнул, даже ногу на ногу закинул. – Всего лишь это. Тересия, хм, сестра жены Мастера Гилберта, и, как догадалась бы любая жительница этой страны, в этом доме выполняет роль компаньонки леди Присциллы. Подруги, которая развлекает ее, – попытался пояснить он то, что я и без него знала. – У них своеобразные отношения. Ты сама заметишь. Тересия намного больше напоминает добрую и очень, – в этом слове было слишком много доброй иронии. – Очень заботливую тетюшку. Поэтому готовься к множеству вопросов и умилению.

Я закатила глаза, выругавшись про себя, потому что, кажется, меня ожидала очередная порция «милого ребенка», которого пытаются накормить сладким.

Не то чтобы хотелось жаловаться, но мне уже начало надоедать.

– А твоя сестра? – спросила я. – Она тоже живет здесь?

– Нет, – ответил Кондор. – Моя сестра здесь не живет уже несколько лет, поэтому сегодня ты ее точно не увидишь.

Его голос вдруг стал немного отстраненным, и я поняла, что, кажется, задала один из тех вопросов, которые не стоило бы задавать. Поэтому я заткнулась, с виноватым видом уставившись в камин, и думала, что сестру он хоть как-то в разговорах упоминал.

«Что бы там ни произошло, это не мое дело, – пыталась я сама себя уговорить, – и лишние расспросы ни к чему хорошему точно не приведут. Все, что я должна знать, мне расскажут, а лезть в душу к человеку, когда он пытается закрыться, это как-то... некрасиво, что ли?»

– Есть некоторые обстоятельства, по которым она живет в другом месте, – все-таки сказал Кондор как ни в чем не бывало. – Мы видимся реже, чем нам обоим хотелось бы. А с моей работой, – он подчеркнул последнее слово, – мы почти перестали видеться. Не грусти, милая, – добавил он, заметив выражение моего лица. – Я взрослый мальчик и с некоторыми несовершенствами этого мира научился если не мириться, то хотя бы справляться.

Я не знала, что ему ответить, хотя было предельно ясно, что в понятие «работа» входит, в том числе, возня с подобными мне.

Мэг вернулась быстрее, чем я успела придумать тему для продолжения разговора, и, глядя, как она ловко накрыла небольшой стол, примостившийся в углу так органично, что я его не сразу заметила, я молчала и думала.

Все, кто был вокруг меня, кто казался мне не то персонажами странной истории, не то сказочными героями, начали превращаться в живых людей.

Чем более явно это проявлялось, чем более осязаемым становилось их прошлое и их собственные истории, в которых не было места мне, тем страшнее мне становилось.

«Человек, – думала я, – это нечто больше набора шаблонных фраз, черт характера и роли, которую он хочет или должен играть, это сложнее гипотез, выстроенных на том опыте, который у меня был. Он не подходит сюда, этот мой опыт, но другого опыта у меня нет».

Единственное, что меня хоть сколько-то могло утешить, это мысль, что, возможно, у всех остальных здесь те же чувства и такое же отсутствие опыта.

Правда, чувствовать себя главной героиней истории уже не получалось, ну да черт бы с ним.

Переживу как-нибудь.

Сообщив, что леди Тересия спустится, как только приведет себя в порядок, Мэг с поклоном вышла, оставив нас наедине с чаем.

– Что Шамас имел в виду, когда говорил о нежелательных зельях? – вспомнила я, поднося чашку ко рту.

– Существует формальный запрет на использование некоторых составов, влияющих на разум и эмоции человека, не причиняя значимый вред его здоровью, – автоматически, словно на экзамене, ответил Кондор, глядя в камин. – В простонародье часть из них называли бы приворотными зельями, хотя, конечно, спектр их воздействия намного шире. Не только внезапно вспыхнувшая любовь, но еще такая же внезапная неприязнь, приступы страха на пустом месте, постоянная тревога, дурные сны, болезненная самоуверенность и другие, скажем, крайности.оборот таких составов находится под контролем, но есть умельцы, знающие способы обойти запрет. К примеру, слегка меняя формулу или добавляя определенные компоненты во вполне безобидные вещи. Компоненты – почти неизменны, Шамас хорошо знает их список, поэтому кольцо, – Кондор кивнул в сторону моих пальцев, сжимающих тонкую фарфоровую ручку, – должно реагировать именно на них, если концентрация будет выше безопасного.

Вот как.

– И ты думаешь, под носом у охраны его высочества есть шанс нарваться на что-то, запрещенное законом?

– Именно там этот шанс невероятно велик, – фыркнул Кондор в ответ, словно я сморозила страшную глупость. – При всем моем уважении к Уильяму Блэкторну, он не в состоянии контролировать все. Дворец – тот еще серпентарий, а богатые и влиятельные люди не стесняются в средствах и методах. Я думаю, – Кондор наклонил голову к плечу. – Даже уверен, что Блэкторн намеренно оставляет простор для подобных игр. Так что, милая, не обольщайся.

– Справедливо, – задумчиво сказала я.

– Уже пожалела, что согласилась?

– Да я и так не особенно рада была. – Я пожала плечами. – Если ты не заметил.

– Заметил. И буду рад, если Ренару удастся научить тебя если не бить людей, то хотя бы быстро бегать.

Я чуть чаем не поперхнулась:

– Ты знаешь?!

Он усмехнулся и глубокомысленно промолчал. Стоило догадаться, на самом деле.

Шаги в коридоре были почти неслышными, или, может быть, мы отвлеклись, но от внезапного появления той самой леди Тересии вздрогнули оба.

Кондор натянул на лицо выражение доброжелательности, а я постаралась разглядывать леди таким образом, чтобы не проявить непочтительно настойчивое любопытство. Леди точно так же старательно делала вид, что мое присутствие не слишком ее удивило – подумаешь, незнакомая девица в доме, с кем не бывает?

– С твоей стороны невероятно мило заглянуть на обед, – сказала Тересия, занимая место на диване на почтительном расстоянии от меня, словно бы слегка опасалась. – Но раз ты не один, то мог бы предупредить заранее.

Она была в том возрасте, когда начинают вести активную борьбу с седыми прядями и взрослыми детьми. Я пока не слишком разбиралась в местной моде и ее особенностях, но не могла не отметить, что наряд леди Тересии был заметно ярче, чем мой, и чуть более нарядный, чем просто платье для дома: бесконечное число мелких оборок на юбке, крупные серьги в ушах, какие-то почти детские зажимы для волос и шаль с крупными цветами, в которую женщина зябко куталась, словно бы тепла от камина ей было недостаточно. Взгляд у нее был добродушный, как у старого домашнего пса, выросшего в семье со множеством детей и привыкшего к шалостям, брови – тонко выщипанными, черты лица казались не такими тонкими, как у тех, кого я встречала, из-за чего леди Тересия вдруг вызвала во мне приступ почти болезненной симпатии.

Слишком уж она была похожа на любую женщину моего родного мира, немного растрепанную и усталую, не такую идеальную, как все, кого я встречала по эту сторону Зеркала.

– Я тоже рад вас видеть, тетушка, – ответил Кондор, и я поняла, что, кажется, моей психике предстоит испытание более суровое, чем я предполагала. – Решение было слишком спонтанным, и вообще-то я думал, что отец успеет вам сказать раньше, чем мы придем. Леди Лидделл, – он кивнул мне, чуть сощурившись, словно бы ему нравилась моя легкая рассеянность от смены роли, которую он играл, – позвольте представить вам мою не родную, но любимую тетю Тересию Хоэрт. Леди Тересия, эта юная особа – леди Мари Лидделл, и, надеюсь, вы не успели придумать себе некую крайне романтическую историю, потому что нас с леди Лидделл связывают куда более сложные отношения.

Тересия, немного ошарашенная, круглыми глазами смотрела то на меня, то на него.

– Юлиан... Я не... – попыталась отнекиваться она, но покраснела так, словно Кондор угадал ход ее мыслей.

Тут уже начала краснеть я.

– Леди Лидделл пришла к нам из другого мира, – пояснил Кондор, на лице у которого было написано, что он нашим с Тересией взаимным смущением наслаждался. После этих слов стало еще веселее. – Понимаю, что с предыдущей моей подопечной вы, тетя, не встречались, но в этот раз обстоятельства немного поменялись, поэтому леди Лидделл попала к нам в гости. А теперь, если вы обе не против, – он демонстративно откинулся на спинку кресла, – я прекращу играть в этикет и признаюсь, что мы с Мари давно на «ты».

Я посмотрела в сторону Тересии, все еще очень озадаченной, сидящей с таким видом, словно она пыталась переварить все вышесказанное, улыбнулась ей и пожала плечами, мол, простите, он всегда такой, я уже привыкла, вы, надеюсь, тоже.

– Я все еще немного не привыкла к принятым здесь формальностям, – пояснила я и, посмотрев в сторону Кондора, таким же спокойным, предельно милым голосом продолжила: – Поэтому Кондор позволяет мне некоторые вольности по отношению к местным правилам поведения. Но я честно стараюсь все замечать и запоминать.

– Хм... – Тересия чуть дернула подбородком. – Очень... внезапно. Ты действительно мог бы предупредить, – укоризненно добавила она. Кондор развел руками. – Так или иначе, рада знакомству, леди Лидделл. Или как мне лучше обращаться к вам?

– Можно по имени. Мари, – ответила я, поднося чашку к губам. От волнения во рту пересохло. – Я тоже очень рада, что мой круг общения постепенно расширяется. Надо все-таки начинать оттачивать навыки, иначе потом будет очень сложно.

Она медленно кивнула:

– Отлично вас понимаю, милая, вам придется общаться в высших кругах, это очень тяжело. Я до сих пор не привыкла к некоторым вещам. – Тересия поймала мой вопрошающий взгляд и пояснила: – Моя семья не так известна, как род дель Эйве. В первое время было очень нелегко, хотя, признаюсь честно, – она тепло улыбнулась Кондору, который протянул ей чашку чая, – в этом доме намного менее строгие правила, чем в иных. Лорд Парсиваль придерживается свободных взглядов на жизнь и этикет. Сын, как вы, наверное, успели заметить, весь в него, – она шутливо погрозила Кондору пальцем. – Так что наслаждайтесь, Мари, пока у вас есть возможность дышать чуть свободнее, чем позволяет корсет.

Тересия тяжело вздохнула и еле заметно кивнула в сторону лестницы.

Кондор воспользовался моментом и отвлек ее от меня невозможно банальными вопросами, которые любой бы задал на его месте, и Тересия, продолжая изредка бросать заинтересованные взгляды в мою сторону, болтала, пересказывая ему последние события, жаловалась на здоровье и погоду, и я почувствовала себя неловко.

Словно подсматривала за чужой жизнью.

– Очень жаль, что мне не сказали, что вчера ты был здесь, – укоризненно сказала Тересия.

– Я был поздно, – ответил Кондор. – И, честно говоря, планировал быстро переговорить с отцом, но Присцилле, видимо, не спалось.

– Вот почему она с утра такая... тревожная и колючая. – Тересия втянула голову в плечи, словно опасалась, что за ее слова на нее упадет кусок штукатурки. – Заперлась в библиотеке сразу после завтрака и, думаю, и до того успела провести там пару часов. Чем вы так ее растревожили?

– Я не представляю, – пожал плечами Кондор.

К этому моменту я уже достаточно пришла в себя, чтобы думать и не задавать лишних вопросов, делая вид, что чай меня интересует больше всего на свете.

Судя по всему, как бы тепло Кондор ни относился к леди Тересии, никто не спешил посвящать ее в планы относительно меня и раскрывать ей истинную причину моего присутствия.

А вот Присцилла вполне могла знать все от и до и именно поэтому сейчас занималась какими-то исследованиями в библиотеке – чем еще там могут заниматься? – вместо того, чтобы сидеть здесь и морально давить меня своей аристократичностью.

Сочувствие к бедной Тересии возросло, опасения, что Присцилла может встретить меня агрессивно, тоже усилились. Оставалось выдохнуть и напомнить себе, что здесь и сейчас у меня не было никого, кроме Кондора, кому я могла бы доверять и на кого я могла бы рассчитывать, пусть и с оглядкой.

И если это – милый семейный обед, то мне уже не хочется попадать в паутину дворцовых взаимоотношений!

– Но все-таки, – Тересия совсем наивной тоже не была, – что стало причиной вашего присутствия здесь, Мари?

Я сделала глоток чая, чтобы кое-кто мог воспользоваться паузой и придумать правдоподобное вранье.

– У леди Лидделл обнаружилась склонность к магии, – ответил Кондор, и я постаралась не удивляться. Тересия, кажется, чуть чашку на юбку не уронила. – Это очень странно, поэтому я отвел Мари к самому надежному человеку из всех, кого знаю. – Кондор улыбнулся. – К счастью, все вполне объяснимо, волноваться не о чем, но отец решил проявить гостеприимство, а я не смог не воспользоваться возможностью побывать дома.

Тересия нервно заерзала, но, кажется, объяснения ее устроили.

– Ты поэтому вчера приходил, да? – спросила она и, получив утвердительный кивок, заметила: – Если Присцилла все знает, нет ничего удивительного, что она так беспокоится, надо же, магия других миров! – Тересия снова повернулась ко мне: – И как ваши ощущения, милая?

– Отвратительно, – честно призналась я.

– А как оно проявилось?

– Лунатизм, – снова ответил за меня Кондор и опять почти не соврал. – Чувствительность к силе и слабые телепатические способности. Мы с отцом решили, что это может быть своеобразным подарком от Богини или же просто усилившимися после перехода

природными талантами Мари. Но, конечно, тетя, ты должна понимать, что это не та новость, которой стоит делиться с соседками.

Тересия приложила палец к губам, намекая, что она будет молчать.

«Наверное, – подумала я, – если бы Кондор ей не доверял, он бы выбрал другую полуправду».

– Сочувствую, милая, – сказала Тересия. Она подвинулась поближе и ласково коснулась моей руки. – И немного завидую. Я совершенно лишена любых магических способностей, даже на картах гадаю лишь для собственного удовольствия и успокоения. Сами понимаете, когда живешь в семье магов, отсутствие Таланта заставляет чувствовать себя не очень уютно, – призналась она, улыбаясь. – Но я привыкла.

– У тебя есть другие таланты, тетя, – Кондор смотрел на нее, чуть наклонив голову, – не менее важные и нужные.

– Спасибо, мой хороший.

Я не знала, что он имел в виду, но не могла не заметить, что сказанное заставило Тересию смутиться, словно ей сделали очень значимый для нее комплимент, и это заставило смутиться уже меня саму, потому что было ощущение, что я невольно вторглась в закулисы чужой жизни. И самое страшное, что мне придется находиться здесь дольше, чем хотелось бы, и я никак не смогу избежать этой игры.

К счастью, наговорились они быстрее, чем я начала чувствовать себя лишней.

– Сколько вы уже здесь? – спросила у меня Тересия.

– Меньше двух недель, – ответил Кондор быстрее, чем я успела посчитать в уме дни, проведенные в этом мире.

Тересия покачала головой:

– Совсем мало.

Я скупо улыбнулась, подумав, что да, мало, намного меньше, чем казалось мне самой, потому что некоторые дни, к примеру, как этот, длились так долго, что я смогла прочувствовать всю относительность времени.

– Мало, но, поверьте, леди Тересия, эти дни настолько насыщены событиями, что иногда мне кажется, что я здесь не меньше месяца.

– Вы уже знаете, чем будете заниматься при дворе?

– Пока нет. – Я пожала плечами. – Но я уже познакомилась с его высочеством.

– С которым из двоих? – Тересия смотрела на меня, как на ребенка, который путался в незнакомых словах.

– Со старшим. С Даром. То есть с Антуаном, – быстро исправилась я.

– О.

Она замолчала, и это молчание получилось неловким. Я чувствовала, что от тепла камина меня разморило, и из-за накопившегося напряжения и усталости я начала соображать медленнее, чем хотелось бы. Тересия же замялась, как будто желала задать какие-то вопросы, но то ли стеснялась их, то ли не могла сформулировать. Понимая, что, наверное, я для нее такая же экзотика, как она для меня, я ободряюще улыбнулась.

– Если ты не против, тетя, мы оставим тебя. – Кондор поднялся и с уже привычной мне бесцеремонностью забрал пустую чашку, которую я задумчиво вертела в руках. – Мари хотела посмотреть дом.

Я, может быть, дом посмотреть хотела, но ничего такого ему не говорила, поэтому удивленно посмотрела на волшебника.

Он подмигнул мне.

– Ох! – Тересия пару раз моргнула, словно очнулась от наваждения. – Я как раз хотела спросить у леди Лидделл, нравится ли ей здесь. Совершенно не знаю, как устроен ваш мир и как вы жили там, но мне было бы интересно...

– Несомненно, интересно, – ответил Кондор и протянул мне руку. – Я надеюсь, за обедом Мари ответит на все твои вопросы, правда, милая?

Мне очень захотелось стукнуть его диванной подушкой, потому что все мягкое и хорошее, что вдруг проявилось, стоило Кондору спрятать свои колючки, снова куда-то исчезло. Перемена была такой резкой, что я не понимала ее причины и, бросив на такую же растерянную Тересию извиняющийся взгляд, пообещала, что расскажу ей все, что ей интересно.

По мере своих сил, конечно.

– Что ж, – вздохнула Тересия. – Раз все так удачно сложилось, я сама хотела извиниться, потому что пора проверить, как там дела у

слуг. У вас есть какие-то предпочтения в еде, милая? – спросила она, вставая с дивана вслед за мной.

– Признаюсь честно, я еще не поняла, – ответила я. – Поэтому готова ко всему.

– И что это было? – спросила я шепотом, когда мы уже поднимались по лестнице на второй этаж.

Темные деревянные ступени были покрыты зеленым ковром, почти новым и очень чистым. Было неловко идти по нему в уличной обуви, пусть с нее волшебным образом исчезла грязь.

– Спасал тебя от неловкого молчания и утомительных расспросов, – пожал плечами Кондор.

– Да? Как мило с твоей стороны! – фыркнула я.

– Прости, если тебе это показалось грубым, – серьезно ответил он.

– Я пытался придумать хоть какой-то предлог отвлечь вас друг от друга на полчаса.

– Перед своей тетей извиняться будешь, – я хмуро на него посмотрела. – Она точно не заслужила...

– Все в порядке, Мари. Поверь мне, в ней боролись любопытство и чувство долга. А к моей бесцеремонности она привыкла уже давно.

Мне сейчас очень многое хотелось ему сказать о любви к ближнему и уважению к старшим, но я решила не лезть в чужие отношения, поэтому смиренно выдохнула:

– Ладно, это ваше дело. Просто прекрати решать все за меня.

– Я стараюсь, – признался Кондор тихо и спокойно. – Не поверишь, но я очень стараюсь.

– Между прочим, я это заметила. – Я повернула голову в его сторону, чтобы встретиться с настороженным взглядом желтых глаз. – Еще вчера. Правда, поверить было сложновато, но я очень ценю эти перемены.

– Приятно слышать, моя леди, – криво улыбнулся Кондор. – Но вы хотели посмотреть дом.

Я с тяжелым вздохом посмотрела на высокий потолок коридора – такого же цвета, как паркет, с висящими на равном расстоянии длинными узкими светильниками. Скупого света дня, льющегося из

огромных окон, сейчас вполне хватало для освещения. Коридор вел в левое крыло дома, справа же угадывались очертания просторной комнаты, арочные двери в которую сейчас были закрыты.

– Только если ты покажешь мне свою детскую комнату и коллекцию...

Я замаялась, потому что совершенно не представляла, что в этом мире коллекционируют парни в том возрасте, когда наши начинают собирать плакаты рок-звезд, ачивки в компьютерных играх или фигурки героинь аниме.

– Коллекцию чего? – Кондор смотрел на меня с лукавым блеском в глазах, иронично приподняв одну бровь в ожидании ответа.

– Эм...

Я прикусила губу, подумав вдруг, что мне интересно, каким он был лет в пятнадцать – и как стал таким вот? Колючим, но не злым.

Что это вообще значит – родиться и вырасти в семье, подобной этой, не став при этом ни холодным снобом, ни избалованным мерзавцем, ни амбициозной дрянью, идущей по головам. Я успела заметить, что при определенной доле надменности, взбалмошности и наглости, Кондор не щадил сам себя, когда дело касалось его личной ответственности, и при всей его любви к резким и острым насмешкам, он умел быть добрым и чутким.

– Чего смутилась, милая? – Маг, ухмыльнувшись, легонько ткнул меня кулаком в плечо. – Пойдем. Нет, показывать тебе свою комнату, тем более – детскую, я не собираюсь, – фыркнул он. – Если тебе интересно, лет в двенадцать я коллекционировал насекомых и редкие растения, но все, что от этого осталось, хранится в библиотеке и кабинете.

– Прости меня.

– За что, глупая? – Он недоуменно моргнул. – За любопытство? Помнится, я тоже пытал тебя пару раз довольно въедливо.

Он распахнул передо мной дверь, ведущую в темно-голубую комнату. Плотные шторы на противоположной стороне были опущены, поэтому Кондор щелкнул пальцами, зажигая кристаллы в люстре.

– Ты не задавал личных вопросов, – напомнила я. – Ну, почти.

«Да, конечно, – подумала я. – Зато вытащил из меня все, предложив игру за бокалом ликера: правда за правду, вопрос за вопрос».

Но вот потом – нет, не задавал.

Комнаты располагались анфиладой, и еще одни двустворчатые двери вели из этой гостиной в соседнюю, более темную и сдержанную. Здесь у стены, граничащей с коридором, стоял камин, а над ним висела картина с мрачноватым осенним пейзажем – темный лес с уходящей вглубь тропой и серое, тусклое небо.

Я ожидала галерею с портретами предков, но была согласна и на лес.

– Обстоятельства поменялись так, что держать дистанцию уже не получается. – Кондор вел меня дальше, из комнаты в комнату, из зала в зал. – Меня намного больше заботит, как я буду врать Тересии, с чего вдруг ты получила покровительство моего отца. Или еще мне интересно, что сейчас Присцилла пытается найти в библиотеке. Что скажет Феликс, когда узнает, а он, поверь мне, узнает рано или поздно, и лучше рано, чем поздно.

Кондор рассеянно втолкнул меня в очередное помещение – угловое, строгое, с камином и множеством книжных шкафов, стоящих вдоль стен. В надкаминном зеркале я увидела свое окончательно побледневшее и заострившееся от переживаний лицо и едва не вздрогнула.

– Так что я готов даже отвести тебя в игровую комнату моей сестры и оставить там наедине с десятком сохранившихся кукол, если тебе этого захочется. – Кондор улыбнулся и привычным жестом убрал со лба выбившуюся прядь. – И даже назвать тебе их имена, если, конечно, у меня получится все вспомнить. Присаживайся. – Меня подвели к узкой кушетке, стоявшей между двумя книжными шкафами. – И, кажется, я знаю, что тебе сейчас нужно.

Я удивленно моргнула и уставилась на свои туфли, которые Кондор достал из воздуха, как до того доставал свою куртку, носовые платки и еще какие-то предметы, которые иногда были ему нужны.

– Ничегошеньки себе, – только и смогла сказать я и начала расшнуровывать сапоги дрожащими от волнения пальцами. – Вот как ты это делаешь?

Я думала, что вопрос останется без ответа, но маг, который к тому моменту уже открыл дверцы одного из книжных шкафов и сосредоточенно что-то искал, снизошел до объяснений:

– Принцип тот же, что с порталами и маяками: я знаю, где находятся некоторые вещи, или, скажем, знаю сами эти вещи. Искажение пространства через Изнанку, но гораздо меньшее, чем если бы я перемещался сам. Правда, – он достал небольшую книгу в плотном кожаном переплете, немного потрепанном, – есть риск получить неприятный сюрприз, так что злоупотреблять такими вещами не стоит.

– Вот как...

Но за туфли спасибо, конечно.

Он сел рядом и, дождавшись, когда я оторвусь от бантиков на шнурках, протянул мне книгу, улыбаясь подозрительно и хитро:

– К вопросу о личном и коллекциях. После того как мне надоело, что часть гербария рано или поздно рассыпается в мелкую пыль, я решил рисовать то, что было мне нужно. Наслаждайся. – Кондор похлопал меня по плечу и откинулся на спинку кушетки, скрестив руки на груди. – Ты – один из немногих свидетелей моего позора.

Несмотря на спокойную иронию, звучавшую в его голосе, я затаила дыхание.

У меня в руках было то, что в моем мире называли бы скетчбуком: оформленные в книгу листы плотной бумаги с хорошим, прочным переплетом – я заметила, что он истерся по краям, но корешок не треснул, и ни один листок не спешил выпасть. На первых страницах почти ничего не было, их оставили пустыми, а потом начинались немного неуверенные, но совершенно точно сделанные наблюдательным человеком рисунки и не слишком аккуратные записи рядом с ними.

– Почему – позора? – удивилась я.

– Ты первый журнал не видела, – отмахнулся Кондор. – В нем, к счастью, не было почти ничего ценного, поэтому я спалил его, когда нашел.

– Я вообще не умею, – пожала плечами я. – Хотя нет. Могу домик нарисовать. И глаз. Один. Правый.

Кондор ничего не сказал.

Ближе к середине блокнота он успел натренироваться в зарисовках, но почерк оставался таким же – слишком торопливым. «Сейчас он у него четче, – подумала я, – четче и острее». Я переворачивала страницы медленно – привычка читать все, от книг до

объявлений в метро, сделала свое дело, взгляд цеплялся за слова, и мне становилось жизненно необходимо дочитать хотя бы абзац до конца. Хотя бы бегло.

Не знаю, было ли это детской игрой или необходимостью, но текст рядом с каждым рисунком содержал очень подробную информацию о том, что было изображено: часть растения, свойства, время сбора, какие-то не до конца понятные мне пометки и сокращения.

– Это больше похоже на конспекты, чем на увлечение, – сказала я.

– Они и есть. Или ты думаешь, я просто своими талантами решил похвастаться? – Кондор подался вперед, сел, поставив локти на колени и подперев подбородок ладонью. Смотрел он на меня. – Я рисовал не столько для удовольствия, сколько для тренировки наблюдательности. Возможно, тебе придется заниматься чем-то таким же.

– Только растения? – спросила я и, закрыв блокнот, вновь открыла его, но уже с последней страницы – в надежде найти что-то иное.

– Нет, – ответил маг с улыбкой в голосе. – Еще немного анатомии и, конечно, минералы. До бестиариев я не дошел, моих навыков не хватило бы. Да, портреты мне не слишком удавались, – добавил он с деланным сожалением, когда заметил, что я рассматриваю небрежный набросок в нижнем углу страницы: оттуда на меня смотрела девушка с высокой прической.

Выглядела она очень празднично.

– Сестра? – предположила я быстрее, чем подумала.

– Нет, у моей сестры темные волосы. – Кондор снова дотронулся до пряди, свисающей ему на лоб. – А это старая знакомая. Даже... похоже получилось, – удивленно признался он, забирая у меня блокнот и рассматривая рисунок. – Или я ее уже настолько плохо помню, что мне так кажется.

Я не стала задавать лишних вопросов.

Прикасаться к чужому прошлому было невероятно неловко, поэтому я решила сосредоточиться на настоящем.

– Заниматься чем-то таким же – это чем?

– Заставлю тебя рисовать сцигалы, пока ты не начнешь делать это левой рукой так же, как правой, – шутливо ответил Кондор. – А если серьезно, то есть некоторые навыки, которые в итоге влияют на твое взаимодействие с Талантом, хотя с магией на первый взгляд не

связаны. Твоя способность концентрироваться, например. – Сейчас он сам задумчиво листал страницы. – Или умение видеть мелкие детали. Это все развивается через практики, которые некоторым кажутся лишними, поэтому если твой будущий наставник вдруг попросит тебя стоять на одной ноге с закрытыми глазами, не удивляйся.

– Даже так? – я хмыкнула, представив это.

– И не такое бывает, – ответил он и, кажется, хотел добавить что-то еще, но не стал. – Каждый в итоге выбирает то, что ему ближе и лучше именно для него. Так! – Он резко выдохнул, явно нервничая. – По правилам этикета я все-таки должен собраться и представить тебя Присцилле.

– Так в чем проблема? – я продолжала оглядываться.

Из этой комнаты вели две двери: через одну из них прошли мы, другая, более темная, вписанная между шкафами так, что не сразу ее заметишь, сейчас была плотно закрыта.

Кондор усмехнулся:

– Ей не получится наврать так же легко, как Тересии. Не только потому, что она в разы более дотошная и больше знает, но и потому, что как раз ей положено знать правду. И если честно, – он провел рукой по волосам, как обычно делал, когда был растерян, – я волнуюсь.

– Ты боишься, – поняла я.

– Боюсь. – Кондор не стал отрицать. – Именно поэтому мы сидим здесь. – Он вздохнул. – Ты все время заставляешь меня бояться. Почти с самого своего появления. Очень... неприятные ощущения.

– Мне сложно представить тебя в страхе, – сказала я, стараясь сдержать нервный смешок, который вызвало его признание. Слишком уж неловким он сейчас выглядел. – Ты все время казался таким... уверенным, что ли?

– Вот именно. – Он встал, чтобы убрать свой блокнот на место. – Казался. Я самому себе казался сильным, что уж там. Пока не появилась ты, нарушив установленный порядок, а потом не проявились твои замечательные таланты, напоминая мне, как мало я на самом деле знаю и как я расслабился. – Он сейчас не смотрел на меня, словно боялся повернуться, продолжал стоять боком, держась за дверцу шкафа, но не торопясь ее закрыть. – Тебя сюда привела не моя воля.

Я выдохнула, понимая, что снова теряю самообладание, и вцепилась пальцами в бархатную обивку кушетки так, что костяшки побелели.

– Я поняла это, – ответила я. – Других же не загоняли в Зеркало волшебные зверушки Хозяина зимы.

Кондор покачал головой, что, вероятно, значило – нет, не загоняли.

– Я пытался действовать по обстоятельствам. – Он все-таки закрыл дверцу и сейчас опасно прислонился лбом прямо к стеклу. – И думал в первую очередь о том, как сохранить твой рассудок, одновременно пытаюсь понять причины твоего появления и то, смогу ли я вернуть тебя назад так же, как остальных. А потом ты попросила показать тебе твой мир – и... сама помнишь, чем это закончилось, – с тяжелым вздохом он выпрямился и повернулся в мою сторону, скрестив руки на груди.

Я почувствовала, что меня бросило из озноба в жар, и поймала себя на мысли, что все это время заставляла себя думать о той проблеме, как о совершенно мелкой, пустой, раздутой из ничего.

А вчера поняла, что все совсем не так.

– У тебя в глазах было такое отчаяние, что я не знал, как ты дальше себя поведешь. Можно ли тебя жалеть, нужно ли замучить тебя вопросами и дать выговориться – или лучше оставить в покое, – продолжил Кондор. – Не начнешь ли ты искать утешение во мне или Ренаре. Не решишь ли, что твоя жизнь закончена.

– Но все равно не рассказывал мне всей правды, – вырвалось у меня, и я прикусила губу, пытаюсь как-то сдерживать эмоции, чтобы все-таки попробовать понять чужие мотивы и оправдать все это вранье в мелочах. – Ты зачаровал меня, ты врал мне...

– Как ты себе это представляешь? – ответил Кондор язвительно. – Милая девочка, добро пожаловать в новый мир, но вы, вообще-то, не совсем вовремя, поэтому я, ваш хранитель и проводник, не представляю, что с вами делать и какие гарантии давать? Тебе бы это понравилось?

– Нет, но...

– А еще, – продолжил он, возвращаясь на свое место рядом со мной, – здесь очень много опасностей, с которыми вы вряд ли столкнулись бы, если бы все было, как было до того. Но вы особенная,

и к вам все эти опасности тянутся, как мотыльки к свече. Мари... – Он осторожно дотронулся до моих пальцев, и только тут я осознала, что руку мне едва не свело от того, как усердно я пыталась сжать ткань. – Я не могу причинить тебе вред, хоть ты из меня веревки вить начни.

– А если начну? – резко ответила я и снова поняла, что зря это сказала – Кондор в первый момент недобро сощурился, но все-таки понял, что я о своих словах уже пожалела.

– Если начнешь – мне будет очень плохо, – серьезно ответил он. – Поэтому постарайся этого не делать.

«Нечто хуже смерти», – напомнила я себе.

Это было еще одной деталью, которую он мне не раскрыл, хотя я, наверное, догадывалась о причинах: это же отличный способ манипулировать, если хватит сил и наглости на шантаж, мол, милый, или по-моему, или я с собой что-то сделаю. Если терять нечего, конечно.

Или если ты – порядочная стерва, которая может до такого опуститься.

Я никогда не была стервой и не собиралась ею становиться.

И хотя мне было обидно в очередной раз вспомнить, что меня, пусть и с благими намерениями, водили за нос, утаивая факты, которые касались меня напрямую, я хорошо понимала, что все не так однозначно.

У Кондора были причины не доверять мне – как любому чужому человеку, которого приходится подпускать ближе, чем хотелось бы. Точно так же у него была возможность бессовестно манипулировать мною, но вместо этого он все-таки тратил время на объяснения и возню с тем, кто в этом мире еще более беспомощен, чем маленький ребенок.

Именно поэтому я выдохнула, прикрыв глаза, и осторожно сжала его пальцы.

– Я согласна еще раз попробовать все заново, – сказала я. – Но при одном условии.

– Я тебя внимательно слушаю.

– Вы, господин Юлиан дель Эйве, расскажете мне все, что я могу рано или поздно о себе узнать, – ответила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, и повернула голову в его сторону.

– Прямо-таки все? – скептически спросил он.

Но улыбнулся.

– Абсолютно.

– Я попробую.

– Ты не попробуешь. – Я нахально ткнула его пальцем в грудь. – Ты расскажешь. Можешь начинать прямо сейчас, я...

Я хотела сказать, что готова его внимательно слушать до самого обеда, но не успела.

Та самая дверь, которая вела в неизвестное мне помещение, открылась, пропуская старшего дель Эйве. Парсиваль расплылся в улыбке, когда я попыталась выдернуть свою руку из цепкой хватки Кондора, а тот меня не отпустил, более того – переплел наши пальцы, то ли пытаясь меня ободрить и поддержать, то ли намеренно смущая еще больше, чем я смущалась под взглядом его отца – добродушным, но словно бы видящим меня насквозь.

– Очень рад видеть вас здесь, – сказал Парсиваль, закрывая дверь. Как ни странно, верхней одежды на нем не было, а вот трость, которую я видела в кабинете, он взял с собой. – Как леди Лидделл пережила знакомство с остальными обитателями этого дома?

– Мы как раз готовились идти искать Присциллу. – Кондор поднялся и потянул меня за собой. – По слухам, она с утра что-то пытается найти в библиотеке, – сказал он отцу с неким оттенком укора в голосе. – Я прямо-таки теряюсь в догадках, что именно и зачем.

Как бы тщательно мы ни готовились к неизбежному, оно поджидало нас, чтобы сбить с ног в самый неподходящий момент.

Неизбежное явилось, приняв облик высокой худой женщины в простом синем платье, которую мы обнаружили в той самой гостиной, где я познакомилась с леди Тересией. Она тоже была здесь, еще более растерянная, чем в тот момент, когда мы ее оставили, и стоило нам всем троим спуститься с лестницы и появиться в проеме арки, как взгляд Тересии стал виноватым и нервным. Как будто бедная женщина готовилась оказаться в эпицентре бури.

То, что в кресле у камина сидела Присцилла, я поняла сразу же, и даже если бы я знала, что в доме есть еще одна леди, кроме нее и Тересии, ошибки быть не могло. И дело было даже не в цвете глаз,

который я отсюда не могла рассмотреть, но угадывала, а в чертах лица, в том, как она держала осанку, в том, как слегка наклоняла голову набок, рассматривая меня.

Темные волосы, чуть тронутые сединой, были собраны в низкий узел, на пальцах виднелась пара крупных колец.

Мне очень хотелось спрятаться за спиной Кондора, который, пока мы спускались по лестнице, успел взять меня за руку и сейчас еще раз ободряюще сжал мои пальцы.

Леди Присцилла вцепилась в меня взглядом моментально, словно в комнате не было ничего, кроме меня, что могло бы вызвать ее интерес. Чашка с чаем, которую она не успела поднести ко рту, вернулась на блюдце, стоящее рядом на столике. Прямо на стопке книг.

Наверное, мне стоило скромно опустить взгляд на носки туфель, но из какого-то странного, внезапно проклюнувшегося упрямства я этого не сделала и рассматривала Присциллу с точно такой же цепкостью, с которой она рассматривала меня. Только, в отличие от нее, я не улыбалась тонкой спокойной улыбкой человека, которому, кажется, ведомо все в этом мире, а отчаянно пыталась не кусать себя за губу.

– Так вот из-за чего так волнуется моя милая Тересия, – сказала Присцилла, с грацией хищника поднимаясь и делая несколько шагов вперед, к нам навстречу. – Доброго дня, Юлиан. Очень мило с твоей стороны иногда появляться до того момента, когда в приличных домах уже принято ложиться спать.

Эти слова не были сказаны с мягкой иронией или родственным укором, уж скорее, из них во все стороны торчали ядовитые шипы сарказма. Я на пару секунд забыла, что мне вообще-то нужно дышать, потому что в страхе и трепете ждала реакции Кондора. Тот каким-то чудом сохранил на лице непроницаемое выражение, даже улыбнулся своей тете, хотя та моментально вернула свое внимание исключительно мне.

– Я думаю, когда всем все понятно, нет смысла соблюдать тонкости этикета, леди Мари Лидделл, – сказала эта женщина, протягивая мне руку – тонкую, сухую, с длинными изящными пальцами. – Меня зовут Присцилла дель Эйве, и я изо всех сил буду делать вид, что мне доставляет удовольствие быть знакомой с вами.

В первый момент мне показалось, что я ослышалась, потому что ожидала я, скорее, возведенной в абсолют чопорности, смотрящей на все с высоты моральных устоев, а получила совсем иное.

И, кажется, это недоумение придало мне сил.

– Взаимно, леди Присцилла, – ответила я, крепко и уверенно пожимая ее руку, и добавила, в глубине души стараясь не думать, что могу об этом пожалеть: – Теперь я хорошо понимаю, от кого Юлиану достались такое прекрасное чувство такта и не менее замечательное чувство юмора.

Меня не поразило молнией на месте. Лорд Парсиваль не превратил меня в жабу, только усмехнулся, причем, вроде бы, одобрительно. Кондор смотрел на меня удивленно и, кажется, такого не ожидал, но осуждать или одергивать не спешил.

Присцилла чуть вскинула подбородок, улыбаясь одним уголком рта, как, похоже, делали все дель Эйве, с которыми я познакомилась, и тоже не стала возмущаться:

– Прекрасно, милая, – сказала она. – Вчера я сделала вывод, что мне предстоит знакомство с кем-то пугливым, как лань, и тихим, как домовая мышь, но у вас есть зубки.

– Вчера? – внезапно спросила Тересия, до того момента сохранявшая настороженное молчание.

– А ты думала, Юлиан вчера приходил только из чувства родственного долга поздравить семью с прошедшим праздником? – абсолютно спокойно бросила ей из-за плеча эта... стерва. – О нет, дорогая, у него слишком много забот, чтобы помнить о таких мелочах.

– Прекрати, – спокойно сказал Парсиваль, чуть сощурившись.

– Молчу, – ответила она, как если бы только что не умудрилась за пару минут наговорить кучу колкостей. – Пойдемте, милая. – Она приглашающим жестом указала мне на диван. В этом жесте было столько властности, что я, бросив взгляд на Кондора и дождавшись его едва заметного кивка, поспешила исполнить приказ. – Нам с госпожой Хоэрт не терпится замучить вас вопросами. Заодно позволим господам, – она кивнула в сторону Кондора и Парсиваля, – немного пообщаться, у них редко появляется такая возможность.

– И вы даже не предполагаете, что мы хотели к вам присоединиться? – Кондор укоризненно покачал головой, даже не думая улыбаться.

Я бы на его месте сейчас вообще взорвалась от возмущения.

– Тебе точно есть, что обсудить с отцом, Юлиан. – Мне показалось, что Присцилла намекает на что-то, неведомое мне и остальным. – Не бойся, мой мальчик. – Она приложила палец к губам, словно обещая о чем-то молчать. – Я чту законы гостеприимства. В конце концов, девочке нужна практика в светском общении, я же правильно поняла?

Минутная стрелка на часах двигалась медленнее, чем улиточка ползет по склону вверх.

Я сидела на краешке дивана и тряслась, как первокурсница перед кабинетом, в котором вот-вот начнется самый сложный экзамен семестра. И несмотря на то, что наш разговор вот уже пару десятков минут сохранял внешнюю доброжелательность, я чувствовала страшное напряжение. Почему-то я не сомневалась, что к вечеру разболится голова, слишком уж сильно било по мне это напряжение и состояние, когда ты не можешь расслабиться, готовясь ко всему и отслеживая каждое слово, чтобы не сболтнуть лишнего.

Я очень старалась.

Не было смысла прикидываться дурочкой: Присцилла быстро поняла, что я неплохо соображаю, и, конечно, не забыла мне об этом своем наблюдении сообщить.

– Но не думайте, что это преимущество, которое стоит постоянно демонстрировать, милая, – добавила она. – Лучше держите это оружие в тайне и поменьше рассказывайте о себе.

Совет, несомненно, был дельным, но прямо сейчас у меня не было никакого шанса ему следовать: леди Присцилла и госпожа Тересия жаждали узнать многое. Правда, моя персона интересовала их в меньшей степени, чем мир, откуда эта персона явилась. И если Тересия удивленно поохала, узнав, что мне непривычно в платьях, потому что в своем мире я предпочитала более удобную, пусть и менее женственную одежду, то Присцилла задавала совсем иные вопросы. Про скорость жизни, про мои привычки, про то, каково было мне, девушке не из аристократического рода, получать образование – почему-то именно этот факт удивил ее больше всего остального.

– В моем мире мало аристократов, – сказала я. – И образование доступно всем. Школы, библиотеки, интернет...

– Интернет?

Я сделала глоток чая, мысленно проклиная себя за длинный язык.

– Мне сложно объяснить, что это.

– Так попробуйте. – Присцилла коротким жестом поправила оборку на платье, словно та нарушала гармонию мира. – Так уж и быть, я постараюсь понять.

Видимо, въедливое любопытство – тоже фамильная черта.

– Представьте себе, что существует способ хранить любую информацию: рисунки, звуки, что угодно, кроме запахов, – в виде, эм-м... шифра, записанного на... специальной материи. Этот шифр способен распознавать специально созданные машины. – «Господи, – подумала я, – надеюсь, у них есть это понятие». – Они воспроизводят все это, показывают, как... эм, зеркало, к примеру. Машины связаны друг с другом, и ты можешь из дома попасть в хранилище почти любой библиотеки, которая заранее подготовила такое хранилище.

Присцилла пару раз моргнула, глядя словно бы сквозь меня. Глаза у нее тоже были желтыми, правда, мне показалось, их цвет чуть уходил в более бледный, холодный оттенок, чем у Кондора или его отца. Смотрелось это жутковато.

– Потом эти люди будут говорить, что у вас нет магии, – едко прокомментировала она мои слова.

– У нас нет магии, это наука, – ответила я, но подумала, что, наверное, объяснить, как именно работает мой мобильный телефон, я бы никогда не смогла, как мало кто из местных обывателей мог объяснить, почему достаточно щелчка пальцев, чтобы кристаллы в люстре начали светиться.

– То есть вы действительно не знали, что у вас есть Талант? – спросила она с тонкой улыбкой и чуть склонила голову набок.

– Если я и мечтала об этом, когда попала сюда, – ответила я примерно так же, как парой часов ранее отвечала Парсивалю, – то не смела всерьез на это надеяться.

– А вам это казалось заманчивым? – она склонила голову в другую сторону.

– А вам бы на моем месте не показалось интересным научиться тому, чему при иных обстоятельствах вы бы никогда не смогли

научиться?

– Вопрос на вопрос, неплохая тактика. – Присцилла выпрямилась и расслабленно откинулась на спинку кресла. – Как она тебе, Терри?

Тересия, притихшая во время нашего с Присциллой разговора, встрепенулась, как сонный котенок, и открыла рот – но что-то сказать смогла не сразу. Кажется, вопрос Присциллы застал ее врасплох, и сейчас бедная госпожа Хоэрт пыталась сообразить, какой ответ ей дать.

«Возможно, – подумала я, – она выбирает между выражением искреннего отношения и тем, что, по ее мнению, устроит ее леди». Тересия поджала губы, бросив на меня короткий и чуть виноватый взгляд исподлобья.

– Хорошая девочка, умная, пусть и ершистая, – ответила она, выпрямляясь. – Прис, не стоит быть такой строгой к бедняжке.

Кажется, в игру вступил хороший полицейский.

– Я совсем к ней не строга, дорогая. – Присцилла коротко хохотнула. – Строга я была к той глупышке, которая пару лет назад рвалась стать леди дель Эйве.

Уж не знаю и даже знать не хочу, к старшему или к младшему, но, кажется, у меня есть все шансы быть сохранный заживо, учитывая, что намереваются повернуть Парсиваль и Кондор.

Хотя Тересию тут терпят.

– А ваша семья, леди Лидделл? – спросила Присцилла, продолжая улыбаться так, словно всаживала мне нож между ребер. – Наверное, вы скучаете по ним?

В глазах ее не было светского равнодушия или участия, в них было то самое любопытство и какой-то странный для меня азарт, словно каждая реплика, обращенная ко мне, была частью давно придуманного и продуманного опросника для любой из девиц, попадающих в этот дом, – вне зависимости от намерений, с которыми девицы в этот дом попадают.

И вопрос, который сейчас прозвучал, был болезненным, намеренно заданным именно для того, чтобы сделать больно, потому что напоминание об оставленных по ту сторону зеркала близких людях – это немного не то, что мне было нужно.

– Конечно, скучаю, – честно сказала я, думая, что, кажется, только что начала осознавать в себе эту тоску. Наверное, потому что увидела

другую семью. – В мои планы приключения в других мирах не входили, знаете ли.

И думать о том, что там, с другой стороны, тебя просто не помнят, тоже не очень приятно.

– Ужасно, когда планы рушатся, – заметила Присцилла с поддельным сочувствием. – Очень надеюсь, что все разрешится благополучно для вас, и вы снова встретитесь. Правда, боюсь, узы, которые слабее, чем узы крови, и рвутся проще, поэтому если у вас был жених, милая, – ее губы снова растянулись в улыбке, – вы можете про него забыть.

Нет, у Кондора нетактичность обычно не настолько намеренная.

– Вы весьма милая девушка, – сказала Присцилла, сделав вид, что не заметила, как я изменилась в лице. – Так что я не сомневаюсь, что у вас там был кто-то... особенный. Я права?

– Я могу не отвечать на этот вопрос?

– Конечно, можете. – Равнодушнее голоса Присциллы, наверное, были только камни. – Но вы сказали, что женщины вашего мира независимы и рано вылетают из гнезда – и совсем не для того, чтобы выйти замуж и создать свою семью. Поверьте, далеко не каждый из тех, с кем вы встретитесь здесь, будет расценивать это как достижение, скорее – как некое бесчестье. Поэтому постарайтесь быть осторожнее. Юлиан склонен смотреть сквозь пальцы на то, как кто-то соблюдает правила или традиции, другие не столь свободны во взглядах.

В отличие от Присциллы, Тересия смотрела на меня с нескрываемым сочувствием, и я не могла бы с точностью сказать, чем оно было вызвано.

– Что ж, – Присцилла вздохнула, как человек, уставший от рутины и готовящийся вот-вот сменить одно занятие другим. – В тонкости этикета вас вводит леди Айвеллин, так ведь?

Она немного сощурилась, глядя, как я пытаюсь не мять юбку руками.

– Все верно.

– С предыдущей у нее получилось не очень, но я склонна думать, здесь не только ее вина. Сложно ржавую болотную глину превратить в фарфор, но милая девочка очень старалась.

– Прис!

В голосе Терезии звучал упрек.

Присцилла посмотрела на компаньонку даже не удивленно – внимательно, словно раздумывала, почудился ей этот упрек или нет. Так или иначе, когда Присцилла снова посмотрела на меня, ее взгляд стал спокойнее.

– Вы мне не то чтобы симпатичны, Мари, буду честной, – призналась она, выждав паузу. – Но в вас есть что-то пластичное, с чем можно работать, пока оно не застыло. Фарфоровой вазой вам не стать, но, кто знает, кувшины тоже бывают полезны в быту.

Сказав это, она лениво потянулась к чашке, потеряв ко мне видимый интерес.

Наверное, мое спокойствие было следствием того, что я просто не знала, что делать. Плакать от обиды было бы глупо: это дало бы леди Присцилле понять, что своих целей она добилась. Хамить в ответ было еще большей глупостью. Так что я старалась дышать как можно тише и, наслаждаясь подступающей к вискам головной болью, рассказывала госпоже Тересии о своей прогулке в Арли.

Это напоминало странное оцепенение перед лицом опасности: Присцилла была злой, как рассерженная оса, и так же больно жалила, если ей хотелось, и я прекрасно понимала, как это должно бесить, когда ты живешь с человеком бок о бок.

«Может быть потом, когда я немного остыну, когда сгладятся острые углы, я изменю свое мнение, – думала я, допивая чай в полном молчании, потому что леди переключились на обсуждение чего-то от меня далекого. – Вряд ли лорд Парсиваль стал бы держать рядом с собой того, кто враждебно настроен по отношению к его сыну или к нему самому. Но именно сейчас прямолинейность леди Присциллы ранила меня – и достаточно глубоко. Единственная мысль, которой я утешалась, была мысль о том, что это своеобразное испытание, через которое просто нужно пройти».

Не для того, чтобы выиграть ценный приз в виде чьего-то ценного одобрения, а потому, что иначе я подведу кое-кого важного.

– Если все светские беседы проходят вот так, – сказала я полушепотом, – то я предпочту монастырь этой вашей богини и полное затворничество.

Обед накрывали в малой столовой – она располагалась в соседнем крыле ближе к кухне, поэтому у меня, к счастью, появился шанс поговорить с Кондором и выдохнуть до того, как начнется главное представление.

В том, что Присцилла не упустит шанса еще проявить себя, я не сомневалась ни капли.

Мы стояли перед входом в комнату, за которой была еще одна комната, и где-то там, вверх по анфиладе, сейчас затихали звуки шагов и голоса.

– Не все. – Кондор взял мои ладони в свои – по тому, как дрожали мои пальцы, я поняла, что, кажется, нервный срыв и я близки как никогда. – Что она сказала?

– Знаешь, никакой конкретики. Просто каждый раз, когда был повод, напоминала мне, что я такое. Ты меня прости, пусть она тебе и родная, но... я тебе не завидую.

– Я не то чтобы привык и смирился, – ответил он, сочувственно улыбаясь, – скорее, однажды постарался понять, почему она такая. Иногда помогает.

– И почему она такая?

– Это долгая история, и я пока не вправе тебе ее рассказывать. Может быть, однажды ты сама поймешь. – Кондор чуть отстранился и внимательно посмотрел мне в глаза. – Голова болит?

Я кивнула.

– Пока только начинает.

– Голод, усталость и суровые испытания никому на пользу не идут. – Он понимающе усмехнулся и обхватил мою голову руками, касаясь пальцами висков. – Все будет хорошо.

Именно в этот момент мне очень захотелось расплакаться, даже в носу зашипало, но я не стала этого делать.

Пока рано. Жилетку и утешение мне обещали вечером, да и хоть как-то проявлять свою слабость, когда рядом была Присцилла, я не собиралась – включилось какое-то странное, злое упрямство.

Нарастающая головная боль утихла, словно бы отползла куда-то и затаилась.

– О чем вы говорили с лордом Парсивалем?

Кондор удивленно вскинул брови:

– Не думаю, что тебе это интересно, – ответил он, подталкивая меня в сторону дверей и дальше, через комнаты, к неизбежному.

– Я боялась, что обо мне.

– Нет, не о тебе. Но после обеда он хочет услышать твой ответ. Надеюсь, ты понимаешь, что на твоём месте я бы согласился. Даже несмотря на... – Он кивнул вперед, намекая на свою тетю и ее скверный характер. – Присцилла испытывает тебя на прочность. Потом поворчит на всех нас и смирится, а твоя безопасность стоит того, чтобы выдержать пару вспышек ее гнева.

– Я заметила, что она очень ревнива, – ответила я.

Комнаты, по которым мы шли, были темные и тихие, почти аскетичные, с плотно задернутыми шторами.

Словно здесь никто не жил.

– Она рассказала тебе про леди Рэю? – с легким удивлением спросил Кондор, даже остановился на секунду.

– Про кого? – не поняла я, не сразу догадавшись, что, видимо, это та самая, которая не стала леди дель Эйве.

– А! – Он выдохнул с каким-то странным облегчением и улыбнулся как ни в чем не бывало. – Пару лет назад одна не слишком умная в своей расчетливости молодая и амбициозная леди пыталась, хм, стать моей мачехой. У нее так или иначе не получилось бы, но Присцилла сделала все, чтобы леди поняла безнадежность своих стараний как можно быстрее. Так что, как видишь, от ее отвратительного характера бывает польза, – шутливо добавил он, смотря прямо перед собой.

Было в этом что-то, похожее на попытку отвести взгляд, и сквозь все тревожащие меня мысли я поняла, что не буду спрашивать, где его мать.

Столовая была на удивление уютной – немного темноватой, немного неидеальной, в отличие от остальных комнат, теплой и не пустой. Два окна выходили на заснеженный внутренний двор с фонтаном. Мебели было немного – длинный широкий стол, стулья, что-то вроде буфета у одной из стен. С потолка, украшенного деревянными пластинами в тон, свисала простая люстра.

Наверное, по этой люстре я и поняла, почему мне хорошо здесь: все было простым, созданным не для того, чтобы производить впечатление, а чтобы жить и пользоваться этим всем.

То есть более понятным и привычным для меня самой.

Кондор отодвинул стул, и я не сразу поняла, что этот жест вежливости предназначался мне. Мое место оказалось по левую руку от лорда Парсиваля, сидящего во главе, и, к счастью, Присцилла сидела наискосок от меня – прямая, спокойная, она уделяла мне внимания не больше, чем служанке, расставляющей блюда на столе.

Я опустила взгляд на столовые приборы и мысленно выдохнула: их было намного меньше, чем ожидалось, так что я вряд ли что-то напутаю. Впрочем, есть мне сейчас не то чтобы не хотелось, от волнения я просто не думала о голоде.

Тересия, сидевшая рядом, пыталась проявить подобие заботы обо мне, передо мной появилась тарелка с супом, в которую я смотрела и заставляла себя понять, что происходит и где я нахожусь.

– Вы очень бледны, Мари, – сказал Парсиваль. – И у меня такое чувство, что вы растеряны. Что вас смущает?

Я подняла взгляд от своей тарелки и сначала посмотрела прямо – на Кондора, который сидел напротив и сейчас тоже внимательно следил за тем, что я буду делать, – а потом повернулась к главе семьи:

– Я не привыкла к тому, чтобы сидеть за столом с большим количеством людей, – честно сказала я.

– В вашей семье было не принято собираться вместе?

Он смотрел на меня ласково и с невероятным любопытством.

– Я много работала и редко ела дома. – Я все-таки взялась за ложку – ручка у нее была из эмали, прохладная и гладкая. – У моих родителей была привычка ужинать всей семьей, конечно, но я часто предпочитала книгу общению.

Если быть точнее – не только книгу, но и соцсети, но им я этого не скажу – вряд ли поймут.

– У Юлиана были похожие проблемы с вежливостью, – сказала Присцилла.

Кондор перехватил мой взгляд и демонстративно закатил глаза, правда, постарался сделать это незаметно для своей тети.

– Дайте уже девочке поесть, – вступилась за меня Тересия. – У нее такой вид, словно она вот-вот упадет в обморок, и я не удивлюсь, если

это случится от голода.

– Да, действительно. – Парсиваль немного снисходительно посмотрел на то, как я пытаюсь есть суп. – Как поживает Габриэль? – спросил он у Кондора, и тот, кажется, этого не ожидал. Я насторожилась и приготовилась внимательно слушать, потому что не знала, насколько хорошо Парсиваль осведомлен обо всем, что касается этих их экспериментов с дверьми и зеркалами.

– Скучно ему не приходится, – уклончиво сказал Кондор. – Тут можешь мне поверить. Мне кажется, он стал заметно более уверенным в себе.

– Я рад это слышать.

Я искоса наблюдала за Присциллой и тем, как красиво двигаются ее руки, когда она берет приборы или тянется к солонке. Это были отточенные, продуманные движения, доведенные до совершенства, и, кажется, мыслями Присцилла была где-то далеко от нас – по крайней мере, она почти не проявляла интереса к разговору мужчин.

Тересия же была больше озабочена тем, чтобы я наелась.

– Вам не нравится суп, милая? – тихо спросила она у меня.

– Я... – Выдохнуть и сосредоточиться. – Простите, я очень беспокоюсь.

– Почему? – Тересия смотрела на меня с искренним участием.

– Очень много нового вокруг, – почти не соврала я.

– О, понимаю. – Тересия ласково коснулась моей руки. – У вас сейчас прямо-таки первый выход в свет, а это очень волнующее событие для любой девушки.

Присцилла это услышала и смерила нас обеих внимательным и презрительным взглядом, словно мы посмели как-то глупо высказаться на болезную для нее тему.

Парсиваль проявлял невероятную тактичность, раз за разом уводя любой разговор в сторону от меня, давая мне возможность отдохнуть и успокоиться. Он, конечно, интересовался мной – настолько, насколько от него требовала вежливость, но, скорее, этим интересом просто показывал, что учитывает мое присутствие, не мешая мне задумчиво ковыряться вилкой в кусках мяса, лежащих на моей тарелке. Запах пряных трав и печеных овощей щекотал ноздри, и именно в этот момент я поняла, что у меня появился шанс получить от еды удовольствие.

В моем стакане была вода с лимоном, в столовых приборах я не путалась, а то, как Парсиваль вытягивал из Кондора информацию, меня забавляло. Тересия бдительно следила за тем, чтобы мне было уютно, и моя симпатия к ней стала еще больше.

– Феликс, как ты знаешь, уехал с отцом в Аглавер, – говорил Кондор. – Дар не говорил мне лично, с чего вдруг, но я догадываюсь, что дело действительно в тех старых конфликтах. Видимо, престолонаследник хочет вернуть себе хотя бы часть утерянных его родителем земель.

– А Феликс поехал отвлекать дворцовых прилипал, пока солидные люди занимаются политикой, – сделал вывод Парсиваль. – Дар справляется?

Кондор пожал плечами и хмыкнул:

– Еще бы.

– Всегда в него верил.

ересия подлила мне еще воды из кувшина, стоящего рядом с нами.

Присцилла все еще сохраняла молчание и чаще смотрела куда-то в сторону окон. Только в тот момент, когда Кондор упомянул поездку его величества в соседнюю страну, она встрепенулась и наклонилась к тарелке, как будто еда вдруг увлекла ее.

– А что его высочество говорит о своих племянницах? Если он вообще о них вспоминает, – вдруг спросила она и презрительно фыркнула.

Тут пришла моя очередь сделать вид, что остатки мяса с овощами на моей тарелке были очень интересными. Про племянниц Дара, дочерей его погибшего старшего брата, я слышала только краем уха и видела мельком в списке дворян того самого Справочника.

– Амелии в этом году исполнилось шестнадцать, – продолжила Присцилла. – И в Альбе ходят слухи, что матушка планирует, наконец, забыть о своем затянувшемся трауре и вернуться в свет. Не догадываешься, зачем?– Она выпрямилась, заметив, что Кондор хотел что-то сказать. – И еще я слышала, что леди Алексиана искала для кого-то прислугу и гувернанток.

– Какие интересные новости, тетя, – Кондор сощурился в ее сторону.

– Сплетни, мальчик мой. Не думаю, что они интересны кронпринцу, но вот мне, как любой женщине, нравится знать чуть

больше, чем знают остальные – и из первых рук. – Присцилла тонко улыбнулась и посмотрела прямо на меня. – О, маленькая леди Лидделл, кажется, даже не понимает, о чем речь.

Я помотала головой:

– Я мало интересуюсь светскими сплетнями.

– В большом количестве они, конечно, вредны. – Присцилла отрезала крошечный кусочек от ростбифа, насадила его на зубчики вилки и отправила в рот. Все чинно ждали, пока она продолжит начатую фразу. – Но мой вам совет, милая: учитесь прислушиваться к ним и выделять главное. Иначе вас сожрут быстрее, чем вы успеете открыть рот, чтобы позвать Юлиана на помощь.

– Я учту это, – ответила я, подумав, что рот мне открывать не обязательно.

Присцилла посмотрела на меня свысока и задержала взгляд на моей правой руке.

– Красивое кольцо, к слову, – сказала она и замолчала, поглядывая, как и до того, куда-то в сторону окон.

Я почувствовала, как живот свело от волнения.

Что мне там говорили про старшего сына короля? Что он был повесой и заядлым охотником – не только за оленями и лисами. У Фредерика не было сыновей, только три дочери, и вместе с матерью, имя которой я не могла вспомнить, они жили не в Иберии. Потому что вдова принца так решила.

Что там была за тайна – я не знала, не углублялась в это, решив подумать потом, когда возникнет необходимость.

Кто же знал, что это потом наступит так быстро?

От мыслей меня отвлекли мелькнувшая сбоку, где-то у дверей, ведущих в столовую из соседней комнаты, тень, и странный, совершенно неожиданный звук, раздавшийся вместе с ее появлением, и легкий порыв ветра, коснувшийся моей щеки.

Я прекратила разглядывать узоры на скатерти и салфетках и подняла взгляд – и тут же чуть не ойкнула, потому что за плечом Кондора, вцепившись когтями в спинку стула, сидел ворон.

Я раньше видела только обычных городских ворон, и вот по сравнению с ними эта птица была гораздо крупнее – и черная, как сама тьма. Ворона, кажется, не интересовало ничего, кроме волшебника, его

волос и воротника рубашки, и никто, кроме меня, не был хоть сколько-то удивлен.

– Замечательно, – язвительно сказала Присцилла. – Я точно помню, что закрывала дверь в библиотеку достаточно плотно. Книги за едой – это еще полбеды, леди Лидделл, – обратилась она ко мне в странной и неожиданной для меня попытке найти поддержку. – А вот то, что он приучил птицу находить его в любой комнате дома и сидеть рядом, за обеденным столом раздражает.

Кондор в ответ только улыбнулся и погладил птицу по клюву – что кота за ухом почесал. Ворон потянулся к ласке, прикрыл глаза, но наглеть не стал и просто замер за спиной хозяина, изредка топорща перья.

Мое любопытство, конечно, незамеченным не осталось.

– Это Корвин, – едва ли не сквозь зубы сказала Присцилла, принимая из рук служанки чашку с травяным отваром – очень тонкую, светло-голубую, с золотой каймой.

Передо мной оказалась в точности такая же. Девушка, расставляющая новую смену блюд на столе, кажется, боролась с желанием пялиться в мою сторону. Присцилла смерила ее презрительным взглядом, заставив бедняжку покраснеть от стыда, и удостоила меня пояснением:

– Как вы, должно быть, уже знаете, леди Лидделл, мы – очень необычная семья. И, конечно, почти все, что живет в этом доме, относится к вещам крайне неординарным.

Парсиваль, кажется, спрятал за ладонью улыбку и с сочувствием посмотрел на бедную Тересию. Я готова была провалиться сквозь землю, но остальные к подобным формулировкам, видимо, привыкли, даже Тересия, которая спокойно взяла с блюда печенье.

– Да, меня уже просветили, – сказала я.

Ворон поднял голову и посмотрел прямо на меня – без враждебности или агрессии, но так, что я почти физически ощутила этот въедливый птичий взгляд. «Почти как у хозяина», – подумала я, гадая, что может случиться в следующий момент. Что-то я такое читала про содержание воронов в домашних условиях, и память подбрасывала не самые приятные подробности. В том числе, что если эта штука цапнет – мало не покажется.

– Для нашей семьи Корвин – как для тебя Сильвия, ну или что-то подобное. – Кондор улыбнулся мне. – Просто у меня как-то получилось найти с ним общий язык.

Птица, понимая, что говорят о ней, издала странный звук, похожий на урчание, и щелкнула клювом.

– И невероятно избаловать, – фыркнула Присцилла.

Парсиваль глухо засмеялся, уже ни капли не стесняясь этого, за что заработал презрительный взгляд от сестры.

Мы с Тересией переглянулись: мой недоуменный взгляд столкнулся с ее, полным какого-то смиренного терпения и понимания, мол, так вот я и живу, и ты, деточка, привыкай.

– Я не сомневался, что вы примете верное решение, – сказал Парсиваль.

Его кабинет в доме был намного уютнее, чем кабинет ректора, более личным, что ли, но трепет вызывал не меньший. После обеда меня сразу привели сюда, и теперь я сидела в мягком кресле напротив лорда Парсиваля и старалась смириться с судьбой.

Как будто бы мое решение могло быть иным.

Кондор был рядом, но, кажется, решил не вмешиваться в разговор своего отца с одной глупой девочкой и просто смотрел в пламя камина. Почему-то мне казалось, что сейчас волшебник пытается хоть отдохнуть от всего, что происходило вокруг. И в этом стремлении я его отлично понимала.

Корвин, который ни на секунду не желал расставаться с хозяином, сейчас сидел на спинке кресла, немного нахохлившийся и такой же обманчиво-спокойный. Я не сомневалась, что птица, которая не совсем птица, наблюдает за мной – и очень внимательно.

– Вы привели достаточно убедительные аргументы, милорд, – сказала я, сцепив пальцы в замок и положив руки на колени. – Единственное, что меня смущает, это чувство, что вы делаете для меня больше, чем я заслуживаю.

– Это очень лишняя скромность, леди Лидделл, – голос Парсиваля стал обманчиво ласковым, как бархат, прячущий где-то в себе острое лезвие.

– Так или иначе, я хочу быть уверена в том, что в моих силах расплатиться с вами за подобную милость.

Корвин щелкнул клювом – мне показалось, что насмешливо. Парсиваль тоже улыбнулся.

– То есть аргументы все-таки были недостаточно убедительными? – ехидно спросил он. Я поспешила заверить, что нет, достаточно, стараясь не коситься в сторону главного аргумента. – Мари, все, что вы будете должны моей семье, даже не мне лично, сводится к двум простым понятиям: преданность и лояльность. Я уже говорил вам, что вы кажетесь мне очень достойной и честной девушкой, и мое мнение почти полностью совпадает с тем, что о вас накануне рассказал мой сын. Вы понравились моей сестре...

– Что?! – не удержалась я.

– Поверьте, вы ей понравились. – Парсиваль улыбался уже без какого-либо стеснения и, кажется, готов был рассмеяться. – Намного больше, чем любая из женщин, которая переступала порог этого дома, намереваясь каким бы то ни было способом задержаться в нем подольше.

– А ваш брат? – спросила я.

– А вы видите его здесь?

Я помотала головой.

– Гилберту будет совершенно все равно, поверьте, у него совсем другие цели и интересы. Вашим патроном становлюсь я, а не он. – Парсиваль стал задумчивым. – У моего брата здесь нет власти.

Я нервно разгладила юбку.

– Преданность и лояльность, моя милая, выражаются не в слепом подчинении моим приказам, а в вашем желании или склонности смотреть на некоторые принципиальные вещи так же, как я привык это делать, – продолжил лорд Парсиваль. Его голос звучал почти мягко. – Если бы я не был уверен в том, что мы сможем смотреть в одном направлении, я бы не предложил вам свою помощь. Вообще никакую. Вы же не считаете меня тщеславным тираном, который будет беззастенчиво пользоваться вашим подчиненным положением, стремясь навязать вам свои собственные интересы?

Кондор оторвал взгляд от пламени и, улыбаясь одним уголком рта, посмотрел сначала на меня, потом на отца – и сказал:

– У леди в голове обитает некоторое количество стереотипов, папа. К счастью, ее можно достаточно быстро убедить в том, что пытаться примерить их к живым людям – идея не слишком жизнеспособная. Ну же, Мари, признайся, – сказал он мне, – поначалу ты шарахалась от меня именно потому, что что-то такое себе придумала.

– Как ты себя вел, – ответила я, – так я тебя и воспринимала.

Он рассмеялся.

– Буду себе льстить, что мне однозначно удалась роль коварного чародея. Но если без шуток, – Кондор снова стал серьезным, – решение только за тобой. Я рассказал тебе все, что должен.

– Я же сказала, что согласна! Я просто боюсь, что однажды мне выставят счет, который я не потяну.

– Вашу растерянность легко понять, милая, – поспешил успокоить меня Парсиваль. – Вы здесь недавно и чувствуете себя очень одинокой и беспомощной. Желать вам вреда или использовать вас во вред вам самой – это то, что я назвал бы бесчестьем.

– А использовать меня во благо мне – это честно? – я положила руки на подлокотники.

Он ухмыльнулся.

– Вас уже используют, милая, и чем дальше, тем больше будет желающих. Я могу только поклясться, что наши с вами отношения будут строиться на доброй воле и доверии. У вас, напоминаю, особое положение в этом мире. У нас тоже. Так что, в некоторой степени, это союз равных.

Если бы я и хотела сказать что-то еще, я в любом случае не решилась бы, поэтому замолчала, пытаясь вспомнить все события, которые происходили до сегодняшнего утра, как перед прыжком в глубину пытаются вдохнуть побольше воздуха. И вот если отбросить привычку Кондора недоговаривать, его резкость в некоторые моменты, но принять во внимание все то, о чем говорил его отец, пока мы общались один на один, как ни крути – получалось одно.

У них был повод заботиться обо мне и защищать меня.

У меня – не было повода упрекнуть их в чем-то, как не было больше никого в этом мире, кому я могу доверять. Кроме меня самой, разумеется.

– Что я должна сделать?

Кажется, некое напряжение, которое до этого момента едва-едва, но ощущалось в воздухе, исчезло. Корвин что-то проскрипел и потрянул головой, потерялся клювом об обивку кресла.

– Вы получите амулет с отпечатком моей силы, и еще нужно подписать пару бумаг. Второе – действие не обязательное и нужно, скорее, для отчета перед Ковеном, если у них возникнет желание задавать вопросы. Амулет нельзя будет ни потерять, ни украсть, ни даже отдать кому-то, кроме меня или моих кровных родственников. – Парсиваль вытянул ту ногу, на которую он прихрамывал, вперед. – Что вы предпочитаете из украшений?

Кондор фыркнул, я покраснела и задумчиво потянулась к уху, в котором носила свои серьги. Кажется, мы с Кондором подумали об одном и том же.

– Посмотри на ее правое ухо, – сказал он отцу. – Пару дней назад в нем было целых пять сережек.

– Как занятно. Мода вашего мира, Мари?

– Нет, скорее, протест против нее, – сказала я, а потом вдруг поняла, куда он клонит. – Кондор, ты серьезно?

– Что? – Он улыбался с каким-то мальчишеским задором. – Отличная идея, мне кажется. Тонкое кольцо с камнем-накопителем, которое можно не снимать, потому что оно не будет мешать носить другие серьги.

Парсиваль казался растерянным, совершенно не готовым к подобному энтузиазму со стороны сына – и к точно такой же растерянности с моей стороны.

– Мари, вам решать. – Он развел руками. – В любом случае, здесь тоже выбор за вами.

Я вздохнула. Соблазн получить экстравагантное по местным меркам украшение был слишком велик, чтобы я перед ним устояла, тем более что такой выбор, кажется, эти два человека поддержали бы. Именно потому, что это необычно.

– А если все-таки сережка в ухо, – начала я, на всякий случай поглядывая на Кондора, не станет ли он хмуриться, – то так можно?

– Конечно, можно, милая. – Парсиваля моя реакция заставила прикрыть лицо ладонью. – Только на это потребуется пара дней. Кольцо или кулон я, пожалуй, нашел бы для вас уже сегодня.

– Ты знал, что Шамас вернулся? – вдруг спросил Кондор. – Знал же? Но не сказал мне.

Он осуждающе покачал головой и грустно улыбнулся.

– Я вижу, вы у него уже побывали. – Парсиваль кивнул в сторону моих сжатых ладоней. Я вытянула правую руку вперед, в сторону огня, растопырив пальцы и разглядывая кристалл. – Да, хорошая вещь, Мари, она вам пригодится. Услуги Шамаса стоят немало...

Он повернулся в сторону сына.

– Должны же мои деньги приносить хоть какую-то пользу, – сказал Кондор. – Если уж я получаю их больше, чем могу потратить... с таким-то образом жизни. По крайней мере, Шамас не будет задавать лишних вопросов. Завтра зайду к нему еще раз.

– Присцилла не упустит шанса съязвить, что ты вдруг зачистил.

– У него в магазине подходящее зеркало, – хитро ответил Кондор. – Поверь, я уже все продумал.

Все с ним понятно.

– А... – начала было я, потому что мой вопрос, кажется, истолковали не слишком правильно.

– Нет, не напряжет, – устало ответил Кондор, протягивая руку через плечо к Корвину.

Тот щелкнул клювом прямо рядом с пальцами.

– Я не о том. – Я потянулась к своему уху и задумчиво дотронулась до него. Сережек под пальцами не хватало. – Это будет выглядеть необычно, как я понимаю. Точно ли это, хм, приемлемо?

– В крайнем случае, все спишут на то, что ты – волшебница, а значит – со странностями, – пожал плечами Кондор.

– Замечательно, – улыбнулся Парсиваль. – Кажется, мы со всеми вопросами разобрались, остальные будем решать по мере возникновения. С внешним видом новой игрушки, надеюсь, леди сможет определиться сама.

Леди была смущена. Я думала, Парсиваль просто достанет из шкатулки какую-нибудь дорогую безделушку и выдаст ее мне под расписку кровью, но нет. Он поступил иначе. Словно бы я не была абсолютно чужим человеком, которого он видит впервые.

Корвин хрипло каркнул и вдруг решил, что ему тоже интересно познакомиться со мной поближе: он осторожно переступил по спинке кресла ко мне и любопытно вытянул голову в мою сторону. А потом

просто преодолел разделяющее нас расстояние парой взмахов крыльев – в кабинете, гораздо менее просторном, чем та же столовая, это было пугающе – и сел справа от меня на подлокотник. Цепкие когти оказались в опасной близости от моей руки, как и клюв.

Мы все замерли: я – в растерянности, Парсиваль сохранял спокойное любопытство, а Кондор подался чуть вперед, на всякий случай насторожившись.

Я боялась даже пошевелить пальцами, потому что не знала, чего мне ожидать. Ворон повертел головой, разглядывая кольцо, а потом повернул голову к моему лицу и издал странный звук, похожий на протяжное «урррр». Кондор рассмеялся.

– Все в порядке, Мари. Ты просто ему интересна.

– Да? – скептически спросила я, потому что птица перебралась чуть выше и теперь, вцепившись когтями в обивку, потянулась клювом к кружеву на моем платье.

Словно хотела выдрать кусок ткани где-то в области моих ключиц.

– Или что-то в тебе ему интересно, – более серьезно сказал маг, наклонив голову набок. – Она же у тебя справа?

– Что? – не сразу поняла я.

– Что? – точно так же не понял Парсиваль.

Видимо, в такие подробности его не посвящали.

– У Мари есть татуировка в виде прямой пентаграммы.

– Вот как... Тоже протест против моды вашего мира, леди Лидделл?

Я только рот открыла в надежде что-то сказать, но не успела: в кабинет без стука зашла Присцилла, прямая и строгая – и настолько спокойная, как будто видеть, как ее племянник пытается отцепить птицу, которая не совсем птица, от побледневшей нервной девицы, это такая же обычная ситуация, как и вечерние посиделки за чаем с Тересией.

– Я вижу, вам здесь весело, – сощурившись, сказала она и остановилась в паре шагов от двери.

Присцилла скрестила руки на груди и строго посмотрела на Кондора. Тот улыбнулся и, пересадив Корвина себе на плечо, отошел поближе к камину, приглашающим жестом указав тете на освободившееся кресло.

– Вы можете не рассказывать, о чем вы тут говорили. – Взгляд Присциллы уперся в меня, въедливый, оценивающий, и, кажется, она сама для себя что-то решала. – Не удивлена твоей симпатии, Парсиваль. Тебе всегда нравились в людях умные глаза. Ну что, девочка, ты же согласилась? – Тонкие губы скривились в усмешке. – Несомненно, согласилась, куда тебе противостоять таким... опытным игрокам.

– Прис...

– Тетя, не надо.

– Молчите оба, я не с вами говорю. – Она распрямила плечи, отчего стала казаться еще выше. Кондор хмурился, и могу честно сказать, я никогда не видела его настолько раздраженным. Парсиваль тоже казался рассерженным, но, видимо, решил дать сестре шанс высказаться – только перехватил мой взгляд и чуть заметно кивнул. – Если ты согласилась, думаю, есть смысл отбросить все формальности. Тебе ведь уже сказали, что от тебя требуется?

– Да, леди Присцилла, – покорно ответила я, думая про себя, что раз уж мы отбрасываем формальности, то я все-таки рискну и обращусь к ней на «ты», если совсем не смогу станеть. Присцилла склонила голову набок, мол, продолжай, и я продолжила: – Верность и преданность семье, работа на патрона, если ему понадобится моя помощь или моя поддержка, лояльность и...

– А жизнь ты готова отдать? – спросила Присцилла с таким видом, будто бы уточняла у меня название любимого сорта чая.

Я посмотрела в сторону Кондора – очень, очень напряженного, и не нашлась, что сказать.

Присцилла смотрела на меня сверху вниз.

– Мне показалось, что вы решительная девушка, леди Лидделл, – сказала она. – Но, как я вижу, вы избирательно решительная в своей преданности. – Она словно потеряла ко мне интерес и посмотрела на брата: – Вы уже решили, кто проведет с леди Лидделл нужный ритуал?

– Хм, Прис, – очень мягко, как с расшалившимся капризным ребенком, заговорил Парсиваль. – В ритуале нет нужды. Леди не принадлежит этому миру, не к чему привязывать ее к нему больше, чем нужно.

– Как мило. – Присцилла лениво перевела взгляд на Кондора. – Такая трогательная забота. Мальчик мой, ты вчера сказал, что некто

могущественный с другой стороны очень близко познакомился с леди Лидделл. Тебе не кажется, что полумеры в таком случае будут совершенно неэффективны и лишь создадут видимость защиты? Нет, я ни в коем случае не собираюсь все усложнять, конечно, но нам всем очень, – в ее голосе скользнуло что-то, что заставляло искать в словах двойное дно, – очень дорога леди Лидделл, и мы все, я правильно поняла? – Правый уголок губ дернулся вверх, искажая спокойную до этого момента улыбку. – Мы все хотим защитить ее – лучшим из способов.

Кондор, прошептав что-то Корвину, ссадил его на кресло, и ворон не упустил шанса сунуть любопытный клюв поближе к моему уху.

– Я вижу, у тебя есть какое-то предложение, – обманчиво спокойно спросил Парсиваль.

– Конечно. – Она кивнула и с какой-то странной торжественностью посмотрела на Кондора. – Тебе стоит отвести девушку к алтарю Бранна.

Фраза повисла в воздухе, потому что после нее никто ничего не сказал.

Только дрова в камине чуть потрескивали.

– В смысле? – спросила я, когда поняла, что мне стало совсем неуютно.

Все взгляды обернулись ко мне.

– Ох, вот как, – Присцилла усмехнулась. – Вам не рассказали. К алтарю Бранна, милая, приходят в том числе затем, чтобы просить особой защиты. Или чтобы обсудить с представителями другой стороны разного рода вопросы. В том числе – споры за территории... или слуг. Я провела некоторые исследования. – Она с чувством потянулась, совершенно не стесняясь никого из находящихся в комнате. – Знаю, что ты хочешь еще раз пообщаться с Пророком, милый, и вытащить из нее все, что она может знать, – сказала она Кондору. – Но должна предложить тебе более... надежный способ.

– И более опасный, – холодно ответил Кондор.

– Куда менее опасный. – Пальцы Присциллы отбили на подлокотнике странный ритм. – Ты заблуждаешься, и мы все знаем почему.

Я, кажется, к этим «всем» не относилась, но никто не торопился меня просвещать.

– В любом случае, это дело ваше и леди Лидделл. Мое право – дать совет, а уж решите вы его слушать или нет... – Присцилла развела руками. – Не имею ничего против того, что вы оба задумали, но если уж решили что-то делать, то делайте на совесть. Я не могу запретить не проводить этот ритуал. – Присцилла смотрела на Парсиваля глаза в глаза, и в этом было что-то от противостояния. – Но прошу тебя, родной, прислушайся ко мне, – сказала она ему тихо, но твердо. – Подарить ей зачарованное колечко и поцеловать в лоб в знак защиты ты всегда успеешь.

– Что вам больше нравится, леди Лидделл? – спросил Кондор, когда мы вернулись в замок – через зеркало прямо в его кабинет. – Моя гостиная? Ваша гостиная? Или библиотека?

Я уставилась на него, не понимая, к чему он клонит.

Волшебник усмехнулся устало и смущенно.

– Я обещал тебе мое плечо, жилетку и платок, – напомнил он. – И собираюсь выполнить это обещание.

В одной руке он держал мои сапоги, другой – меня саму за руку.

Я моргнула.

– Библиотека. Но можно мне сначала переодеться? – спросила я.

Кондор пожал плечами.

– Конечно, милая, – сказал он, утягивая меня в зеркало. – Как хочешь. Надоело носить костюм женщины этого мира?

– Вроде того, – отозвалась я.

И чуть не споткнулась о раму.

Сильвия появилась из теней в одном из углов гостиной, словно давно ожидала нас, и даже почти меня не напугала. Зато Кондор чуть не шарахнулся в сторону.

Сильвия улыбнулась – более плотоядно, чем обычно, как мне показалось, – и приветственно кивнула нам.

– Господин Ренар выехал из замка несколько часов назад, – сообщила она Кондору. – Он просил меня сказать вам, что он помнит вашу просьбу и постарается ее выполнить.

– Спасибо, Сильвия, – Кондор отпустил мою руку.

– Всегда пожалуйста, милорд, – она, кажется, не торопилась исчезать в тених или уходить через обычную дверь, словно хотела сказать что-то еще.

Он нахмурился.

– Есть какие-то другие новости?

– Все спокойно, милорд. – На ее губах мелькнула тень снисходительной улыбки. – По эту сторону. Насчет той стороны ручаться не могу, она все еще взбудоражена и помалкивает. Я считаю своим долгом сообщить это вам.

Кондор нахмурился.

– Передай слугам, что мы будем в библиотеке. – Он на секунду задумался, прикидывая что-то. – Пусть подадут туда чай как можно быстрее. И как только Ренар вернется – я хочу его видеть.

– Я вас поняла, милорд. – Сильвия снова кивнула, точнее – медленно и торжественно наклонила голову, как будто на голове у нее была корона, и, повернувшись ко мне, повторила этот жест, только в этот раз – коснувшись рукой груди, как люди обычно делают, когда хотят выразить сердечность или вроде того. – Если леди что-то понадобится, меня достаточно позвать...

– Я позабочусь о леди, – холодно сказал Кондор.

– О, – кажется, фэйри отважилась на ехидство, – рада видеть подобную сознательность.

И она исчезла, схлынув тенью куда-то в сумерки. Кристаллы сразу стали казаться ярче.

Кондор оставил мою одежду на кресле у окна.

– Я подожду тебя здесь, если ты не против.

Я против не была. Мне было почти все равно.

Сменить платье, пусть удобное и мягкое, на что-то более привычное оказалось полезно: от усталости, накопившейся за время обеда и последующего за ним разговора, меня это не спасло, но чувствовать себя я стала лучше. Почти как в домашние тапочки влезть после работы. Правда, вместо тапочек у меня были кеды.

В библиотеке я забралась в кресло с ногами.

Поднос с чаем уже стоял на столе, оставленный невидимыми слугами. Я задумчиво сняла с чайника крышку и принялась.

Чай как чай. От того, что я пила дома, отличается разве что качеством.

Кондор сидел напротив и наблюдал за мной.

– Ладно, – сказала я. – Что за ритуал вы так яростно обсуждали все втроем?

Вопрос не застал волшебника врасплох.

Кондор не стал улыбаться или увиливать.

– Ничего ужасного в этом ритуале нет, – ответил он прямо. – Просто закрепление вашего с моим отцом договора у священного места. Это не обязательно.

– Но желательно, – сказала я.

– Нет. – Голос Кондора звучал почти резко. – В твоём случае – нет. Я бы не хотел привязывать тебя к этому миру ещё больше, чем ты уже привязалась. Это нечестно по отношению к тебе.

В его взгляде сейчас появилось что-то странное: не то сочувствие, не то жалость, не то что-то ещё, такое вот, искреннее.

Кондор, кажется, понял, что я это заметила, и скрестил руки на груди, словно пытался защититься от меня – или от чего-то, со мной связанного.

Я смотрела, как бликуют огоньки на стеклах витража.

– Это значит, – начала я. – Что если я слишком привяжусь, то могу не вернуться?

Он посмотрел в сторону – и потом снова на меня:

– Я не знаю, – прямо сказал он. – В этой формуле слишком много неизвестных, леди Лидделл, и я не возьмусь судить. Тебя привела сюда не моя воля, и я не знаю, может ли моя воля вернуть тебя домой. У этого мира есть свой к тебе интерес, и я не знаю, – он усмехнулся. – Не знаю, захочет ли он отпускать тебя. Я не могу обещать, что ты вернешься. Я могу обещать, что постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы это произошло.

Я подтянула ноги к груди, обхватила руками колени и положила на них голову.

– Уклончиво, – констатировала я. – Но спасибо хотя бы за это.

Мне стало холодно и страшно. И одиноко так же, как прошлой ночью – подумать только, сколько всего произошло после того, как я рыдала, прячась под одеялом.

Я подумала о том, что в моей жизни, возможно, не будет уже моей семьи, соцсетей, нового сезона «Доктора», друзей, которых и так было не слишком много. Мир продолжится – без меня, и в лучшем случае

память обо мне сотрется, исчезнет, изменится. Чужое колдовство – зимние чары снежного господина или искусная магия таинственной Богини, путешествующей по мирам – сделает так, что меня не станет там.

Я буду здесь. И моя собственная память, увы, никуда от меня не денется.

Там, в другой жизни, я еще не начала строить какие-то планы. Я жила, как придется, читала, мечтала, плакала, любила. Со мной не случалось каких-то чудес, а создавать чудеса сама я не научилась.

Может быть, именно поэтому так и случилось.

Ведь если подумать, то к тому миру я тоже не была привязана.

Голос Кондора выдернул меня из размышлений.

– А ритуалы такого рода, – сказал волшебник, и я подумала, не пропустила ли я чего, – имеют свои последствия. Они создают особые узы, хочешь ты того или нет, и эти узы сложно разорвать. Алтарь Бранна, к тому же, находится на границе. – Он произнес это так, словно фраза имела еще один, особый смысл. – Мне не хотелось бы вести тебя к границам, милая, даже к таким надежным, как это место. С другой стороны, Присцилла права. Если я хочу узнать правду, надежнее способа не найти.

– М? – я подняла на него взгляд.

Кондор все понял быстрее, чем я успела спрятаться.

– Да ты сейчас расплачешься. – В его голосе не было и намека на сочувствие – и правильно, его спокойствие помогало намного больше. – Это закономерно и справедливо. Я обещал тебе свое плечо, поэтому если хочешь...

– На ручки? – не без ехидства всхлипнула я, надеясь, что он шутит – кресла-то здесь были одноместные, так что «на ручки» получилось бы в буквальном смысле.

– Можно и так.

Я снова спрятала лицо в коленях, закрыла голову руками, чтобы внешний мир не видел, как я рыдаю и пытаюсь не смеяться, потому что за смех мне было немного стыдно.

Мне вообще стало стыдно, что я, увлеченная подобием приключений, мало думала о родных, оставшихся с той стороны, потому что сама для себя решила спрятать эти мысли подальше, пока не вернусь.

Пока не пойму, что могу сделать шаг – и вернуться.

Я старалась наслаждаться тем, что происходило вокруг: едой, интерьерами, постоянными чудесами. Я настроилась на приключение, которое однажды закончится возвращением в рутину, лишённую волшебства, но пока оно длилось – оно должно было очаровывать и очаровывало, несмотря на мое сопротивление и страхи.

Теперь это стало чем-то другим.

Совсем другим.

Изменилось, перевернулось с ног на голову за сутки, а еще через сутки превратилось почти в кошмар.

Кондор подошел ко мне и, присев на подлокотник, погладил по волосам. Он ничего не говорил, не пытался меня утешить или заставить открыться, выползти на свет. Это тихое, не мешающее сочувствие было намного дороже, чем любые попытки меня успокоить или наобещать все хэппи-энды мира.

– Я очень рад, что ты не обвиняешь меня в том, что случилось.

– А я должна? – пробурчала я, не поднимая головы, но он услышал:

– Ну, если так посмотреть, то именно я втянул тебя во все это.

– Меня привела сюда не твоя воля, – ответила я, вытирая слезы рукавом толстовки. – И потом, тебя в это все тоже кто-то втянул. Ладно. Что ты там говорил про границы и правду?

Он усмехнулся и прежде, чем ответить, налил в чашки чай.

Одну он протянул мне.

Другую взял, вернувшись в кресло напротив.

– Я хочу выяснить, что нужно от тебя Хозяину зимы, – сказал Кондор. – И я надеюсь выяснить это через Видящую. Поэтому попросил Ренара найти ее. Но на границе есть шанс переговорить кое с кем лично, – добавил он осторожно, словно боялся сказать что-то не то. – С кем-то, кто придет засвидетельствовать заключение сделки между моим родом и одной маленькой леди, которой нужна защита. Это более надежный способ, но у меня есть причины не хотеть общаться с вестниками и слугами повелителей другой стороны.

– Я тебя отлично понимаю, – сказала я, почувствовав холодок, бегущий вдоль позвоночника.

Кондор улыбнулся и чуть поднял чашку вверх в знак солидарности.

– Впрочем, есть вероятность, что никто не придет. Здесь никак не угадаешь. Так или иначе, – он сделал глоток чая, – пока есть возможность не использовать этот вариант, я буду настаивать на том, чтобы его не использовать.

Он улыбнулся мне, но за улыбкой чувствовалось что-то такое, из-за чего мне хотелось обнять его и успокоить.

Прежде, чем я на это решилась, открылась дверь, впуская сначала служанку – Иву, вспомнила я, а затем – Ренара. Он, видимо, так торопился к нам, что не успел снять верхнюю одежду или даже не подумал об этом.

– Так, – сказал Кондор, поднимаясь с кресла. – Мне не нравится то, что у тебя на лице.

– Ах, это... – Ренар болезненно поморщился и осторожно дотронулся кончиками пальцев до скулы, на которой сейчас расцвел синяк. – Это ерунда.

Ива бросила на нас испуганный взгляд и, кажется, собиралась исчезнуть, но Ренар поймал ее за локоть:

– Не так быстро, красавица, – достаточно ласково, чтобы стереть испуг с ее лица, сказал он. – Спасибо, что проводила. Я хочу есть, поэтому будь добра принести сюда что-нибудь такое, что будет готово раньше, чем я захочу сожрать тебя.

Ничего себе!

Отпустив служанку, Ренар легко скинул куртку и шарф, небрежно бросив их на спинку свободного кресла, и, подмигнув мне, вытащил из кармана смятое письмо и протянул его Кондору.

– Это от Лин. Оно ждало меня у Герхарда, когда я добрался до его дома. А вот это, – он указал на синяк, – я получил уже на обратном пути. Нет, нет! – Он отмахнулся от Кондора, который язвительно предложил свою помощь. – Будет мне хорошим напоминанием, что ты, Птица, в некоторых вопросах прав, даже когда ты не совсем прав в методах. И лучше уж меня Мари пожалеет. – Он попытался мне нахально улыбнуться, но снова поморщился. – Ты читай, мне самому интересно, что она написала. Потому что это не все, что я должен тебе передать.

Его внимание сейчас целиком сосредоточилось на мне, и следы слез незамеченными не остались.

– Я смотрю, знакомство с Присциллой для тебя тоже не прошло гладко? – понимающе спросил Ренар.

– Ты знал? – удивилась я, готовясь возмущаться.

– Догадывался.

– Знакомство с Присциллой прошло более чем хорошо, – сказал Кондор, не отрываясь от письма. – У Мари есть все поводы гордиться собой. Лин передает нам всем теплый привет и пишет, что переживает. Я должен был связаться с ней, – произнес он с досадой. – Но за всем этим забыл.

– И все? – Ренар рылся в сумке в поисках трубки и табака. – Никаких намеков на то, что наш цветочек соскучился?

– Она всех нас любит и надеется, что у леди Лидделл все складывается хорошо. Остальное – набор вежливых подробностей и извинений. У нее появились дела на ближайшие дни. Я так понимаю, курьера ты не застал?

Я с любопытством посмотрела на волшебника, потому что о способах связи здесь знала очень мало.

Ренар покачал головой в ответ на вопрос Кондора и, набивая трубку, сказал уже мне:

– Обычные люди пользуются услугами курьеров, которые перемещаются через порталы вроде того, который ты видела у Герхарда. Семья леди Айвеллин, сама понимаешь, держит для таких целей собственного слугу. Ладно, сделаю вид, что успокоился, – сказал он, чиркая спичкой. – Она называет имя своего... хм...

– Жениха, Ренар, – снисходительно сказал Кондор. – Нет, не называет.

Вот как.

Вот, значит, что это за важные дела дома, в семье.

Вот почему она, наверное, не задержалась так долго.

Мне показалось, что пренебрежение в голосе Ренара могло означать, что он ревнует.

Кондор тяжело вздохнул.

– Что еще ты хотел сказать? И да, кто тебя так... одарил?

Мое присутствие им совершенно не мешало.

Кондор положил письмо на поднос.

– Разукрасили меня друзья того парня, – сказал Ренар, делая затыжку, – которого наша милая леди Лидделл ненароком прокляла.

Намерения у них злые, но не серьезные, и это не самая главная беда.

Кондор наклонил голову набок. Его взгляд стал очень жестким.

– Я тебя внимательно слушаю.

– У меня не получилось найти Хельду, – сказал Ренар. – Я подумал, что госпожа Видящая, наверное, не хочет, чтобы ее искали, но у меня не получилось найти ее и другим, скажем, способом. Мастер Оденберг проявляет некоторое беспокойство, – добавил он вкрадчиво. – Потому что госпожа Видящая, как я понял, покинула его дом внезапно для него самого, хотя он просил ее задержаться. Общение с вами обоими имело для ее здоровья некоторые последствия.

Кондор нахмурился.

– В городе ее нет. Людям, в принципе, мало дела до какой-то там бедной девушки, но... – Ренар прервался, с жадностью наблюдая, как в дверях появляется Ива с тарелкой – пахло тушеным мясом. – Спасибо, милая. Поставь на стол.

– Ты мог бы дотерпеть до ужина.

– Я переволновался. – Ренар снова улыбнулся и снова поморщился от боли. – В общем, Герхард очень сильно, просто-напросто нижайше просил твоей личной помощи в поисках. Я, правда, не сказал ему, что ты и сам не против эту помощь оказать.

На губах Кондора появилась темная улыбка.

– Прощения он не просил?

– Просил. – Ренар открыл окно и вытряхнул пепел из трубки прямо в него. – Обещал еще лично попросить. И в этом точно нет никакого... кхм... обмана или двойного дна. Мне жаль, Кондор. Привести к тебе Видящую я не смог.

– Ну что же, – задумчиво ответил волшебник. – Придется менять планы и завтра самому отправиться на поиски.

На его лице появилось выражение обреченности.

– Только выпись перед этим. – Подхватив тарелку, Ренар едва ли не упал в кресло. – А то выглядишь ты не очень, знаешь ли.

Кондор посмотрел на него почти презрительно.

Я понимала, что это игра, притворство, но если бы он так посмотрел на меня, я бы, наверное, испугалась.

Или возмутилось.

В зависимости от обстоятельств.

– Спасибо за совет, – холодно сказал Кондор. – Но у меня еще есть дела на сегодня.

– Если речь идет о том, чтобы снова весь вечер развлекать девушку историями и игрой в карты, – сказал Ренар, прожевав первый кусок. – То я с удовольствием разделю с тобой это нелегкое бремя.

Кровь на снегу

«Сложи это слово, – и ты будешь сам себе господин, а я подарю тебе весь мир и новые коньки».

Ганс Христиан Андерсен, «Снежная королева»

В ту ночь мне приснился мой дом.

Бывают сны, в которых ты посещаешь места из своего прошлого, и прошлое, которое было настоящим, перемешивается с иллюзиями и фантазиями, ложными воспоминаниями и мороками, порожденными тревогами и тьмой.

Я бродила по квартире своих родителей, не находя в ней ни единого намека на саму себя: ни фотографий, с которых бы я улыбалась щербатой детской улыбкой, ни моих плакатов, ни книг, оставшихся со школы, ни игрушек. Ни старой одежды, которую мама зачем-то бережно хранила для младшей сестры, хотя прекрасно знала – она не станет это носить.

Я распахнула нижний ящик одного из шкафов, надеясь найти в нем свалку из тетрадей и старых компакт-дисков, наушников, журналов, но в ящике царил почти стерильный порядок и стояли какие-то странные банки и закрытые коробки с датами, написанными маркером.

Мне снилось, что в доме был кто-то еще, кто-то, кто не замечал меня, проходил сквозь меня, разговаривал и смеялся, пока я металась, как бешеная, в поисках себя.

Вокруг были люди, вереница всех тех далеких родственников и одноклассников, коллег, знакомых твоих родителей, которым, в принципе, нет до тебя, собственно, дела, но которые старательно следят за тем, не дал ли ты им повода позлословить. Вся эта толпа проходила через узкий коридор куда-то в глубину крошечной квартиры, и каждый что-то делал, говорил, приносил с собой.

Но не видел меня.

Мне снилось, что когда я выглянула в окно, вокруг было белое безмолвие, огромное пространство, полное снега, и убегающая куда-то вдаль узкая лента дороги, словно за порогом дома начиналась пустота.

Неизведанное. Неприятное. Настолько мертвое, что мне нужно было срочно бежать оттуда.

«К счастью, – подумала я, просыпаясь и пытаюсь согреться, в доме моих родителей не было ни одного зеркала, которое могло бы отразить меня в полный рост».

Я сомневаюсь, что это обернулось бы для меня чем-то хорошим.

Утренний холод сделал мою постель, слишком большую, совсем неудобной.

Огонь в камине не загорелся, несмотря на мой приказ, и сам воздух вокруг был мерзким, влажным и холодным, словно комнату наполнил туман.

Я подошла к окну, накинув на плечи плед, и отодвинула штору: там, за окном, в серых сумерках медленно шел густой-густой снег. Его хлопья липли друг к другу еще в падении, и сквозь эту пелену было сложно разглядеть даже темно-серую внешнюю стену Замка.

Я зевнула.

Мне все еще хотелось спать, но для того, чтобы уснуть, нужно было согреться. Я надеялась, что Сильвия в своей обычной манере вдруг появится откуда-нибудь, уловив фейским чутьем, что я проснулась, но Сильвии не было. Я громко произнесла ее имя – никто не откликнулся.

На миг мне показалось, что я все еще сплю, просто во сне переместилась из одной локации в другую, и неизвестно, в которой из них мне было страшнее: в доме, где меня не замечал никто из толпы полузнакомых людей, или в замерзающем замке, где не было, кажется, ни одной живой души, кроме меня.

Я застыла, прислонившись спиной к закрытым дверям. Босые ноги мерзли.

Я не знала, что делать.

Мой рассудок спасло появление Кондора.

Он вышел из зеркала как ни в чем не бывало, одетый так, словно собирался идти куда-то совсем не к принцу и даже не гулять по красивому городу: темные брюки, заправленные в сапоги, старая, потрепанная куртка, обмотанный вокруг шеи знакомый мне черный шарф.

Кондор остановился, заметив меня, и хмуро окинул взглядом с головы до ног.

– Доброе утро, – сказал он растерянно.

Я моргнула и ожила.

– И тебе, – ответила я, отлипая от двери и плотнее кутаясь в плед.

– Ты опять вошел без стука и не через дверь.

Кондор улыбнулся и, не оборачиваясь, постучал по раме зеркала.

– Я думал, ты спишь, – сказал он, подходя ближе. Я заметила в его руке сложенный лист бумаги. – И хотел оставить что-то вроде письма. Но раз ты не спишь, то даже лучше. Мы с Ренаром уйдем почти на весь день. Тут, – он махнул мне тем самым листом, – вроде как была небольшая инструкция, что тебе делать, пока нас не будет... – Он посмотрел вокруг с таким видом, словно почувствовал запах гари, и спросил удивленно: – Почему ты не зажжешь огонь?

Я пожала плечами:

– Не получается. Может быть, я еще не проснулась.

«А еще мне снились странные сны, господин волшебник», – подумала я, наблюдая за тем, как Кондор щелкает пальцами – и огонь в камине послушно зажигается, пусть и не сразу, а потом в этом огне сгорает предназначенное мне письмо.

Ваш отец, господин волшебник, что-то там такое говорил о странных снах. О том, что я должна о них рассказывать.

– Домашние духи обиделись на тебя, милая, – мягко пожурил меня Кондор и бесцеремонно распахнул дверь спальни. – Но, должен сказать, здесь слишком холодно, – сказал он и посмотрел на меня с тревогой. – Где твоя фэйри-камеристка?

Я зябко обхватила себя руками и покачала головой, мол, не знаю.

Камин в спальне тоже проявил удивительную покладистость.

Воздух стал теплее, Кондор помрачнел еще больше.

– Мне не нравится все это, – сказал он и выпрямился, скрестив руки на груди. – Сильвия должна была следить за тобой. Ты звала ее?

Я кивнула:

– Да. Только она не пришла.

Он тяжело вздохнул и прикрыл глаза. Его губы были плотно сжаты, словно он злился или думал над чем-то невероятно сложным и требующим моментальных решений. Правильных моментальных решений, а не просто так.

– Постарайся не выходить из своих комнат без особой надобности. – Кондор обернулся в мою сторону, все еще слишком

серьезный и почти злой. – Мы вернемся ближе к вечеру... Мари, что с тобой? Ты очень бледная.

Я мотнула головой, прогоняя усталость.

– Мне снилась какая-то дрянь, – призналась я.

– Вот как. – Он тряхнул головой и посмотрел на меня тяжелым взглядом. – Тогда поиски Видящей подождут.

Точно.

Вчера мы засиделись допоздна, а в моей чашке в итоге был не только чай, но и пара глотков чего-то более крепкого, и оно так прекрасно наложилось на усталость, что я заснула, положив голову на стол в библиотеке. Поэтому я не сразу вспомнила, что они обсуждали вечером.

Хёльду, точно. И то, что Кондор очень хотел с ней поговорить.

И что для этого ее нужно было сначала найти.

– Я буду сидеть тихо, как мышка, – пообещала я, понимая, что, кажется, Кондор сейчас стоит перед сложным выбором. – И никуда не денусь. Обещаю.

– Ты отлично продемонстрировала свое умение никуда не деваться пару ночей назад, милая, – язвительно заметил Кондор, смотря на меня сверху вниз. – Я бы взял тебя с собой, но, к сожалению, иду не на чай к Габриэлю. – Он прошел вперед мимо меня и остановился в дверях, отбивая пальцами по дереву какой-то ритм. – Помнишь, я как-то сказал тебе, что пока я не боюсь, тебе тоже бояться не надо? – спросил маг, не оборачиваясь.

– Помню, – я медленно кивнула, пытаюсь понять, к чему он клонит.

– Вот держи это в своей светлой голове, милая, – Кондор резко вышел из спальни.

Я недоуменно посмотрела на дверь, потом на свои все еще босые ноги, нашла рядом с кроватью тапочки, влезла в них и вышла вслед за Кондором.

Он стоял рядом с зеркалом. Куртку он скинул, повесил ее на спинку кресла и сейчас, держа в левой руке уже знакомый мне нож, аккуратно и спокойно закатывал рукав.

– Ты что делаешь? – едва не прошипела я, понимая, к чему все идет.

– М? – Кондор лениво посмотрел в мою сторону, словно я была какой-то мелкой досадной помехой, и взял нож в правую руку. – Намереваюсь немного успокоить самого себя.

С этими словами он провел острием, похожим на коготь, по руке, рассекая предплечье вдоль – так легко, словно кисточкой линию рисовал.

Я замерла, в ступоре наблюдая, как красное потекло по коже вниз, к пальцам, когда Кондор опустил руку.

Слюна во рту стала вязкой и горькой, голова закружилась, мне хотелось подскочить и выбить из его руки нож, накричать, встряхнуть этого постоянно пугающего меня чародея как следует и расплакаться, но меня удерживало понимание, что Кондор прекрасно знает, что делает и зачем.

Просто то, как он это делает, выглядит странным на первый взгляд.

Поэтому я закрыла рот ладонью и заставила себя молчать и не мешать, чтобы не сделать хуже.

Кондор, поморщившись, поднес испачканные кровью пальцы к зеркалу и начертил на нем что-то.

Я подошла ближе, едва передвигая ноги, ставшие вдруг удивительно негнушимися. Пальцы волшебника коснулись стекла еще раз, заключая странный символ из нескольких переплетающихся рваных линий в замкнутый круг. Кондор достал из воздуха платок и накрыл им порез:

– Еще одно в ванной, я правильно помню? – щурясь на меня, уточнил он.

Я кивнула, а потом, когда он так же стремительно ушел в сторону ванной комнаты, бросилась за ним, вспоминая все то, что он говорил про свою кровь.

Не каждый день при тебе кто-то осознанно и намеренно режет руки и рисует собственной кровью знаки на зеркалах.

– Не переживай за меня так, – усмехнулся Кондор, воспроизводя на зеркале в ванной комнате тот же самый символ в круге, который остался в гостиной. – Со мной случались вещи и пострашнее пары глубоких царапин, милая.

Я видела в зеркале его отражение: на губах застыла легкая ухмылка вроде той, с которой он вчера ближе к ночи пил чай и говорил

со мной о всякой успокаивающей ерунде. И вот сейчас эта ухмылка мне совсем не нравилась.

Закончив, Кондор провел пальцами по порезу, заживил его и спокойно, словно ничего непонятного или удивительного не произошло, смыл кровь в моей раковине и опустил рукав.

– Теперь мне будет спокойнее, – сказал он, проводя рукой по растрепавшимся волосам. – Но к окнам, пожалуйста, не подходи и держи портьеры плотно закрытыми.

Я сощурилась.

– Ты объяснишь, что это все значит?

– Очень коротко, потому что меня уже точно заждались, и Ренар появится тут с минуты на минуту. – Кондор приобнял меня за плечи и вывел в соседнюю комнату. – Я помню про твой прекрасный талант к тому, чтобы притягивать неприятности, поэтому сделал все, чтобы незваные гости с той стороны не тревожили тебя сегодня... если им вдруг вздумается это сделать. Прятаться под кровать пока рано. – Он легонько щелкнул меня по носу и улыбнулся, хотя в глазах читалась тревога. – Но лучше посидеть тихо. Никогда бы не подумал, что поступлю так, но раз наша строгая фэйри куда-то исчезла...

– Куда, интересно? – выдохнула я.

Кондор перестал улыбаться.

– Я буду надеяться, что она сама вскоре объявится и все расскажет, – сказал он. – Иди досыпай и ничего не бойся.

Он открыл дверь, ведущую из гостиной в коридор, но снова остановился, будто бы все еще сомневался.

– В случае чего, – сказала я и вытащила из-за ворота амулет. – Я знаю, как с тобой связаться.

Кондор посмотрел на меня, улыбнулся одобрительно и ушел. Через дверь. «Видимо, то, что он сделал с зеркалом, закрывало проход», – подумала я и прислонилась спиной к дверному косяку.

Тогда почему он не сделал этого раньше? Сразу после того, как началась эта чехарда с Хозяином Зимы и Изнанкой?

Не было времени? Не было смысла, потому что Сильвия всегда была рядом, а я почти не появлялась в собственных покоях?

Я вздохнула и, обернувшись к двери, на всякий случай повернула рычаг, который блокировал замок, не позволяя открыть его снаружи.

Мне все еще было зябко и страшно.

Но дверь была закрыта.
Меня это немного, но успокаивало.

Снегопад начал стихать, когда они вышли из дома мастера Оденберга вчетвером.

Ульрих Кайрен, которого тоже позвали искать пропавшую Видящую, даже не удивился. Он бросил Ренара короткий взгляд, пожал Кондору руку и улыбнулся:

– Как-то часто встречаемся в последнее время, мастер Юлиан, – сказал он.

Не недовольно, почти по-доброму.

Кондор молча улыбнулся.

Говорить лишний раз со стражей или чиновниками не хотелось.

Герхард торопился: он ждал их в зале для «гостей», напряженный и невыспавшийся, в компании стражника, и не предложил ни чаю, ни беседы – лишь коротко кивнул и сказал, что устал ждать. Эта торопливость, почти грубость, говорила о многом.

От Кондора не укрылось ни как дрожали руки Мастера Оденберга, ни глубокие тени под его глазами – или Герхард не спал, или истощил резерв до предела. Взгляд его, когда Герхард впадал в задумчивость, становился рассеянным.

– От Мастера Герхарда несет страхом и горечью, – шепнул Ренар, поглубже натягивая капюшон, чтобы скрыть лицо от редких прохожих. – И той противной штукой, которую ты пьешь, когда тебе нужно много работать и мало спать.

– Инсомниум, – кивнул Кондор и поморщился.

– Наверное, – Ренар пожал плечами. – Я названия не запоминаю. Лучше скажи мне, куда мы идем и почему мы идем именно туда.

– Нас ведет господин Кайрен, – ответил Кондор. – По всей видимости, они с Мастером Оденбергом знают, куда нам надо. Жаль, нас посвятить в это забыли.

Спина стражника, обтянутая форменной курткой, маячила прямо перед ними. Снег медленно оседал на его плечах и не таял. Господин Кайрен не разделял общей тревоги, он был весел, и это веселье почти раздражало. Слишком уж утро было хмурым. Слишком странным –

поведение Герхарда. Слишком серьезной – цель, с которой Кондор оказался здесь.

– Господин Кайрен, – сказал Кондор громко, чтобы стражник услышал и обернулся. – Вы так и не сказали, куда мы так торопимся?

Прежде, чем Ульрих успел ответить, Герхард, почти все время молчавший, сухо произнес:

– Мы идем к ее дому.

– Вот как? – Кондор на секунду задумался и резко кивнул. – Хорошо. В этом есть смысл, но, признаюсь, я подозревал, что вы хотя бы расскажете, что случилось.

– Вчера мы с Мастером Оденбергом уже были там, но ничего не нашли, – сказал господин Кайрен с улыбкой. Кондор чувствовал, что за доброжелательностью в его голосе скрывается что-то такое, ирония, или легкая издевка, или досада, которую стражник не спешил показывать. Кто их знает, этих волшебников, что им в голову взбредет. – Он почему-то считает, что вы, Мастер Юлиан, будете более наблюдательны. Тем более что вы, как я понял, тоже хотели поговорить с девушкой.

– Да, – сказал Кондор. – Хотел.

«Наверное, – подумал он, – господин Кайрен решил, что проще согласиться и сделать так, как просят. Просто чтобы никто не сорвался. Может быть, ему, начальнику стражи, уже опротивело иметь дело с волшебниками. Может быть, у него есть другие дела. Может быть, он вообще считает бессмысленным бегать по всему городу за девчонкой, о которой говорят, что она имеет привычку ходить, где ей вздумается».

Но Герхард зачем-то его позвал. Значит – считал причину достаточно важной.

Что заставило его так считать – другой вопрос, и Кондор, раздумывая над ним, мрачнел.

– Мастер Герхард, как я понимаю, использовал все доступные ему возможности поиска? – уточнил он почти шепотом.

Сейчас он шел рядом с Ульрихом почти шаг в шаг.

– Все, что мы успели, Мастер Юлиан, – кивнул стражник. – Но у вас, говорят, есть особые таланты. Я буду очень благодарен, если вы их проявите, – добавил он с усмешкой, словно предлагал Кондору не слишком законную сделку. Но потом стал серьезнее. – Мастер

Оденберг объяснил, что девицы с талантами умеют ловко замечать следы, если нужно скрыться от чужих чар. Я вообще думаю... – Он понизил голос, стараясь, чтобы его слышал только идущий рядом молодой маг, но никак не отстающий на несколько шагов, очень задерганный и усталый Герхард. – Она же слегка со странностями, может, просто испугалась чего и убежала?

Кондор сделал вид, что задумался, и согласился:

– Вполне возможно, – сказал он. – Признаться честно, я сам об этом думаю. Но мне очень важно спросить у нее кое о чем. И раз Мастер Герхард любезно попросил о помощи, я не мог ему отказать. Так что, господин Кайрен, придется вам сегодня несколько часов померзнуть вместе с нами, – добавил он с наигранным сожалением.

Стражник натужно улыбнулся.

Перспектива мерзнуть ему не нравилась, но что поделать. Сложно идти против воли двух волшебников, которым вздумалось развлекаться столь странным образом.

Город давно уже проснулся и жил своей обычной жизнью, но снегопад, очень густой и неприятный, на время приглушил его звуки и замедлил все вокруг. Ухоженные мощеные улицы сменились более узкими и грязными, красивые каменные дома – грубыми, и они попадались все реже и реже, пока, наконец, впереди не показались руины старой городской стены, у которых любили греться местные нищие.

Там, за стеной, город продолжался, сливаясь с лесом.

Ренар шел рядом и курил трубку, ворча что-то себе под нос и стараясь не вляпаться в неприятные лужи.

– Я теперь понимаю, почему Герхард оставил ее у себя тогда, – сказал ему Кондор, когда они пришли к небольшому одноэтажному дому, прилипшему одним боком к другому дому, повыше. – Без сопровождения и после транса она бы потерялась по дороге. Это было разумно с его стороны.

Ренар кивнул и прежде, чем зайти в дом, вытряхнул из трубки пепел.

Их встретила сухая черноволосая женщина, похожая на Хельду, но старше, без рассеянного взгляда Видящей, усталая и раздраженная, но не слишком печальная. Она пошла вслед за ними в единственную комнату, расположенную чуть дальше по коридору, застыла в дверях,

скрестив руки на груди, а когда поняла, что господа удовлетворены увиденным, ушла, оставив господину Кайрену ключ.

Возможно, именно для этого он и был здесь нужен. Как представитель власти и закона, как гарантия порядка.

Как свидетель на случай того, если все окажется куда серьезнее, чем хотелось бы.

Ни одного слова, кроме скупого приветствия, хозяйка дома не произнесла.

– Это сестра, она живет в большой половине дома, – пояснил господин Кайрен. – У них были не слишком теплые отношения с Видящей.

– Оно заметно, – хмыкнул Ренар.

Время в комнате казалось застывшим.

Нет, в ней не было беспорядка, который встречается у безумцев, не было нагромождений ненужных вещей, пыли, остатков обеда и гниющих цветов.

Было что-то другое, еле осязаемое и не очень приятное, из-за чего головная боль проклюнулась и теперь медленно, но верно, прорастала где-то около виска.

Небрежно застеленная кровать с не слишком свежим бельем стояла в углу, там, где в соседней комнате расположилась печка. На стене рядом, над побитым временем сундуком, висело тусклое медное зеркало, на подоконнике стоял подсвечник и еще несколько свечей – прямо на полу вдоль другой стены, пустой и серой.

Когда они вошли сюда, стало понятно, насколько эта комната крошечная: вчетвером здесь было тесно.

Ренар без стеснения сел на кровать и замер, прислушиваясь и принюхиваясь. Господин Кайрен укоризненно покачал головой, но ничего не сказал. Кондор внимательно смотрел вокруг, пытаясь найти хоть какие-то зацепки и понять, что именно ему не нравилось.

Кроме чувства нарушенной границы, конечно.

Того самого чувства, которое он так явно ощутил сегодня в комнате Мари.

Хельда почти не жила здесь – это раз. Приходила спать, все остальное время проводя где-то. Здесь почти не было следов от ее следов, и очень мало – от ее действий и от ее магии. Перевалочный пункт, а не дом. Но кое-что удалось найти.

Пара сигилов на той самой стене, под которой стояли свечи. Охранные символы, хорошие, но не более.

Ренар извлек из подушки амулет, похожий на пучок потрепанных совиных перьев, и брезгливо положил его на покрывало. Господин Кайрен тяжело вздохнул.

– Простая ведьминская игрушка, – сказал Кондор, лишь мельком глянув на перья и снова вернувшись к исследованию стен. – Скорее всего, защита от кошмаров. Герхард, вы же видели все эти символы? Вы ее научили использовать их?

– Конечно, – Герхард кивнул.

– А вы неплохой наставник, Герхард, – с уважением сказал Кондор, и Герхард удивленно посмотрел на него. – Но, к сожалению, это ничего не дает. Тупик. – Он развел руками, изобразив на лице искреннее сожаление. – Можно попробовать еще раз поискать ее, но если ей хочется спрятаться, я тоже могу оказаться бессилён. Мои методы не слишком отличаются от ваших, Мастер, – он все так же уважительно кивнул Герхарду.

– А если вы попробуете то, что отличается, Мастер Юлиан? – Герхард тоже сел на кровать Хельды и взял в руки ее амулет.

Разглядывал он его не без интереса.

Кондор приподнял бровь, словно этот вопрос его удивил, хотя, на самом деле, именно его он и ждал.

По крайней мере, подобная просьба объясняла и торопливость, и то, что они пришли в дом Видящей – исходную точку, место, которое знало ее лучше, чем остальные места. Если, конечно, у Хельды не было еще одного тайного логова.

Еще она говорила о серьезности ситуации куда больше, чем присутствие стражи или то, что Герхард настолько вымотал себя, что ему пришлось прибегнуть к зельям.

– Мне тоже очень хочется увидеть госпожу Видящую, – сказал Кондор. – Но, признаюсь честно, я не люблю прибегать к особым методам без веского основания или хорошей платы.

Если быть честным – даже с веским основанием и хорошей платой он этого не любил, но пользовался куда чаще, чем стоило бы. Особенно – в прошлом.

Господин Кайрен застыл, переводя взгляд с одного волшебника на другого.

– Но вам же тоже нужно найти ее, – сказал он, удивленно глядя на Кондора. – Почему бы не?..

– Силы, к которым мне предлагают обратиться, действуют по своим законам, – ответил Кондор холодно. – И я бы предпочел быть в этом случае посредником, а не заказчиком. Поэтому, Мастер Оденберг, в наших общих интересах сделать вид, что вы согласны на сделку.

– Смотря что вы попросите, милорд, – ответил Герхард так же холодно.

Видимо, он рассчитывал, что Кондор сам предложит подобную помощь.

– Ничего, что было бы сверх ваших сил, Мастер. – Кондор чуть заметно наклонил голову, показывая доброжелательность. – Вы сами знаете: плата – лишь знак, что дело действительно важное. Для того, кто просит.

– Я готов не распространяться о том, что произошло позавчера в моем доме. – Герхард положил пучок перьев обратно на покрывало. – И сделаю так, что не в интересах господина Феррано будет говорить об этом.

– Вот как, – Кондор сделал вид, что задумался.

Он сощурился, рассматривая Герхарда, и улыбался открыто и честно.

Стражник все еще ничего не понимал.

Ренар молчал.

– Хорошо, – сказал Кондор, выждав достаточно времени, чтобы молчание стало ему надоедать. – Не то чтобы я уже не решил эту проблему, но ваша помощь, Мастер Герхард, избавит меня от пары неприятных бесед. Поэтому по рукам.

И он протянул Герхарду руку, заставив того встать и подойти, чтобы скрепить сделку рукопожатием.

С каждой минутой ощущение чего-то нехорошего, что притаилось за углом и так и ждет, чтобы цапнуть тебя за задницу, усиливалось.

Господин Кайрен подошел к Ренару, спокойному, как летние небеса, и встал рядом, раздумывая, спросить или нет. От него разило

любопытством и страхом, что неудивительно. Прежде, чем он решился на вопрос, Ренар сам повернул к нему голову:

– Считайте, вы заняли место в первом ряду, – сказал Ренар, откидывая капюшон.

– Это кто тебя так разукрасил? – стражник удивленно уставился на почти заживший синяк на его скуле.

– Уже не важно. – Ренар усмехнулся. – Больше они так не будут.

Почему именно не будут – он не стал уточнять.

Когда все свечи в комнате разом вспыхнули, и Кондор, улыбаясь все той же открытой, почти мальчишеской улыбкой, разрезал себе руку ножом, господин Кайрен почти не пошевелился. Только дыхание задержал еле заметно, ненадолго, но больше ничем не выдал свое недоумение.

Насчет места в первом ряду Ренар преувеличил.

Кондор, конечно, любил выделяться, заставляя магию сиять и сверкать, но только в тех случаях, когда речь шла о том, чтобы развлечь кого-то или развлечься самому. Когда назревало что-то серьезное, он действовал тихо и быстро, стараясь быть незаметным и не тратить Силу на лишнее. Слова он тоже не любил.

– Дай мне этот комок перьев.

Это была не просьба, а приказ.

– Лови, – Ренар прицельно бросил амулет, который оказался чуть тяжелее, чем можно было подумать на первый взгляд.

Наверное, внутри у него было что-то еще, орех или камешек.

– Спасибо, – Кондор кивнул и сжал амулет в руке.

Кровь из пореза уже не текла.

– Зачем он это делает? – господин Кайрен наклонился к Ренару и почти прошептал вопрос.

Решился, наконец.

– Обычная связка. – Ренар пожал плечами, жалея, что не спросил, можно ли закурить. В комнате неприятно пахло затхлостью. – Он отдал миру свою кровь и сейчас получит ответы на некоторые вопросы. Вы же знаете, господин Кайрен, что кровь, особенно – кровь сильных магов, обладает огромной силой? Нет? Правда, не знали? – Ренар едва сдержался, чтобы не рассмеяться над изумленным лицом стражника. – Странно, мне казалось, это известно всем. Но, правда, я давно имею дело с волшебниками. Амулет создан девушкой, которую

мы ищем, и раз у нас нет ее волос или ногтей, ну или чего-то такого, то сойдет и эта штука, – пояснил он. – Тут немного неклассическая магия, господин Кайрен. Мастер Герхард не владеет подобным.

– Я уже понял.

Ульрих бросил на второго волшебника короткий настороженный взгляд.

– Вы можете помолчать? – Кондор посмотрел на них всех недовольно. – Понимаю, что господину Кайрену интересно, но Ренар, Милосердного ради, прекрати трепаться.

Ренар виновато развел руками, мол, он все осознал и проникся торжественностью момента.

– Я не лучший в мире следопыт, Герхард, – тем временем сказал Кондор тоном куда более серьезным, чем говорил до этого. – Твоя подопечная заходила сюда, и ты об этом знаешь, если пытался найти ее с помощью магии. А вот дальше для тебя ее следы теряются, потому что она сама... или что-то вместо нее не хочет, чтобы ты ее нашел. Она за пределами города. И, к счастью для нас, она жива.

Ренар услышал, как Герхард перестал дышать на несколько секунд, а потом сделал глубокий вдох. Его лицо посветлело.

– Но... – Кондор нахмурился. – Мне не очень нравится то, что я чувствую, и мне очень хочется отправиться ее искать прямо сейчас. Поэтому я еще раз прошу прощения у господина Кайрена, но ему действительно придется немного с нами померзнуть. А вот вам, – он строго посмотрел на Герхарда, – после такой дозы Инсомниума лучше все-таки пойти домой и лечь спать.

Леса в БергрENZE действительно были красивые.

Красивые – и темные, пугающие глубиной, словно где-то там, где заканчивались тропы, начинался другой мир. В том мире не было огня и железа, лишь камень, и ледяная вода, и колючие иглы высоких елей, и стремительные реки, не замерзающие зимой, и озера настолько глубокие, что кто его знал – из каких бездн они прорастали.

Следы Хельды, невидимые взгляду обычного человека, уходили далеко, куда дальше, чем Кондору хотелось бы.

Есть места, в которых человеку делать не просто нечего – ему там нечего делать для его же человеческого блага. И существа, которые часто обитают в таких местах, даже если не имеют ничего против непосредственно людей, не слишком рады, когда кто-то нарушает тот порядок вещей, к которому эти существа привыкли.

– Вы хорошо знаете эти леса, господин Кайрен? – спросил Кондор, дожидаясь, пока стражник переберется через широкий горный ручей.

– Неплохо для того, кто не любит покидать уютные стены города. Если мы и дальше будем подниматься по этой тропе, то выйдем разве что к охотничьим хижинам. – Господин Кайрен отвлекся на то, чтобы поблагодарить Ренара за фляжку с крепким травяным бальзамом. – Прочие поселения и крупные дороги лежат к югу от Йарны, а мы идем строго на северо-восток.

– Прогулка оказывается длиннее, чем вы рассчитывали, господин Кайрен? – сочувствующе спросил Ренар.

– Я думал, мы вообще за стены не выйдем. – Стражник пожал плечами. Кондор снова достал из кармана тот самый амулет из перышек и застыл, рассматривая его с какой-то странной сосредоточенностью. – Не поймите меня неправильно, господин Ренар, если девушка ушла в лес и заблудилась, мой долг – помочь вам найти ее. Но при всех моих сомнениях в целостности рассудка госпожи Хельды, я был твердо уверен, что она просто... как бы это сказать... как в прошлый раз ушла туда, где, как она думает, требуется ее присутствие.

– Скорее всего, именно так и есть. – Кондор убрал амулет в карман и пристально посмотрел вдаль. – Просто в этот раз ее присутствие понадобилось где-то там. – Он махнул рукой вперед. – И если мое чутье не решило играть со мной в странные игры, то мы почти пришли.

– Вы точно уверены, Мастер Юлиан?

– Точно ли? – Маг фыркнул почти презрительно. – Знаете ли, господин Кайрен, в этой ситуации я бы вообще избегал подобных слов. Мне хочется идти туда, и кажется, что я почти пришел, и ничего точнее я, увы, сказать не могу...

Стражник ошарашенно замолчал, застыв на месте, и на его лице отразилось недоумение. Наверное, он подумал о том, что мало ему

было слегка помешанной ведьмы, так Неблагодой прислал еще и волшебника со странностями, и этот волшебник всеми командует с таким видом, будто бы выше его только мэр, и то – не точно. Но Ульрих Кайрен, видимо, был человеком умным и вежливым. Он ничего не сказал, даже ворчать не стал, просто шел следом, даже когда Кондор вдруг, застыв на пару секунд и поведя головой, словно бы прислушиваясь к чему-то, решил свернуть куда-то в сторону, в чащу.

Снежные тучи заставили день затухнуть раньше, чем солнце ушло за окрестные горы. Серый холодный сумрак в чаще сгустился, и господину Кайрену показалось, что перед глазами появилась пелена, искажающая все вокруг. Пришлось остановиться и несколько раз моргнуть. Ноги утопали в липком снегу чуть больше, чем по щиколотку, впереди маячила спина господина Ренара, чьи рыжие волосы, собранные тонкой лентой, слишком напоминали яркий лисий хвост. Он зачем-то сбросил с головы капюшон и шел так легко, словно не замечал ни снега, ни сумерек, ни холода.

Надежда на то, что они вернутся в город до наступления темноты, угасала вместе с дневным светом.

А потом случилось что-то такое, о чем господин Кайрен предпочел бы не говорить ни с кем, кроме духовника.

Или лучше – ни с кем не говорить и не вспоминать никогда.

Она сидела на стволе поваленного дерева и издалека показалась господину Кайрену еще одним валуном или разросшимся кустом причудливой формы. Если бы не резкое движение руки Кондора, призывающее остановиться и молчать, наверное, господин Кайрен бы ничего и не заметил, просто прошел дальше в глубину леса мимо фигуры в знакомом уже выцветшем сером пальто. Рядом с ней не было ни костра, ни остатков костра, ни даже следов, словно бы Хельда перенеслась сюда по воздуху и превратилась в запорошенную снегом статую, неподвижную и тихую.

Кажется, маг, шагнув вперед, нарочито громко хрустнул какой-то веткой.

Тонкая змейка косы метнулась по спине в сером пальто.

Видящая резко обернулась, встала и сказала что-то очень негромко, так, чтобы ее услышал только тот, к кому она обращалась.

Здравый смысл подсказывал господину Кайрену, что никто не просидит так долго, чтобы снег, прекратившийся уже давно, остался на его плечах и на обмотанном вокруг головы куске шерстяной ткани: человек, наверное, отряхнется, встанет, чтобы размяться, просто случайно двинет рукой или плечом, сбивая с себя белую крошку.

Человек не сможет ходить по снегу вот так – едва касаясь его, не оставляя следов. Ходить словно не по земле, а по воздуху, легко, как в танце, будто бы нет вокруг этого мерзлого, стылого воздуха, от которого пальцы даже в перчатках деревенеют и перестают слушаться. Человек не сможет двигаться так быстро, едва заметно, сливаясь с зимними сумерками, распадаясь на несколько теней, становясь то похожим на дерево, то на вихрь, то...

Но здравый смысл спрятался, оставив господина Кайрена лицом к лицу с той особой тьмой, которая обитает в глубинах леса и гор, в темных провалах пещер и на просторах вересковых пустошей.

Тьма проникала в мир и меняла его, искажая пространство вокруг господина Кайрена, и, кажется, смеялась над ним. Ему показалось, он видел лицо Хельды близко – настолько близко, что даже в сумраке были видны ее ресницы, и глаза Видящей были заполнены тьмой. Эта тьма смотрела на господина Кайрена, решая, нужен ли он ей и опасен ли он для нее, и, когда тьма поняла, что нет, этот человек – всего лишь человек, один из многих, Видящая принялась, как животное, чуть приподняв в оскале верхнюю губу, и исчезла так же резко, как появилась.

– Спокойно. – Чьи-то руки подхватили его и помогли не упасть. – Спокойно, господин Кайрен, вам ничего не угрожает. Вот, посидите тут... не самое хорошее место, конечно, но, увы, удобных кресел в лесу не найти.

Господин Кайрен почувствовал за спиной опору, кажется, ствол дерева, и попытался удержаться на ногах. Получалось с трудом. Мир вокруг кружился и переливался, растекаясь, словно бы господин Кайрен смотрел на него сквозь стекло, по которому стекали крупные дождевые капли. Пришлось закрыть глаза, но стало только хуже – показалось, будто ты проваливаешься куда-то, падая глубже и глубже.

Господин Кайрен протянул руку, пытаясь схватиться за что-то, но под рукой оказался только снег.

В какой-то момент он понял, что слышит все, даже то, чего слышать не должен. Скрип деревьев, шелест веток, глубокую тишину там, где должны были быть голоса птиц и животных, течение ручья, через который они перешли больше часа назад, стук камней о камни, легкие шаги по снегу – чья-то странная поступь, мягкая и осторожная, чья-то песня, похожая на скрип деревьев, шелест веток и плеск воды.

Смех.

Разговор.

Он не мог уследить за ним, потому что разговор то приближался, то отдалялся – так, что песня ручья заглушала его, и, казалось, те, кто говорил, не всегда изъяснялись на знакомом, человеческом языке. Он ловил фразы, вопросы, угрозы, ответы, условия и цену, а потом все это превращалось в шелест, и скрип деревьев, и легкий звон, с которым падали вниз мелкие осколки льда.

Кто-то снова взял господина Кайрена за руку, словно проверяя, жив ли он. Этот кто-то недовольно цокнул языком и что-то невнятно пробурчал – по-человечески, про «зря» и «не место», большего господин Кайрен разобрать не смог. Его потрясли за плечи мягко, как будят задремавших больных.

– Очнитесь, господин Кайрен. – Голос Ренара был спокойным, будто бы ничего странного вокруг не происходило. – Зимний лес – не то место, где стоит спать. Ну же, просыпайтесь. – Он заставил господина Кайрена поднять голову, слегка ударив его по щеке. Мир вокруг все еще расплывался, и лицо господина Ренара казалось странным, заострившимся, словно бы сквозь человеческие черты проступало что-то еще. Господин Кайрен заметил уже знакомую фляжку, которую поднесли к его губам и заставили сделать глоток. – Тихо, – добавил Ренар, прикрывая рот рукой. – Постарайтесь сделать вид, что вас тут нет.

Господин Кайрен кивнул.

Стоило бы, наверное, спросить, что происходит, но сил не было даже на то, чтобы понять, о чем спрашивать.

Ренар сел на снег рядом с ним и замер, очень спокойный и тихий, но, кажется, слишком бледный, почти светящийся от этой бледности.

Или господину Кайрену это лишь казалось, он не мог бы утверждать с точностью.

Потому что «точность» – это совсем не то слово, которое стоило бы использовать здесь и сейчас.

Господин Кайрен посмотрел вперед, туда, где за стволами деревьев в синих сумерках двигались две тени, одна из которых точно была человеческой и принадлежала волшебнику, а другая менялась, вытягивалась, исчезала, раздваивалась, смеялась, танцевала, шипела яростно, ударившись о невидимую преграду, и снова смеялась, становясь подобием человека.

– Я же говорил, что это немного неклассическая магия, – раздалось рядом. Господин Кайрен с трудом повернул голову, потому что движение отозвалось резкой болью в виске: Ренар как ни в чем не бывало доставал из сумки, висевшей на поясе, табак и трубку. – Вам не о чем беспокоиться, Птица хорошо знает, что делать, но, конечно, он будет невероятно зол, когда поймает его.

– Кого? – переспросил господин Кайрен.

Не сразу, а когда смог вспомнить, как шевелить языком.

– Фэйри, – коротко ответил Ренар. – Вряд ли у этого есть имя, а если и есть, то вряд ли оно что-то скажет мне или вам.

Он смотрел прямо перед собой, изредка поднося трубку к губам, на которых застыла легкая плутовская улыбка человека, уверенного, что он созерцает бурю с безопасного расстояния.

– Место в первом ряду, господин Кайрен. Наслаждайтесь, пока все не закончилось, потому что потом будет совсем не весело.

Он замолчал и накинул на голову капюшон, который скрыл его лицо наполовину.

Мир вокруг переставал вращаться и изменяться быстрее, чем господин Кайрен моргал. Вместе со вспышками головной боли накатывала легкая тошнота, приходилось дышать глубже – воздух пах морозом, хвоей, сыростью, дымом и самую малость – мокрой шерстью, словно бы где-то рядом пробежала вываливавшаяся в снегу большая псина.

– А госпожа Хельда? – спросил стражник, сплюнув на снег вязкую и странно горькую слюну.

Ренар ответил не сразу, словно подбирал слова.

– М, – протянул он, выпуская дым изо рта. – Боюсь, с этим будут некоторые проблемы, господин Кайрен.

Он снова замолчал, оставив господина Кайрена в недоумении. Но недоумение перемешалось с головокружением, пришлось сесть поудобнее, зашипеть, потому что одна нога затекла от неудобной позы, и только потом поймать ускользающую от затуманенного сознания мысль.

– Где девушка? – спросил господин Кайрен так твердо, как только мог.

Ренар пожал плечами, не оборачиваясь к нему и не отвлекаясь от трубки. Когда господин Кайрен раздраженно протянул к нему руку, с трудом пытаясь схватить слишком обнаглевшего парня за плечо, капюшон сполз, и к стражнику повернулось не-совсем-человеческое лицо с заострившимися чертами. Прищур глаз, чуть отсвечивающих зеленым – или ему показалось, нельзя же такое увидеть в сумерках?! – был злобным и хитрым, но Ренар быстро вернул себе то самое странное, собранное, насмешливое спокойствие.

– Девушки здесь нет, господин стражник, – как ни в чем не бывало ответил он, убирая чужую руку со своего плеча. – Ее здесь не было, когда мы сюда пришли. То, что сидело там, – он кивнул в ту сторону, где одна тень все еще вилась вокруг другой тени, – никогда не было ею. Думаю, мы найдем Хельду, может быть, даже где-то поблизости, но ни одному из нас это не понравится.

Он снова закурил, и в этот раз улыбки на его лице не было.

Через какое-то время господин Кайрен почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы еще раз пошевелиться, выпрямиться и глубоко вдохнуть. В воздухе что-то изменилось, и в мире тоже. Больше не было слышно ручья, не было слышно тишины и того странного пения, которое то приближалось, то удалялось, путая мысли и память. Господин Кайрен протянул руку в сторону рыжеволосого парня, так и сидящего рядом с трубкой, и тот моментально все понял и вложил в протянутую ладонь свою фляжку.

– Как ощущения? – поинтересовался Ренар. – Мир перестал распадаться на швы и ниточки?

Господин Кайрен вдруг понял, что это было лучшее описание того, что происходило с ним только что.

Ренар, кажется, понял, что он понял, и коротко рассмеялся.

– Все закончилось, господин Кайрен, или заканчивается. Человеку непривычному сложно существовать на границе между нашей явью и тенями, но, увы, мы с вами попали в ловушку, заготовленную для одного не в меру самонадеянного чародея. – Ренар сам отхлебнул из фляжки и положил ее на снег перед собой. Он сидел, перекрестив ноги, и все еще был странно спокойным, будто бы вокруг не творились совершенно непонятные вещи. – Бедняга Кондор, – добавил он с явным сочувствием и не совсем явным ехидством, когда волшебник вынырнул из темноты и сел напротив них, так же скрестив ноги.

– Заткнись, – огрызнулся он.

Вытянутую вперед руку окутало призрачное ярко-синее сияние, которое превратилось в волшебный огненный шар, зависший чуть выше плеча Кондора.

В свете, похожем на свет слишком яркой свечи, было видно несколько тонких царапин на лице мага и странные пятна на его шее, похожие на отпечатки руки. Кондор тяжело вздохнул и тихо, очень внятно выругался, рассказывая все, что он думает и о Герхарде, и о градоначальнике, и о не в меру наглых фэйри, и еще много о чем.

В частности о том, что кое-кто должен был трижды подумать, когда полез, куда не следует.

– Выговорился? – спросил у него Ренар, когда волшебник замолчал, закрыв лицо ладонями.

На тыльной стороне тоже были видны следы царапин и укусов.

Кондор кивнул.

– Я обещал Герхарду найти ее, – сказал он с ледяным спокойствием. – И я нашел.

– И где же она? – спросил господин Кайрен, завопившись в попытке встать.

Тело его все еще не слушалось.

В ответ он получил два злых взгляда.

– Мне очень жаль, господин Кайрен, – ответил маг, вытирая кровь, вдруг закапавшую у него из носа. – Я очень надеялся, что она будет жива, но, кажется, они просто держали в ней жизнь, пока мы не оказались достаточно близко. Потом это перестало иметь для них смысл, – добавил он, доставая из кармана амулет. – Вам нужно в ту сторону, буквально несколько минут по прямой. – Кондор махнул

рукой направо. – Сейчас это уже безопасно. Я не хочу туда идти, господин Кайрен, поэтому, пожалуйста...

– В каком смысле? – попытался возмутиться Ульрих. – Вы же привели меня сюда и...

Ренар вскочил быстрее, чем он успел закончить возмущенную тираду, ловко подхватил стражника под локоть и потянул за собой в ту сторону, куда указал Кондор. Еще один волшебный огонек появился в воздухе чуть над ними, освещая путь и делая сумрак между деревьями густым и пугающим.

Любой свет, разгоняя тьму вокруг себя, порождает тени, множество теней.

– Оставьте его, – посоветовал Ренар, и господин Кайрен почему-то не решился с ним сейчас спорить – в этой тьме, после всего, что происходило. – Он все объяснит, когда придет в себя. А мы доделаем то, что мы действительно можем сделать...

– То есть она мертва? И нет никаких шансов, что...

– Это же очевидно, – кивнул Ренар.

– А там... – стражник мотнул головой назад, в сторону, откуда они пришли.

– А там было что-то, что притворялось ею. Идемте. Потом посмотрите. Чем быстрее мы со всем закончим, тем быстрее и вы, и я напьемся и забудем все это. – Ренар вдруг из беспечного юноши, почти мальчишки, которого господин Кайрен все это время видел в нем, стал взрослым, очень серьезным и сосредоточенным. – И если вам нужно будет что-то для вашего отчета, или что вам там придется предоставить начальству, чтобы объяснить все это, вы получите все, что потребуете. Но не сейчас, ради Милосердного, не сейчас.

Он замолчал и молчал все то время, пока они шли, увязая в снегу, который кое-где скрывал под собой ямы и узловатые корни старых деревьев.

А потом они нашли то, что осталось от Хельды, и господину Кайрену это действительно не понравилось.

Леди Франческа определенно была дамой самых благородных порывов и убеждений.

С кровью и происхождением ей повезло чуть меньше. Именно это, как я поняла, явилось причиной всех ее злоключений, которые госпожа Бланка, автор книги, превратила в душещипательный и невероятно нудный рассказ на почти тысячу страниц.

Леди Франческу, невольно ставшую обладательницей волшебного кольца, принадлежащего могучему Королю Гоблинов, похищали, спасали, прятали, находили, запирали в башнях и везли через лес, потому что и она, и это несчастное кольцо были нужны всем и сразу, а особенно – таинственному чародею, который возжелал стать величайшим из всех существующих магов.

Несмотря на голод и тревоги, я заснула на сотой странице этого бреда, как раз там, где на карету, в которой леди Франческа и сопровождающая ее вдовствующая графиня пытались спастись из объятаго огнем города, в лесу напали совсем не благородные разбойники.

Меня разбудил стук в дверь.

Я не сразу проснулась и, конечно, не сразу вспомнила, что вообще ее закрывала, поэтому пришлось, зевая, шлепать через всю гостиную.

Кровавый символ на зеркале не исчез и выглядел жутко. Даже еще более жутко, чем когда он еще не высох.

Значит, мне не приснилось.

Что-то щелкнуло, заскрипело, и двери открылись прежде, чем я успела подойти к ним.

Сильвия, прямая, как всегда, с вытянувшимися и заострившимися чертами лица, с тьмой, заполняющей глаза, продемонстрировала мне ключ, висевший у нее на шее на длинной тонкой цепочке, и снисходительно улыбнулась. Из-под верхней губы показались мелкие острые зубки.

Я вспомнила, что Кондор обещал вернуться нескоро, и мне стало страшно.

Сильвия вплыла в гостиную, а вслед за ней, двигаясь, как в трансе или полусне, прошла Линд, поставила поднос на стол и все так же, не замечая ничего, ушла в коридор.

– Вам не стоит так бояться меня, миледи, – сказала Сильвия и чуть наклонила голову. Она все еще улыбалась, но так, чтобы зубов не было видно. – Я сожалею, моих сил сейчас не хватит на то, чтобы поддерживать иллюзии. Пришлось действовать грубыми методами.

Голова, увенчанная рожками, повернулась в сторону зеркала, и глаза стали еще темнее.

– Наглец, – сказала фэйри.

Ей точно не понравилось то, что сделал Кондор, но она признавала за ним право на это и почти не злилась.

– Он сказал, что это защита, – ответила я.

Сильвия сощурилась, отчего ее лицо стало еще более хищным.

– Охотно верю, что господин волшебник не стал бы жертвовать свою драгоценную кровь, только чтобы досадить мне, – сказала она, подходя ближе, чтобы рассмотреть знак. Тонкий палец, больше похожий на палец, чем на веточку, но все равно не совсем человеческий, дотронулся до пятна. Сильвия отдернула его, словно обожглась. – Он прав. Замок действительно перестает быть достаточно безопасным местом.

Я уставилась на нее, не зная, удивляться мне, злиться или бежать и сию же секунду прятаться под кроватью.

– Х-хорошо, – сказала я вместо всего этого. – У меня есть книги, – я посмотрела в сторону подноса, – ...и еда. Я не выйду отсюда, пока Кондор не вернется.

– Он сам вас попросил об этом, миледи? – Сильвия опять улыбалась, показывая зубы. – Предусмотрительный мальчик. И умный. Быстро соображает, что делать и как. Не смотрите на меня так, – добавила она, когда заметила в моих глазах непонимание. – Из моей тьмы его жалкие двадцать шесть кажутся даже не юностью, а младенчеством. Его это злит гораздо больше моих острых зубов и умения проходить сквозь тени и отражения.

Я тряхнула волосами, пытаясь избавиться от отросшей пряди, лезущей в глаза.

– Я могу узнать, что происходит, Сильвия, или мне лучше подождать, пока вернется кто-то, кто сможет мне все объяснить по-человечески?

Она рассмеялась, оценив иронию, и словно бы листья зашелестели.

– А у вас тоже есть клыки, миледи, – сказала она. – Можете.

Пока я выжидающе молчала, чуть склонив голову набок и нахмурившись, потому что мне казалось, что фэйри забавляется со мной, как кот – с пойманной мышкой, Сильвия подошла к окнам и

распахнула портьеры, открывая смотрящие в белый-белый зимний день окна. Снег, который я видела утром, прекратился, но небо все еще было хмурым, тяжелым и блекло-серым.

Сильвия застыла у окна смутным силуэтом, словно бы вдруг стала тенью от одной из портьер.

– Вы побывали на Изнанке, миледи, – сказала она. – И прогулялись по ней с существом, способным это здание, не будь оно опутано чарами древних волшебников, превратить в мертвые камни, покрытые слоем льда. Но таким существам обычно нет дела до людей и их жалких жизней. А вот вслед за ними иногда идут другие. Более слабые. Более злые. Менее равнодушные к запаху колдовства и крови. Когда их мало, они бывают трусливы. – Сильвия прошлась по периметру комнаты, словно проверяла, все ли на своих местах. У все еще тлеющих в камине углей она замерла, протянув к ним свои узловатые тонкие пальцы. – Когда же их много, или когда они голодны, то они способны на безрассудные для их племени поступки. Из желания разрушить. От голода. Или просто так. Я не успела сообщить господину о том, что нечто пришло сегодня утром и спряталось невдалеке, выжидая удобный момент. Сейчас оно ушло. – Сильвия повернулась, оскалившись с неким самодовольством. – Изрядно потрепанное.

Я кивнула с умным видом.

Мне не нужно было долго думать, чтобы сложить в голове два и два: свой сон и холод в комнате – и этот вот рассказ. Я помнила о том, что сны в этом мире не всегда принадлежат исключительно тому, кто их видит, и сделала весьма определенные выводы.

– Спасибо, – сказала я, глядя в темные глаза фэйри.

Ее губы дернулись в подобии улыбки.

– Совершенно не за что, миледи, – сказала Сильвия. – Закройте дверь за мной и сидите тихо. И зовите меня по имени, когда понадобится, теперь я снова вас услышу и приду. Жаль, некоторые двери теперь закрыты.

Она посмотрела в сторону испачканного кровью зеркала и, кажется, добавила что-то шелестящим шепотом.

Прежде, чем она ушла, я вспомнила, что меня заперли в комнате на весь день, а из книг у меня осталась только история Франчески,

учебник географии и «Арс Магика», запихнутая в прикроватную тумбочку.

Это был не лучший способ узнать правду, и непосредственное столкновение с магией отбило у меня всякое желание довольствоваться жалкими крупичками истины, завернутыми в домыслы и слухи.

Мне было нужно что-то серьезнее. Или правдивее.

«В любом случае, – подумала я, – Сильвия должна знать».

Поэтому я окликнула ее.

– Миледи? – Она обернулась у самых дверей – точнее, повернула ко мне голову так, что можно было заметить хитрую улыбку. – Мне приказать принести что-то еще?

– Мне очень нужна библиотека, – сказала я почти умоляюще.

Сильвия притворно изумилась:

– Что, прямо вся?

– Нет, не вся. – Я помотала головой. – Мне нужно что-то правдивое о существах вроде вас.

– Правда – понятие иллюзорное, миледи, особенно там, где сталкиваются миры.

Она смотрела на меня, и один уголок ее губ полз вверх. В полумраке, разбавленном отблесками огня, мне казалось, что сквозь кожу просвечивают зубы. Мелкие и острые.

Ренар как-то вскользь сказал, что некоторые сказки настолько правдивы, что нет надобности искать их исток. И совпадения тут и там, с той стороны, откуда я пришла, не случайны.

И оказавшись по эту сторону, я, кажется, начала совсем не с тех сказок, с которых стоило бы начать, поэтому все усложнилось и запуталось.

– Тогда мне нужен сборник ваших местных сказок. Хороший. Или любая книга по фольклору.

Сильвия смотрела на меня с уже совсем другим изумлением, словно я была младенцем, который, наконец, произнес свое первое слово.

– Скажем... – Я чуть не захлебнулась своими собственными словами, потому что в моей голове все вставало на свои места. – Будь на моем месте не в меру любопытный ребенок, наделенный талантом, что дал бы ему Кондор для начала?

– Вот эту, – сказала Сильвия, протягивая мне большую тяжелую книгу в переплете с узором из цветов и стеблей шиповника, – господин маг дал бы вам почитать, будь вы счастливой маленькой девочкой из самой обыкновенной семьи. Это сказки Англии и Иберии, самые лучшие и известные. О сиротах, заблудившихся в лесах, о злых мачехах, о заколдованных птицах и о фэйри, конечно. – Она усмехнулась и положила поверх первой еще одну, маленькую, в темной кожаной обложке с металлическими уголками. – А эту вам стоило бы почитать, если бы вы сами решили отправиться в лес, где могут водиться фэйри. И если я не ошибаюсь, она должна была попасться вам на глаза. – Сильвия усмехнулась. – Решайте сами, что вам сейчас нужнее. – Она обернула лицо к окну. – Время у вас еще есть.

Я моргнула, прижимая книги к груди.

– Когда они вернутся?

– Не думаю, что скоро. – Сильвия подошла ближе к портьерам и задернула их, отделяя комнату от тьмы, заглянувшей в нее. – Но как только они вернутся, я сообщу вам. Приятного отдыха.

– Спасибо, – сказала я, и она улыбнулась, обернувшись в дверях.

Снова повернулся ключ и щелкнул замок.

Я на миг почувствовала себя пойманной в клетку: одна, в замке, затерянном в горах, к которому не пробраться, если не знать тропы и не иметь разрешения, под охраной фэйри с острыми зубами и рожками, спрятанными в волосах. Не то принцесса, спрятанная в башне, не то сокровище, которое охраняют чудовища, не то пленница коварного чародея.

Одна из тех, о которых так любит шутить Кондор.

Я вздохнула и вернулась к камину. Плед лежал рядом, разделяя меня и полутемную комнату за моей спиной, а справа от меня стоял фонарик с кристаллом. Я села на пол и накинула плед на плечи. Вся жуть, которая творилась вокруг, была настолько неприятной, что эти простые волшебные вещи казались мне чем-то сродни магии, создающей вокруг меня замкнутый защитный контур из света и тепла.

С легким трепетом я открыла книгу сказок, первую, большую, потому что вторая казалась мне куда интереснее, и мне хотелось поскорее отделаться от первой. Просто убедиться, что в ней нет ничего важного.

Я была почти не права.

Немного замороженная, я переворачивала страницы, украшенные вдоль полей узорами из дубовых листьев, если сказка принадлежала Иберии, или роз, если это была ангийская история, или шиповника, или чертополоха, или чего-то еще вроде ракушек или переплетающихся веточек, и узнавала эти истории и сюжеты.

Там было и про мальчика, знающего язык птиц, и про сестер, которые нашли в лесу принца, превращенного злой ведьмой в медведя. И про колючий шиповник, прячущий башню с уснувшей на много лет дочерью древнего короля. И про рыбака, укравшего тюленью шкуру у дочери моря, чтобы его возлюбленная не уходила от него.

Про очень правдивое зеркало и отравленное красное яблоко.

Про открытые холмы, в которых люди танцевали всю ночь на волшебных пирах, а на утро выходили в свой мир и его не узнавали, потому что в этом мире прошло сто двадцать лет.

Про белую лань, заманившую юного принца в чашу, потому что лесная госпожа влюбилась в него и хотела его увидеть.

Про девочку, которая ушла искать свою сестру на Ту сторону, про пряничные домики и хищных птиц.

Про пустые колыбели и детей, которые возвращались с мешками, полными золота и драгоценностей, и глазами зелеными, как молодая листва или трава на холмах.

Мне все время казалось, что я это читала: такое же, но чуть другое, с иными именами, с другой моралью, где-то добрее, где-то – смешнее, где-то – гораздо проще, чем здесь. Что-то было лишь смутно знакомым, но все равно напоминало разом те сказки, которые я читала в детстве. Эти фэйри тоже боялись железа и огня, эти леса были глубокими и дремучими, поцелуи разрушали злые чары, и если герои оставались верными себе до конца, их ждало счастье и пир в королевском дворце.

И это было куда интереснее злоклучений леди Франчески, истории мира в изложении для девиц или рассуждений автора «Arg Magica» о приворотных зельях.

Я забыла про время и собственные тревоги, а когда вынырнула из книги – сразу после истории о чародее, прослужившем Королеве Фей семь лет и ставшем самым великим магом в мире, в котором уже не смог оставаться, – часы, стоящие на каминной полке, показывали почти десять вечера.

Ночи, потому что здесь ночь начиналась около девяти.

Я почувствовала, как мне становится холодно где-то внутри, там, где заканчиваются ребра, и вдоль позвоночника ползет холодная змея тревоги.

Это уже не было похоже на «ближе к вечеру».

Это было похоже на то, что их что-то задержало.

Я дотронулась до кристалла хрусталя, висевшего под футболкой, словно он мог подсказать мне, что случилось, или просто успокоить. Но я не успокоилась. Я не успокоилась даже после того, как заставила себя умыться и снова вернуться к сказкам: строки, еще недавно обладающие собственной магией, начали расплываться перед глазами, истории уже не затягивали меня, мои мысли блуждали где-то вдалеке, ближе к Йарне и тому, что могло в ней произойти.

От стука в дверь я естественно подпрыгнула и вылетела из спальни в гостиную, ожидая, что сейчас снова щелкнет замок и войдет Сильвия, чтобы что-то сказать мне. Но вместо этого стук повторился.

Я замерла, едва не уткнувшись носом в дверь.

– Что? – спросила я как можно более уверенно.

– О, слава Милосердному, хоть ты жива. – Голос Ренара я сначала не узнала, слишком глухо и устало он прозвучал. – Открой дверь, солнышко, у меня, в отличие от твоего рогатого сторожа, нет волшебного ключа от всех дверей.

Моя рука потянулась к небольшой, едва заметной защелке, но остановилась.

Ледяной комок в животе стал еще холоднее.

Сильвия пришла бы с ним. Или до него. Или пришел бы Кондор...

И что значит «хоть ты жива»?!

– Мари?

– Подожди, сейчас, я не помню, как это... – торопливо и сбивчиво ответила я, получив на это неразборчивое угуканье, и, чувствуя себя до невозможности глупо, обернулась в сторону наиболее темного угла и громким шепотом позвала: – Сильвия!

Как ни странно, ничего не произошло. Опять. Как утром.

В которой из сказок детишки не пускали злого фэйри в дом, несмотря на все его уловки и попытки притвориться чем-то добрым, чем-то теплым и чем-то вкусным?

– Ренар, я не могу...

– Ох, милая! – почти прошипел он раздраженно. – Мари, это просто, там есть небольшой рычаг прямо под ручкой и... А, в общем, ладно, – добавил он с какой-то обреченностью в голосе. – Отойди от двери.

Я прижалась к стене справа от дверей и прикрыла глаза, не зная, что делать и что думать.

Ярко-синюю вспышку магии я скорее угадала, чем заметила, слишком быстрой она была.

Дверь распахнулась, чуть не ударившись о стену, и мы все втроем застыли, уставившись друг на друга.

Я судорожно пыталась вцепиться в дверной косяк, потому что канделябра или вешалки под рукой не было. Ренар удивленно смотрел на меня, не улыбаясь, наоборот – я впервые видела, чтобы его губы были плотно сжаты, а между бровями залегла странная складка, словно бы он – удивительное дело! – напряженно хмурился.

Кондор опирался рукой о дверь, и первое, что бросилось мне в глаза, это повязка, тонкая белая ткань, которой была замотана его ладонь. Уже потом я разглядела и бледность, и царапины на щеке, и темные круги под глазами – все почти так же, как в прошлый раз, когда он грохнулся в обморок.

Наверное, именно поэтому я сделала шаг вперед и обняла его, желая стать опорой, если он снова начнет падать.

Или, на самом деле, мне просто нужно было спрятаться, и лучшего способа, чем уткнуться носом в его шарф, я просто не нашла.

Я думала, что он оттолкнет меня, отцепит, как прилипшую колючку, встряхнет и заставит успокоиться и начать думать. Но Кондор только положил тяжелую ладонь мне на макушку и застыл: то ли терпеливо ждал, когда закончится поток слез, то ли просто был не в состоянии двинуться с места.

От него пахло дымом и хвойным лесом и еще, самую малость, октябрём и опавшими листьями.

Когда Ренар мне все рассказал, я сначала не поняла, что мне делать.

Мои небеса не упали на землю, а сама земля не ушла из-под ног, но внутри все равно что-то взорвалось и разлетелось на множество мелких, очень острых и царапающих меня осколков.

– Именно поэтому я планирую сегодня много пить. – Ренар помахал в воздухе фляжкой, и, сбросив плащ и куртку на диван в моей гостиной, сел на пол рядом. – Надеюсь, Кондор догадается захватить что-то не только для себя самого.

Я промолчала, все еще стоя в ступоре, а потом все так же молча протянула руку вперед.

Как хорошо, что Ренару ничего не нужно объяснять.

Во фляжке у него был какой-то травяной бальзам, по вкусу похожий на сладкое, но не слишком приятное лекарство.

– Если ты планируешь остаться здесь, ну, не знаю... – Я посмотрела на его сапоги. – Найди другую обувь, что ли?

Я отдала ему фляжку.

– Мне было не до того, – ответил он довольно едко.

Пристальный, серьезный и усталый взгляд Ренара сосредоточился на мне.

Словно видел что-то, что я скрывала. Все мои страхи, все, что я успела подумать и представить, пока ждала их.

Пока не открылась дверь.

– Что-то не так?

– Ты тоже неважно выглядишь, – ответил Ренар задумчиво. – Сходи-ка умойся. Вода, знаешь ли, неплохо смывает всякую дрянь.

Его тон был таким, что мне очень захотелось последовать совету.

Я закусила нижнюю губу и почувствовала, как щеки обожгло огнем.

– Резонно, – сказала я. – Заодно волосы вымою.

Прежде, чем я вышла из комнаты, я успела заметить, что Ренар улыбнулся.

На самом деле, я не торопилась – просто включила воду и долго смотрела на нее, сидя на прохладном бортике ванной в одном белье.

Трижды проклятое зазеркалье снова скалило на меня острые фейские зубки, намекая, что может еще и вот так: стоило лишь обрести баланс, как я снова дергаюсь в петле, подвешенная за ногу над Бездной, а Бездна смеется надо мной и всеми, кто по несчастью оказался рядом.

Одни неприятности сменялись другими, и единственным, что меня радовало, было мое внешнее спокойствие.

Оно действительно было только внешним.

Внутри меня сидела странная, очень колючая, очень болезненная жалость к бедному Герхарду. К едва знакомому и, в принципе, не слишком доброму по отношению ко мне человеку, потерявшему нечто важное и еще много чего вместе с этим важным.

Я не знала, что за отношения связывают Мастера Оденберга и Видящую, но я помнила, как он заботился о ней. Может быть, не как о родной дочери, конечно, но как о ком-то, за кого чувствуешь ответственность.

И, наверное, впервые за свою недолгую жизнь я поймала себя на сочувствии настолько сильном, что от мысли о чужой боли я чувствовала глубокую печаль, словно острая льдинка застряла меж ребер там, где бьется сердце.

– У тебя все в порядке, милая? – спокойно и достаточно громко, чтобы я смогла услышать за шумом воды, спросили из-за двери. Я не сразу ответила, поэтому Кондор так же громко добавил: – Учти, выбить эту дверь я могу и без помощи магии.

– Да, я сейчас! – выкрикнула я, шмыгнула носом и решила, что, пожалуй, хватит держать ноги по щиколотку в прохладной воде.

Если сказала, что ушла мыть волосы, то вымой уже волосы и верни себе самообладание.

Когда я прыгала по полу за полотенцем, которое, конечно, забыла достать, мне в голову пришла странная мысль, которая заставила меня остановиться и замереть, несмотря на то, что холодные капли стекали по прядям и по спине прямо под футболкой, которая неприятно липла к коже.

Если так посмотреть, то я почти на месте Хельды.

Случись со мной беда – как это ударит по человеку, который несет за меня ответственность?

Ну, кроме того, о чем говорил лорд Парсиваль, этого вот таинственного «хуже смерти».

Я замотала волосы полотенцем и вышла из ванной комнаты, стараясь не думать о таком.

– Сильвия – умница, – сказал Кондор. – Не знаю, кто из вас догадался, но она принесла тебе то, что нужно.

Он сидел у камина так же, как я просидела несколько часов до этого, и листал ту же книгу, странно улыбаясь и время от времени делая глоток из чашки. В чашке, кроме чая, было что-то еще: несколько капель резко пахнущего зелья, которое лежало тут же на полу в темной стеклянной бутылочке без опознавательных знаков.

Я невнятно кивнула в ответ, взяла из рук Ренара протянутую мне бутылку виски и тоже села на пол.

– Ты уж прости нас, котенок, но, видимо, сегодня мы сидим у тебя и мешаем спать, – извинился Ренар.

Как будто бы я была против!

Да я бы сама, наверное, прибежала к кому-то из них, лишь бы не оставаться одной.

– Это ненадолго. – Кондор перевернул страницу книги со сказками. – Мари, ты можешь начинать собирать вещи.

Я замерла с поднятой рукой, не успев даже сделать глоток из бутылки.

Ничего себе!

– Э-э-эй, – недоуменно протянул Ренар и нахмурился. – Мы вроде решили, что это терпит до утра.

– С учетом всего – я не хочу рисковать. – Кондор обернулся в его сторону. – Здесь уже не так безопасно, и я не могу с уверенностью утверждать, что то, из леса, не...

– Так, стоять, – сказала я, и в комнате повисла настолько глубокая тишина, что, кажется, даже огонь в камине притих и сжался. – Какие вещи я должна собирать, зачем и что происходит? Ну, – добавила я, отхлебнув из бутылки щедрый такой глоток, – кроме того, что я уже знаю.

Ренар криво усмехнулся и выжидающе посмотрел на Кондора, мол, я уже все сказал, твоя очередь, ты здесь главный.

Тот сохранял полнейшее спокойствие, словно бы кое-кто сейчас не топнул ножкой, выдвигая требования. «Сказки» с глухим звуком закрылись, Кондор выпрямился, выпил еще чая-с-чем-то-там и выждал короткую паузу, словно собирался с мыслями.

– Моя глубокоуважаемая тетушка опять оказалась чуть более права, чем мне хотелось бы, – сказал он, глядя в огонь. – Может быть, она и не предполагает, насколько она права, и хотя мне совсем не хочется этого признавать, придется прислушаться к ее совету. Как ты понимаешь, поговорить с Видящей мне не удалось. А значит – что?

«А значит, – подумала я, – добывать ответы на свои вопросы он будет уже другим способом».

Правда, кажется, это все-таки могло подождать до утра.

– А ты, к тому же, слишком привлекаешь внимание, милая, – продолжил он, не поворачиваясь ко мне. – Я не знаю чем, но очень жажду узнать. Чем раньше, тем лучше. А пока я сделаю все, чтобы ты оказалась в безопасности, даже если для этого придется запереть тебя в Галендоре, нарисовав по периметру комнаты вязь сигиллов собственной кровью.

«Замок действительно перестает быть достаточно безопасным местом».

– Сильвия сказала, что... – начала я.

– Что ночью здесь были незваные гости. – Кондор повел головой, словно бы разминал шею, и, показалось мне, немного расслабился. – Я уже знаю. По нашему следу тоже кое-что пришло, – он снова замолчал, уставившись в огонь.

Ренар забрал у меня бутылку, просто расцепив мои пальцы, судорожно сжимающие стекло.

– Послушай меня, милая, – сказал он серьезно и вкрадчиво, приобнимая меня одной рукой. – Есть некоторые вещи, о которых таким, как ты, не рассказывают. Но так получилось, что ты с этими вещами сталкиваешься слишком часто. Придется вам познакомиться поближе и назвать друг друга по именам. Смотри. – Он ласково убрал еще мокрую прядь волос мне за ухо. – В местных лесах есть свои духи, есть Сильвия, есть еще много всего не слишком приятного, но, как ты понимаешь, за редким исключением – не опаснее людей. Мы их

не трогали – они не трогали нас. И вообще никого не трогали, пока никто не лез, куда не надо. А тут появляешься ты.

– И все, – поняла я.

– И все, – так же ласково ответил он. – И начинается что-то не то. Приходит Хозяин Зимы собственной персоной, вокруг собираются дикие фэйри, мы находим в лесу разобранную по кусочкам Видящую, которая не так давно была живее всех живых и прямо таки жаждала пообщаться с тобой лично.

– Ты запугиваешь ее, упуская из внимания один важный момент. – Кондор посмотрел на нас со скепсисом на лице. Ренар вопросительно приподнял бровь. – Пророк говорила со мной, и то, что было в лесу, тоже говорило со мной. Так что, Мари, тут нигде нет ни твоей вины, ни ответственности. – Он еле заметно улыбнулся мне. – А вот мне следовало быть менее самонадеянным.

И допил свой чай одним глотком.

– Так что я решил принять совет леди Присциллы, – добавил он, рассматривая что-то на дне чашки. – Мне нужно поесть и поспать пару часов. После этого я отведу тебя в Галендор к своим, и дальше придется быстро решать, что делать.

Я зачем-то дернулась, и рука Ренара сильнее сжала мое плечо.

– Сиди, милая, – сказал он мне и тут же обернулся к Кондору. – Ты думаешь, пары часов тебе хватит? После того что было?

Голос Ренара звучал так, что я бы, наверное, испугалась, заговори он со мной подобным тоном.

– Вполне.

– А завтра вечером опять будешь оттирать кровь с подбородка, да? – Ренар нехорошо сощурился, и мне показалось, что невозмутимый на вид Кондор вздрогнул. – Хвататься за стены и еле передвигать ноги. И пить всякую дрянь. – Он покосился на пузырек с зельем, лежащий на полу. – Чтобы не вычерпать из себя все, что в тебе осталось, да. Не это ли самонадеянность, Птица?

Кондор промолчал.

– Я сейчас пойду разбужу кого-то из девиц с кухни. – Ренар отпустил, наконец, мое плечо и встал. – Раз Сильвия вместе с твоим проклятым пикси гоняют по Изнанке наших новых друзей. Ты хочешь есть, Мари? – спросил он у меня гораздо, намного более тепло.

Я испуганно кивнула, не зная, как мне себя вести.

– Вот и славно, – дверь за Ренаром мягко закрылась.

В комнате застыла очень неловкая и колючая тишина.

– Мне жаль, что тебе приходится все это видеть, – сказал Кондор и взял в руки вторую книгу, ту, до которой я не добралась.

– Все нормально. – Я пожала плечами и запустила пальцы в волосы, чтобы стряхнуть с них воду. – Это ваше дело.

– Ну да. – Волшебник усмехнулся, подняв один уголок губ. – Можем считать, что ты из чужого человека становишься кем-то, в присутствии кого можно позволить себе чуть больше. Не мучайся. – Он сделал едва заметное движение рукой, и я почувствовала, словно меня окутало облако тепла, от которого высохли волосы и футболка. – Отлично. Я почти восстановился.

– Сложный день? – почти шутливо спросила я.

– Отвратительный. Я бы предпочел не повторять.

Мы замолчали. Я потянулась к бутылке, повертела ее в руках, рассматривая этикетку и узоры на стекле. Мне хотелось о многом спросить, но казалось, что в горле застрял ледяной комок, от которого я начинаю задыхаться.

– У вас забавные сказки, – произнесла я и заткнулась, потому что хотела бы сказать намного больше.

Кондор кивнул и ткнул пальцем в ту книгу, которая была у него в руках:

– Возьми эту с собой, – сказал он.

– Зачем?

– Это куда полезнее, чем «Арс Магика». – Кондор улыбнулся уже гораздо теплее. – Кажется, она должна была лежать среди прочих книг, которые тебе стоило прочитать, но ты ее не заметила. Будем считать, что она все равно нашла тебя вовремя. Если хочешь спать, ложись, – добавил он. – Я дождусь Ренара, и мы уйдем.

– Если честно, я бы предпочла, чтобы вы остались, – призналась я.

И покраснела.

– Боишься темноты и того, что в ней? – совершенно без ехидства спросил он.

– Да, – так же серьезно призналась я. – Очень боюсь.

– Тогда мы останемся. – Кондор кивнул, закрыл книгу, заложив какую-то страницу пальцем, словно собирался к ней вернуться, и

посмотрел на меня. – И, наверное, Ренар прав. Мне действительно стоит выспаться.

– Я не скажу ему, – улыбнулась я и выпила еще виски. – Что ты так легко признал его правоту. Будешь? – я протянула бутылку магу.

Тот грустно улыбнулся и покачал головой.

– Мне бесполезно, милая. Чтобы я забылся, придется задействовать одну странную синюю бутылку, но, боюсь, тетя Присцилла этого не одобрит. – Он подмигнул мне и с ехидцей добавил: – Кстати, леди не смущает то, что кровать здесь одна?

– Я с удовольствием уступлю ее вам, милорд, – ответила я, улыбаясь так же ехидно. – Будем считать это компенсацией за то, что я некоторое время беззастенчиво пользовалась вашим гостеприимством.

Нигредо

*Если ты думаешь, что тебя заперли, попробуй открыть дверь.
Лена Элтанг, «Царь велел тебя повесить»*

Мы попали в когти Присциллы сразу же, как вышли из портала, расположенного в соседней с кабинетом лорда Парсиваля комнате.

Присцилла словно ждала нас. Она сидела в кресле у камина, в том самом, где позавчера сидел сам Парсиваль, и что-то читала.

Могу поспорить: делала вид, что читала.

Над ее левым плечом неподвижно сидел Корвин.

При нашем появлении Присцилла отложила книгу в сторону, но с кресла не поднялась.

Признаюсь честно, я не знала, чего в выражении ее лица было больше: удивления от того, что мы вернулись сейчас, или раздражения при виде одной девицы, которая накануне ночью влила в себя почти четверть бутылки виски и выглядела сейчас соответствующе.

То есть так же погано, как себя чувствовала.

– Вы не заболели, леди Лиддел? – спросила она после короткого сухого приветствия.

– Перенервничала, – ответила я, пытаюсь не двигаться слишком резко.

– О, – Присцилла хмыкнула. – Моя горничная знает прекрасный рецепт травяного отвара, который, как она говорит, помогает при, хм, нервных срывах.

Ее сосредоточенный взгляд скользнул по моим джинсам, и Присцилла дернула бровью, но не стала комментировать.

– Обстоятельства несколько изменились, тетя, – сказал Кондор, утягивая меня в сторону двери, ведущей из кабинета. Тканевая сумка, наскоро собранная для меня Сильвией, висела у него на плече, а за моей спиной был мой родной рюкзак, в который я запихнула все свои старые вещи и пару книг из библиотеки Замка. – Боюсь, вам придется терпеть наше присутствие некоторое время.

– О, что ты, родной, какое «терпеть»? – Она повернула голову, следя за нами, и тонко улыбнулась, так торжествующе, словно бы

чуяла: ее слова, сказанные в этой комнате позавчера, оказались пророческими. – Я так рада, что ты зачастил, пусть это и связано с некоторыми... неприятностями. – Она снова сощурилась, глядя на мои джинсы. – Скажи Тересии, пусть посмотрит, может, девочке подойдет что-то из старых платьев Гейл?

– Непременно, – Кондор кивнул в ответ, толкнул рукой дверь и пропустил меня вперед, в ту комнату, где стояли книжные шкафы.

– Прости. – Я виновато сжалась. – Я слишком много выпила вчера, чтобы с утра думать о чулках и платье. Но у меня все с собой.

– О, ничего. – Он махнул рукой, сохраняя на лице выражение мрачного равнодушия. – Сейчас есть более серьезные вещи, о которых я стал бы беспокоиться. Так что, милая, если моя тетья делает вид, будто бы потрясена и обескуражена тем, что кое-кто не соответствует ее представлениям о том, как должна выглядеть и вести себя леди, это проблемы исключительно моей тети.

Я поправила ляжку рюкзака на плече и пошла следом за ним.

Мне казалось, что дом, встречая нас, проявил не больше эмоций, чем леди Присцилла. Он оставался таким же тихим, как в прошлый раз, таким же пустым и сумрачным, почти безрадостным, словно кто-то выключил звук и цвет.

Не то чтобы я ожидала фанфар и красной ковровой дорожки, но эта обрушившаяся на меня обыденность сделала переход – который из переходов за последние пять дней? – едва заметным. Комнаты, через которые мы шли, были уже знакомы, я ничему не удивлялась, и у меня совсем не было сил смотреть по сторонам.

Единственное, чего я действительно хотела, это доползти до чего-то вроде кровати, замотаться с головой в одеяло, и чтобы меня не трогали еще пару часов, пока не перестанет мутить от слишком резких запахов. С головной болью кое-кто успешно справился, поворчав для порядка, мол, нужно быть аккуратнее с алкоголем. Но вот остальное магия, увы, не лечила.

– Как думаешь, она поняла, в каком смысле я перенервничала? – спросила я, чтобы как-то отвлечься.

– Даже не сомневаюсь, – ответил Кондор. – У этой женщины обширный опыт воспитания непослушных девиц, притягивающих все неприятности мира. Так что твою невинную ложь она проглотила только потому, что не в ее правилах устраивать выволочки за такую

ерунду. А ты думаешь, откуда я так хорошо знаю, как выглядит форма Враньего Дола и какие правила там приняты? – добавил он в ответ на мой изумленный взгляд.

– Она там преподавала или служила палачом? – хмыкнула я, борясь со слабостью.

– Она – бывшая директриса, милая, – оскалился Кондор.

Я не успела удивиться или съязвить только потому, что в гостиной оказалась леди Тересия. Она вскочила с дивана, на котором сидела с вязанием, и радостно всплеснула руками – и только потом удивленно застыла, разглядывая мою одежду.

Кондор сразу изменился, стал в разы доброжелательнее, чем был пару минут назад.

– Доброе утро, леди Тересия, – сказал он спокойно и светло.

Будто бы этими словами отсекал все ужасы вчерашнего вечера от этой тихой, суетливой и теплой женщины с ее собачьим взглядом, вязанием и шалью, наброшенной на хрупкие плечи.

– Лорд Парсиваль ждал вас вчера, – сказала она, переводя взгляд с меня на Кондора и обратно. – Милая, вы невероятно бледны. Что-то случилось?

Вопроса моей одежды она даже не коснулась, то ли из такта, то ли из сострадания.

– Я...

– Мари немного нездоровится, тетя. – Кондор осторожно дотронулся до моего запястья, и я поняла, что это просьба помолчать. – И она некоторое время будет гостьей в Гнезде.

Гнездо? Seriously?

Я посмотрела на Кондора, едва сдержав смешок.

– Ох! – Тересия замялась, удивленно моргнув. – Я прикажу приготовить комнату в правом крыле. Вы хотите есть, милая? Завтрак, увы, прошел с час назад, но что-то точно осталось.

– О нет, леди Тересия, большое спасибо, но есть я не хочу, – выдала я, стараясь поглубже вдохнуть, потому что от одной мысли о еде испытывала весьма противоречивые чувства.

– Оставь вещи здесь, их отнесут в комнату, – голос Кондора вернул меня в этот мир. Я послушно сняла рюкзак и поставила его на пол рядом с диваном. – В лаборатории точно есть кое-что от нервов.

– Вы очень необычно одеты, Мари. – Леди Тересия, наконец, не выдержала, и любопытство победило ее. – Это же оттуда, откуда вы пришли?

Я кивнула и готовилась уже что-то объяснить в ответ на ее полное предвкушения: «О-о!», – но Кондор схватил меня за руку и, снова извинившись перед тетей, утащил куда-то в глубину переплетающихся коридоров.

Библиотека в доме дель Эйве напоминала библиотеку Замка разве что количеством книг.

Она была огромной, очень светлой, с такими высокими потолками, что хватило места для второго яруса, со стеклянной крышей, сквозь которую пробивался тусклый свет зимнего утра, и несколькими арками-окнами на обе стороны, сейчас задернутыми светло-зелеными занавесями.

Целый зал, полный книг, карт, свитков и картин, просторный, но уютный.

Здесь царил мягкая тишина. Ковер на полу поглощал наши шаги, пока мы шли к едва заметной двери, умело спрятанной между стеллажами из светлого дерева.

– Леди снова смотрит вокруг так, словно мир полон чудес, – заметил Кондор, пропуская меня вперед, в небольшую комнатку, которая после просторной библиотеки показалась мне почти тесной.

– Я уже поняла, что чудеса здесь соседствуют с чудовищами, – ответила я, вопросительно кивнув в сторону стоящего рядом со стеной стула, больше похожего на кресло – с подлокотниками и высокой спинкой. – Можно я сяду?

– Конечно, милая, как тебе удобнее, – Кондор огляделся, словно что-то искал.

Я плюхнулась на стул, радуясь тому, что, наконец-то, можно не бояться, что голова вдруг закружится и пол уйдет из-под ног, и тоже осмотрелась чуть внимательнее.

Лаборатория была больше, чем мне показалось в первый момент, и с низким деревянным потолком. Единственное окно, довольно широкое, выходило в сад: я видела за толстыми стеклами,

выложенными в какой-то странной, мелкой расстекловке, переплетение черных ветвей.

Одну сторону комнаты, ближе к выходу, занимали стеллажи, открытые и закрытые, заставленные коробками с надписями, книгами, стеклянными банками с какими-то растениями в них и причудливой посудой, похожей на ту, которую можно встретить в кабинете химии. В двух шкафах оказались секции со множеством мелких ящичков, каждый из которых был надписан или отмечен незнакомыми мне знаками. На другой половине был только стол – широкий, достаточно высокий, чтобы за ним можно было работать стоя. На стене за ним висели какие-то схемы, таблицы и инструменты на вбитых в стену крючках.

– Я думаю, у отца в кабинете тоже есть эта штука, – сказал Кондор, наливая в металлический стакан воду из стоящего на подоконнике прозрачного графина. Затем в эту воду упало несколько капель чего-то из маленького стеклянного флакона, и волшебник протянул стакан мне. – Но я не хотел бы рыться в ящиках его стола, пока на меня укоризненно смотрит Присцилла.

Я с сомнением принялась, чем вызвала насмешливый взгляд.

– Название тебе ничего не скажет, но это средство весьма востребовано среди тех, кто по своей воле или из профессионального долга перенервничал накануне, – с кривой улыбкой сказал Кондор. – Пей, не бойся. – Он отошел в сторону, к подоконнику. – А мне нужно еще кое-что сделать.

Он щелкнул задвижкой и зачем-то распахнул окно.

Я сделала первый глоток, недоверчиво кривясь, потому что мой прошлый опыт общения с зельями был так себе, но ничего ужасного не произошло.

Я почувствовала только легкий привкус трав.

За окном было угрюмо и холодно. Кондор посмотрел в сад, подавшись вперед, насколько ему позволял подоконник, а потом вытянул руку и начертил в воздухе знак, тут же осыпавшийся мелкими тающими искрами.

– И вот этого мне тоже не хотелось делать, пока Прис рядом, – проворчал он так, чтобы я услышала.

Черная тень скользнула на подоконник, обернувшись большим котом, при виде которого я чуть не поперхнулась от удивления и злости.

– А он что тут делает?

Кот царственно уселся, поставив передние лапы перед собой, и презрительно посмотрел на меня, дернув кончиком пушистого хвоста:

– Человечье дитя все еще не научилось вежливости, – сказал Ахо где-то внутри своего иллюзорного тела.

– После того, что ты сделал, она имеет полное право посадить тебя в фонарь вместо волшебного кристалла. – Кондор скрестил руки на груди и прислонился к стене рядом с окном. Я замерла, подумав, а не означает ли это, что Кондор в курсе, как именно я его спасла, но если он и знал, то, кажется, не собирался сейчас говорить об этом. – У тебя, поганец, есть шанс загладить свою вину перед леди, поэтому я разрешил тебе войти в этот дом.

– Премного благодарен, – тоном, далеким от благодарного, ответил Ахо, и Кондор скривился, словно заставил себя спрятать злую улыбку.

– Я думаю, что у вас двоих есть разногласия после некоторых неприятных событий. – Волшебник строго посмотрел сначала на меня, а потом на кота. Я не придумала ничего лучше, чем коротко кивнуть и допить одним глотком все свое лекарство. – Вам придется на время забыть об этих разногласиях. Мари, здесь нет Сильвии, а Корвин в первую очередь следит за теми, кто является частью семьи. Ахо будет охранять тебя и служить с таким рвением, словно от этого зависит судьба кисточек у него на ушах. И если он позволит себе лишнее, последние три дня покажутся ему отдыхом у Милосердного за пазухой.

Кот нервно дернул ухом, выгнулся и с весьма внятным мурлыканьем спрыгнул с подоконника, чтобы снова замереть пушистой статуей рядом с моими ногами. Я напряглась.

– Кондор, я не хочу, – твердо сказала я, сжимая стакан.

От тепла моей ладони он успел нагреться.

– Кажется, мы это уже проходили, милая, – голос Кондора стал еще более строгим и не по-хорошему тихим. – Сейчас не та ситуация, чтобы ты могла выбирать или не хотеть, прости. Ахо – способ связи со мной, потому что, к сожалению, через час мне нужно быть у градоначальника Йарны и рассказывать ему и Герхарду о том, что произошло вчера в лесу, – добавил он так же тихо. – Мне бы очень хотелось успеть перед этим позавтракать, потому что, боюсь, в этот раз

мне не будут рады, и никто не предложит мне и чашки чая. А потом, – он задумчиво провел рукой по своей щеке, словно смахнул с нее что-то, – мне нужно еще как-то донести о произошедшем тем людям, которые обычно занимаются такими делами. И сделать это так, чтобы не подставить под удар ни себя, ни беднягу Герхарда. Поэтому ты остаешься здесь одна, под присмотром двух почтенных леди и одной своенравной птицы. Мой отец, конечно, рядом, но я не могу попросить его водить тебя по коридорам за ручку, милая.

– Хорошо, хорошо, ты прав. – Я чуть не покраснела, понимая, насколько с моей стороны сейчас некрасиво капризничать. – Но ты же говорил, что здесь безопасно?

– Я считал Замок одним из самых безопасных мест, в которых я бывал, а бывал я, поверь, много где. Ты сама видишь, что все идет не так. – Кондор устало потер пальцами виски, на пару секунд закрыв глаза, и с видимым раздражением добавил: – Мари, просто сделай одно маленькое одолжение – потерпи рядом вредного фэйри, который может в случае чего позвать меня, хорошо?

– Да, мамочка, – в тон ему ответила я.

– Ну, если ты язвись, значит, тебе лучше, – хмыкнул Кондор, забирая у меня стакан. – Пойдем, отдам тебя на растерзание Тересии.

– Присцилла совершенно точно посчитает своим долгом просветить тебя насчет того... эм, ритуала, на котором она настаивает, – добавил Кондор, когда мы вышли в библиотеку. Ахо выскользнул вслед за нами и неслышно затрусил вперед, обнюхивая углы, как самый обычный кот. – Или будет испытывать тебя на прочность и стойкость, потихоньку выводя из равновесия.

– Я постараюсь не выводиться, – пообещала я, следуя за ним. После зелья мне действительно стало лучше, но от волнения и недосыпа казалось, что вокруг холодно. – В прошлый раз неплохо получилось.

– Ты была неподражаема. Но лучше постарайся не говорить с ней. Соври, что хочешь спать. – Он притормозил и положил руку мне на плечо. – Я себя чувствую, словно оставляю беззащитную деву на съедение дракону. Но Присцилла – не чудовище. Она вредная, не

спору, очень кусачая и колючая, но она хитрая и умная женщина и не станет намеренно вредить кому-то просто из личной неприязни. Но я боюсь, как бы она не ранила тебя, желая узнать, что ты собой представляешь.

Мы стояли посреди огромной библиотеки и смотрели друг другу в глаза. Кондор очень цепко, почти на грани того, чтобы я ойкнула от боли, держал меня за плечо.

Ахо замер где-то на периферии зрения, чуть приподняв переднюю лапу, будто бы тоже удивился и не решался сделать шаг.

– Веселая у тебя семья, – сказала я и дернула плечом, намекая, чтобы он убрал руку. Он убрал и выпрямился.

Кондор криво оскалился, глядя на меня сверху вниз, и развел руки в стороны:

– У меня и у этой семьи есть свои скелеты на чердаке, – сказал он серьезно. – Если найдешь парочку, не пугайся.

– Я надеюсь, скелеты – в переносном смысле? – скрывая за ехидством волнение, ответила я и протянула ему ладонь.

«В конце концов, две совместные пьянки, обморок и поцелуй, который, не знаю, оставался ли для него тайной, как-то сближают, – подумала я. – Можно потерпеть его тетушек».

С леди Франческой, помнится, в книге обращались куда более безжалостно, не объясняя ей ничего и ставя, пожалуй, чуть выше любимой охотничьей собаки коварного темного колдуна.

Пальцы Кондора сжали мою ладонь очень легко, не так, как плечо чуть ранее.

– Парочка настоящих тоже найдется, – честно сказал он. – Правда, не человеческих. Если захочешь – покажу.

– Спасибо, обойдусь, – буркнула я, но Кондор уже переключил свое внимание с меня на не совсем кота.

– А тебя, мой друг, за дверью ждут неприятности, – сказал волшебник с показным сочувствием. Кот наконец поставил лапу на ковер и вопросительно повел ухом. – Да, то условие, которое мы обсуждали. Он здесь, я не сомневаюсь. Уже должен был почуять.

Я нахмурилась.

Кондор неслышно рассмеялся:

– Корвин, милая.

Ворон действительно ждал нас прямо за дверью библиотеки. Он сидел, вцепившись когтями в декоративный козырек над камином, и с безопасной высоты наблюдал за нами. Корвин казался скорее любопытным, чем настороженным или злым, а вот Ахо как-то сразу сдулся и начал суетливо путаться у нас под ногами, то резко останавливаясь, то так же резко пытаясь податься вперед. В замешательстве я посмотрела на Кондора.

Волшебник был спокоен и равнодушен, но я заметила на его лице тень ехидной улыбки.

Может быть, мне стоило пожалеть бедного фэйри, которого судьба к такому не готовила, но у меня не получалось найти в себе жалость. Злорадства я, к слову, тоже не ощущала, только странный, незнакомый мне интерес.

– Они точно друг друга не сожрут? – спросила я, кажется, слишком громко.

Ахо услышал и посмотрел на меня так, что умей он испепелять взглядом, я бы сейчас опала на паркет горсткой пепла.

– К сожалению или к счастью – нет. – Кондор снова рассмеялся. – Но не тебя одну ждет проверка на прочность.

Он выставил руку вперед, и ворон спикировал, вцепился когтями в рукав сюртука, что-то коротко каркнул и наклонился вперед, в сторону Ахо.

Кот замер, вытянувшись в струночку, как-то странно изогнулся, приподняв переднюю правую лапу и склонив голову. Это выглядело почти как в мультфильме, и я поняла, что только что увидела поклон.

Корвин повел головой, наклонив ее набок, будто бы чего-то ждал, и отчетливо щелкнул клювом. Ахо скосил взгляд на меня, дернул усами, выпрямился, задрав нос вверх, и вдруг превратился в клубы черного тумана, в ту же тень, которая скользнула на подоконник в лаборатории.

Тень вытянулась вверх, закрутилась спиралью и рассыпалась, растворившись тонкими полосами в воздухе. Вместо кота появился пикси – истинная форма Ахо, нечто среднее между насекомым и растением, крошечное существо, которое я видела один раз и больше бы предпочла не видеть. Оно зависло в воздухе, не то поддерживая себя взмахами прозрачных крыльев, не то левитируя, и поклонилось уже по-человечески, прижав одну крошечную руку-веточку к груди, а

потом с уже знакомым мне стрекотом взлетело вверх и исчезло в зеркале над камином.

Корвин посмотрел на хозяина и каркнул, кажется, с оттенком упрека.

Что ты сюда притащил, ага.

– Мы, к сожалению, не часто принимаем гостей, – сказала леди Тересия. – Поэтому, боюсь, гостевое крыло может показаться вам неуютным и пустым. Но, поверьте, призраков в этом доме нет, – она улыбнулась, пытаясь приободрить меня.

Я улыбнулась в ответ, хотя, наверное, вышло кисловато.

Она была права.

Если весь дом дель Эйве казался мне сумрачным, словно в нем в знак некой странной скорби приглушили яркость цветов, то в правом крыле, в том самом, куда мы с Кондором в прошлый раз не пошли, этот сумрак перемешивался с ощущением пустоты и холода. Тересия провела меня через просторную светлую гостиную, затем – по длинной галерее, из окон которой был виден сад и окружающие Галендор холмы, и, наконец, открыла передо мной дверь – ближайшую, потому что, как я заметила, дальше тоже были какие-то двери, арки и комнаты.

– Вот мы и пришли, – Тересия посмотрела на меня, словно извиняясь за что-то, и пропустила вперед.

– Оу, – только и сказала я, замерев через два шага.

Тересия не сказала ничего в ответ и тоже застыла, позволяя мне собраться с мыслями.

В этот момент я, кажется, окончательно прониклась к ней доверием.

Комната была маленькой, меньше, чем моя спальня в Замке, но невероятно уютной.

В камине уже горел огонь, мои вещи лежали на бежевом кресле рядом. Видимо, их решили не трогать и не разбирать без моего присутствия. Шторы на единственном окне были распахнуты в сад. Здесь был небольшой шкаф для одежды, письменный стол и стул

рядом с ним, и на односпальной кровати, застеленной бледно-голубым покрывалом, лежала одежда.

Несколько платьев, которых я совершенно точно раньше не видела.

– Леди Тересия, простите, но я не...

– Ах да, милая. – Тересия снова улыbnулась почти виновато, будто бы хорошо понимала мою реакцию, но не могла ее принять. – Это платье леди Гейл. Они немного отстали от моды, но...

– Леди Тересия, но зачем? – Я попыталась сказать это ровно и мягко, чтобы не обидеть ее. – Я не собираюсь выходить в свет, да и вообще...

Да и вообще, я не собираюсь выходить из комнаты, а брать чужие вещи мне неудобно, и вот как бы мне вам это объяснить?

Тересия выглядела удивленной, словно на ее глазах ребенок отказался от десерта, но тут же собралась, придав лицу строгое выражение, явно для нее непривычное, и прошла вперед, к тем самым платьям. На минуту повисла странная, неприятная тишина.

– В этом доме достаточно свободные взгляды на многое, – сказала, наконец, Тересия тихо и серьезно. Она разглядывала платья, лежащие на покрывале, то ли не решаясь повернуться ко мне, то ли потому что эти самые платья сейчас стали центром ее вселенной. – На любовь, на детей, на выбор собственного пути. На поведение за столом, в конце концов. – Она усмехнулась и все-таки посмотрела на меня. – Никто не будет делать трагедию из того, что человек, прибывший издалека, до определенного момента остается верен традициям, принятым у него на родине. – Тересия покосилась на мои джинсы. – Но вам, леди Лидделл, стоит привыкнуть к тому, что не везде в этом мире взгляды так же свободны, как здесь. А люди, особенно мужчины, совсем не похожи на мужчин дель Эйве. Юлиан не склонен соблюдать некоторые формальности, поэтому, а может, еще из заботы о вашем душевном комфорте, позволяет и вам не соблюдать их.

Она многозначительно посмотрела на меня, ожидая реакции.

– Я понимаю. – Я кивнула. – Но у меня есть с собой платье.

– Одно? – усмехнулась Тересия. Я снова кивнула. – Милая девочка, одно платье для леди, даже если леди не планирует покидать пределы дома, это ничтожно мало, – добавила она с таким видом, что я поняла: Кондор меня тиранически обделил и должен был перенести

сюда весь платяной шкаф, не иначе. – Юлиан обещал решить эту проблему в ближайшее время, но, думаю, это было сказано из вежливости, и он уже сосредоточился на более важных для него вещах. Поэтому мы с леди Присциллой решили предложить вам то, что есть в этом доме. Леди Гейл немного выше вас. – Тересия сощурилась, рассматривая меня оценивающе. – Я пришлю к вам служанку, она поможет подогнать платья. И предложение позавтракать все еще в силе.

Служанка пришла быстро. Это была милая и довольно болтливая женщина лет тридцати пяти, так что вскоре я знала, во сколько в этом доме едят, сколько здесь слуг, что леди Присцилла предпочитает чай с мелиссой и по четвергам запирается в лаборатории, где делает свечи. Что лорд Парсиваль редко обедает дома и часто задерживается допоздна в Академии. Что на ужин изредка заходят знакомые лорда, но в остальном этот дом тих и сумрачен.

Что да, миледи, в этом доме действительно мало слуг, ведь лорд Парсиваль не похож на других лордов и своих детей воспитывал такими же независимыми от чужой помощи.

О нет, миледи, дочку он больше баловал, она у нас красавица.

Где она? А это миледи стоит узнать у лордов, слугам настрого запрещено говорить что-либо о леди Гейл.

Больше тайн, еще больше!

Я с натянутой улыбкой позволила запихнуть себя в два платья – темно-синее, с белой вышивкой на широких рукавах, и зеленое клетчатое, похожее на то, которое лежало у меня в сумке и, увы, оказалось измято.

– Клетчатое хорошо на вас село, – сказала служанка. – Даже укорачивать не нужно. А ваше я заберу и верну вечером, пусть повисит в гладильной. Принести вам перекусить, миледи?

– Пожалуй, да, – ответила я, отчаянно пытаюсь вспомнить, как ее зовут. – Но я могу спуститься в столовую, если надо.

– О нет, зачем? – Она наклонила голову. – К вам просто поднимется горничная с подносом. Леди Тересия сказала, что вы неважно себя чувствуете. – Служанка повесила платья на сгиб локтя и

уже в дверях что-то вспомнила и обернулась. – Сонетка висит над кроватью, если вам что-то понадобится – я всегда к вашим услугам.

Я посмотрела туда, куда указывала ее рука, и увидела ленту, уходящую куда-то под обои.

Шнур для вызова прислуги, точно, вот как он называется.

Дверь закрылась, и я села на кровать, скрестив ноги и подобрав их под себя. Чужое платье было неожиданно мягким и почти удобным, но, кажется, несмотря на мое нежелание привлечь внимание Присциллы и давать ей еще один повод сказать мне что-то, мне придется надеть кеды – свои туфли я тоже благополучно забыла в Замке.

И так же я забыла ту книгу со сказками: в рюкзаке лежали только пара томов Истории для девиц и внезапно «Леди Франческа».

Было обидно до злобы, и я сидела, дуясь на саму себя.

Ахо вылез из-под кровати, отряхнулся, распушив хвост, и посмотрел на меня круглыми желтыми глазами.

– Ты меня напугал, – сказала я, потому что когда из темноты показалась мохнатая лапа, я чуть не подпрыгнула.

– Увы, я появляюсь из теней, и в этом всегда есть элемент неожиданности. – Кот дернул усами. – Человечье дитя на кого-то злится?

– Тебя это касается в последнюю очередь.

– Тогда я буду наслаждаться этими восхитительными волнами злобы. – Он зевнул, показывая клыки. – Что бы там ни думали некоторые идиоты, пирующие пособия по бестиологии для других идиотов, пикси не цветочным нектаром питаются. – Ахо мягко встал на четыре лапы и пошел гулять по комнате, принохаясь ко всему – от ковра перед камином до ножки письменного стола. – И все-таки, чем расстроена леди? В моих интересах помогать ей. Забыла любимое платье?

Я следила за тем, как он медленно двигается, словно бы ищет в комнате что-то, скрытое от меня.

– Почему ты поклонился Корвину?

Ахо царственно повернул голову ко мне:

– Я высказал свое почтение тому, кто сильнее меня и кто согласился терпеть меня на своей территории, – равнодушно ответил он. – У нас свой этикет, я соблюдаю Закон. К слову, миледи, хочу

предложить перемирие и сотрудничество. – Кот кивнул мне. – Раз уж мы с вами подчиняемся одной руке.

– Даже так? – сощурилась я, подозревая подвох.

– За мое недостойное поведение господин наказал меня со всей присущей ему жестокостью, – кот осторожно сделал еще пару шагов вдоль стены, – и добавил в наш договор пару новых пунктов, которые я вынужден соблюдать. В моих интересах быть полезным. Правда, это не исключает того, что ваша злоба, как и ваш страх, невероятно притягательны.

Я смотрела на него, понимая, что в прошлый раз такое вот сотрудничество обернулось для меня бедой, но кот, продолжающий обнюхивать мою комнату, продолжил:

– Я говорю о сотрудничестве, а не о сделках, миледи.

– И в чем разница?

Он вроде бы хотел ответить мне, но тут раздался стук в дверь, и Ахо черной молнией метнулся назад под кровать.

– Войдите! – крикнула я.

Служанка, уже другая, более молодая, открыла дверь и зашла в комнату. В ее руках был поднос с наброшенной на него тканевой салфеткой.

Сразу за ней в дверной проем влетел Корвин, будто бы только и ждал, чтобы кто-то его впустил. Он уселся на каминной полке и, несмотря на то, что служанка, оставив поднос на столе, пригласила ворона назад, в коридор, никуда не двинулся, только что-то проворчал.

– Я не знаю, что тебе нужно, – сказала я Корвину, наливая себе чай и пытаюсь решить, хочу я омлет или обойдусь бутербродом с сыром. – Но, надеюсь, ты меня не сожрешь.

Ворон посмотрел на меня, кажется, с удивлением.

Ахо снова выполз из-под кровати и уставился на Корвина.

Пока они молча рассматривали друг друга, я успела, обжигаясь, все-таки съесть омлет и теперь сидела на подоконнике, допивая чай из тонкостенной фарфоровой чашки, которую было страшно брать в руки.

Кажется, ворон-не-ворон и кот-не-кот вели безмолвный диалог, происходящий за пределами моего восприятия, поэтому я помалкивала, стараясь не привлекать к себе их внимание.

Наконец, Ахо повернул голову ко мне:

– Под пристальным взглядом духа-хранителя этого дома, леди Мари Лидделл, я со всей открытостью, на которую способен мой род, обещаю, что не имею намерения причинить вам вред, оскорбить вас или помешать вам, – сказал он, не моргая. Корвин каркнул, словно подтверждал его слова. – И если вы готовы уступить просьбе принять мою помощь, я обещаю помогать вам по мере своих сил, если это не противоречит контракту с господином дель Эйве.

Я моргнула и осторожно вернула чашку на поднос.

– Х-хорошо, – сказала я. – Но ты расскажешь мне о том, что произошло в тот раз.

– Увы, миледи, – кот сощурился. – Мне запрещено говорить с вами о магии в отсутствие хозяина, его отца или вашего наставника.

Я заставила себя дышать ровно.

Вот как.

Кажется, Ахо, даже если ему запрещено что-то мне рассказывать, может стать неплохим источником информации, если я научусь задавать вопросы правильно. А Кондор снова что-то скрывает, хотя, может быть, дурочка, это намеренно, ради твоей же безопасности. Запрет не на вопросы, а на вопросы в отсутствие кого-то, кто может проконтролировать, не будет ли фэйри врать из вредности или своей выгоды.

Я прикусила губу.

– Договорились. Я готова принимать твою помощь.

«Только очень осторожно, – добавила я про себя. – И очень редко».

– К вашим услугам, миледи. – Кот склонил голову. – Так что же лежит в истоке вашего уныния?

– Я забыла одну книгу. – Я пристально смотрела на кота, будто бы он готовился атаковать. – Которую планировала почитать здесь, пока буду сидеть взаперти и ждать, что еще интересного произойдет, – ядовито добавила я.

– Вам никто не мешает проверить, есть ли она в этой библиотеке, – вежливо ответил Ахо, тоже не сводя с меня глаз. Кажется, в присутствии Корвина он стал немного меньше, чем обычно. – Вы помните название? Обложку?

– Это был какой-то особенный сборник сказок, Кондор сказал, что он полезный, но я не помню название.

– Кар, – сказал Корвин, наклонив голову набок.

– Думаю, это приглашение. – Ахо вскочил на четыре лапы. – Прогуляйтесь, заодно разомнетесь и посмотрите дом. А я посторожу ваши вещи. – Он запрыгнул на кровать и устроился на покрывале, поджав под себя лапы: ни дать ни взять обычный мягкий котик. – Кажется, никто вам не запрещал покидать комнату, миледи, – фыркнул Ахо, заметив мои колебания. – И оставьте в покое поднос, его унесут слуги.

Несмотря на то что никто действительно не запрещал мне свободно передвигаться по дому, я выходила из комнаты в страхе и трепете, чувствуя себя так, словно отправилась не в библиотеку, а на поиски неприятностей.

Корвин попытался спикировать и устроиться на моем плече, но я испуганно замерла, когда его когти царапнули кожу через ткань, и ворон улетел вперед по галерее, каркнув, кажется, с оттенком извинения. Потом он все время оказывался чуть впереди, словно решил сопровождать меня или показывать путь. Мне нужно было только иногда открывать ему двери.

К счастью, я не встретила Присциллу.

К несчастью, в гостиной, через которую мне пришлось все-таки пройти, все еще сидела Тересия. Она оторвалась от вязания и посмотрела на меня, расплывшись в доброжелательной улыбке.

– Я в библиотеку, – сказала я, потому что просто пройти мимо показалось мне страшно невежливым.

– О... – На мгновение мне показалось, что Тересия расстроилась, но ее улыбка стала шире. – Конечно, леди Лидделл, идите. – Она посмотрела на Корвина, который вцепился когтями в штору. – Я могла бы указать вам путь, но, к счастью, у вас уже есть проводник.

Видимо, я была права в своих догадках.

– А платье вам чудесно подошло, – добавила она, близоруко сощурившись.

Я пробормотала какие-то слова благодарности в ответ, понимая, что меня пытаются втянуть в совершенно бессмысленную беседу. Но Корвин щелкнул клювом, словно намекнул, чтобы я не отвлекалась от

цели, и я с затаенной радостью бросилась открывать следующую дверь, кивнув леди Тересии на прощание.

Она вернулась к своему вязанию.

В библиотеке было прохладно и все еще светло. Снаружи рассеялись тучи, и выглянувшее солнце играло в цветных стеклах, падая на паркет яркими пятнами там, где край светового фонаря украшали крошечные витражи.

Корвин устроился на высокой спинке кресла, стоящего у камина. Подойдя ближе, чтобы попытаться щелчком пальцев разжечь огонь, я заметила, что на ткани очень много зацепок и петель, оставленных птичьими когтями.

– Любимое место? – спросила я, не думая, ответит он или нет.

Почему-то то, что птица вдруг заговорит на человеческом языке, меня не пугало

Ворон снова щелкнул клювом и принялся наблюдать за моими попытками разжечь огонь. Безрезультатно.

Я плюхнулась в кресло, тяжело вздохнув, поставила локти на колени, обхватив ладонями лицо, и принялась гипнотизировать камин, словно бы под моим тяжелым взглядом пламя все-таки должно прорасти среди свежих, аккуратно уложенных дров.

Я понимала, зачем я сюда шла, но оставшись наедине с птицей, сотнями книг и потухшим камином, растерялась. Стоило с чего-то начать, определенно, только вот для того, чтобы что-то начать, мне нужно было подняться с места, а меня словно каменной плитой придавило.

Когда Корвин хрипло каркнул и сорвался со спинки кресла, чтобы перелететь куда-то к стеллажам и усесться на один из них, я вздрогнула от неожиданности. Ворон каркнул еще раз, громче и более резко, привлекая мое внимание.

– Это намек на то, чтобы я заглянула в шкаф?

В ответ раздалось что-то вроде «ур-р-р», прозвучавшее настолько утвердительно, что я удивилась, но встала с кресла, подошла к стеллажу и открыла стеклянную дверцу. Корвин наблюдал за мной сверху, свесившись и склонив голову набок.

– У вас с хозяином действительно одинаковые привычки, – сказала я, разглядывая корешки книг и пытаюсь понять, что тут есть вообще и что я должна выбрать.

По мнению птицы, да. Дожили.

– Ур-р, – ответил Корвин.

– Едят ли птицы кошек? – пробурчала я. – И закусывают ли маленькими непонятливыми девочками? Слышь, – я задрала голову, – ворон черный, ворон вещей, на что ты намекаешь?

Корвин совершенно натурально кашлянул, словно протестовал против моих домыслов, и выпрямился, перестав висеть на стеллаже. Он все еще следил за мной. А вот я через пару минут поняла, что серьезно сглупила: на третьей из пяти полок оказались сборники сказок и легенд, а среди них – знакомый корешок и темная кожаная обложка. Я не без труда вытащила «Истории о золоте и железе», более потрепанные, чем тот экземпляр, который остался в Замке, и снова задрала голову:

– Спасибо!

И я могла бы поклясться, что ворон кивнул, еле заметно наклонив голову.

«Историй о золоте и железе» было тринадцать, и авторы их пожелали остаться неизвестными. Короткое предисловие напоминало читателю, что сказки всегда были способом изящно передать некую истину, спрятанную в примитивных символах, и поэтому любую из «Историй» можно было прочитать несколькими способами: как ребенок, как взрослый и как чародей. «Ребенок, – говорилось там, – увидит недосказанное, поймет его, но не сможет в полной мере осмыслить, потому что он открыт миру, но не знает его. Взрослый – осмыслит лишь то, что явлено на поверхности, но золото для него останется золотом, а железо – железом, потому что он знает мир, но не открыт ему. А чародей, признающий бесконечную глубину мира, непознаваемого человеческим разумом, найдет свои собственные смыслы – именно те, на которые ему хватит знаний.

Но в любом случае, – напоминало предисловие, истории призваны развлекать и развеивать скуку, поэтому все, что требуется от читателя, – получать удовольствие от процесса».

Я хмыкнула, откинулась на спинку кресла, на которой снова устроился Корвин, и, вытянув ноги, положила их на стоящий у кресла пуфик.

Красные кеды на фоне местных интерьеров смотрелись странновато.

«Мне тревожно, дорогой читатель, – начинал неизвестный мне автор, – потому что открывать дверь в волшебный мир самому себе всегда страшно, но куда страшнее и куда почетнее стать проводником для кого-то. Истории, я верю, обладают волшебной силой, куда большей, чем иные заклинания, и эту силу нужно использовать с любовью и радостью. Я не знаю, кто ты: мудрец, или безрассудный юноша, или скучающая леди, сбежавшая в книги от забот и общества, или молодая девушка, жаждущая чудес. Также и ты, читатель, не знаешь, кто спрятался за этими строками. Так или иначе, я расскажу тебе лучшую из своих историй.

Однажды в таверне я услышал легенду о юноше, который ушел в Страну Фей, замороженный ее огнями и колдовством. Да, он вернулся назад, чтобы увидеть руины своего дома, могилы родителей и сестер и весь мир, изменившийся до неузнаваемости. Но Страна Фей поменяла и самого юношу, отучила плакать над мирскими потерями, он стал великим магом и оставил свое имя в веках. Я слушал, как златовласый сказочник, совсем еще мальчишка, рассказывает эту легенду, и лишь после того, как история была окончена, и мальчишка получил свои медяки, я подошел к нему и предложил угостить его элем.

И рассказал ему, как все было на самом деле».

Пока не наступили сумерки, и буквы не начали расплываться у меня перед глазами, я читала, прервавшись лишь раз, чтобы сказать заглянувшей в библиотеку служанке, что я не хочу есть и на обед не выйду.

Может быть, это не по правилам, но общению с Присциллой я предпочла компанию неизвестных мне людей.

Кажется, они все пытались рассказать, как все было на самом деле, и почему-то я не сомневалась, что именно так оно и могло быть. Без долго и счастливо, без фей-крестных, просто так помогающих сироткам, без поцелуев, снимающих проклятия, без абсолютного зла и абсолютного добра.

Герои совершали выбор – выбор приводил к потерям, наступали последствия – не всегда те, которые должны были наступить, читай я настоящие сказки. Милосердие вознаграждалось болью. Величие – одиночеством. Жертва – насмешкой над ее святостью. Победа – пустотой и тьмой вокруг.

Железо стоило больше золота, потому что железо было холодным и острым и умело ранить до крови, а кровь, горячая и вязкая, имела особую власть и силу.

Когда читать стало невозможно, я заставила себя оторваться от очередной истории – о женщине, превращенной во флейту, поющую так ласково, что дети шли за ней следом, – и долго смотрела в сгустившиеся сумерки. Мне и в голову не пришло зажечь кристаллы, я была слишком погружена в саму себя.

Небо за окнами помрачнело, где-то ближе к горизонту из пепельно-сизого оно становилось розово-золотым, но солнце уже исчезло за холмами. Я смотрела вверх, туда, где за стеклянными пластинами, вставленными в железный каркас, плыли низкие облака, и мне казалось, что книга, лежащая у меня на животе, стала дверью.

Я шагнула в эту дверь – и мир вокруг меня стал еще ближе, пророс еще глубже, как шиповник пророс в сердце принцессы, уснувшей в замке за волшебным озером.

Корвин, все это время просидевший на спинке кресла неподвижнее чучела, встрепенулся и коротко щелкнул клювом, и через пару секунд после этого я услышала, как открывается дверь.

Я вскочила, уверенная, что это кто-то пришел за мной, чтобы напомнить об ужине, правилах, вежливости или чем-то таком, и снова замерла, щурясь, когда человек, вошедший в библиотеку, щелчком пальцев зажег свет.

– Неужели? – сказал Шамас Раферти, разглядывая меня с почтенного расстояния.

– Доброго вечера, господин Раферти, – сонным голосом ответила я, одергивая юбку.

– Несомненно, доброго, милое дитя. – Он огляделся, будто бы искал еще что-то, и прошел вперед, чтобы легко, как пушинку, подвинуть к камину еще одно кресло. – Здравствуй, вредная птица, – добавил он, кивнув Корвину.

Корвин встопорщил перья. Шамас повесил на спинку кресла кожаную сумку, из которой торчало прозрачное горлышко бутылки, скинул темно-зеленый сюртук и, обращая на меня внимания не больше, чем на все остальное вокруг, устроился перед камином.

– Вы еще не разобрались, как зажигать огонь, леди Лидделл? – спросил он с лукавой улыбкой.

– У меня не получилось, – ответила я, щелкнув пальцами для наглядности.

Ничего не произошло.

– Ха! – В темных глазах Шамаса блеснуло веселье. – Может быть, где-то эти фокусы работают, но не здесь. Спички или огниво, леди. – Он протянул руку вперед ладонью вниз и сделал пас кистью снизу вверх. – Или же магия, но не укрощенная и упрощенная для простых людей, а самая настоящая.

В воздухе запахло огнем и нагревающимся деревом.

– Спасибо, – я вернулась в свое кресло, уже не чувствуя спокойствия, Шамас спугнул его, как спугнул сумерки, когда зажег кристаллы и огонь.

И о чем говорить с этим странным человеком, я не знала, не представляла, слишком удивленная и самим его появлением, и тем, что он так запросто ведет со мной беседу. Поэтому я вытащила книжку из-под своего правого бока и раскрыла ее, пытаясь найти страницу, на которой остановилась.

– Я пришел проведать Парсиваля, – сказал Шамас, глядя в огонь. – Но мой вечно занятый друг еще не вернулся, поэтому его сестрица любезно предложила мне подождать где-нибудь. К примеру, в библиотеке. Не ожидал обнаружить столь приятный сюрприз. – Он повернулся ко мне. – Юлиан тоже здесь?

Я покачала головой.

– Жаль, жаль...

– Он вернется к вечеру, – сказала я и поправила кольцо на пальце. – Ну, или к ночи.

Шамас смотрел на меня все с той же улыбкой, но вот глаза у него стали серьезнее:

– Я бы спросил у вас, леди Лидделл, почему вдруг вы остаетесь в Галендоре на ночь вместо того, чтобы находиться там, где положено находиться кому-то вроде вас, но, думаю, вы мне не ответите. – Он бросил взгляд на часы над камином. – Поэтому так уж и быть, я подожду еще час и узнаю все. О, я смотрю, вы нашли неплохой способ скоротать время. – Взгляд Шамаса уперся в «Истории». Рука, бледная, сухая, с единственным кольцом-печатью, протянулась в мою сторону: – Позвольте мне, леди Лидделл? Я когда-то любил эту книгу...

Я без колебаний протянула Шамасу сборник.

Над моей головой когти царапнули по обивке.

– Эта птица хуже компаньонки, – фыркнул Шамас, разглядывая темную обложку. Его пальцы скользили по буквам, словно бы книга была сокровищем. – Беспокойтесь за вас так, словно уже признала собственностью своего хозяина и намеревается не подпускать к вам никого хоть сколько-то подозрительного. Меня, например. Мари, сколько вы уже прочитали?

– Я на четвертой истории. О флейте.

Я поймала себя на том, что тянусь одергивать юбку или поправлять косу через каждые несколько секунд, и сложила руки на коленях.

– И почему юная девушка вроде вас выбрала не что-то из сочинений леди Бланки или замечательные «Письма к неизвестной» господина Форжо?

Я посмотрела на собеседника, чуть наклонив голову набок, пытаюсь понять, что ему от меня нужно. Шамас выглядел таким благодушным дядюшкой, хитрым и умным, но без намерения навредить, поэтому я ответила.

– Я не слишком знакома с вашей культурой, господин Раферти, и уж тем более пока не вникла в то, что следует читать леди, а что не следует. Книгу мне показал Корвин, – и ведь не соврала ни разу. – Можете у него спросить почему. Но мне нравится.

– Нашли там что-то полезное для себя? – взгляд Шамаса стал еще хитрее.

– Не уверена, что могу ответить. Пока мне просто нравится.

Шамас усмехнулся и, не выпуская книги из рук, откинулся на спинку кресла. Я поняла, что мы с ним, оказывается, почти одного роста, и сейчас в этих вот креслах оба казались маленькими. В отблесках пламени седые волосы Шамаса отливали рыжиной.

– Я рад, что вам нравится, – сказал он. – А что касается выбора книг, то, думаю, это не самый плохой вариант, с которого можно начать знакомство с литературой нашего мира. Поверьте, сочинения леди Бланки...

– В разы скучнее, – сказала я. – Я читала историю про леди Франческу и заснула на сотой странице.

– Бедная леди Франческа, – рассмеялся Шамас. – Ну, тогда мне остается только упомянуть о «Письмах».

– Вы не поверите.

– Тоже читали?

Он захлопнул «Истории» и, передавая их, посмотрел на меня исподлобья.

– Знакома с автором, и он показался мне странным.

– О, – Шамас снова глухо рассмеялся, словно сытый кот заурчал. – Каэрийская кровь сделала его удивительно обаятельным молодым человеком, и он умеет этим пользоваться. – Шамас повернулся, чтобы достать из внутреннего кармана своего сюртука, висящего на подлокотнике, небольшую блестящую фляжку. – Вы пьете виски, леди Лидделл?

Я выставила руки ладонями вперед, пытаюсь не улыбаться:

– Пью, но не сегодня.

– Тогда простите мне мою невежливость.

Шамас сделал глоток из фляжки и, посмотрев на Корвина, попытался подозвать его почти как кота, но ворон снова проигнорировал. Зато наклонился и аккуратно поправил клювом выбившуюся из моей косы тонкую прядку. Я удивилась и отпрянула.

Шамас рассмеялся:

– На вас платье младшенькой, Мари, неудивительно, что он так себя ведет.

Он пристально посмотрел на меня, тяжелым таким взглядом, почти неприятным. Появилось чувство, словно чужая сила прикоснулась к моим вискам, навалилась на меня, заставив замереть перед нею больше от непонимания и удивления, чем от страха. Эта сила схлынула, когда со стороны Корвина раздалось недовольное урчание.

– Не буду, не буду, старый ворчун, – фыркнул Шамас, рассматривая меня уже не таким неприятным взглядом, и уверенно добавил: – А вы чувствуете подобные вещи, леди Лиддел. Необычно для чужака из мира, который, говорят, лишен магии. И все же. Мне с каждой минутой все интереснее, по какому поводу вы вдруг оказались в этом доме, да еще и в платье леди Гейл, что свидетельствует, видимо, о некоторых сложностях с гардеробом? Или о таких вещах лучше спросить у лорда дель Эйве?

– Спросите его, – ответила я, зачем-то доставая из-за ворота кристалл на цепочке. Видимо, нервы начали сдавать, и мне нужно

было занять чем-то руки. – Думаю, лорд Парсиваль лучше меня сможет объяснить причины.

Потому что, господин Шамас, только местные фэйри знают, кто вы и чего вам от меня надо. Пусть лучше старшие разбираются, где и как вам соврать.

– Уклончиво, Мари, но я понял. – Шамас хмыкнул и сделал еще глоток из фляжки. – Красивый кристалл. Чистый и емкий. И то, что в нем, тоже неплохое.

Я наклонила голову, бросив взгляд на свой амулет, и недоверчиво уставилась на собеседника. Тот снова рассмеялся, коротко и с удовольствием:

– Мастерская чуйка, – пояснил он. – Хм, раз уж мне любопытство пока не удовлетворить, а вам точно не захочется пить чай с почтенными тетушками, предлагаю беседу. Под бдительным взглядом домашнего ворона, который не хуже сторожевого пса позаботится об имуществе хозяев. Но, конечно, если вам неприятно мое присутствие, или вы хотели еще почитать, я могу найти другую комнату.

Я замотала головой и уверила его, что все в порядке, хотя что-то (например, беспокойство Корвина) подсказывало мне, что я еще пожалею об этом.

Улыбка Шамаса стала еще более лукавой. Он какое-то время молча смотрел то на огонь, то на меня, то куда-то в сторону окна, за которым сгущалась темнота, и, наверное, будь у него трубка, как у Ренара, давно бы начал ее курить.

Я точно так же молчала, не зная, о чем с ним говорить. Мы встречались лишь раз при странных обстоятельствах, и я не могла себе представить ни границ дозволенного, ни того, о чем вообще стоило бы спросить господина Раферти.

К счастью, память подкинула мне зацепку до того, как сам господин Раферти решил нарушить молчание и задать мне какой-нибудь крайне странный вопрос. На который я не смогла бы ответить.

– Кондор упоминал, что вы недавно вернулись в Галендор, – спросила я, упустив тот факт, что по привычке назвала Кондора прозвищем, а не именем, которое звучало здесь чаще. – Вы путешествовали?

Шамас покосился в мою сторону и сощурился:

– Путешествовал? Ну, можно было бы сказать так. Скорее, работал по найму в другой стране.

– Расскажите, – сказала я, устраиваясь в кресле поудобнее: я поставила локоть на подлокотник и подперла щеку кулаком.

Шамас коротко хохотнул и сделал еще глоток виски.

– Вы вряд ли побываете в этой стране, леди Лиддел. Она далековато от Арли и Альбы, и попасть в нее довольно сложно. Особенно, если вас не приглашали, а вас, Мари, боюсь, не пригласят, – его улыбка стала подчеркнута печальной, и Шамас выпрямился.

– Сложно получить визу? – не удержалась я. Шамас наградил меня тяжелым взглядом. – Простите. Так бы предположил любой человек в моем мире.

– Боюсь, дело не в разрешительных документах. – Шамас, кажется, улавливал суть вещей не хуже Кондора, которого редко вводили в ступор какие-то мои специфичные словечки или сравнения. – Хорошо, – сказал он с преувеличенной бодростью. – Раз вы все равно в этом доме и прислушиваетесь к советам ворона в вопросах выбора чтения на вечер, думаю, я смело могу говорить с вами не только о лентах и чаепитиях. Я был в гостях у Моранн. Вы знаете, кто это?

Я нахмурилась. Что-то я такое помнила – с его слов – про торфяной виски, но, кажется, это совсем не то, что стоило бы о ней знать и тем более – повторять.

– Нет, увы. Услышала это имя впервые от вас в прошлый раз.

– Моранн – повелительница и Королева Островов. Тех, которые называются Изумрудные, – пояснил он, заметив мое легкое замешательство.

– Эльфы, – поняла я.

– Сиды, – мягко поправил меня Шамас. – Это – сиды. Sidhe. И они очень обидятся, если леди решит сравнить кого-то из их племени с eldar, завоевателями из-за Великого Океана. – Он все еще улыбался как-то по-отечески, словно сказочку ребенку рассказывал. – Вряд ли вам много рассказывали о них, ведь такие, как вы, интересуют их даже меньше, чем, к примеру, патриарха Ирро, Князя Хелек. Да и сам Ирро, Великий Князь, пожалуй, интересуется Старших сидов не больше, чем его самого интересуется Король Иберии и оба его сына. Ваша встреча с кем-то таким почти невозможна. Хотя, – Шамас наклонил голову

набок, рассматривая меня, как что-то для себя новое, – боюсь, с вами и так случилось много невозможных вещей.

– Не могу сказать, что вы ошибаетесь, – ответила я на это, не меняя заинтересованно-вдумчивой позы. – Как не могу сказать, что это доставляет мне удовольствие.

– Чудеса, миледи, в этом мире бывают опасными.

– Вы не поверите, господин Раферти, и это я тоже уже отлично поняла. Давайте вернемся к сидам, – я осмелела.

Может быть, Шамас располагал к себе с этим его отношением не то доброго дядюшки, не то старого учителя. А может, у меня за последние несколько дней умер тот кусок личности, который отвечал за ступор и стесняшки.

– Вы навещали их госпожу, и, пожалуй, я не буду спрашивать, каким образом скромный ювелир, лучший из лучших по версии моего знакомого волшебника... – Я уловила, как губы Шамаса изогнулись в подобии одобрительной улыбки, которая исчезла быстрее, чем проявилась вся. – Но, тем не менее, просто мастер, заинтересовал ту, племя которой ни во что не ставит Каэрийских Князей. Расскажите мне, чем сиды отличаются от эльфов?

– Вы отлично притворяетесь здешней, миледи, – рассмеялся мой собеседник.

– У меня прекрасные учителя, – ответила я. – И все-таки? Допустим, я встречу сида. Как мне опознать его и не навлечь на свою бедовую, эм, голову гнев? Вдруг спутаю с эльфом.

– Для начала – вряд ли встретите.

Шамас вытянул к камину ноги, обутые в легкие на вид ботинки из темно-коричневой, потертой от времени кожи, и вздохнул с таким сожалением, что я поняла: зря я это затеяла. Но отступать было некуда.

– Сиды предпочитают не контактировать с людьми. Люди слишком смертны для них, миледи, и мешают им чувствовать вечность. – Тон моего собеседника стал почти менторским, усталым, и милые теплые интонации из его речи исчезли. – Острова покидают единицы, и чаще всего это безумцы или вдохновленные юнцы. И лишь иногда – отшельники и исследователи, но отшельник-сид, скорее всего, умеет прятаться не только от людей, так что если вы встретите сида, боюсь, вам не повезет нарваться на отморозка. Или на одержимого человечеством юношу... или девушку. Которым вы будете интересны,

как сейчас кто-то из них интересен вам. – Шамас сложил руки на животе и посмотрел на меня. – А в остальном... Они темноволосы, чаще – черноволосы, бледны, очень красивы. Не как эльдар. Хищные. Опасные. Ближе к фэйри, чем к людям, но сильнее большинства антропоморфных фэйри.

Не знаю, заметил ли он, что я нервно дернула плечом от упоминания фэйри рядом со словом «хищный», но так или иначе – Шамас просто продолжил:

– Но, повторюсь, вероятность встретиться с сидом для вас почти ничтожна. Разве что вы вдруг решитесь нырнуть в леса где-то к западу полуострова. Или произойдет что-то, после чего даже Моранн не останется в стороне и вышлет в Альбу или сюда, в Галендор, свою дипломатическую миссию. О! – Он усмехнулся, заметив скепсис на моем лице. – Многие историки людей говорят, что у сидов нет цивилизации, права и морали, а глупые люди верят им и думают, что сиды – народ столь же дикий, что и североанглийские лесные девы. Но это не дикость, а иная, не родная для нас с вами картина мира. Поверьте, их Старшие отлично знают и людские законы, и людскую историю, и даже то, где сейчас его величество Антуан Пятый.

– Хорошая разведка? – я приподняла одну бровь.

– Лучшая из возможных. – Шамас кивнул. – Магия воды и воздуха куда надежнее в некоторых вопросах, чем людское око и разум, а магию воды и воздуха Моранн использует восхитительно. Пожалуй, будь ей это интересно, она давным-давно стала бы владыкой этих земель. Но, как любое существо старше пары сотен лет, Моранн лишена подобных амбиций.

– А сколько ей? – зачем-то спросила я.

– Она видела Великую войну уже зрелыми глазами, хотя тогда еще не была королевой Островов, – сказал Шамас. – Лично я боюсь спрашивать ее о возрасте.

Он смотрел на меня так, словно бы ждал какой-то особой реакции, но я сохраняла спокойствие.

Слишком много чудес свалилось на меня за последние дни, одним больше, одним меньше – какая разница? Лишь бы жива осталась.

– Позавчера вы казались мне куда более потерянной, леди Лидделл, – сощурился Шамас. – Видимо, произошло что-то действительно серьезное.

Я натянуто улыбнулась и сменила позу, потому что рука начала затекать.

– И что же вы делали на Островах, господин Раферти? – сказала я вместо того, чтобы ответить на незаданный вопрос.

Он подумал несколько секунд, наблюдая за тем, как Корвин, которому, видимо, надоело сидеть над моим плечом, перелетел на одну из перекладин второго яруса библиотеки.

– В первой истории, – Шамас кивнул на книгу, которая все еще лежала у меня на коленях, – рассказывается о юноше, постигшем основы истинного мастерства за Волшебной Рекой. Вот я, можно сказать, отчасти пошел по его пути.

– И провели сорок лет под холмами?

– Не сорок, конечно, – хмыкнул Шамас, – всего лишь семь. Достойная плата за некоторые знания и чары. Но мир, конечно, изменился, когда я вернулся в него. Дети друзей, к примеру, выросли, – добавил он, многозначительно улыбаясь. – И успели натворить дел.

Корвин вдруг распахнул крылья и пару раз махнул ими, не срываясь, впрочем, с места: то ли разминаясь, то ли намекая, что Шамасу лучше замолчать.

Шамас снова хмыкнул, покосившись на птицу.

– Я так понимаю, не стоит спрашивать вас о том, каких дел натворили выросшие дети друзей? – спросила я.

– Определенно не стоит, спросите об этом их самих, – таким же тоном ответил Шамас, и я поняла, что верно угадала намек. – Давайте лучше вернемся к нашим сидам. Хотите поучительную историю о встречах с ними, леди Лидделл?

Я пожала плечами.

– Если она интересная, почему нет?

– Вполне интересная. – Шамас бросил взгляд на циферблат над каминной полкой. – Думаю, я успею рассказать ее вам до того, как лорд Парсиваль вернется и лишит меня вашей компании. Может, все-таки виски? – еще раз спросил он.

– Благодарю, нет, – я вытянула ноги вперед и повела плечами, потому что уже устала сидеть в этом кресле.

Но сбежать было невежливо. В конце концов, Шамас куда интереснее Ахо или Тересии и явно добрее Присциллы. А в условиях отсутствия выбора – так просто идеален. Поэтому я снова подперла

подбородок кулаком и посмотрела на собеседника внимательным взглядом восторженного слушателя.

– Когда-то давно, – начал Шамас. – Но не слишком, не в глубине прошлого, а на самой его поверхности, один охотник встретил в лесу женщину с глазами цвета болота и черными волосами, похожими на длинные ветви речных ив. В этом мире, знаете ли, вообще многие легенды начинаются с того, что некий мужчина встретил в лесу или на морском побережье женщину, а она оказалась куда коварнее, чем он мог ожидать, – добавил Шамас. – С человеческими девами нечто похожее, к слову, тоже случалось.

Я кивнула, вспомнив пару сказок, прочитанных накануне.

– Так вот, – Шамас тоже расправил плечи. – Он думал, что это просто заблудившаяся девушка, а она, наверное, позволила ему думать так. И даже позволила вывести ее из леса и провела в доме охотника ночь. И исчезла утром, оставив на подушке серебряное кольцо с крупным изумрудом. Выразила благодарность за новый для нее опыт. Он ждал ее, луны успели трижды умереть и воскреснуть, но она не возвращалась. А потом чары рассеялись, охотник понял, кого встретил, и разозлился. Сложно пережить отказ красавицы, – хмыкнул он. – Еще сложнее признать, что тебя околдовали и использовали.

– Неприятно, – согласилась я. – Но действительно поучительно.

– На этом история не закончилась, – сказал Шамас, и я заинтересованно дернула бровью. – Через положенное человеку число месяцев на пороге дома того охотника появился сюрприз.

Продолжить он не успел. Корвин, последние несколько минут сосредоточенно копошавшийся клювом в перьях, вытянулся и, каркнув, спикировал сначала на спинку моего кресла, а потом, когда дверь библиотеки открылась, пропуская Парсиваля, за спиной которого маячила немного встревоженная леди Тересия, за несколько взмахов крыльев оказался у хозяина на плече.

– Доброго вечера, Шамас, – очень довольно сказал лорд Парсиваль, погладив птицу по крылу. – Рад видеть вас, леди Лидделл, и сожалею, что не дождался вас утром, чтобы встретиться лично.

Я вскочила с кресла как ужаленная, будто бы меня застучали за каким-то непотребством, и на подгибающихся ногах изобразила подобие книксена.

– Доброго вечера, милорд.

Он улыбнулся – уже давно знакомой мне кривой улыбкой, одним кончиком губ – и кивнул мне, подходя ближе и протягивая Шамасу, тоже поднявшемуся с кресла, руку.

– Надеюсь, леди Лидделл, господин Раферти вас не слишком утомил или напугал, – сказал лорд дель Эйве, подмигнув мне с видом заговорщика.

– Нет, что вы, это было, хм, познавательно, – ответила я.

И спрятала руки за спину.

– Леди Лидделл получила небольшую лекцию о волшебном народе, – сказал Шамас, пожимая руку Парсиваля. – Мы как раз почти закончили.

– Твое дело ко мне может подождать еще час? – Парсиваль бросил на меня короткий, но очень острый и цепкий взгляд и снова вернул внимание Шамасу. – Я невероятно хочу есть, и, думаю, леди Лидделл, которая, кажется, опрометчиво пропустила обед, не откажется от ужина.

Я на секунду прикрыла глаза, молча посчитала от трех до нуля и, кивнув, улыбнулась лорду дель Эйве. Видимо, визит Шамаса был для него чем-то значимым, раз он лично зашел в библиотеку, а не прислал кого-то из слуг сказать, что вернулся.

Не из-за меня же.

– Не откажусь. – Шамас взял свою сумку и нахмурился. – Присцилла не будет против? – спросил он серьезнее. – Она не выразила особого удовольствия, когда увидела меня сегодня.

– Присцилла передала мне, что от усталости у нее разболелась голова, – холодно сказал Парсиваль. – Увы, леди Лидделл, – добавил он чуть теплее, повернув голову ко мне. – Сегодня за ужином вы лишены удовольствия упражняться в островах. Юлиан не просил вас ничего мне передать?

Я покачала головой.

– Нет, милорд.

– Хорошо, – он кивнул, и мне показалось, что я заметила какую-то странную тревогу.

Мы вышли из библиотеки все вместе. Тересия успела куда-то исчезнуть, наверное, ушла раздавать ценные указания слугам. Шамас шел рядом со мной в паре шагов за спиной лорда дель Эйве и загадочно молчал, думая о чем-то своем. Добродушно-веселое

выражение снова куда-то исчезло с его лица, и сейчас мастер Раферти казался мне странно хмурым и сосредоточенным.

– И все же что это был за сюрприз? – спросила я полушепотом.

– А вы не догадались? – Шамас поднял взгляд на меня. – О, милая, сида подкинула своему любовнику ребенка.

– Такое бывает? – удивилась я.

– И не такое бывает, – хмыкнул Шамас. – Правда, боюсь, судьба таких детишек обычно не слишком веселая, – он сказал это, на секунду замерев и посмотрев куда-то вперед.

Я оторвала взгляд от лица собеседника и тоже посмотрела вперед.

Лорд Парсиваль, который точно услышал этот короткий диалог, застыл на месте и сейчас смотрел на Шамаса со странной смесью недоумения и какой-то печали во взгляде.

Шамас виновато улыбнулся, и лорд дель Эйве, нехорошо сощурившись, кивнул ему, отвернулся и быстрым шагом вышел из комнаты.

– Я чего-то не понимаю, – сказала я, сглотнув горьковатую от волнения слюну.

Казалось, случилось что-то плохое.

– Не берите в голову, леди Лиддел, – успокоил меня Шамас. – Вы задали вопрос, я на него ответил. Что услышал лорд Парсиваль – это уже наше с ним дело.

Я снова сосчитала от трех до нуля и пообещала себе побольше молчать в этом доме. Ну, по крайней мере, пока рядом со мной нет того единственного человека, которому я могу хоть сколько-то доверять.

В доме семьи Тиушэ мало кого любили.

Есть такие семьи: смотришь издали, и кажется, что счастливее не найти, но стоит зайти в дом, как на тебя обрушивается кристально-чистая пустота и холод. И ни живые цветы, ни певчие птицы в клетках, ни улыбки – ничто не может заполнить пустоту там, где должно быть что-то еще, кроме цветов, улыбок и совместных обедов.

Эфирное и неосязаемое.

Незримое.

Нечто, связывающее людей крепче родственных уз и вопросов наследства.

Без этого чего-то ни цветы, ни тонкий шелк платьев, ни картины, ни зеркала, ни белоснежный мрамор лестниц не стоили ровным счетом ничего.

В доме семьи Тиушэ и мрамора, и цветов, и зеркал было достаточно, чтобы подчеркнуть высокий статус и богатство.

Лорд Тиушэ стоял на страже того особо хрупкого равновесия, которое всегда связывает интересы двух сильных игроков. И за сохранность этого равновесия ему платили много – так много, что ни одна из шести женщин, живущих в его доме, ни в чем не знала отказа. Даже та единственная женщина, которая носила другую фамилию, потому что лорд Тиушэ умел извлекать выгоду из всего, даже из тех вещей, которые для других мужчин, менее мудрых и хитрых, становились хуже мелкого острого камешка в ботинке.

Пять женщин Тиушэ принимали гостей в большой и светлой комнате, из-за резных колонн и цветочных фресок похожей на беседку посреди летнего сада. За высокими окнами, за разноцветными витражами шел снег. Тяжелый, густой, он становился водой, коснувшись мостовой, но оседал на крышах и кронах кипарисов, налипал на одежду случайных прохожих и превращал черную землю в грязь. Снег в Лоссэ был явлением редким и не менее странным, чем гость, который в этот час, предназначенный для светской болтовни, пришел так, как приходят по делу: тихо, не заявляя о себе, словно боялся привлечь лишнее внимание, и остался за пределами гостиной, передав через слугу леди Вирини сложенный вчетверо листок бумаги.

Леди Вирини, продолжая улыбаться своей собеседнице – еще одной жене человеческого посла, тоскующей в городе, где каждый второй человеком не был, – бросила короткий цепкий взгляд на две строки, написанные острым, летящим почерком. Может быть, на мгновение лицо ее омрачилось, но уж что, а лицо леди Вирини Тиушэ умела держать в любой ситуации. Она кивнула своей дочери, старшей из четырех, сидящих в этой гостиной, и, выразив искренние извинения, покинула гостей.

Человек, которого она не слишком хотела видеть, был в кабинете. Он нервно ходил по комнате и, кажется, то ли куда-то торопился, то ли просто не знал, чем занять себя, пока ему пришлось ждать здесь, в

нарочито неуютной темной комнате с мрачно-помпезным портретом прадеда лорда Тиушэ над камином. Леди Вирини плотно закрыла за собой дверь, убедившись, что в коридоре нет никого из слуг, дочерей и, тем более, гостей дома, и натянула на лицо вежливую улыбку.

– Леди Айвеллин занята, – сказала она сразу после обмена короткими, ничего не значащими пожеланиями доброго вечера. – Если вы согласны подождать ее, я могу предложить вам чай или кофе.

Она еще раз окинула незваного гостя внимательным взглядом, оценивая, стоит ли выпускать его из кабинета на публику, и пришла к выводу, что нет. Даже если взять во внимание его статус и принадлежность к известному роду, само его появление может вызвать много неловких и неудобных вопросов, начиная от того, каким образом он вдруг оказался в Лоссэ, и заканчивая тем, что связывает его с Айвеллин, старшей дочерью леди Вирини.

И вот об этом леди Вирини предпочла бы помалкивать.

Тем более сейчас.

– И долго она будет занята? – спросил гость с улыбкой, которая лучше любых слов говорила, что неприязнь леди Вирини он отлично уловил, но тоже умеет держать лицо.

– Долго. – Леди Вирини подошла к камину и поправила серебряную статуэтку гончей, которая стояла немного не так, как должна была. – У нее очень важная встреча.

– О, я не тороплюсь, так что, пожалуй, чай. – Словно в подтверждение этих слов гость сел в кресло и щелкнул пальцами, отчего в камине вспыхнуло яркое пламя, и леди Вирини едва успела грациозно отойти на шаг в сторону. – Здесь прохладно, простите мне мое самоуправство.

– Ну, если вы уже решили, что здесь вам будет удобно ждать мою дочь, я пришлю к вам кого-нибудь из слуг, – сказала леди Вирини, сдержав порыв намекнуть волшебнику, что разжигать огонь в камине, вообще-то, не дело лорда. – Вы оставили пальто в прихожей? – спросила она, заметив, что выглядит гость совсем не так, как выглядел бы кто угодно, пришедший с улицы в такую погоду.

– У меня нет ни пальто, ни плаща, леди Вирини, – ответил Юлиан дель Эйве. – Я уйду так же тихо, как пришел. Но мне очень нужно увидеть леди Айвеллин, и я согласен ждать столько, сколько потребуется.

– У нее встреча с лордом Нельде. – Леди Вирини посмотрела на мага уже без попытки скрыть неудовольствие от его присутствия. – С женихом.

– Я понял, миледи, – гость улыбнулся. – Я пришел по важному делу и ни в коем случае не стремлюсь конкурировать с благородным сыном рода Винья.

Она мысленно послала его в том направлении, о котором благородным леди не следовало знать, и вежливо улыбнулась, сделав вид, что шутка была удачной.

И вышла, извинившись, что оставляет гостя скучать в одиночестве.

Лин редко говорила о семье, а если говорила, то любой сторонний человек не заподозрил бы подвоха. Да и свои, если не обладали достаточной степенью проницательности, редко догадывались об истинном положении вещей. Их удивляло то, что приемная дочь лорда Тиушэ, которую он, несмотря на происхождение, опекал как родную, занимается странными вещами, не желая присоединиться к милой праздности, в которой живут ее младшие сестры. Кто-то списывал это на характер, унаследованный от отца-эльфа, кто-то осуждал, но истинную причину знали трое.

Лорд Тиушэ, который привык подмечать в людях и не только в людях скрытые таланты и любил эти таланты использовать – в своих, конечно же, интересах.

Кронпринц Антуан д'Альвело, который разделял взгляды лорда Тиушэ на таланты и считал, что умелое их использование достойно хорошей награды.

И Юлиан дель Эйве, который в принципе придерживался мнения, что женщине не обязательно превращаться в комнатное растение.

Леди Вирини с возрастом из самоуверенной красавицы, легко нарушающей светские правила ради собственных удовольствий, стала поборницей тех самых правил. В старшей дочери, казалось, она видела лишь товар. Слишком необычный, чтобы заинтересовать солидного покупателя. Слишком дорогой для тех, кому может приглянуться. Прелестный цветок, выросший на ядовитой лозе, опасный и странный.

Возможно, именно поэтому леди Вирини позволила Айвеллин заниматься тем, чем любой приличной леди заниматься было нельзя – ни под каким предлогом!

Работать.

По крайней мере, пока не появится безумец, готовый взять в жены существо, застрявшее между мирами и одинаково бесправное в обоих.

Леди Вирини видела это так, но упускала из вида многие важные мелочи.

Скрытые таланты Лин принесли свои плоды: связи и деньги, и еще титул, и еще поддержку со стороны представителя Королевской Семьи. Так что лорда Нельде Ан'Эдха из рода Винья, младшей ветви Высокого Дома Глэннэ, можно было бы назвать, скорее, пронырливым и практичным сукиным сыном, чем безумцем.

Собственно, именно практичным и пронырливым он и был. Высокомерным, как все эльфы. Недоверчивым, как любой жених, чья невеста позволяет себе общение с холостыми мужчинами, имеющими нахальство прийти в дом ее родителей и что-то требовать. Достаточно умным, чтобы спрятать это недоверие, когда Кондор назвал себя и протянул ему руку, улыбаясь как можно более дружелюбно.

– Я знаю о вас. – Лорд Нельде смотрел свысока и не улыбался. – Слышал о вашей семье.

Он коротко кивнул и пожал протянутую руку, и это был хороший знак. Кондор заметил, как бледная от волнения Лин выдохнула.

– Я бы предложила вам остаться, милорд, – сказала она жениху ровным, но приглушенным, словно простуженным голосом. – Но, увы, то, что мы будем обсуждать с господином дель Эйве, мы не можем обсуждать в присутствии посторонних.

– Я услышал вас, Айвеллин, – ответил эльф и, приложив ладонь к груди, поклонился невесте. – Не буду мешать. Передавайте леди Вирини и сестрам мои лучшие пожелания, а я воспользуюсь предлогом и тоже вернусь к важным делам. Был рад узнать вас, лорд дель Эйве, – добавил он, глядя на Кондора уже с меньшим высокомерием. – Надеюсь однажды поговорить не на бегу.

Скорее всего, это было сказано из вежливости, но лорд Нельде хотя бы не попытался навязать свое общество под любым предлогом – просто из мнительности или мелочной ревности. Это радовало. Кондор проводил его взглядом, настороженным и пристальным, на

всякий случай, если самоконтроль лорда Нельде даст проявиться каким-то еще эмоциям или чувствам. Но сын дома Глэннэ был так же спокоен, как камень в лесу. Спокоен – и словно бы равнодушен.

– Ну, ты ему не понравился, – сказала Лин, устраиваясь на стуле за письменным столом. Бронзовый грифон, безделушка, стоящая рядом с чернильницей, моментально оказалась в руках девушки. – Но я склонна считать, что ему, в принципе, нравится только его отражение. Или то, что приносит выгоду.

– Мне жаль, – Кондор сел на край стола.

– О, ты единственный, кому искренне жаль. – Лин повертела грифона и отставила его в сторону. – Мне – не жаль, – добавила она, посмотрев в глаза Кондора. – Так что оставь, пожалуйста, свою жалость самому себе. Я просила тебя прийти завтра, Кондор. Завтра, не сегодня. Сегодня я никуда не готова идти, и более того...

Она громко втянула воздух, заставляя себя замолчать и не наговорить лишнего.

Кондор в ответ развел руками.

– Боюсь, мне нет смысла забирать тебя отсюда, – сказал он и замолчал, давая Лин время понять и осмыслить.

Она замерла, и строгость на ее лице сменилась удивлением – куда более искренним, чем это вот возмущение и показная злость.

– Как так? – выдохнула Лин и широко распахнула глаза. – Что случилось?

– Ты не отстранена, нет. – Кондор смотрел на грифона. – Но, думаю, у тебя сейчас появится время заниматься личными делами. Неделя, две. Может быть – месяц, но это вряд ли.

Он снова замолчал, словно не продумывал все эти почти полчаса, проведенные в одиночестве, стратегию и тактику рассказа о том, что произошло вчера – и не только вчера, а вообще за последнюю неделю, странную, полную событий, долгую, будто бы счет шел не на дни, а на месяцы.

– Я не знаю, что происходит, – наконец, сказал Кондор, все еще смотря на грифона.

Лин поставила статуэтку прямо посреди чистого, пустого от бумаг и мелочей пространства, и бедный грифон выглядел потерянным. Лин тоже: тонкая и хрупкая, слишком женственная для этого строгого интерьера, в слишком нарядном нежно-голубом платье, выбранном,

видимо, под цвет глаз. С живыми фрезиями в сложной прическе, на которую, скорее всего, было потрачено несколько часов. С полоской голубого бархата, обхватывающей тонкую шею.

– Я не хотел портить тебе... что-то, – сказал Кондор, проводя указательным пальцем по глянцевой поверхности стола – круг, перечеркнутый наискось. – Но могло так сложиться, что завтра я бы не успел никуда, поэтому я пришел сегодня. Предупредить и узнать, что у тебя все в порядке.

Лин кивнула, прикусив нижнюю губу.

– У меня все, как должно.

Не «в порядке» и тем более – не «хорошо».

Она точно хотела спросить, но не знала, что и как спрашивать. Может быть – обдумывала происходящее, прикидывая варианты развития событий. Может быть – искренне переживала о тех, кто остался в Замке. Вот в это второе очень хотелось верить. Почему-то.

– У нас тоже. Если не считать того, что Замок, кажется, перестал быть безопасным. В том плане безопасным, в котором мы его всегда считали, – добавил Кондор многозначительно. – Не уверен, что могу рассказать тебе обо всем, что произошло, но...

– Говори. – Лин упрямо дернула головой. – Это всяко интереснее светской болтовни, которую я буду слушать, когда выйду отсюда.

Он выдохнул, еще раз посмотрел на несчастного грифона – и рассказал. Все – почти так, как оно было. Про ночь Хёга, про Изнанку, про скрытые таланты леди Лидделл, про встречу с Видящей, умолчав лишь о визите к Габриэлю, потому что пока что об этом было говорить нельзя. И потом рассказал еще – про то, что они решили в Галендоре. И, чуть задумавшись, стоит ли, про невероятно долгое вчера: кровь на снегу, чужие голоса и погоню до самой границы Замка, за которой незваных гостей ждала злая и очень верная Сильвия.

Рассказал так, чтобы девушка, сидящая перед ним, не почувствовала себя предателем, сбежавшим от неприятностей, которые обрушились на остальных.

Лин застыла, чуть приоткрыв от удивления рот, еще более бледная, чем была, когда вошла сюда вслед за лордом Нельде.

– Я отвел леди Лидделл в самое спокойное место, которое знаю, – закончил Кондор, пытаясь говорить легко и спокойно, будто бы все эти дни были игрой. – Да, и вместо тебя и твоих мягких методов

воспитания ей придется терпеть двух моих тетушек. Некоторое время, конечно. И, возможно, что прямо оттуда она отправится в Арли, так что будь готова к подобному повороту.

Лин кивнула.

– Закажу себе три новых платья, – сказала она так равнодушно, словно не была бледнее мрамора, из которого делали парадную лестницу в этом доме. – Мне направлять курьеров в Галендор, если я хочу тебя найти?

– Да. И я очень надеюсь, что ты будешь молчать.

Лин медленно моргнула вместо того, чтобы кивнуть.

– Конечно, – сказала она. – Мне не о чем говорить. У моей подопечной немного поменялись планы в связи с путешествиями его высочества Феликса, и я смогла вырваться еще на пару недель, как и планировала. А ты пришел, чтобы мне об этом сообщить. И тайно влюблен в меня, – добавила Лин, резко наклонив голову набок. Кондор посмотрел на нее с нескрываемым удивлением. – Потому что леди Вирини, конечно, уже придумала себе причину, почему столь важная персона, как вы, лорд дель Эйве, сын того самого дель Эйве, лучший друг его высочества Прекрасного Наследного Принца, нашего золотого мальчика, и бывший личный помощник какого-то там главы Тайной службы при дворе, вдруг заявили в дом лорда Тиушэ, пользуясь магией вместо дверей и лестниц, и согласились ждать его падчерицу, сидя в унылом кабинете.

– Насколько же я коварен, – фыркнул маг. – Едва не начал пользоваться служебным положением, чтобы убедить любимую девушку отказаться от навязанной свадьбы.

Лин с тонкой улыбкой на губах встала из-за стола и погрозила пальцем:

– Вряд ли вы или тот, в чьих интересах вы тут изображаете пылкого любовника, способны предложить девушке больше, чем второй сын лорда Синнэ из рода Винья, – и добавила тише: – Моя мать за дверь. Нам пора. – Она опустила взгляд на носки туфель, а потом резко подошла ближе и сжала ладонь Кондора. – Берегите себя. Все трое, – шепнула она и тут же отвернулась и отстранилась, стоило двери в кабинет начать открываться.

Подчеркнуто медленно, словно бы леди Вирини действительно их в чем-то подозревала и милосердно позволяла замести следы.

После ужина в комнате меня ждал сюрприз.

Не сказать, чтобы приятный.

– Как ваша голова, леди Присцилла? – спросила я, прикрывая за собой дверь.

Присцилла, сидящая в кресле рядом с зажженным камином, даже не оторвала взгляда от книги, которую читала. Я с ужасом поняла, что она достала из моих вещей «Франческу».

Не знаю, что мне не нравилось больше: что кто-то трогал книги без спроса или что Присцилла увидела у меня эту чушь.

Если для нее это что-то из разряда привычных методов воспитания, то я не завидую Кондору и его сестре. Вот совсем.

– Благодарю, лучше, – сказала Присцилла наконец и с шелестом перевернула страницу. – Надеюсь, вы получили удовольствие от ужина, леди Лидделл.

– Вполне.

Я все еще стояла у двери, словно бы в комнате сидело ядовитое чудовище или огромный страшный паук, а я не знала, что с ним делать.

Ахо нигде не было видно.

– Рада за вас. – Она снова перевернула страницу. – Меня, увы, утомляют незваные гости.

Она замолчала, углубившись в чтение, и, судя по тонкой ехидной улыбке, нашла в книге какой-то абсолютно идиотский пассаж. К счастью, короткий, потому что продлись это молчание чуть дольше, я бы или свихнулась, или сделала бы что-нибудь не то.

Рядом с Шамасом или Парсивалем, да даже рядом с Сильвией уже после того, как я узнала о ее сущности, я не чувствовала себя настолько беспомощной, как наедине с леди Присциллой.

Словно бы она подавляла одним своим присутствием.

– Только успела Франческа забыться в тревожном полусне, даже не потрудившись снять платье с тугим корсетом, как дверь в ее комнату распахнулась, и на пороге появился граф Коннолли, весь в черном, как вестник ночи, бледнее льняного полотна, и застыл, разглядывая свою пленницу. «Если вы пришли снова задать мне тот же

вопрос, – сказала Франческа, поднимаясь с постели, потому что не следовало благородной леди так принимать чужого мужчину, – то мой ответ будет все тем же – абсолютное яростное нет! Мое сердце не может предать того, кого я люблю». Граф не отвечал. Он стоял некоторое время, погруженный в свои думы, мрачная тень зла лежала на его лице. «Поверьте мне, миледи, – сказал он почти безразлично. – Я знаю множество способов вытянуть из вас все ответы, которые мне нужны. Но я не вижу никакой радости в том, чтобы сломать вашу волю и подчинить своей, поэтому намереваюсь дождаться, когда мои доводы заставят вас принять верное решение. Но пришел я не за тем, а лишь чтобы убедиться, что вас устроили согласно моим распоряжениям. Доброй ночи, прекрасная Франческа». С этими словами граф вышел и запер дверь, оставив растерянную пленницу наедине с сумраком и единственной свечой, которая вскоре погасла. – Присцилла прочитала этот отрывок с выражением, словно бы издеваясь надо мной и леди Бланкой. – Франческа долго сидела у окна, глядя, как под светом растущих месяцев серебрятся кроны деревьев вокруг чародейского замка. Время от времени она прислушивалась, не раздадутся ли снова шаги, но тишина вокруг стояла мертвая. Наконец, когда силы оставили ее, Франческа вытерла невинные слезы и легла спать, чтобы без сновидений проспать до самого утра. Знаете, леди Лидделл, кому из героев этого... романа я симпатизирую больше всего? – спросила Присцилла, захлопнув книгу.

– Графу Коннолли? – предположила я.

Она рассмеялась.

– О нет, милое дитя, граф Коннолли слишком много рассказывает о своих коварных чародейских планах и слишком легко купился на милое личико своей пленницы. Мне нравится тетушка. Та самая тетушка Клара, которая умирает в самом начале, не успев сторговать свою никчемную племянницу нормальному мужчине, замужем за которым леди Франческа спокойно коротала бы свой век, а не наслаждалась бы лишениями и мучениями, захлебываясь слезами невинности. – Присцилла откинулась на спинку кресла и лениво потянулась, ни капли не стесняясь меня и не обращая внимание на то, что я все еще стою у двери. – Но, увы, понимаю, граф Коннолли вызывает у девиц куда больше симпатии, чем скучные старые леди. Да и, пожалуй, больше, чем главный герой.

– Я не дочитала до него, – призналась я, делая шаг вперед и садясь на кровать.

– Расскажите мне, если дочитаете. – Она посмотрела на меня с оттенком самодовольства. – Но, конечно, я пришла обсуждать с вами отнюдь не эту, простите, литературу, а более серьезные вещи. Расскажите мне, милая, что случилось такого, что мой племянник сегодня вдруг признал мою правоту насчет алтаря Бранна и попросил совета?

Присцилла говорила со мной ласково, как с глуповатой ученицей, которая знает ответ, но ее нужно немного подтолкнуть к выводам, и щурилась при этом как-то слишком хитро.

– А разве он сам вам не рассказал?

– Он слишком торопился. – Присцилла положила руки на подлокотники кресла. – Мальчишки вообще обожают торопиться, когда им нужно признать и исправить свою ошибку. А я, знаете ли, тоже весьма любопытна, особенно в том, что касается таинственных чародейских дел.

– На девушку в городе напали фэйри, – сказала я, осторожно разделяя в голове то, что знаю и что является объективным фактом, и то, о чем мне говорить не стоит, потому что уверенности в точности и правдивости информации у меня нет. – На ту, с которой Кондор хотел поговорить.

– Вот как? – Она наклонила голову набок, оставаясь совершенно спокойной. – Нападение голодных зимних фэйри на человека так его напугало? Как мило. Вы потому... перенервничали?

Я заметила, что Присцилла коротко улыбнулась.

– Именно поэтому, – кивнула я.

– Бедная девочка. Нет, не вы, а та, на которую напали. Она жива? Нет? Вижу по вашим глазам, что нет. Печально. – Присцилла встала с кресла, с силой оттолкнувшись ладонями от подлокотников, и подошла к окну, словно бы могла разглядеть что-то во тьме за стеклом. – Не сомневаюсь, что Юлиан предупредил вас, что я решусь на этот разговор и расскажу о том самом ритуале. Но лучше вам знать, не то рискуете, как леди Франческа, заработать привычку дергаться от каждого шороха и падать в обморок в самый интересный момент.

Весь день я ждала этого, и вот мы здесь.

Я едва сдержала усмешку и язвительную реплику, мол, где же вы раньше были, миледи? Или выбор времени продиктован тонким коварством: дожидаться, пока жертва расслабится и уже не будет ждать беды, а потом выпустить цепкие когти? Или тьма за окном лучше располагает к запугиванию? И ведь нужно было прийти в комнату и всем своим видом показать, что готовы нарушить любые границы, чтобы показать свою власть, ведь так, леди Присцилла?

В любом случае...

– Я слушаю вас, – сказала я.

– Я рада. – Она зябко сложила руки на груди. Тонкие длинные пальцы обхватили предплечья. – Лорд Парсиваль предложил вам патронаж. Думаю, он не откажется от этой мысли, просто формальное признание лояльности к вам, которое даст вам защиту нашего имени от многого, поверьте... В общем, это формальное признание лояльности и расположения будет сопровождаться более сложным ритуалом, который закрепит защиту и заодно станет сигналом для того, другого мира, что вы, леди Лидделл, не просто неприкосновенны. – Присцилла выдержала короткую паузу. – А настолько неприкосновенны, что нарушение этой неприкосновенности будет караться со всей строгостью и с участием уже других сил. И тот фэйри, который прячется у вас под кроватью, будет вынужден признавать в вас свою леди, а не просто... хм... – Она криво улыбнулась. – Человека, с которым его хозяин по какой-то причине носится, как с хрустальной вазой.

Из-под кровати раздалось только молчание.

Я проглотила колкость.

– Поняла, – кивнула я. – Это вроде того, что они не хотели привязывать меня к этому миру еще больше, но теперь придется.

– Да. – Присцилла улыбнулась более открыто. – Я понимаю почему, это достаточно мудро – избегать таких вещей. Любая подобная привязка, теоретически, конечно, может затруднить ваше возвращение. Чем больше вас здесь, тем меньше вас там, тем сильнее ваши корнирастают в эту землю. Но вернемся к ритуалу. – Она села на высокий подоконник. – Сам по себе он несложен, но провести его в домашних, скажем, условиях невозможно. Вы уже сталкивались с ритуалами, леди Лидделл?

– Я смотрела через Зеркало в свой мир.

– Считается. В нем было, если я не ошибаюсь, четыре элемента. Предмет. – Присцилла выставила вперед ладонь и загнула один палец. – Особое место, храм – два. Кровь – три. Усилие воли – четыре. Уберите что-то одно – и нужного эффекта вы не достигнете. Алтарь Бранна – предмет и одновременно место, усилие воли и кровь вам тоже понадобятся. – Она с наслаждением наблюдала за тем, не изменюсь ли я в лице. – Вы будущий маг, вы не должны бояться своей крови. В этом мире вообще мало что бывает сильнее крови, – добавила Присцилла многозначительно. – И связей, которые кровь дает. Но, кроме предмета и места, воли и жертвы, есть еще один элемент. Время.

– Придется ждать полнолуния? – зачем-то спросила я, ощутив фантомный зуд в ладони – в той самой, которую распахала ножом, стоя перед Зеркалом и пытаюсь впечатлить высокомерного мага.

– Нет, просто раннего утра. Наш покровитель любит час перед рассветом, когда ночь уже отступает, и границы миров размыты. К вашему счастью, Солнцестояние было только что, и рассвет наступает поздно. Но к несчастью – до алтаря вам придется идти, так что ложитесь спать пораньше.

Она замолчала.

– И все? – спросила я. – Дойти до алтаря, снова порезать себе руку и... все?

– Остальное уже мелочи. – Присцилла грациозно махнула рукой. – Их вам объяснит тот, кто пойдет с вами. Ах, да. Подземный ход. Он ведет отсюда, из этого дома, прямо к пещере, где спрятан камень и источник. М-м-м, катакомбы, – предвкушающе протянула она и фыркнула. – Как в романах леди Бланки. Вы не знали? О, в каждой ее истории непременно есть катакомбы, через которые героиня непременно должна пройти – сама или по чужой воле.

Я криво и неловко улыбнулась в ответ, понимая, что Присцилла, кажется, большая поклонница творчества леди Бланки. Хотя читает ее, пожалуй, не с теми целями, которые могут польстить автору. Скорее, наоборот.

– Оденусь потеплее, – сказала я.

– Хорошее решение. Возможно, мы найдем для вас пальто, если ваше осталось где-то там. – Присцилла снова стала собой, строгой и холодной. – Я, к слову, рада, что хотя бы одно платье вам подошло.

– Другие тоже подошли, просто не так хорошо. Спасибо вам, – вежливо добавила я.

– Не лицемерьте, Мари, вы бы с большим удовольствием ходили здесь в привычном вам костюме. – Она сделала шаг ближе к двери. – Не скажу, что категорически против этого, но вид леди в платье мне привычнее. И не только мне. На этом оставляю вас, приятного продолжения вечера. – Присцилла бросила взгляд на книгу, которую оставила в кресле. – Буду ждать вашего мнения... если прочитаете.

Она уже было направилась к выходу, но дверь распахнулась, впуская Кондора. При виде тети он сначала нахмурился, словно ожидал какого-то подвоха, но быстро вернул себе спокойствие и даже улыбнулся, правда, очень устало. На его согнутой руке висело мое пальто, в другой были мои сапоги. Те самые, которые я тоже не взяла с собой.

– Доброго вечера, – сказал Кондор и отошел чуть в сторону, позволяя тетушке выйти.

– Рада видеть тебя, милый. – Она бросила короткий взгляд на меня и криво усмехнулась, глядя на мои вещи в руках племянника. – Мы замечательно поговорили с Мари о книгах. И не только. Скажу Тересии, чтобы прислала к ней горничную через час, а то сам знаешь, леди лучше бы выспаться перед тем, что вы задумали.

Кондор молча пропустил тетушку, проигнорировав насмешливый тон, вошел в комнату, аккуратно закрыв за собой дверь, и посмотрел на меня хмуро, с нескрываемой тревогой.

– Что? – Я развела руками и нервно улыбнулась. – Ну, мы правда поговорили о литературе. И о ритуалах.

Наверное, Кондор хотел развернуться и пару раз удариться лбом о дверь, такое выражение лица у него было. Но вместо этого он молча оставил вещи у кресла, аккуратно повесив пальто на его спинку, подошел к окну и замер примерно в той же позе, что и Присцилла некоторое время назад. Спокойный. Усталый.

И, кажется, готовый к тому, что я сейчас обрушусь на него с гневными обвинениями.

В чем-нибудь.

Вот этого я делать не собиралась.

– Спасибо. – Я мотнула головой в сторону кресла. – Был в Замке?

– Очевидно же, – хмыкнул он.

– Ну, да, конечно. – Я сощурилась. – И как оно прошло?

– Отвратительно, – честно ответил Кондор и, кажется, немного расслабился. – Ты ужинала? – с искренней заботой спросил он.

Я кивнула.

Кондор вдруг резко погрузился.

– Тогда я пойду украду что-нибудь с кухни, – сказал он, одергивая одежду.

– Мне пойти с тобой?

– М? – Он снова повернулся ко мне. Одна его ладонь уже лежала на дверной ручке. – Ты очень скрасила бы вечер. Даже если он будет полон твоих каверзных вопросов. Серьезно.

Ох.

Я встала, провела ладонью по юбке, будто бы она успела помяться. Если быть честной, не хотелось оставаться одной в незнакомой комнате, дружелюбной, но чужой. Особенно – после ужина, который прошел как-то странно и напряженно. И после визита Присциллы и всех этих разговоров о ритуалах. Мне хотелось поговорить с кем-то, с кем у меня есть что-то общее, пусть этим общим были связавшие нас проблемы.

А еще, кажется, мне не хотелось оставлять Кондора одного.

Он же с насмешкой посмотрел на мои кеды.

– Да, я забыла туфли, – вздохнула я, посмотрев на потолок. – Утром ты меня слишком торопил!

– А ночью ты слишком много выпила, да, – беззлобно фыркнул он в ответ и распахнул передо мной дверь.

– Мэр все-таки не предложил чаю? – достаточно ехидно спросила я.

Кондор покосился на меня с обидой во взгляде, кажется, хотел что-то сказать, но промолчал.

– Мэру было не до чаепитий, милая, – устало сказал Кондор. – И, если ты не против, я бы не хотел обсуждать подробности сегодняшнего дня. По крайней мере, сейчас. – Он с сожалением посмотрел на свою тарелку, словно от этого взгляда на ней могло поместиться больше еды, и закрыл дверцу буфета. – Я до сих пор не верю, что все успел.

Кухня была просторной, но с непривычно низким потолком. Я сидела на стуле за широким и длинным столом из грубого дерева, подперев подбородок ладонями. Рядом стоял фонарь с ярким кристаллом внутри. Света было достаточно, чтобы видеть содержимое тарелки и лицо собеседника, сидящего напротив, достаточно, чтобы различать блики на металлических ручках, на начищенных до блеска сковородках, висящих на одной из стен, достаточно, чтобы видеть, где заканчивается стол. Но мне все равно казалось, что вокруг было темно, словно за пределами светового круга тьма стала как-то по-особенному густой.

И за окнами, за решеткой из квадратов толстого, немного неровного стекла, тоже была тьма. Тьма, полная снега, ветвей и холодного воздуха. Я слышала тихое завывание ветра не то в стенах, не то в каминных трубах, не то где-то еще – такой понятный, естественный звук в старом доме.

Жутковатый.

– Спросить, как там бедняга Герхард, будет бестактностью?

– Нет. – Кондор снял сюртук и небрежно бросил его на стул рядом. – Я попросил Ренара присмотреть за ним, чтобы чувство вины не заставило его натворить глупостей, но он взрослый человек и справится. Люди смертны, милая, это печально, но неизбежно, – добавил он, закатывая рукава рубашки почти до локтя. Казалось, он весь день держал себя и сейчас, наконец, разрешил себе расслабиться. – И как бы ни было мне жаль Хельду, меня гораздо больше волнуют обстоятельства ее смерти и их последствия. – Он недовольно хмыкнул. – Ты общалась с Шамасом.

Это был не вопрос, а утверждение.

– А? Да, он решил подождать лорда Парсиваля в библиотеке, а там сидела я.

– Он сказал мне. – Маг тонко улыбнулся. – Похвалил выбор литературы. Ты случайно не знаешь, зачем он пришел? – вкрадчиво уточнил Кондор.

Я помотала головой, удивленно приподняв бровь:

– А чего ты сам у него не спросил?

Кондор как-то странно дернулся, высокомерно сощурившись, будто был готов ответить на мой вопрос колкостью, но со вздохом признался:

– Они с моим отцом пьют виски все там же, в библиотеке, и довольно недвусмысленно намекнули, что моя компания им не требуется. Так что, – он взял в руку вилку и указал ею на меня, – пока я тут ем остывший ужин, ты расскажешь мне о том, что слышала и видела в этом доме.

Пришла моя очередь щуриться и кривить бровь.

– Это похоже на стукачество, – сказала я. – Кстати, почему ты не позвал кого-то из слуг? Разогреть еду там, не знаю...

Он спокойно дожевал, не торопясь отвечать на мой вопрос.

– Самостоятельность, милая. И, наверное, желание побыть свободным от любопытных взглядов, – сказал Кондор невозмутимо. – Нет, это не стукачество. Я не прошу тебя рассказывать чужие тайны. Но, знаешь ли, меня не выставляли за дверь так, как сегодня, наверное, хм... Давно. – Он отвел взгляд, снова уткнувшись в тарелку. – Но если не хочешь, я не обижусь. Тогда просто расскажи мне, например, о ритуалах, которые вы обсуждали с Присциллой. Или о чем-то еще.

Я моргнула, не понимая, случайно ли он сейчас открылся, показывая эту свою обиду – совершенно искреннюю, я не сомневалась – и давая мне возможность выбора, или это была попытка надавить на жалость.

– Хорошо, – кивнула я, зябко пожав плечами. В паузах нашего разговора я слышала завывания ветра, и от понимания, что в гостевом крыле я ночую одна, если не считать фэйри под кроватью, мне становилось неуютно. – Шамас ничего не говорил при мне такого, чтобы стало понятно, зачем он пришел. И за ужином он больше флиртовал со мной и Тересией, чем...

– Прис не спустилась к ужину? – Кондор чуть откинул голову назад, хитро глядя на меня.

– Нет, у нее болела голова.

Он усмехнулся, словно знал что-то, недоступное мне.

– У них с Шамасом сложные отношения, так что не удивляйся. Леди просто нашла вежливый способ отказаться видеть его дольше, чем ей хотелось.

– Лорд Парсиваль, кажется, тоже был не сильно рад. – Я наблюдала, как двигаются его руки с ножом и вилкой, и пыталась поймать ускользающую мысль за хвост. – Нет, постой.

– М? – Кондор замер на секунду, показывая, что слушает меня максимально внимательно.

– Шамас рассказывал мне историю про сида-полукровку и закончил ее уже при твоём отце. Лорду Парсивалу это не понравилось.

– Вот как, – отстраненно сказал Кондор. – С чего бы вам говорить с Шамасом о сидах?

– Я попросила его рассказать о том, где он был, раз уж ты так по нему скучал, – я пожала плечами.

– И он рассказал? – в голосе Кондора звучало сомнение.

– Сказал, что путешествовал и жил на Островах. Ну и слово за слово... – Я развела руками. – Мне не следовало его об этом спрашивать?

– Нет, почему? Он бы не ответил, если бы ты спросила что-то не то. И как? – Кондор поднял взгляд на меня. – Узнала что-то новое?

– Да, – растерянно ответила я. – И все-таки.

– Если тебе интересно, почему я скучал по Шамасу, – Кондор снова уткнулся взглядом в тарелку, словно сосредоточенно пытался выбрать кусок повкуснее, – то, скажем, он был одним из тех, кто занимался моим воспитанием в сложные времена. Но он не сильно привязан к человеческому жилью и прочим обыденным вещам. Его жизнь похожа на приключение из какой-нибудь книги о волшебниках прошлого. – Кусок, наконец, был выбран. Зубцы вилки клацнули о дно тарелки. – В этом почти половина того очарования, которое привлекало нас с Гейл. Когда-то. Но если речь о сида-полукровке, то, увы, здесь я тебе ничего сказать не могу.

Уклончиво.

– Их королеве правда больше трех веков?

Он только кивнул в ответ, словно этот факт, невероятный для меня, был для него чем-то простым.

– Ты ее видел?

Кондор рассмеялся и положил вилку зубцами на край опустевшей тарелки.

– Нет, милая. Такой чести, увы, я не удостоился, хотя, может быть... – Он улыбнулся с наигранной мечтательностью. – Не уверен, что хочу.

– Почему?

Он задумчиво посмотрел на меня, потом завел руки за голову, откинулся на спинку стула и прямо спросил:

– Что ты чувствовала, гуляя с Хозяином Зимы по Изнанке?

Я моргнула, не сразу найдя ответ.

– Ну, было холодно и... почему ты спрашиваешь?

– Холодно и – что? Ну же, милая. Любопытно? Интересно? Страшно?

Я попыталась вспомнить и почувствовала, как вдоль позвоночника ползет ужас. Наверное, что-то такое отразилось у меня на лице, поэтому Кондор снова самодовольно усмехнулся, почуввав мой ответ прежде меня самой.

– Страшно, – согласилась я. – И вчера было страшно, когда проснулась, а вокруг тишина и холод. Только во сне это не ощущалось, зато потом...

– Зато потом ты проснулась. В реальность, у которой вдруг, с ума сойти, появилась еще одна сторона, незнакомая тебе. И ты, конечно, испугалась, как испугался бы любой человек, столкнувшийся с подобным. – Кондор подался вперед и поставил локти на стол, подперев голову ладонью. – Только вот люди редко видят это все так близко и ясно, как ты. Или я. Или Ренар. Или Хельда, к слову. – Он провел пальцем по столу, не то чертя какой-то знак, не то смахивая на пол крошки. – Моранн ближе к вечности, чем, к примеру, отец Айвеллин, и если с отцом Айвеллин я бы не хотел встречаться исключительно из-за эльдарского высокомерия, которое меня раздражает, то Моранн я боюсь. Мне очень интересно, – добавил он. – И лет семь назад я бы сказал, что да, я готов и желаю аудиенции Королевы, даже если она обойдется мне в пару лет моей человеческой жизни, то сейчас я ценю и свою жизнь, и свой разум чуть больше, чем некоторые тайны.

Кондор замолчал.

Может быть, ждал моего ответа или какой-то другой реакции на его слова. Может быть, не ждал. Я же смотрела на поверхность стола, на узор древесины, вмятины и неглубокие следы от ножа, заметные при свете кристалла, и тоже молчала. Ветер уже не завывал, и я слышала только тиканье часов, спрятанных где-то в тенях, за пределами света, и наше дыхание.

– Теперь я понимаю, почему вы не рассказывали это раньше, – сказала я.

– Обычные люди этого мира тоже прекрасно обходятся без некоторых знаний, – ответил Кондор. – И крепче спят. По поводу крепче спать. – Он встал и, сотворив над плечом волшебный огонек, подошел к одному из закрытых деревянных шкафов. – Присцилла права, и тебе действительно стоит выспаться.

– Я попытаюсь.

– Нет, ты выспишься, – фыркнул он в ответ. Я слышала, как он переставляет какие-то вещи на полке. – В этом доме слишком много трав и зелий, чтобы не использовать их по назначению.

Я тяжело вздохнула, потому что слишком хорошо помнила, насколько отвратительно было то снотворное на вкус.

Кондор снова фыркнул и пообещал, что в этот раз мне понравится.

– Итак, что рассказала тебе Присцилла? – спросил он, пересыпая из деревянной шкатулки в чайник какие-то травы. – Пыталась напугать и испытать на прочность?

Я уловила запах лаванды.

– Да вроде бы нет... Она вообще не пыталась меня запугать, – ответила я. – Или настроить против тебя.

– Вот как? – Он повернулся ко мне и встал, скрестив руки на груди. – Совсем-совсем не пыталась?

– Может быть, мне стоило бы более натурально изображать ужас, когда я узнала, что мне опять придется порезать руку, но нет. Спасибо, Кондор, это мы уже проходили. Неприятно, но в прошлый раз ты все быстро вылечил! Что? – Его молчание вдруг стало давящим, почти зловещим. – Кондор?

– Немного не так, – сказал Кондор. Он обхватил себя руками, будто бы замерз. – Тебе придется показать, что ты доверяешь мне достаточно, чтобы позволить провести ножом по твоей ладони – и наоборот. Звучит как-то дико, не находишь? – устало спросил он, наклонив голову набок. Я только моргнула. – Доверие, которое проявляется в том, чтобы выдержать боль. Никогда не думал, что мне придется это делать вот так.

Я еще раз моргнула, не до конца понимая, что он сейчас сказал. А потом, кажется, прозрела, и поняла, и удивилась своему спокойствию.

– То есть со мной все-таки пойдешь ты?

– Мой отец считает, что раз уж ты – часть моей ответственности, то мне нести эту ответственность до конца. Я с ним полностью согласен, но... – Он отвернулся, чтобы взять со стола чайник и глиняную чашку. – Но немного не готов к такому повороту. Я был против с самого начала. То ли огромная честь, то ли... не знаю. Пей.

Я взяла чашку в руки и принялась. Лавандой пахло сильно, а еще чем-то сладким и свежим. Я осторожно сделала глоток. Было не слишком горячо и действительно вкусно.

– Хорошо, ты прав. Звучит более неприятно, чем я думала.

Кондор кивнул.

– А ваш покровитель может отказаться принять меня?

– Хороший вопрос, Мари. – Маг посмотрел на меня почти с уважением. – Но, боюсь, ты не натворила ничего такого, что могло бы ему не понравиться. Так что здесь тебе опасаться нечего.

– А что может ему не понравиться?

Кондор рассмеялся в ответ.

– Вряд ли ты способна на такие вещи, милая. Да и Бранн – не суровый бог, карающий за малейшую провинность. И все-таки, Прис больше ничего не говорила?

Я помотала головой и сделала еще один глоток.

– А должна была?

Он вздохнул:

– Все ритуалы связаны с определенными рисками, а Присцилла очень хорошо знает и ритуалистику, и эти риски. И, как ты помнишь, мы идем туда еще и затем, чтобы задать пару вопросов вестнику Изнанки, если он соизволит явиться.

«Опять фэйри», – подумала я, но почему-то не испугалась.

– И в наших интересах, чтобы он явился, – продолжил Кондор. Он смотрел на меня с тревогой, словно опасался, не начну ли я возмущаться. – Шамас выбрал удобный момент, чтобы зайти в гости, кажется, – добавил он с улыбкой.

– Почему леди Присцилла его не любит? – спросила я.

Веки вдруг стали тяжелыми.

Видимо, то, чем он меня поил, начало действовать.

Кондор улыбнулся – загадочно и ехидно:

– Это долгая история и, боюсь, относится к тем самым чужим тайнам. Если ты не против, я провожу тебя и отдам в руки горничной. Может быть, разговор в библиотеке еще не закончился...

– Ахо предложил мне сотрудничество, – вспомнила я и покраснела. Вдруг я была не права, принимая это предложение? Поэтому я добавила: – В присутствии Корвина.

Словно присутствие рядом не-совсем-птицы как-то оправдывало мои разговоры с не-совсем-котом.

– Я знаю. – Кондор смотрел прямо на меня. – Если бы он этого не сделал, я бы расторгнул нашу с ним сделку. И ему бы это не понравилось, поверь.

Фонарь был тяжелым.

Металлическое кольцо, за которое я его держала, холодило руку даже сквозь перчатку, а волшебный кристалл, в отличие от свечи, не грел. Фонарь раскачивался, световое пятно сдвигалось, тени разбегались по снегу и меняли очертания. Я шла осторожно, чтобы не поскользнуться на покрытых тонкой наледью булыжниках, время от времени цепляясь за рукав Кондора.

Тропинка уперлась в стену, огораживающую дом и сад от остального города, и лорд Парсиваль, который шел впереди нас, резко остановился и поднял свой фонарь чуть выше.

В стене была арка, а в арке – темная деревянная дверь, которую наполовину скрывали длинные сухие ветки какого-то растения. Оно напозало откуда-то сверху, свешивалось какой-то причудливой занавеской, чуть качаясь от ветра. Я задрала голову, пытаюсь рассмотреть, что там, за стеной, и лорд Парсиваль хмыкнул:

– Здесь рядом холмы, леди Лидделл, – сказал он, протягивая Кондору что-то – в полумраке я уловила тусклый блеск металла. Ключ. – Эта дверь открывается в один из них, прямо в подземные галереи, которые были построены вместе с этим городом. Вторая такая же есть в подвале дома, но, признаюсь, эта дорога кажется мне более... хм... простой.

Он смотрел на меня с легкой насмешкой, словно бы ждал, не сбегу ли я прямо сейчас, в шаге от этого странного испытания. Я

зачем-то схватилась свободной рукой за свое собственное запястье, словно помогая себе держать фонарь, который, пока мы стояли здесь, стал еще тяжелее.

Хотелось сказать какую-то ерунду про призраков или про царство фэйри, но я все еще робела перед старшим дель Эйве.

Он протянул мне руку, предлагая опереться на нее, и посмотрел поверх моей головы на сына, который, поставив фонарь на снег, с непривычной для меня медлительностью открывал дверь. Внутри нее что-то щелкнуло, когда он повернул ключ – два раза, тихо скрипнули петли – дверь открывалась внутрь, прямо в темноту, куда более густую, чем темнота сада или небо над нашими головами. Я впервые за утро почувствовала укол страха: не потому что впереди меня ждало что-то неизведанное и, как мне подсказывал опыт, возможно, неприятное.

Впереди был путь через темноту, пахнущую затхлостью, сырой землей и прелыми листьями.

Лорд Парсиваль слегка сжал мою ладонь, словно почувствовал мой страх.

– Там лишь пыльные камни, песок и корни растений, – улыбнулся он чуть теплее. – Никаких колдовских туманов и скелетов. Разве что крысиные.

– Я боюсь не призраков, а того, что окажусь там заперта, – ответила я серьезно. – Под землей.

– Эти катакомбы строили люди, и, поверь мне, Мари, из них намного больше выходов, чем из иного дома. – Кондор поднял фонарь и посмотрел на отца. – Спасибо, – сказал он, аккуратно и осторожно убирая ключ в карман.

Парсиваль медленно кивнул в ответ и подтолкнул меня к двери.

– Удачи, леди Лидделл, – сказал он, приложив ладонь к груди и слегка наклонив голову.

Кондор пропустил меня вперед на пару шагов, чтобы закрыть дверь, отрезав нас от мира. Я застыла, оглядываясь: круглая, с низким сводчатым потолком комната была похожа на садовую беседку или ротонду, с той небольшой разницей, что находилась под землей. Еще одна арка, расположенная точно напротив входа, вела дальше во тьму. Здесь было пыльно, холодно и до жути тихо. Я задрала голову – кое-где в расщелинах между камней торчали белесые корни растений.

Кондор озирался вокруг примерно так же, как я, внимательно вглядываясь в символы, выбитые на стенах. К одной из надписей он даже подошел, провел ребром ладони по мрамору, смахивая пыль.

– Ты здесь не был? – спросила я.

Кондор покачал головой в ответ:

– Нет. Здесь – не был. – Он стянул с руки перчатку, которая и без того была обрезана так, чтобы оставлять пальцы открытыми, и плотно приложил ладонь к стене, которая его заинтересовала. – Но кое-что знаю.

Над аркой, уводящей дальше под землю, зажглись три небольших кристалла. Стало видно ступени, короткую, забирающую вбок лестницу, очень узкий проход, в котором, кажется, нам придется идти друг за другом.

По спине поползли мурашки, словно в нее кто-то посмотрел.

Кондор отряхнул руку, поправил перекинутую через плечо сумку и самодовольно улыбнулся.

– Я пойду первым, – сказал он, заглядывая во тьму. – Здесь должен быть небольшой спуск, и дальше начнется просторная галерея. Ну, чего ты ждешь?

Он протянул мне руку.

Я на всякий случай обернулась, чтобы убедиться, что оставляю за спиной только пустоту и закрытую, пусть и не запертую дверь, и крепко вцепилась в ладонь своего проводника.

Не зря – ступеньки были узкими и скользкими, поворот – слишком крутым, словно бы лестница шла винтом, и я спускалась осторожно и медленно, опираясь на чужую руку. Из рта вырывался пар, каменные стены были холодным, где-то покрытыми тонким слоем льда, и, если честно, мне не очень хотелось к ним прикасаться. Чем ниже, тем более затхлым казался мне воздух, и тем больше тяготила тишина, но закончилось это быстро.

Мы вышли из небольшого коридора, действительно куда более просторного, чем лестница, пусть все с таким же низким потолком, и оказались на перекрестке, в круглой комнате, как та, что была наверху. Так же, как и наверху, здесь были кристаллы над каждой из трех арок. Кондор зажег их и, бегло прочитав надписи на стенах, выдохнул.

– Вон там – выход из подвала, – сказал он, ткнув пальцем на левую арку. – А нам туда, – он кивнул вправо и, подхватив меня за

руку, потянул за собой.

Здесь действительно не было ни призраков, ни скелетов. Только отделанные камнем стены, желобки для стока воды, ниши с кристаллами в стенах и пара поворотов куда-то – с мраморными табличками, на которых были выбиты надписи. Темнота, тишина и неприятно холодный воздух. Иногда ход шел под уклон, иногда встречались короткие лестницы, подземные залы, небольшие, иногда – с колоннами, барельефами на стенах, более высоким, чем везде, потолком, с закрытыми дверьми и пустыми нишами в стенах.

– Когда строили Галендор, эти ходы связывали несколько важных для города мест, – сказал Кондор. – Академию, несколько особняков, храмы. И выходили за пределы города.

– На случай войны?

– Не только. В мирное время людям, которые охраняют этот город и прячут им, тоже нужно поддерживать между собой связь. И не только между собой. – Кондор задумчиво посмотрел вдаль, в темноту, которая расступалась перед нами. – В этом мире есть места, куда просто так не попасть, Мари. И есть дороги и двери, которые создаются именно для того, чтобы ими пользовались с особой целью. Как мы сейчас. – Он повернул голову в мою сторону. – Не страшно?

– Только от понимания, что надо мной – много-много земли, – ответила я, показав пальцем вверх. – Но как-нибудь переживу.

«Потому что, – добавила я мысленно, – у меня в руке достаточно яркий фонарь, и видела я вещи пострашнее темноты, и вообще, пока что не было команды бежать и прятаться. Так что нет, не страшно. Пока».

– Но здесь неуютно. – Я зябко повела плечами. – Кондор, я спускалась под землю вместе с толпами людей в своем мире, там было светло, шумно, и я знала, что к чему. А здесь такая тишина, что я вначале едва не подпрыгивала, стоило мне громко шаркнуть ногой.

Кондор кивнул.

– Не думаю, что тебе будет от этого легче, но на меня местная тишина тоже навевает жуть, – признался он. – И время здесь чувствуется иначе. Ты не можешь понять, прошло несколько минут,

час или вот уже почти день. В детстве я боялся подземелий. Чудовища моей сестры жили за окнами, мои приходили из подвала.

Кажется, он улыбался, правда, не слишком по-доброму.

– А потом ты научился их убивать?

Кондор бросил на меня короткий взгляд через плечо:

– Я предпочитаю с ними договариваться, – рассмеялся он. – А вот Присцилла любит использовать радикальные методы в тех случаях, когда что-то скалится на нее из теней. Или не на нее.

– Это немного не то, что я бы хотела сейчас обсуждать, – я нервно дернулась, чуть не споткнувшись на ровном месте.

Кондор пожал плечами:

– Понимаю, – сказал он и снова взял меня за руку – легко зацепился пальцами за мои, словно пытался напомнить, что он рядом. Пришлось идти чуть быстрее. – Но мне почему-то больше ничего не лезет в голову. Только ерунда про подземелья и... неважно. В этом городе так много магов, что чудовища предпочитают обходить его стороной, если их не зовут. Можешь почитать об этом, например. Кстати, ты правда сказала Шамасу, что доверилась Корвину в вопросах выбора литературы? – Кондор снова посмотрел на меня.

– Что-то вроде того, – ответила я. – Не стоило?

Маг снова рассмеялся:

– О нет, милая, это был хороший способ расположить господина Раферти к себе. Я рад, что ты, хм, находишь в себе силы иногда быть остроумной.

Я дернула его за руку.

– Это не сарказм, – чуть серьезнее сказал Кондор. – Чем быстрее ты вступишь в это общество, тем лучше. А если заведешь пару приятных для тебя знакомств, то моя совесть будет спокойна.

– А ты все-таки выяснил, зачем приходил Шамас?

– Да, – спокойно ответил Кондор.

– И спрашивать, я так понимаю, бессмысленно?

Кондор покачал головой:

– Это не моя тайна и не твое дело. По крайней мере, пока. – Он выждал короткую паузу, то ли размышляя, то ли надеясь, что я спрошу еще что-то. Я не спросила. – Шамас не просто путешествовал на Острова. Он отдавал Моранн старый долг.

– Вот как. – Я постаралась не выдать своей радости оттого, что мне начали что-то такое вот рассказывать. Что-то, о чем все время молчали. – И что это был за долг? Или об этом тоже не стоит спрашивать?

– Это долгая история, Мари. – Кондор снова приподнял фонарь, взглядываясь вперед, и ускорил шаг. – Очень долгая и немного поучительная, но, пожалуй, я расскажу тебе ее потом. Мы почти пришли. – Он кивнул вперед. – Чувствуешь? Воздух стал другим.

Не только воздух – сама галерея изменилась. Она начала уходить вверх с легким наклоном и, кажется, плавно поворачивала налево. Потолок опустился настолько, что, пожалуй, если бы Кондор захотел, он мог бы вытянуть руку и дотронуться до него.

Пахло близостью воды – холодной, острой, свежей влагой, мокрой землей, от этого становилось зябко и еще более неудобно. Тишина вокруг блекла и исчезала. То ли мои чувства обострились во время этого блуждания во тьме, то ли здесь была иная акустика, но мне казалось, что я слышу и шум воды, и ветер, и что-то еще.

– Ты так и не сказал, как выглядит этот ваш алтарь, – почти прошептала я, потому что от волнения голос решил пропасть.

– Как самый обычный камень, – ответил Кондор. – Как ему еще выглядеть?

Я пригнулась, чтобы не удариться лбом о пролезший сквозь землю корень какого-то дерева.

– Все ваши священные места выглядят так, словно люди не появляются в них десятилетиями?

– Нет. – Кажется, Кондор ухмылялся. – Только те, которые по-настоящему священны. Они слишком хорошо спрятаны, чтобы каждый желающий смог найти их.

– Ты считаешь это правильным?

– А ты – нет? – Он остановился у начала лестницы, уходящей вверх, широкой и пологой. – Поддерживать веру людей можно, не подпуская их к некоторым чудесам, чтобы чудеса не превратились в обыденность. А силы, которые прячутся в таких местах, не стоит тревожить напрасно.

– Сказал маг, который участвует в эксперименте, посягающем на божественное творение, – ответила я, поднимаясь за ним.

Пришлось слегка подобрать подол, чтобы не запутаться и не оступиться.

– Я бы не сказал, что делаю это из праздного любопытства и преследую исключительно личные цели, – ответил Кондор, не оборачиваясь. – Но в чем-то ты определенно права, милая.

Снаружи все еще была ночь.

Я задрала голову вверх – небо лишь самую малость посветлело, и где-то за моей спиной, за холмом, из которого мы вышли через низкую каменную арку, Наверное, скоро начнется рассвет. Я сделала пару шагов вперед и застыла, держа фонарь уже обеими руками перед собой. Одно запястье ныло от усталости.

Я не знала, где мы оказались. Света фонарей едва хватало, чтобы выхватить из темноты очертания холмов, поросших низкими деревьями, невысокую каменную стену, словно подпирающую один из них. Мы стояли в низине, дно которой было песчаным: не то дно небольшого озера, давно уже высохшего, не то кратер от падения метеорита. Снег лежал здесь тонким слоем, и кое-где сквозь него проступали черные пятна земли.

Рядом была вода: я слышала ее и чувствовала, как от влажности пальцы, сжимающие кольцо фонаря, коченеют, несмотря на перчатки.

Если Храм Многоликой пугал меня и восхищал запущенной помпезностью, высоченными галереями и витражами, то это место не вызывало ничего. Волнение и страх были со мной с самого начала, но, думаю, любой бы испытывал волнение и страх, окажись он черт знает где ранним утром.

Место как место. Может быть, чуть более интересное при свете дня, но сейчас, в темноте, пустое и печальное.

Кондор легонько подтолкнул меня вперед.

Он не соврал – это действительно был самый обыкновенный камень. Низкий и плоский, вросший в землю накрепко, алтарь стоял ближе к западному краю низины, рядом с той самой стеной, которая подпирала холм. Я щурилась, пытаюсь разглядеть на нем хоть какие-то знаки, украшения или следы, но нет. Не было ничего. Просто камень, тяжелый, серый, с наростами лишайников и небольшим углублением, в котором скопилась застывшая от холода вода.

Кондор поставил фонарь на снег, сел рядом, по привычке скрестив ноги. Он снял с плеча сумку, чтобы вытащить из нее завернутую в

бумагу свечу из вошины и нож.

Я же стояла напротив и с растерянным видом наблюдала, как он ставит свечу на край камня, как снимает с правой руки перчатку и проводит пальцами по фитилю, отчего тот вспыхивает и загорается ровным пламенем. Очень хотелось надеяться, что не будет никаких заклинаний или пассов руками, потому что уже сейчас я начала чувствовать себя невероятной душой.

– Ну? – Кондор сделал мне знак сесть рядом. – Не переживай, это не надолго.

Я вздрогнула и плюхнулась на землю, точно так же скрестила ноги и поправила полы пальто и юбку, чтобы не отморозить себе ничего.

– Что я должна делать? – на всякий случай поинтересовалась я, стягивая с рук перчатки. Из рта вырывался пар.

– То, о чем мы говорили вчера. – Кондор протянул мне уже знакомый нож – небольшой, но тяжелый, с загнутым, как коготь или серп, лезвием. – И, в принципе, больше ничего. Это несложно, Мари. Не сложнее, чем посмотреть в твой мир.

Я замерла с ножом в руке.

– Ну и чего ты ждешь? – Кондор выставил перед собой раскрытую ладонь, очень доверительно, словно бы подманивал ребенка или кошку. – Быстрее закончим с этим – быстрее уйдем. Здесь холодно, если ты не заметила.

То ли он вообще не волновался, то ли скрывал волнение за этим вот равнодушием ко всему.

Даже к тому, что, кажется, должно быть для него священным.

– А... – Я нервно сглотнула слюну. Голос опять звучал хрипло. – И все? Никаких заклинаний или молитв?

Он тихо рассмеялся, наклонив голову вниз, чтобы скрыть улыбку.

– А они так тебе нужны, милая? – В полумраке мне казалось, что взгляд Кондора, направленный прямо на меня, был обманчиво-ласковым – как и его тон. Я пожалала плечами. – Здесь не перед кем говорить вслух и объяснять намерения, чтобы закрепить их словом. Кому нужно, тот и без того тебя поймет. Режь.

Последнее слово он произнес серьезно и твердо.

Его кожа была холодной, холоднее обычного, и пальцы не дрожали – в отличие от моих. Когда я неловко схватила Кондора за

руку, боясь то ли того, что он ее отдернет, то ли своего промаха, волшебник еле слышно хмыкнул, насмехаясь над моей нерешительностью.

– Я не могу, – выдохнула я, больше жалуясь, чем отступая.

Острие ножа в сумраке казалось куском льда.

– Все ты можешь, – отозвался Кондор.

Я смогла и провела ножом поперек его ладони, наискось, неглубоко, боясь навредить. Нож, как и в прошлый раз, оказался острым достаточно, чтобы порез шел легко. Кондор даже не дернулся, только тряхнул кистью, когда я закончила, и повернул ее ребром к камню, позволив крови стечь с ладони и капнуть на его поверхность.

Пламя свечи, все это время ровно тянущееся вверх, чуть дрогнуло, мигнуло и, кажется, едва не погасло. Я бы не обратила на это внимания, списав на внезапный порыв ветра, но маг вдруг улыбнулся:

– Нас слышали. Давай руку.

– А я думала, зачем свеча, раз есть фонари, – я криво улыбнулась, пытаюсь скрыть за этим волнение.

Смотреть на то, как меня сейчас будут резать, не хотелось, но отвернуться было еще страшнее.

– Вот именно затем. Расслабься, – Кондор ласково провел пальцем по моей ладони.

Я хихикнула, но стоило мне действительно почувствовать себя чуть спокойнее, как он цепко перехватил мое запястье, заставляя раскрыть ладонь, и я зашипела от боли. Наверное, я дернула бы рукой, если бы ее не держали достаточно крепко. Пришлось сжать губы и вспомнить, что бывало и хуже, и больнее, просто на холоде, от которого пальцы и так сводило, эта несчастная царапина ощущалась особенно мерзко.

Кондор положил нож рядом со свечой и осторожно повернул мою руку так же, как до того свою. Я чувствовала, как кровь медленно, щекотно ползет по коже, видела, как она капает вниз. Пламя снова дернулось, сжалось, наклонившись почти горизонтально, но не погасло – наоборот, кажется, разгорелось ярче, чем до этого.

– Все? – хрипло спросила я, чувствуя себя едва ли не разочарованной.

– Кажется, да, – Кондор кивнул и бросил короткий взгляд на свечу.

Та продолжала гореть, медленно оплывая. Восковое озерцо растекалось по камню почти ровным овалом, чуть скошенным там, где поверхность алтаря шла под уклон.

Небо начинало светлеть, и мир вокруг нас из черного становился сизым. В этих холодных сумерках изогнутые, голые деревья на холмах были похожи на замерших в неестественных позах странных существ. То ли от усталости, то ли от страха мне мерещилось, что они шевелятся, становясь то дальше, то ближе, и что в глубине, за переплетением ветвей есть что-то такое, от чего стоило бы держаться подальше.

Граница, вспомнила я. Час перед рассветом.

Время, которое любит их покровитель, не то бог, не то человек, один из потомков которого носится со мной, как с хрустальной вазой.

– И что, никаких спецэффектов? – не без сарказма уточнила я, пытаюсь пошевелить рукой. Было больно, загустевшая кровь неприятно стянула кожу рядом с порезом, и одна мысль о том, что весь путь назад мне снова тащить фонарь, вызывала желание взвыть.

– Могу сотворить для тебя парочку иллюзий, если тебе так хочется. – Кондор поднялся с земли. – Присцилла сказала, что мы должны оставить свечу здесь. А в остальном, да, все. Остается только ждать, явится наш вестник или нет

Он подошел ко мне и протянул руку, здоровую, и я, немного путаясь в собственном подоле, встала, схватившись за нее. Ноги дрожали, как если бы мне пришлось выйти и прочесть стишок перед парой десятков человек: пока ты говоришь, тебе не страшно, но стоит спуститься со сцены вниз, к друзьям, которые тебя ждут, как хочется провалиться сквозь землю. Или ткнуться в кого-то лбом и спрятаться от мира, все внимание которого только что было направлено на тебя.

Именно это я и сделала.

Кондор лишь вздохнул устало и обнял меня – одной рукой.

Наше общее молчание было настолько глубоким, что я слышала все вокруг: как скрипят деревья, как течет вода – рядом у стены бил родник, почему-то так и не замерзший, как слегка потрескивает и шипит свеча. Я повернула голову, чтобы видеть ее: оранжевое пятно в

мире, который, казалось, состоит из темно-синего – а потом закрыла глаза.

– Свечи используют как символ огня, как маяки и как универсальный способ отмерить время, – тихо сказал Кондор. – Когда свеча гаснет, наступает событие, которое должно наступить, потому что тебе это нужно.

– Например, некая девица, спящая в твоей комнате, наконец просыпается и начинает паниковать, – ответила я, не открывая глаз. – И хвататься за канделябры.

– Например, так. – Судя по голосу, Кондор улыбался. – Или это может служить сигналом для чего-то другого. Все, что ты пожелаешь, любой смысл, к которому ты сможешь привязать объект. Просто некоторые смыслы слишком универсальны. – Его пальцы скользнули по моему правому запястью к порезу на ладони. Руку тут же окутало приятное тепло. – А другие нужны только для того, чтобы спрятать самое главное. Поэтому я не люблю сложные ритуалы. Вся их сложность – это лишь дым в зеркалах.

Кондор вздохнул еще раз и чуть отстранился.

– Спасибо, – прошептала я и открыла глаза. Пришлось пару раз моргнуть, прогоняя сонливость. – Теперь мне не придется тащить фонарь в одной руке.

Он только криво улыбнулся в ответ и вдруг насторожился, глядя куда-то поверх моей головы с невероятным удивлением на лице.

Я обернулась, почти инстинктивно схватив его за рукав, и точно так же замерла, не поверив в первый момент, что не смогла услышать шаги, которые должны были раздаваться так близко, и почувствовать присутствие кого-то еще.

Существо, стоящее в полушаге от нас, откинуло с головы легкий капюшон и тонко улыбнулось, не показывая зубов. Его – или её? – остроскулое лицо в сумерках казалось бледным, как снег, и почти человеческим, но эта улыбка, похожая на порез, почему-то превратила его в гротескную маску.

Я успела только моргнуть, а оно уже переместилось к свече и застыло рядом с ней, наклонившись беспечно, как ребенок, такое же маленькое и хрупкое на вид, и протянуло тонкую руку, которую почти до середины кисти закрывал черный узкий рукав, над все таким же ровным пламенем.

– Я рада видеть тебя, сын воздуха и вод, в добром здравии, – раздался звонкий голос.

Кондор крепче прижал меня к себе, обхватив за талию, и через секундное промедление ответил:

– Здравствуй, вестница.

Она тряхнула головой. Мне показалось, что ее темные волосы сливались с тканью, из которой была сделана ее одежда, больше похожая на обернувшие ее тело тени, чем на платья этого мира. Вестница медленно и осторожно провела пальцем по камню там, куда капала наша кровь, и подняла взгляд на нас.

– Вас слышали, – сказала она серьезно и, приложив руку к груди, коротко кивнула. – Дети Бранна назвали нездешнее дитя своей и не позволят никому обидеть ее. А кто посмеет, тот будет наказан по законам волшебства Той и Этой стороны. Изнанка приняла клятву. Я свидетель этому.

Она вытянула руку вперед и щелкнула пальцами.

Свеча погасла.

Фонари – тоже.

Сумерки обрушились на нас, тяжелые, как камень, и, кажется, все звуки мира исчезли где-то в них. Я попыталась пошевелиться, но не смогла.

– А теперь, – вестница, или кем она там была, подошла ближе, – я хочу посмотреть на нее. Это мое право, чародей, и моя обязанность. – Она вдруг оказалась прямо передо мной, лицом к лицу, глаза в глаза. Ее губы слабо шевелились, чуть обнажая ряд острых мелких зубов. – Узнать правду и принести ее своему народу, каждому из своих народов, в воду и под холмы, в лесную чащу, в зимние пустоши и в болотные топи. Иди ко мне, дочь человечья. Иди сюда...

Холодные, как вода, очень тонкие и хрупкие пальцы переплелись с моими. Я почувствовала, как Кондор отпустил меня, позволил сделать шаг вперед, и хотя что-то внутри моей головы рвалось назад, к безопасному и знакомому, я шла вперед, широко открыв глаза и словно лишившись своей воли.

А потом те же хрупкие пальцы коснулись моего подбородка, заставляя поднять голову и посмотреть в темные, глубокие, как зимняя ночь, глаза.

То, что смотрело на меня из них, было очень большим и очень старым. Оно было почти как Хозяин Зимы, и, наверное, было им самим – тоже, а еще кем-то другим, мне еще не знакомым. Человеческая часть меня понимала, что лучше ему таким незнакомым и оставаться. Оно отзывалось на множество имен, которые я не знала и не хотела знать, и сейчас смотрело на меня множеством глаз – через глаза вестницы.

Я теперь знала, кто она и зачем она пришла.

Знала, зачем была нужна свеча.

Знала, почему не замерзает родник, бьющий рядом с каменной стеной.

Знала, что эта стена – это та стена, к которой прикасалась моя рука несколько дней назад, но иная, обратная ее сторона.

Знала, что мы не покидали города, но ушли гораздо дальше.

Знала, почему Присцилла так хотела, чтобы мы оказались здесь.

Знала, что не буду злиться на Кондора, который тоже все это знал, но не сказал мне, что будет вот так.

Что все не так просто, и не закончилось в тот момент, когда моя кровь смешалась с его кровью на камне.

Потому что так не должно было быть, и в первую очередь – не должно было быть меня здесь, в этом мире, под этим небом, на этой земле.

Иначе, впрочем, тоже не могло быть, и каждая из нитей вероятностей, тянущихся сквозь Бездну, звенела, потому что это мгновение, это мое здесь и сейчас, было заложено в самом начале плетения, где-то там, куда мой разум не доставал. И каждое событие, каждый мой неосторожный шаг, каждая нелепая случайность – все это вело меня сюда, потому что здесь эти нити пересекались и расходились дальше, во тьму. Из этой тьмы на меня смотрели с любопытством и злостью, с алчностью и презрением, с интересом и равнодушием – тысячи глаз, а я смотрела в них.

И знала, что во мне есть что-то такое, что делало меня особенной. Важной.

Что было что-то, для чего я была нужна.

Именно поэтому я была здесь.

Именно поэтому случилось мое «сейчас».

Когда вестница поняла, что я все это знаю, она наклонила голову – и поцеловала меня.

– Я не знаю, кто был у Бергрэнзе. Моя власть не распространяется так далеко, чародей, и мой взгляд не видит так зорко, как я бы хотела. Но я узнаю. – Голос вестницы раздавался словно бы из соседней комнаты или через толстое стекло. – Пусть твой слуга явится на третий день на большой перекресток к востоку от города. Я расскажу ему все, что буду знать сама, а дальше сам смотри.

Я шурилась на свет фонаря, который стоял рядом с ее ногами, и пыталась собрать себя воедино.

Мир вокруг плыл и пылал, растекаясь цветными пятнами, но, по крайней мере, я знала, где нахожусь.

Правда, я была не совсем собой.

– Откуда ты знаешь про слугу? – спросил Кондор. Его голос раздался откуда-то над моей головой. – Я только вчера разрешил ему явиться в Галендор.

Оказывается, это он обнимал меня, не давая упасть, и это на его руке я почти висела, цепляясь пальцами за пальто. Так крепко, что костяшки побелели.

– Слухи. Слухи куда быстрее, чем ты думаешь, в Кимри давно знают, что у сына старшего лорда появился новый слуга, – вестница запнулась. – словно мало ему власти, которая и так принадлежит ему по праву рождения. Ты очнулась, человеческое дитя, – ее голос стал ласковее, и тонкая рука протянулась ко мне, чтобы убрать упавшую на лоб прядь.

Я хотела отпрянуть, но было некуда, и я могла только смотреть, широко распахнув глаза.

Голову вестницы снова закрывал капюшон, черный и легкий, надвинутый так низко, что был виден только острый подбородок и тонкие, бледные губы. Стало уже почти светло, и ее бледность бросалась в глаза, кожа выглядела почти прозрачной, и сама фигура, хоть и стояла на расстоянии вытянутой руки от меня, казалось, медленно тает в воздухе. Я попыталась выпрямиться и вывернуться из объятий Кондора. Первое удалось. Второе – нет. Он не разомкнул рук

и не выпустил меня, словно боялся, что я снова уйду, стоит фэйри – я не сомневалась, что это существо, похожее на тонкого подростка в лохмотьях, было фэйри – опять меня позвать.

– Мой час прошел, – сказала она, делая шаг назад и поворачивая голову к востоку.

Ткань капюшона шевельнулась, как тень.

Небо над холмами стало бледно-сиреневым, с тонкими розоватыми перьями облаков. Я видела его слишком четко, будто бы ударили сильные морозы, сделав мир ясным и чистым, а каждую линию, каждый оттенок в нем – четкими. Я видела, как серебрится иней на камнях и деревьях, и как от земли поднимается легкая дымка, похожая на туман. Луны уже исчезли, но на западе, низко, у самого горизонта ярко сияла утренняя звезда.

Стоило мне моргнуть – и я поняла, что мы с Кондором остались одни.

Словно тут и не было никого, кроме нас.

Я вернулась к себе не сразу.

Путь назад сквозь тьму я запомнила обрывками, и, наверное, оно и к лучшему.

Я не хотела бы вспоминать это, потому что темноту вокруг и землю над головой я знала и чувствовала так же четко, как до того – бледно-сиреневое небо и утреннюю звезду. Не представляю, что вестница сделала со мной, но, кажется, к моим органам чувств добавилось еще что-то, и это что-то заставило меня замечать намного больше, чем я всегда замечала.

Я видела линии, по которым свет расходится вокруг своего источника. Я видела что-то внутри кристаллов и в тот момент понимала, что это – то самое плетение, которое заставляет их светиться. Я видела потоки Силы, спрятанные под землей, они напоминали то бледную, чуть сияющую во мраке грибницу, то ручей, текущий сквозь землю и воздух. Я чувствовала каждую песчинку, которая висела надо мной, и от этого мне было очень, очень страшно. Я хотела забиться в угол и лежать там, пока земля пожирает меня. Я хотела, чтобы все это закончилось – как угодно.

Но я шла вперед.

Когда я закрывала глаза, темнота не становилась абсолютной: мне казалось, что в этом единении с собой я не одна, совсем не одна, и то, что посмотрело на меня из глаз вестницы, снова обретает надо мной власть.

И это было куда страшнее, чем видеть свет, Силу и землю.

Все вокруг вдруг обрело какой-то смысл и стало символом и самого себя, и чего-то еще, большего, вмещающего в себя каждый из возможных смыслов.

И фонарь, светящий во тьме, которая никогда не узнает, что такое солнце, потому что солнцу в ней не место.

И рука, за которую я держалась, чтобы не потеряться.

И это мое новое зрение, настолько ясное, что оно было сродни слепоте.

Я что-то спрашивала постоянно, а Кондор отвечал мне, проявляя чудеса терпения и спокойствия. Говорил, что осталось немного – и я смеялась, зная, что он опять врет мне: уж я-то знаю, куда мы идем и как долго еще идти, потому что я могла увидеть все коридоры и галереи этого подземелья. «Оно было куда больше, чем они думали, – говорила я, – и куда древнее, чем представляли. Оно построено на ином фундаменте, и есть в нем лестницы, спускающиеся в никуда».

«Конечно, – отвечал волшебник, – конечно, они есть, любой город возникает на фундаменте города другого, как свежий побег пробивается сквозь останки, труху и гниль, растворенные в почве. А потом его время тоже пройдет, и он превратится в камни и песок, вернется в землю, из которой был создан, и будет так же напоминать о себе скважинами между мирами, сияющей сетью Силы, текущей откуда-то из глубин, и останками древних дорог, стершихся от времени и заросших шиповником и бузиной».

Я говорила, что мне страшно, и время кажется то вязким, как мед, то стремительным, как полет стрижа. «Под землей время вообще стерлось, – говорила я, – и мы можем ходить здесь, не зная, что с той, с нашей стороны прошло уже сто двадцать лет, и города превратились в камни и гниль. Именно так ваши фэйри похищают людей, ведь правда? Человек блуждает во тьме, пока может, и ему кажется, что все его годы – сияющий летний полдень, зелень и золото, лень и тепло. Но это обман, и на самом деле он под землей, в темноте, и вокруг промозглая

полночь, сырая, холодная, кусающая за щиколотки сквозняками. И стоит это понять, как ты окажешься в ней, в этой полуночи, один и выйдешь из нее в сизый рассвет, к руинам и низкому небу, под которым тебя уже никто не ждет».

Кондор лишь крепче держал меня за руку, от этого становилось не так страшно.

Наверное, он держал бы меня за обе руки, если бы не фонарь.

Я не помнила, куда делся второй.

Может быть, его забрали фэйри, и когда его вернут нам, он превратится в ржавый кусок железа, оплетенный плющом, с разбитым кристаллом, в котором поселились пчелы. И нам придется врать лорду Парсивалю о том, что случилось, если леди Присцилла не убьет нас раньше.

«Она знала, – сказала я где-то на границе между подземельем и свободой, – знала, что так может быть, что со мной может что-то случиться, но, боюсь, это не оправдание для потери фонаря».

Лорд Парсиваль забрал фонарь из моей руки, улыбаясь мне, как странному и очень больному ребенку.

И в этот момент время снова стало обычным, а я вернулась к себе.

Они усадили меня в кресло у камина в кабинете лорда Парсиваля, и как только с меня сняли сапоги и пальто, я, ни капли не думая о том, как это может выглядеть со стороны, поджала ноги и попыталась свернуться в кресле и спрятаться. Лорд Парсиваль, правда, не позволил мне этого. Он подошел ближе и, взяв меня за подбородок, заставил выпрямить плечи и задрать голову.

Я не знаю, что он увидел в моих глазах, но, кажется, ему не понравилось.

– Только не говорите мне, что я бедная девочка, – я попыталась натянуто улыбнуться.

И получила хищный оскал в ответ.

– Я дам вам выпить пару зелий, леди Лидделл, – сказал Парсиваль. – А потом отправлю вас спать. После таких приключений...

– О, – протянула я, перебив его, – если вы это сделаете, я вас возненавижу.

Он отступил на шаг, рассматривая меня примерно с таким же выражением лица, что и его сын в нашу первую встречу: словно был не слишком рад, но сохранял доброжелательность усилием воли, пытаюсь придумать, что же со мной делать.

– Хорошо. – Он кивнул. – Если вы чувствуете достаточно сил, то оставайтесь. Вы имеете право знать некоторые вещи. Но кое-что выпить вам все равно придется.

– Только и делаю в этом мире, что пью какие-то подозрительные зелья! – рассмеялась я и тут же ойкнула, потому что рука Кондора легла мне на плечо, и перед носом оказался стакан с водой.

Или не с водой.

– Это вернет тебя в реальность, милая, и немного восстановит. – Кондор проследил за тем, чтобы я взяла стакан в руки, не опрокинув на себя. – Леди Лидделл имеет право не просто знать некоторые вещи, папа, – сказал он уже в сторону Парсиваля. – Она имеет полное право злиться за то, что ей о них никто из нас не рассказал. Неважно, из каких побуждений, даже если из незнания.

Парсиваль, стоящий напротив нас, скрестив руки на груди, сощурился и кивнул.

– Я позову Присциллу, – сказал он и вышел из кабинета.

Я отдала Кондору пустой стакан и снова попыталась свернуться в кресле, прижав колени к груди, чтобы стать меньше. Я не знала, когда зелье начнет действовать и как именно, и пока чувствовала только жуткую слабость, от которой клонило в сон, но заснуть было невозможно – мир вокруг все еще оставался слишком громким и ярким.

Кондор сел на пол перед креслом и взял меня за руку.

– Почему ты не сказал мне, что это будет вот так? – Я повернула голову к нему и насмешливо передразнила: – Бояться нечего, милая, Присцилла знает о рисках, только черта лысого она тебе скажет обо всем, что может тебя ждать. И ты умолчал, хотя я очень просила тебя больше ничего не скрывать от меня.

Я злобно оскалилась, наблюдая, как на его лице появляется отстраненно равнодушное выражение, видимо, говорившее о том, что кое-кому очень сложно признавать за собой некоторые ошибки.

– У меня есть право не только знать о некоторых вещах, – добавила я. – Но и право злиться на вас троих, ты прав. Потому что вы все трое обманули меня, как дурочку, обвели вокруг пальца, скрываясь за добрыми намерениями. Мне так страшно.

Последнюю фразу я выдохнула ему в плечо и разревелась.

Не знаю, почему я позволила Кондору обнять меня, хотя, наверное, стоило бы выпустить шипы и держать и его, и всех остальных на хорошей дистанции. Но мне снова было нужно за что-то зацепиться – и я цеплялась, чувствуя, что хожу по тоненькому льду, под которым скрывается холодная и голодная бездна.

В этом мире мне нужно было кому-то верить.

Особого выбора, кому именно верить, мир мне не предоставлял.

– Я не стану оправдываться, – сказал Кондор тихо. – И ты права, ты имеешь полное право злиться. Но никто не стал бы подвергать тебя риску, если бы мы заранее знали, что все пойдет не так. – Он замер, и я тоже чуть не перестала дышать. – Но да, пожалуй, стоило бы предположить, что в случае с тобой непременно что-то пойдет не так. Тихо. – Его рука ласково легла мне на затылок, когда я попыталась вывернуться из объятий. – Это не обвинение. По крайней мере, это обвинение не в твою сторону, а в мою. Я самонадеянный идиот.

– Как, впрочем, всегда.

Мы отпрянули друг от друга, как школьники, которых застучали под лестницей.

Присцилла, вся в черном, собранная и строгая, идеальная в этом своем утреннем трауре, стояла у двери, сложив на груди руки.

Сколько она уже тут?

– Мой племянник, леди Лидделл, всегда считал, что правила написаны не для него, – сказала Прис. Она подошла к окнам и распахнула шторы. Сумерки за окном почти не побледнели. – И пара жестоких уроков, которые он получил, его ничему не научили. Так что «самонадеянный идиот» – это еще мягко сказано. Но, думаю, ответственность за вас поможет ему исправиться. Как, к примеру, детям иногда идет на пользу забота о щенках и котятках.

Я бросила тревожный взгляд на Кондора.

Маг стоял сбоку от камина с таким лицом, словно ему было все равно. Или он очень старался ничего не говорить в ответ, понимая, что нарвется на еще одну колкость.

Мы оба вздрогнули, когда открылась дверь, впуская горничную с подносом в руках. Она оставила поднос на краю письменного стола и исчезла, стоило Присцилле коротко кивнуть.

– Я так понимаю, все пошло по самому плохому сценарию, Юлиан?

Присцилла подошла к столу и лениво налила чай в две чашки, одну из которых отдала мне, а со второй осторожно и как-то почти царственно села в кресло рядом.

Кондор словно бы очнулся и бросил на свою тетю короткий и не очень добрый взгляд.

– Я сделал все так, как ты сказала, и да, вестница решила явиться лично. – Он старательно избегал смотреть на меня. – По крайней мере, мы знаем, что ритуал совершен по всем правилам, и Изнанка приняла его.

Присцилла самодовольно ухмыльнулась:

– А еще мы знаем, что леди Лидделл, кажется, куда интереснее, чем ты думал. Чай сам себе нальешь, не маленький.

К моей радости она замолчала.

Я заглянула в свою чашку и стала способна лишь рассматривать чаинки, плавающие на ее дне. В их движении я видела странные закономерности. Мне казалось, что полчаса назад я могла бы их объяснить, но сейчас лишь знала, что они есть, а остальное уже не было мне доступно.

Возможно, зелье начало действовать, и мир постепенно тускнел, возвращаясь к своему обычному состоянию.

Возможно, зелье действовало не так.

От Присциллы это, впрочем, не ускользнуло.

– О, – с пониманием сказала она. – Все еще хуже. Как ощущения, милая?

Я с трудом подняла взгляд на нее.

– Очень странные, леди Присцилла, – сказала я, заставив себя сохранять вежливость.

– Мир стал невероятно ярким, ведь так? – Ее губы растянулись в тонкой улыбке. – И связи в нем – четче и яснее.

Я удивленно распахнула глаза, уставилась на нее, удивляясь тому, откуда она знает, и леди дель Эйве с пониманием дела кивнула и вздохнула – почти сочувственно:

– Скоро пройдет, дорогая. Вернетесь в эту серую обыденность – и все будет, как прежде.

Я зажмурилась, пытаюсь прогнать наваждение, и когда открыла глаза, то поняла, что время снова сыграло со мной злую шутку, и несколько минут вдруг куда-то испарились.

Лорд Парсиваль успел вернуться в кабинет и снова оказался рядом со мной, в паре шагов. Он смотрел на меня пристально, наклонив голову набок, и мне от его взгляда хотелось стечь на пол и оказаться где-нибудь под паркетом. Присцилла сидела с прямой спиной и невозмутимым лицом, держа чашку в руках.

– Так что вестница? – Парсиваль подошел еще ближе и достаточно бесцеремонно взял меня за руку, крепко обхватив пальцами запястье, словно пытался нащупать пульс. – Сказала что-то полезное?

– Вела со мной светские беседы и была очень рада видеть меня в добром здравии, – хмуро отозвался Кондор.

Он успел найти где-то стул и сидел на нем верхом, сложив руки на спинке.

– Как мило, – фыркнула Присцилла.

Парсиваль покосился в ее сторону с явным неодобрением и ласково сжал мою ладонь.

– Транс – не очень приятная штука, леди Лидделл, – сказал он с теплой улыбкой. – Особенно в первый раз и для неподготовленного практика. Если реальность снова поплывет, дышите глубже и постарайтесь не закрывать глаза. – Он протянул мне мою чашку, которая почему-то оказалась на каминной полке, и вернулся в свое кресло. – Значит, все прошло гладко, за исключением того, что проклятушие фэйри решили закончить начатое, и мы получили полностью инициированного мага.

– Что они со мной сделали? – прошептала я. – Или, может, мне лучше спросить, что вы со мной сделали?

Присцилла сделала вид, что ее очень интересует кружево на юбке.

Парсиваль вздохнул:

– Не знаю, успел ли Юлиан объяснить вам это, но вестники не появляются просто так. Это большая, хм, честь, почти как личное приглашение выпить кофе с монаршей особой. – Он снова улыбнулся, показывая, что намек мне не почудился. – Только вот монаршим особам из мира фэйри нет особых дел до нашего мира, и вместо них

сюда являются их верные вассалы и гонцы. Вестники. Они заключают важные сделки с людьми, принимают клятвы, иногда – наблюдают за ритуалами вроде того, в котором участвовали вы. И еще забирают с собой тех, кого призывают их владыки во имя долга или по собственной прихоти, но, надеюсь, вас это никогда не коснется.

– Как поверенные?

Я медленно повернула голову сначала в одну сторону, потом в другую, но мир оставался на месте.

Фух.

– Вроде того, – мягко согласился Парсиваль, с легкой усмешкой наблюдая за тем, как осторожно я подношу чашку ко рту. – И в вашем случае вестница решила, что пора бы довести начатое Хозяином Зимы до конца. Она инициировала вас.

Чай, увы, уже остыл.

– И вы мне ничего не сказали.

Парсиваль развел руками и посмотрел сначала на сына, а потом на сестру.

Я тоже задумчиво посмотрела на них.

Там, в низине, рядом с невзрачным плоским камнем Кондор волновался.

Он, кажется, не собирался мне лгать. Но, по уже сложившемуся неприятному обыкновению, не договорил – из благих побуждений.

– Учитывая, что у нас такое леди Лидделл, как выяснилось, ничего удивительного. – Присцилла встала, чтобы налить себе еще чая. – Не знаю, милый, как ты раньше не сложил два и два. Ждал, пока придет фэйри и скажет об этом прямо?

Кондор поднял взгляд к потолку и совершенно точно был готов сорваться, но все еще держался. На его месте я бы уже давно швырнула чем-нибудь об пол и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Парсиваль нахмурился.

– И что я такое? – не без дерзости спросила я, наклоня голову к плечу.

Ну, давайте, леди Присцилла, скажите это вслух.

Я-то уже знаю... Или знала?

Несколько минут назад я знала все о себе.

Присцилла довольно сощурилась и поднесла чашку к губам, не отходя от стола.

– Вы – маленький источник силы. – Выждав драматическую паузу, она улыбнулась. – Как драгоценный камень в кольце, способный накапливать в себе энергию Потока, только лучше. У камня нет разума и свободной воли, а вы, как я понимаю, уже однажды очень помогли моему племяннику, когда он, как настоящий самонадеянный идиот, вычерпал себя до дна.

Присцилла вздернула подбородок, обводя нас всех торжествующим взглядом, и у меня в голове что-то щелкнуло.

Ахо говорил тогда в Замке про источник, но в тот момент я не поняла, к чему это относилось, и совершенно не придавала его словам значения – были совсем другие заботы.

И там, у алтаря, пока вестница смотрела мне в глаза, я знала, что я такое, но сейчас это знание отступило куда-то в тень – я только помнила, что это делало меня очень, очень важной.

А мир вокруг меня – очень, очень опасным, если я не научусь...
Чему?

– И что мне теперь с собой делать? – сказала я не менее дерзко, хотя рука, сжимающая тонкую полоску фарфора, дрожала.

– Ничего. Продолжать то, что ты делала, – глухо сказал Кондор. Присцилла равнодушно пожала плечами, не спеша опровергать его слова. – Просто придется учитывать эту особенность, пока тебя будут учить контролю над силой.

– И помалкивать. – Присцилла изобразила пальцами жест, словно запирала рот на ключ. – А то, знаете ли, леди Лидделл, в случае чего вы заинтересуете не только Изнанку. А люди обычно куда более жадные, чем фэйри.

– Не запугивай девочку, – сказал Парсиваль, не отрывая от меня тяжелого и пристального взгляда.

– Я лишь не множу ее иллюзии, – огрызнулась Присцилла, возвращаясь в кресло рядом со мной. – Пока она не умеет управлять потоком, боюсь, вытянуть из нее резерв проще, чем отобрать у ребенка конфету. Достаточно заставить испытать сильные эмоции. Юные девушки, Парсиваль, склонны испытывать сильные эмоции по поводу и без повода и делать всякие глупости. – Она спрятала за чашкой очень хитрую улыбку. – Даже невинные поцелуи, говорят, в таких случаях хорошо срабатывают.

Я почувствовала, что краснею.

Кондор с неподдельным интересом рассматривал огонь в камине и, кажется, давно все знал. Или догадывался.

Нет, точно знал.

– Не так сложно понять, милая. – Присцилла все с той же улыбкой повернулась ко мне. – Зная, что вы ничего не умеете...

Я закатила глаза, ни капли не думая, как она это воспримет.

– Но еще проще было поймать вашего кота-фэйри за хвост и выпытать из него все подробности, – Прис снова торжествующе улыбнулась.

Парсиваль демонстративно откашлялся, словно пытался намекнуть сестре, что ее унесло не в ту степь. Кажется, он хотел что-то добавить, но Кондор коротко махнул ему рукой и холодно сказал:

– Если вы закончили, пожалуй, стоит отправить Мари отдохнуть. После транса и всего остального, думаю, заставлять ее нервничать – не лучшая идея.

– О, конечно, – с подчеркнутым сочувствием протянула Присцилла и ласково погладила меня по руке. Я напряглась. – Надеюсь увидеть вас за обедом, милая.

Ага, в качестве главного блюда.

Я натянуто улыбнулась ей.

– Я вернусь, – сказал Кондор, придерживая дверь, чтобы я вышла, сжимая в руках пальто и сапоги.

Скорее, вылетела, потому что очень хотела оказаться подальше от Присциллы. И от ее намеков.

– Уж будь так добр... – донеслось вслед.

– Прис!

Я не услышала, что она ответила Парсивалу: Кондор закрыл дверь и, прислонившись в ней спиной, посмотрел на меня – задрал голову, чуть свысока, из-под ресниц.

– Что? – смутилась я, пытаюсь натянуть сапог. Пальцы еще плохо меня слушались. – Доставляю слишком много проблем одним своим существованием?

Маг перевел взгляд на потолок, словно бы искал поддержки у кого-то из своих богов. Боги молчали.

– Ну, прости, знаю два способа привести взрослого мужика в чувство, но бить тебя по лицу мне не хотелось, – все еще краснея, буркнула я.

– Я не выпускница школы для благородных девиц, милая, чтобы придавать таким вещам особое значение, – оскалился он. – Ты, как я заметил, тоже не оранжерейный цветочек, так что не обращай на Присциллу внимания.

Кондор забрал у меня пальто и приобнял за плечи, увлекая дальше по коридору.

– Она злится, что ошиблась, – добавил он тише, – что не удержала контроль, что все это заметили. Что подвергла тебя большим рискам, чем думала. Поэтому кусается – больно, как ей кажется, но безвредно. Могла бы больнее, если бы хотела действительно обидеть и оскорбить.

– Не сомневаюсь, – ответила я. – Я не знаю, как ты это выдерживаешь.

Он усмехнулся:

– Терпеливо и милосердно, старательно извлекая из этого пользу для самого себя. Как ты?

Вопрос был для меня настолько неожиданным, что я не сразу поняла, к чему это, и удивленно подняла взгляд на Кондора.

– В смысле, как я себя чувствую? – уточнила я. – Как если бы всю ночь смотрела кошмары.

Я сжала ладонь в кулак, чувствуя, как пальцы дрожат и гнутся с трудом.

Кондор кивнул, давая знак, что понял, и утянул меня в большое зеркало, обнаружившееся в одной из комнат.

Очень кстати, потому что, боюсь, прогулки через весь дом я бы не выдержала.

– Если ты продолжишь запирается в четырех стенах, милая, то рано или поздно превратишься в пугливую зануду. – Ренар протянул мне руку, помогая перебраться через ручей, сбегаящий со склона холма. – И раз уж теперь я здесь, тебе придется выползть из своей норы в большой мир. Ничего важного, поверь мне, не упустишь.

Он шел чуть впереди легко и беспечно, очень уверенный в себе и своей цели, будто бы еще вчера не мялся и не отмалчивался в присутствии двух леди, разглядывающих его, как приبلудного и очень

опасного с виду пса, которого их племянник зачем-то притащил в дом и позволил лежать на диване в гостиной.

Надо сказать, в гостиной Ренар действительно смотрелся странно, как что-то чуждое ей, пришлое и слишком яркое. А тут, среди блеклых пустошей, покрытых тонким слоем снега, среди мрачных валунов и печальных деревьев, он словно ожил и перестал прятаться.

– И я тоже очень рада, что ты здесь, – сказала я. – По крайней мере, мне есть с кем поговорить, не следя за языком.

Ренар понимающе ухмыльнулся и похлопал меня по плечу.

За три дня, которые я провела в доме дель Эйве, я поняла, что такое тоска.

Лорд Парсиваль почти все время был занят, а в те моменты, когда мы сталкивались, уделял мне внимания не больше, чем Корвину, который завел привычку всегда маячить там, где я оказывалась. Единственный раз, когда наше общение продолжалось дольше десяти минут, случился вчера в Академии: Кондор снова притащил меня в кабинет к отцу, и снова затем, чтобы я читала и подписывала документы. После этого мой патрон поставил на стол между нами небольшой футляр, в котором оказалась сережка – небольшое серебряное кольцо с узором и ярко-зеленым камнем.

– Господин Раферти просил передавать свои лучшие пожелания. – Парсиваль сощурился, явно ожидая от меня какой-то реакции. – И очень надеется на вашу скорую встречу. Я обещал ему, что вы подумаете.

Я кивнула.

Парсиваль сделал мне знак встать и, подойдя ближе, вдел сережку мне в ухо – в правое, чуть выше мочки – и отечески поцеловал меня в лоб.

– Добро пожаловать в семью, леди Лидделл, – сказал он, пожимая мне руку.

Его кожа была теплой, но во взгляде мне чудился лед. Не то чтобы это было похоже на неприязнь, скорее – на вежливое равнодушие, которое не спешило перейти в подобие участия. Разве что – сочувствия к бедной потерянной девочке. Я отлично помнила, почему лорд Парсиваль сделал это для меня: потому что он делал это не для меня. Но я не могла не быть благодарной.

– А сережка и правда красивая, – сказал Ренар, выдергивая меня из рефлексии. – Похожа на тебя.

Я дотронулась до украшения, проверяя, на месте ли, хотя отлично помнила, что из-за чар не смогу его потерять.

– Да, мне тоже нравится.

В отличие от Парсиваля, Присцилла проводила в доме почти все время.

Я ждала, когда же в Гнездо вдруг заявится кто-то вроде соседок, ну, из тех, кого благородные скучающие леди принимают с обеда до вечернего чая, или когда там полагается, но нет. Кажется, визит Шамаса в тот раз был исключением из правил: то ли дель Эйве не подпускали никого к себе, то ли никто не горел желанием к ним приближаться. Присцилла читала книги, кажется, занималась какими-то исследованиями и частенько прерывалась на то, чтобы обратить внимание на меня.

В первый раз это случилось, когда я зашла в библиотеку, где она расположилась с письмами. Рядом почему-то стояла зажженная свеча. Я попыталась извиниться и сбежать, но Присцилла, не отвлекаясь от бумаги, кивнула мне:

– Проходите, Мари, не стесняйтесь. Я не съем вас, если вы повернетесь ко мне спиной.

Пришлось действительно пройти вперед и сделать вид, что я пытаюсь что-то найти. На самом деле, я хотела вернуться к сказкам и порыться на полке, на которой они стояли, ну и просто поизучать надписи на корешках. Лишь бы чем-то занять себя, раз уж Кондор с самого утра куда-то исчез, не оставив мне никаких инструкций, кроме «отдыхай и постарайся не нервничать». Это был второй день после ритуала, но не нервничать сейчас никак не удавалось: мне казалось, что Присцилла неотрывно смотрит мне в спину, насмешливо ухмыляется и ждет, что же я буду делать, чтобы язвительно прокомментировать любой мой выбор.

– Вы уже прочитали труд леди Бланки? – поинтересовалась она, не заботясь о том, что я стою к ней спиной.

Я едва не выронила «Истории», которые успела достать с полки.

– Нет, леди Присцилла, – ответила я, не оборачиваясь – на полке обнаружился еще обзор мифологии Северной Англии, и я потянулась к нему. – Хотя вчера я проспала почти весь день и ночью не могла

заснуть, так что пришлось вернуться к бедняжке Франческе. Оказалось, это неплохое снотворное.

Я обернулась – и столкнулась с прямым взглядом.

– Сотни девушек в королевстве поспешат с вами не согласиться. – Присцилла выпрямилась и отложила в сторону перо. – Благодаря леди Бланке в моде болезненная бледность и синяки под глазами. Вы почти близки к идеалу, Мари, поздравляю, хотя, конечно, достигли его иными методами.

Она улыбнулась, приподняв один уголок губ.

– Но я уже дошла до главного героя, – сказала я, покрепче прижимая к груди найденные книги, которые решила утащить к себе в комнату, чтобы больше так не рисковать.

– И как вам? – Она подалась вперед и жестом указала мне на кресло напротив. – Присаживайтесь. Поговорим, раз уж мы теперь связаны узами, которые крепче некоторых человеческих уз.

Я села, радуясь, что между нами почти метр стола.

– Кажется, я начала сочувствовать антагонисту, – призналась я. Прис наклонила голову набок, показывая, что слушает меня внимательно. – Ну, в смысле, его действия кажутся мне куда более логичными и взвешенными. Хотя на его месте я бы не стала так поддаваться некоторым эмоциям.

– Ну что вы! – Присцилла рассмеялась. – Он не мог не захотеть заполучить Франческу. А ее смелый рыцарь не мог не ринуться спасать ее от ужасной участи.

– Он же увидел ее второй раз в жизни, – я пожалала плечами.

– Истинной любви чужды условности. – Присцилла фыркнула и, проверив, высохли ли чернила, сложила лист бумаги вчетверо. – Как вы себя чувствуете?

– Лучше, – коротко ответила я.

Она кивнула, не отрываясь от своего занятия: письмо было упаковано в конверт, на конверте появился адрес, написанный ровно и четко. Никаких тебе острых летящих букв, никакой торопливости.

– Юлиан говорил, что найдет вам наставницу. Он уже сделал это?

– Нет.

Я почувствовала, как холодок нехорошего предчувствия ползет по позвоночнику.

А ты что думала, она будет с тобой книжки обсуждать?

– Ему стоит поторопиться. – Присцилла поднесла палочку из сургуча к свече и дождалась, пока он растает. – Ваша Сила не будет ждать, пока вам станет удобно, поэтому, если Парсиваль разрешит мне, я объясню некоторые вещи.

– А почему не вы? – спросила я, глядя, как она капает сургуч на конверт и ставит печать – кольцо с печатью висело у нее на шее на цепочке. – Я имею в виду...

– Почему Юлиан не попросит меня, я поняла, милая, не стоит повторять дважды. У меня есть причины. – Голос Присциллы стал холоднее. – Я не смогу научить вас обращаться с Силой. Но раз уж мне все равно заниматься с вами этикетом и чистописанием в ближайшие дни, думаю, будет не лишним рассказать и то, что наши дети знают о магии еще до того, как учатся читать.

– Но... – я попыталась сказать ей, что Кондор уже пообещал мне примерно то же самое.

– Если вы надеетесь, что Юлиан найдет пару часов, чтобы порисовать для вас теоретические модели, – Присцилла снова криво улыбалась и смотрела на меня глазами злой хищной птицы, – то спешу вас заверить, что в ближайшие пару дней он этого не сделает. У него есть дела куда более важные, так что, милая, жду вас здесь после обеда. Можете пока читать сказки.

Сказала она это без пренебрежения, но так, что я почувствовала себя полной дурой, в которой заранее разочарованы.

– Значит, леди Присцилла снизошла? – Ренар остановился, чтобы дожждаться, пока я налюбуюсь видом, открывающимся с холма.

– Леди Присцилла решила направить весь педагогический энтузиазм на новую жертву, – усмехнулась я. – Я не жалуясь, но, мне кажется, она могла бы быть менее придирчивой к мелочам.

– Она придает значение вещам, которые ты не замечаешь. Ты мыслишь иначе. – Ренар пожал плечами. – В твоём мире многое куда проще, чем здесь. Вряд ли тебе приходилось думать о том, не нарушает ли твоя дружба с кем-то одно из странных правил, придуманных обществом. – Он достал из внутреннего кармана пальто трубку и табак. – Что тебе можно, а что нельзя делать, не потому что это кажется тебе плохим, а потому что вызовет слухи, которые поставят под удар честь твоей семьи. Я тоже, в общем-то, свободен от

этих условностей, а вот ты теперь – нет. – Он с сомнением посмотрел на свою руку. – У тебя зажигалка с собой?

Я удивленно моргнула и сунула руку в карман пальто. Зажигалка была с собой – я начала таскать ее, как талисман, после того, как разобрала свои вещи.

Слишком уж в точку стала строка про долину смертной тени.

Как сказал Кондор, пока сидел у меня в комнате, потому что я попросила его не уходить, пока я не успокоюсь, транс – это та самая эйфория, которую описывал автор «Ars Magica». Реакция сознания на то, что тебе открывается новый мир и новые связи в этом мире. Способ не тронуться умом от того, насколько ярким и четким становится этот мир. Это происходит не всегда – лишь в тех случаях, когда случается что-то из ряда вон. Трагедия. Сильное потрясение. Опасность. Отчаянная влюбленность. Первый секс. Религиозный восторг, на чем строились многочисленные ритуалы инициации, создающие у неопита нужное эмоциональное состояние, в том числе – с помощью наркотиков. Встреча с фэйри – то, что случилось со мной.

– Для кого-то это проходит почти незаметно. – Кондор листал мой учебник по истории. Он сидел в кресле у камина, заложив ногу на ногу, и, кажется, чувствовал себя абсолютно комфортно. – Просто странное воодушевление – и все. У тебя, как видишь, легко не получилось. Слишком резкий переход и слишком высокий уровень Силы. Ну и фэйри, милая, не сильно заботятся о том, чтобы их дары приносили людям только удобства. Я очень сожалею, что так вышло.

– А у тебя?

– М?

Он поднял взгляд, обернувшись в мою сторону.

– Как у тебя это случилось?

Я приподнялась на локтях, натянув на плечи сползший плед – меня знобило, поэтому я куталась в него, полулежа на кровати от слабости.

Кондор задумался, то ли вспоминая, то ли не слишком желая делиться со мной такими воспоминаниями.

– Я был слишком маленьким, – наконец, сказал он. – Мир, состоящий из разноцветных искорок, это одно из моих первых воспоминаний, но я смутно помню, что именно тогда видел и чувствовал. Детское сознание гибче. – Кондор лениво перевернул

страницу, усмехаясь чему-то, что было мне недоступно. На меня он уже не смотрел. – Если тебе интересно, я случайно разбил одну вещь, которая была дорога моей матери, и мне очень хотелось, чтобы осколки поднялись и собрались воедино.

– Получилось? – спросила я, понимая, что, кажется, нарушила границу.

– Вполне. – Волшебник захлопнул книгу и пристально посмотрел на меня. – Но с тех пор я терпеть не могу битое стекло.

Почему-то в тот момент я ощутила неприятный холодок, щекотно спустившийся вдоль по шее и застывший между лопаток, словно этот прямой и не слишком добрый взгляд Кондора был способом намекнуть мне, что я полезла на запретную территорию.

Для Ренара моя зажигалка, кажется, была забавной экзотической игрушкой.

– Спасибо, золотце. – Он щелкнул крышкой, прикуривая от все такого же ярко-синего огонька, и вернул зажигалку мне. – На чем мы остановились? Ах, да! – Он с наслаждением вдохнул пахнувший вишней дым. – Условности. Все общество, в которое ты теперь попала, состоит из условностей, определяющих его сущность. И хотя птичья семейка отлично умеет обходить все правила, исполнение которых от них требуют, ты, прости, пока не знаешь эти правила достаточно хорошо, чтобы нарушать их, как это делает Кондор. Он знает, зачем он это делает. – Ренар поправил на мне шарф. – А Присцилла знает, какую цену за это можно заплатить, если ошибиться.

– Пока ее помощь заключается в том, что я учусь быть терпеливее и милосерднее.

Я протянула руку, ловя снежинку. Одну из первых в начавшемся снегопаде.

– Ну... – Ренар протянул мне трубку, предлагая нарушить одно из правил, пока Присцилла не видит. – Уже неплохо.

Эпилог: Играть с чудовищами

– Чудесно! – Алиса Лидделл захлопала в ладоши. – Партия в крокет! С королевой! Можно идти? Было бы невежливо опоздать.

Анджей Сапковский, «Золотой полдень»

Если быть абсолютно честной, то при моей первой встрече с Даром я нарушила добрую половину правил, которые были установлены для тех случаев, когда кто-то вроде меня сталкивался с монаршей особой. Будь у меня возможность, наверное, я бы и вторую половину этих самых правил легко нарушила, но обстоятельства тогда не позволили.

А теперь я знала их все – назубок, так, что разбуди меня ночью – отвечу в любой последовательности.

Присцилла заставила меня зазубрить их, а Лин – повторить дважды, пока одна из девушек госпожи Фонс-Флорал втыкала булавки в ткань, которая должна была стать моим платьем.

Самым неудобным и отвратительно красивым платьем, которое я надевала.

Оно невероятно шелестело, стоило мне чуть сдвинуться, в нем было почти невозможно дышать, сложно – сидеть, потому что корсаж не позволял расслабленно опустить плечи, а еще оно превращало мои глаза в почти изумрудную зелень и делало бледную кожу еще более бледной. Мне в нем хотелось прикрыться и спрятаться от чужих взглядов, которые и без того постоянно за меня цеплялись, но увы – идти на встречу с принцем Феликсом в джинсах мне никто не разрешил, поэтому я сидела смиренно, стараясь не шелестеть и не дышать, и разглядывала узор инкрустации на столике, потому что разглядывать самого принца мне тоже запрещал этикет.

Я видела его ногу, которой он лениво качал, полулежа в кресле, видела узкую стопу в щегольском ботинке из светло-коричневой кожи. Видела полы лазурно-синего пиджака.

То, как тонкая рука убирает с лица выбившийся локон цвета бледного золота.

Цепочку от часов, спрятавшихся в кармане жилета.

Золотую брошь-пчелу, сидящую на узле шейного платка.

Два массивных кольца на правой руке.

– Да поднимите вы уже взгляд, леди Лидделл, ни мне, ни вам не интересны эти расшаркивания, – сказал Феликс, устало вздохнув.

Через пять минут нашего знакомства, за которые я сказала, дай Многолика, десяток слов – потому что, согласно этикету, не могла не отвечать на прямо заданные мне вопросы.

Феликс бросил взгляд на одного из двух лакеев, стоящего где-то у дверей, и указал рукой в сторону окна.

– После пыльной зимы Аглавера мне постоянно не хватает морозного воздуха, леди Лидделл, – пояснил он с улыбкой счастливого ребенка. – Я открываю все окна и часто выхожу в сад, не могу насыщаться им. Если вы замерзнете, только скажите.

Улыбка стала еще светлее, и я поняла, что передо мной – самый красивый человек, которого я видела.

Они с Даром были очень похожи, но Феликс выглядел младше, тоньше и, пожалуй, добрее. Он казался одним из тех прекрасных принцев, живущих на картинках в книгах сказок, где они спасают дев из башен, стоящих в темном лесу, и расколдовывают принцесс, превращенных в жаб.

Камень в моем кольце не изменил цвет, когда я взяла протянутый мне бокал с чем-то, похожим на смесь вина и фруктового сока.

И льда.

Кажется, под тонкой тканью моя кожа начала покрываться мурашками.

– Простите, ваше высочество, – тихо сказала я, – но мой патрон запретил мне употреблять спиртное. Если можно, я бы предпочла обычную воду.

– Как скажете, леди Лидделл. – Феликс ни капли не изменился в лице, только сделал еще один знак слугам. – Или вы теперь носите фамилию своего покровителя и мне следует обращаться к вам иначе?

– О нет, ваше высочество, мое имя осталось моим, – я покорно опустила ресницы.

– Ничего не понимаю в магии, если честно. – Он заложил руки за голову. – И в правилах, которых придерживаются маги, тоже. И, признаюсь, ваше появление для меня стало большим сюрпризом. Забавный подарок на Поворот. – Феликс ухмыльнулся. – Я извелся в

Аглавере, потому что господин Форжо поддразнивал мое любопытство своими письмами, называя вас изящной лесной феей. Искренне жалею, что наша встреча не состоялась раньше... Вы же знаете, почему я уезжал?

Я покачала головой, забирая у слуги бокал – точно такой же, как оставленный мною на столе, тонкий, с высокой ножкой и узором хрустальных граней. Только в этом была вода.

Камень на кольце снова не поменял цвет.

Вода оказалась неприятной, словно затхлой, и я лишь сделала вид, что пью.

– Аглавер, как говорит мой брат, похож на бревно, в котором свили гнездо осы. – Феликс запрокинул голову, глядя в потолок, на лепнину в виде виноградной лозы. – Они не трогают, если их не тревожить, но иногда ты забываешь, что они есть, или не замечаешь их и садишься на то самое бревно – и все. Осы злятся. Жужжат и обещают укусить. – Он выпрямился, наклонил голову набок, почти прижав ее к плечу, и уставился на меня. Уже без улыбки. Глаза у него были светлыми и яркими, серо-голубыми, как зимняя река. – В Аглавере за последние лет так пятнадцать сменилось несколько правителей. Говорят, их трон не хочет никого признавать, а нам, как заинтересованной стороне, хотелось бы видеть на нем если не истинного короля, то хотя бы фигуру, которая устроила бы нас... как политик и партнер. Тот, кто сможет утихомирить разбушевавшихся ос, в которых превращаются аглаверцы, когда им что-то не нравится. Но это все не та тема, которая может заинтересовать очаровательную леди. – Улыбка снова вернулась на его губы – немного капризные, как мне показалось, пока он не улыбался. – Чем вы хотели бы заниматься, леди Лидделл? Кроме уроков магии.

– Откуда вы...

– О, я знаю о вас чуть больше, чем, наверное, вам кажется. – Он положил руки на подлокотники, погладив деревянные завитки. – Но, конечно, далеко не все. Итак?

Феликс выжидающе посмотрел на меня.

Я пожалала плечами, что, конечно, тоже было где-то за пределами этикета, но я решила, что немного естественности не помешает.

В конце концов, я была не отсюда, и мне могли простить некие странности в поведении. А проверить, насколько далеко я могу зайти,

тоже будет не лишним.

– Я не знаю, ваше высочество, – призналась я. – Если вы хотите честности, я бы предпочла и дальше сидеть в библиотеке и зарисовывать эскизы с гербария. Или быть чьим-то ассистентом. Или...

– То есть вам не интересна светская жизнь, я правильно понимаю, леди Лидделл?

– В определенной степени – интересна, но я не хочу играть в ней какую-то значимую роль, – сказала я и добавила: – Ваше высочество.

Его новая улыбка стала действительно капризной, и я подумала, что Феликс, кажется, как непослушное дитя не может долго усидеть на месте в одной позе.

– Как жаль, леди Лиддел, как жаль. – Он покачал головой. – У меня не то чтобы были на вас большие планы, потому, как вы знаете, мы не ждали кого-то вроде вас в это время. Но вы разобьете мне сердце, если решите стать затворницей. Ваш патрон, думаю, тоже этого не одобрит.

– Лорд Парсиваль в полной мере осознает, что у меня есть определенный долг и перед короной, и перед храмом Дюжины. – Я снова скромно опустила ресницы. – Более того, он настаивает на исполнении этого долга.

Я отдала бокал, все еще полный, слуге и поежилась: мне становилось холодно. Феликс, кажется, то ли действительно не чувствовал сквозняка, то ли делал вид, что ему нормально.

– У меня есть одна идея, которая может вам понравиться.

Феликс позвал лакея, второго, все это время стоящего у бюро, на котором лежали книги и стопка бумаги. Лакей протянул ему поднос, на котором лежало письмо. Я чуть не закатила глаза, потому что в моем понимании вся эта возня вокруг простых действий была невероятно утомительна.

– Ручная птица моего брата считает, что нам следует внимательнее отнестись к вдове моего второго брата. – Феликс вытащил из конверта письмо и какой-то кусок картона, сложенный вдвое, как открытка. – Вы, наверное, знаете: у нас был старший брат Фредерик, но, к сожалению, его беспечность на охоте привела к трагедии. У него осталась вдова. Женщины мстительны, леди Лидделл. – Он с улыбкой ангела протянул мне письмо и открытку. – А женщина,

дважды потерявшая возможность стать королевой, мстительна вдвойне. Герцогиня Альбская не родила моему покойному брату сыновей. – Феликс с деланным сожалением покачал головой. – Только трех дочерей, с которыми мы не могли общаться, потому что их матушка отлично использовала свой траур как препятствие к любым светским контактам, а свое право опекуна – как возможность отнять у нас наших племянниц и внучек – у нашего отца.

– И вы, как любящий дядюшка, крайне обеспокоены их дальнейшей судьбой? – спросила я, разглядывая портрет очень похожей на Феликса и Дара девушки, почти девочки, немного печальной и очень скромно одетой.

Ну, для принцессы.

– Как любящий дядюшка я обязан проследить, чтобы моя племянница Амелия не вышла замуж за какого-нибудь отвратительного ангрйского дворянина старше ее на жизнь. Поверьте, мы можем выдать ее замуж с куда большей выгодой для всех нас, включая ее мать. – Феликс оскалился, разом растеряв свое очарование, слишком уж явно проступили на его лице хищные черты. – А вы, леди Лидделл, можете стать неплохой фрейлиной для юной принцессы. Она такая же затворница, как вы, и такая же тихая. На вид. В том, что вы умеете быть дерзкой, я не сомневаюсь.

– А две остальные? – снова спросила я, разглядывая Амелию, и опять спохватилась: – Две другие принцессы, ваше высочество? Что с ними?

– Они младше нее и пока не так интересны короне, – честно ответил он, одергивая рукава. – В письме – короткое описание нынешнего положения дел от нашего человека в Альбе. Надеюсь, вы достаточно хорошо знаете наш язык, чтобы читать письма, леди Лидделл? Если нет, я перескажу его вам. Вы не замерзли, кстати?

В голосе Феликса слышалась насмешка.

– Ну что вы, ваше высочество. – Я улыбнулась в ответ. – Разве что самую малость.

Он усмехнулся и сделал лакею знак закрыть окно.

Октябрь 2015 – июль 2020, Санкт-Петербург